

84/2 Рос-Блан-д-Мер)
K59

Виктор Козлов

М

ЕГИОНЦЫ •

ЭТО МЫ

- очерки
- эссе
- СТИХИ

Листок срока возврата книг

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ**
указанного здесь срока

--	--

84 (2 Рос = 6 Кан = 2 Мер)
К 58

Виктор Козлов

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СИБИРЬ»

Мегионцы — это мы

Очерки, эссе, стихи

Книга вторая

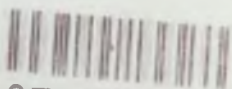
Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим. И у нас иной потомок Рюрика более дорожит звездой двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, т.е. историей отечества.

А.С.Пушкин. Опровержение на критики

Кз. 2
+ 1 1
72 1
74 1
76 1
745 1
70 1

МБУ «Централизованная
библиотечная система»
Инв № 75255/1-(1)

Средне-Уральское
книжное издательство. Новое время
Екатеринбург
2000

075255001
Мегион ЦБ-КО

ISBN 5-7410-0162-2

ББК 63.3(2)
К 59

ISBN 5-7450-0466-5

© Козлов В.Н., 2000

Дорогие Мегионцы!

В конце второго тысячелетия наш город отмечает свое двадцатилетие. Начав активное развитие в середине 80-х годов, сегодня он превратился в настоящего красавца с высокими жилыми домами, современными административными зданиями, полной инфраструктурой сложного городского хозяйства. И за всем этим благополучием стоит огромная работа, труд многих людей, имя которым — Мегионцы. Именно о них продолжает рассказывать во второй своей книге «Мегионцы — это мы» Виктор Козлов. Героями его произведений стали люди самых различных профессий — геологи и нефтяники, водители и связисты, учителя и врачи, работники культуры и жилищно-коммунального хозяйства. Это рассказы о тех, кто приехал осваивать север. Приехал на год, а остался на всю жизнь. Читая рукопись, я вновь вспоминал, как начинался наш славный город. Как был он небольшим поселком в суровом краю тайги и болот. Как появлялись у нас первые двухэтажные дома, именуемые теперь небрежно «деревяшками». Как открывались первые школы, больницы, детские сады. Как в невероятно трудных условиях мы прокладывали километры новых дорог, бурили скважины, добывали нефть... Это книга о нас с вами, Мегионцы! Я желаю вам приятного отдыха в часы знакомства с творчеством Виктора Козлова, а самому автору хочу выразить искреннюю признательность и пожелать новых успехов в литературном труде.

Ваш мэр А.П. Чепайкин

Здравствуй, сосед

Помнишь, как мы приходили
после вахты в свой балок,
как соляркой разводили
поскорее огонек?

Знал балок все наши мысли,
слушал с нами гвалт ветров...
Из него теперь мы вышли
на проспекты городов.

Тех, что выросли за нами,
где теряли мы друзей...
Неужель его как память
мы сдадим с тобой в музей?

Лучше мы давай, товарищ,
сложим песню про балок —
вроде песни про фонарик
иль про синенький платок...

Ненашев —нашенский сосед

Прямо по Заболоцкому: торжество земледелия! Варю борщ: исключая мясо, все —свое! Экологически чистые продукты.

Для полной «чистоты» борща воду пропускаю через водоочиститель «Аквафор», да заодно запасаю впрок, банки успеваю мять минут через десять: биологические часы работают надежно.

Вдруг звонок! «Кто бы это?» Открываю: нижний сосед. «Вы меня затопили...» —говорит.

В ванной —потоп...

Напор в водопроводной сети, видимо, изменился, прозрачная, как у капельницы, трубочка сорвалась со своей пипки, и очищенная вода, вместо банки, течет на стену тоненькой струйкой —будто писающий малыш балуется. Малыш-то малыш, а всю «Малютку» залил, бельевую корзину обфурил, а на полу лужа —тапочки поплыли...

Прибираюсь (догадался: совком воду в тазик, быстро получается), а сам переживаю: «Такому хорошему человеку подянку устроил... Он ведь недавно ремонт сделал... Другой бы такой ор поднял... Правильно говорят, что сильные люди спокойны и добродушны, а он —силен! Недавно итальянскую стиральную колымагу затаскивали. Мы с зятем —с одной стороны, а он с другой —один: «Да ну! —говорит. —Это разве тяжесть? Взяться вот не за что —другое дело... Заправленные кислородные баллоны таскать приходилось —в них все же вес! А тут... Да не за что...»

Делаю уборку, антирекламу «Аквафору» сочиняю, а мысль неотступная сидит: «Неудобно ведь, извиниться надо...»

Так вот и познакомился поближе с нижним своим соседом —Юрием Александровичем Ненашевым, и решил рассказать о нем своим читателям.

Юрий Александрович Ненашев родился 6 апреля 1961 года в городе Усть-Каменогорске, бывшем с начала XVIII века сибирской крепостью Усть-Каменной.

Отец, Александр Тимофеевич Ненашев, хотел назвать сына Василием в честь своего старшего брата, капитана-танкиста, сгоревшего в подбитом танке в тяжелом 42-м году. Но когда регистрировали факт его рождения, на устах всего человечества звучало имя Юрия Гагарина, и по настоянию матери Нины Михайловны назвали Ненашевы мальчика в честь первого космонавта Юрием. (Юрий был вторым сыном, старший —Валера, и когда у Ненашевых родился третий сын, его назвали Василием).

Сейчас по нашему ТВ вечером по два-три боевика голливудских показывают, бывает, о ковбоях и переселенцах, осваивавших Запад Америки. Хорошо ли, плохо, но — рассказывают о них. А ведь наши пионеры-первопроходцы, шедшие через Сибирь на Восток, думаю, были не менее смелы, инициативны, терпеливы, трудолюбивы и жизнестойки. Жаль, что мало о них знаем мы, о своих пращурах-первопроходцах!

Юрий Александрович Ненашев, по крайней мере, до прадедов знает! Он сходу, без всякой подготовки и справок, начертил свое генеалогическое древо с указанием дат жизни родителей, дедов и бабок и одного прадеда. И по отцовской, и по материнской линии его предки появились в Сибири и на востоке Казахстана, в предгорьях родного Алтая, никак не позже середины прошлого века. Отцовская мать, баба Лиза, говорила, что родилась, «когда в Казахстане бушевал сильнейший пожар, то ли в 75-м, то ли в 85-м годах прошлого века». В любом случае, прожила более ста лет! Муж ее, дед Тимофей, был помоложе и скончался после Победы от полученных на фронте ран в 55 лет. По матери дед Михаил был усть-каменогорским уроженцем, а баба Мария — Полтавской губернии, хохлушка. Прадед Абрам, 1862 года рождения, был купцом-хлебопромышленником, поставлял хлеб в Тобольск. По всему, был он сродни песенному купцу-ухарю: умыкнул у несговорчивых родителей дочь — будущую ненашевскую прабабку!

Гены первопроходчества передались и отцу Юрия и подвигли его в 1966 году отправиться вверх по Иртышу — на Север...

Так пятилетний Юра оказался в Мегионе, и Мегион стал для него городом детства. На его улицах, в его окрестностях проходил он житейские подготовительные классы. Затем с 68-го по 78-й годы учился в знаменитой первой мегионской школе.

Учился с интересом. Было много друзей. Да и класс был сильный. Учителя в большинстве своем нравились. Нина Григорьевна, Лариса Павловна, Александра Семеновна... Классный руководитель и учительница физики Зоя Александровна Стерхова... Потому-то и интересно было ходить в школу! Все — и друзья, и учителя — в памяти сердечной.

В почете в школе был спорт. Юрий увлекался футболом, волейболом, биатлоном, лыжами. В волейбол играли всем классом: по школе занимали призовые места! Еще будучи школьником, Юрий получил II-е взрослые разряды по лыжам и волейболу. Играл в хоккей (вратарь школьной команды).

Когда Юрий рассказывал про лыжные гонки, я вспомнил, как сдавал зачет по бегу на лыжах на десять километров: сошел с дистанции, да появилось второе дыхание... «У тебя тоже так бывало?» —

поинтересовался. « Не-а! — усмехнулся Юрий. — Одного дыхания хватало! Но скажу: лыжи — тяжелый спорт. Особенно это понял на гонках в Ханты-Мансийске, там сложная трасса: подъемы, спуски...»

После школы выучился на автослесаря и работал в Ватинской АТХ (так сложились обстоятельства).

В армии направили в школу связи : восемь месяцев пробыл в учебке, стал радиотелеграфистом. Из учебки на БАМ, в железнодорожные войска, а там — проводная связь, на ключе не пришлось работать. Обслуживали восточный участок (воинская часть базировалась на территориальной границе. Солдаты шутили: столовая — в Амурской области, туалет — в Хабаровском крае). Вокруг — тайга и болота. Телефонную линию то медведь порвет, то лось. При исправлении неисправности и с тем и с другим приходилось сталкиваться. А то и между ними оказывался : непуганая тайга! Соболей вокруг помоек, словно кошек у иной санаторской столовой.

Мегионская закалка помогала в службе. Юрий с благодарностью вспоминал старшего брата. В 71-м году Валерий, окончив школу в Мегионе, поступил во Владивостоке в Высшее военно-морское училище им. Макарова и, уезжая, подарил десятилетнему брату ружье 16-го калибра ИЖ-58. Юрий с тех пор стал заядлым охотником и рыбаком. Свою первую утку он добыл на известном всем мегионцам Конном острове. Первое — всегда незабываемое.

— Есть на Конном озерко, — вспоминает Юрий. — Подхожу... А на нем уток — воды не видно! Подполз к краю и из-за бревна по ним дуэтом стебанул... А в мыслях: как донесу? Ведь, чать, ни одна дробинка даром не пропадет, а их в двух патронах ого сколько! — пол-озера уток будет! Увы и ах... Утки взлетели, дым рассеялся, а на озере остался один подранок. Со слезами на глазах достал утку: ее задела одна дробинка, и утка, видимо, была в шоке. Откинул ее и сделал, как теперь любят говорить, «контрольный» выстрел. Можете представить, что от нее осталось...

Но как бы то ни было, почин был сделан, и тайга стала понятней и ближе, словно друг, поделившийся сокровенной тайной. Поэтому и служить в глухой тайге было легче. Помогали сносить тяготы и занятия спортом — штангой и гирями.

— В 81-м году я демобилизовался, а Ватинскую АТК, откуда уходил «во солдаты», расформировали... Пришлось устраиваться в Мегионское АТХ в бригаду ТО-1, ТО-2. Через два года стал бригадиром. В середине 80-х годов по итогам соцсоревнования бригада стала лучшей в районе. И заработки приличные, но приятнее было все же публичное признание трудовых успехов, личного вклада в освоение Севера. Энтузиазм был, моральный подъем. Работали с душой, честно. Что бы ни говорили, не было тогда этого

Юрий Ненашев

повсеместного воровства. Помню, когда на общем собрании отмечали мой коллектив или награждали, мурашки ведь по коже бегали. Было, ей-Богу, было! — говорит Юрий Александрович. — Потом началась перестройка, сбои в снабжении, чехарда с выборами начальников и т.п. И в первую очередь ударила она по геологии: ни новой техники, ни зарплаты, ни уважения, ни социальной справедливости... И в 1992 году перешли мы всей бригадой в Автотранспортное предприятие по вахтовым перевозкам...

Начинали с нуля: и строителями, и стропальями пришлось поработать. И новую технику осваивать — импортную и отечественную. Разбирали, смотрели, изучали: учились! И там до последнего времени Юрий Александрович работал бригадиром слесарей.

Сейчас он — слесарь-инструментальщик, выполняет ответственную, высококвалифицированную работу. «Вроде Левши?» — подначиваю. «До Левши, может, и далеко, но что-то тоже можем!» — с достоинством парирует он.

Много раз говорили мы с ним о жизни сегодняшней, вчерашней, позавчерашней. Иногда участие в разговоре принимала его жена Елена, по отцу Христенко, коренная, можно сказать, мегинка (ее родители приехали в Мегион вместе с первыми геологами в далеком 58-м году). И сходились во мнении, что в «позавчерашней» жизни (жизни родителей и дедов) было много такого, чего ни сегодня, ни завтра и близко не хотелось бы видеть; а из «вчерашней» жизни кое-что можно было бы взять не только в жизнь нынешнюю, но и в завтрашнюю не забыть...

— Говорят, то, се было... Но и сегодня не одна ведь номенклатура бывшая, а и молодые да ранние: петухами кричат! Кукарекают-кукарекают, а рассвета все нету! А сами-то из песка веревки вяют! Из воздуха делают состояния. Это на первый взгляд. На самом деле, из безвластия и всеобщего раздора. Надо же: чуть не десяток лет смутное время тянется... — Юрий Александрович шумно вздыхает.

В конце января 91-го года мне пришлось быть на буровой 206 Киняминской площади. И я слышал, как пришедший по какой-

то нужде на буровую хозяйин здешних угодий посетовал: «Речки горят, озера. Что-то рано, однако, горят.. Рано замор начался».

«Что в речке — в стране замор! Настоящий замор...» — подумалось мне, и я тут же написал такие строки.

Перестроечная жизнь

Мы сейчас, словно в речке заморной,
красноперка, плотва, чебаки, —
задыхаемся...

Красные* — морды
поуткнули в свои тайники,
иль скатились в отстойные ямы,
подались к иноземным садкам...

Задыхаясь, мы рвемся упрямо
к животворным ключам-родникам,
вместо них — браконьерские майны:
черпаками нас тащат на лед,
насмехаясь, игриво-туманно:
«Вот: дышите, кругом — кислород!»
Участь рыбы, зовущейся «сорной»
нам грозит в этой жизни заморной...

Об этом я рассказал Юрию Александровичу. — Да! — подтвердил он мои опасения. — Столько лет прошло перестройки, а все — замор. Но... — чуть помедлив, продолжил: — Но мы все же и с деревьями схожи, а дерево как ни гни, все вверх растет. Можете верить: я ведь с детства на природе, нагляделся всего. В ином месте ледоходом, техникой ли пригнут дерево к земле, обстругают, как липку, ан нет: и зазеленеет оно, и солнышку встречу потянется. Да и у вас вот в книжке, которую вы мне подарили, смотрю, об этом же сказано:

Пусть остался один только остов,
мертво вставший на все якоря —
ледоходом израненный остров
не сдается, как крейсер «Варяг»!
Может, это не к месту сравненье,
только я вот прогнать не могу
появившееся впечатленье,

*Красная рыба и вообще — крупная: осетры, сомы, налимы...

будто остров стрелял по врагу —
по ушедшему с грохотом, гудом
беспощадному полчищу льдов, —
из своих уцелевших «орудий» —
задымивших
зеленым
стволов... ..
Мне ль теперь
расписаться в бессильи
под напором обид и тревог?..
Скольких жизнь за моря уносила
иль кромсала, как тот островок...

— Поэтому работать надо честно, не смотря ни на что! — Хозяин улыбнулся широко, достойно. — И растить вот этих жителей двадцать первого века. — Он одной рукой приподнял младшего сынишку-ходунка, что-то лопотавшего на своем наречии отцу, другой — вытащил у него изо рта что-то явно несъедобное.

— Ох уж этот возраст! — вроде осуждающе, но с ласковой усмешкой вздохнула мать. — Дети в этом возрасте, как пылесос, все в себя тянут — в рот, на зубок... — Елена по-матерински радостно посмеялась: — Как ни старайся, не уследишь.

А сын сидел на сильных руках отца, сосредоточенно посапывая, изучал отцовскую цепочку... Было уютно и спокойно.

Пацаны нашего подъезда в свое время затащили на крыльцо, под козырек, одну из скамеек, стоявших внизу, — получилось что-то вроде беседки. В дождик сживали там и они сами, и их бабушки и родители, а то и просто прохожие, переживавшие непогоду. Весной этого года скамейка исчезла. Как выяснили юные шерлоки холмсы, работники ЖЭУ поставили ее у одного из подъездов другого дома. «Помогите восстановить справедливость — поставить скамейку на место, — обратился к нам с Юрием Александровичем его старший сын Дима «со товарищи». — Мы нашли ее по нашим меткам, хоть она и перекрашена». Собрались было мы с соседом выполнить просьбу ребят, но в последний момент раздумали: «Знаете, мужики, это будет в духе анпиловцев, требующих сделать «как было»... «А-а! — обрадовался Дима. — Понял! Надо сделать новую скамейку и поставить сюда. ЖЭУ или самим». Я был растроган и ободрен его догадкой: «Не так уж все плохо у нас в стране, если и дети понимают, что нужно созидать, а не перераспределять, как бы трудно ни жилось».

30.08 — 10.10.98 г.

По рождению — «рыночник», по жизни — работяга

На первом этаже в нашем подъезде живут в двухкомнатной квартире Елена Даниловна и Леонид Алексеевич Манаковы. Оба под стать друг другу: невысокие, аккуратные, сноровистые. Она — темноглаза, смуглява, пышноволоса, по-учительски строга на вид. Он — коренаст, голубоглаз, лицо обветрено, в крупных мужественных складках, голос басовит, руки виты жилами, крабисты. Хоть ростом и не вышел, но не мужичок — мужчина!

Первый этаж — и хорошо, и плохо. Тут и дети гуртуются, шумят; любители выпить заглянут — в крайнем подъезде баллончик пивца высосать, бутылочку винца «раздавить». Почтальоны крышками ящичков гремят, потом — жильцы. Собаки, кошки отираются. Двери бухают. Но хуже всего, когда двери эти рассыпаются, срываются с петель... Освещение опять же — не последняя проблема...

Пока мы, жильцы верхних этажей, дозваниваемся до соответствующих городских служб, глядишь, Леонид Алексеевич уже ремонтирует скамейку, выключатель, патрон или дверь, бухтя вполголоса: «...мешало кому—то, мешало... руки—ноги чешутся... да и двери: руки повыдергивать бы тем, кто их делал и ставил! Ну что за навесы, что за косяки!»

Вот и в эту осень долго наш подъезд простуженно хватал морозный стылый воздух... На такой случай Леонид Алексеевич утеплился: сделал тамбур у своего входа. И снова не выдержал: установил в подъезде где—то добытые, непрезентабельные, но двери! «Оно ведь, когда дом без запору, расхлебянен, без двери, и свинья в него, как говорится, любая забредет и насвинячит».

— Хоть и надоело — дак что делать? Ждать, пока отремонтируют? Э-э, скорей рак свистнет да рыба запоеет! Где наше не пропало... — Леонид Алексеевич вдруг улыбается, пряча заискрившиеся лукавинками небольшие глаза под кустистыми бровями.

— Я ведь по рождению — «рыночник»! А на рынке — как? С походом дают! Не как в магазине — тика в тика, а с добавкой от широты души. Вот и я так живу: с походом! И не просят, а я делаю.

И уже серьезно, с неизбывной грустью, пояснил:

— С годом рождения у меня более—менее ясно: 28-й. С именем и фамилией — тоже. А вот с отчеством и местом рождения — темный лес! Старший братишка, когда нас в детприемнике оформляли, видно, не все обсказал. А может, и сам не знал. По-

этому когда спрашивают, где родился, отвечаю: на Рубцовском базаре! Вот и получается — «рыночник» я, мое время настало. Да, вишь, орехи-то принесли, когда зубов не стало...

XV съезд ВКП(б) в 1927 году поставил центральной задачей партии в деревне коллективизацию. И начала партия, как медведь-костоправ, ломать народу хребет, заправлять его в прокрустово ложе «светлого будущего». В результате сотни тысяч тружеников перешли в разряд спецпереселенцев. И страна, в недавнем «проклятом прошлом» кормившая мир хлебом, погрузилась в пучину голода. После «великого перелома» голод царил даже в бывших российских житницах. И ведь чудо: люди терпели, не теряли человеческого лица. Но не все выносили жестокие муки и ломались. Не выдержала и мать Леонида.

Было это в 1933 году. В городе Рубцовске на Алтае. Оставила она троих своих детей на базаре. Леню, самого маленького, на прилавок посадила. «Погодите, детки, чуток, счас приду...» — и пошла было с базара. Но вернулась, взяла дочь Нюрку и ушла. Навсегда. Пожалела дочку, с собой взяла, а мальчишки — им все же легче: как-нибудь и выживут.

Можно осудить мать Леонида, но и понять можно: не от хорошей жизни решила она на это! И кто знает, какие муки она испытала после этого, что за терзания когтили ее материнское сердце, обливающееся кровью в минуты раскаянья, и поэтому — не осудим ее, а простим милосердно.

Старший брат Петя рассказывал что почем, младший милиции ничем не мог помочь: горько всхлипывал да тер глаза, даже есть не просил. Отправили их из Рубцовска в Новосибирский детприемник. Там Леня заболел, и братьев разлучили, как оказалось, тоже навсегда. Оставалась у него фотокарточка старшего брата, но и ее — последнюю живую память о семье — позже уничтожил зловредный человек. И оказался мальчик круглым сиротой в шумном и, казалось, враждебном мире.

Но, как говорится, мир не без добрых людей. После выздоровления направили Леонида из Новосибирского детприемника в Томский детдом. Он до сих пор помнит его адрес: Томск, улица Розы Люксембург, 16. Располагался детдом в большом трехэтажном здании, был неплохо оборудован, имелись учебные классы и производственные мастерские.

Не сразу принял он детдомовские порядки, сбегал, было дело. Но время, если и не лечит, то хотя бы притупляет горечь утраты, и Леня стал со временем учиться, выполнять положенные работы по детдому, постигать кое-какие производственные премудрости.

Но пришла беда — отворяй ворота: началась война. Помещение детдома оборудовали под госпиталь, а детдомовцев в район

Леонид Алексеевич и Елена Даниловна Манаковы, 1952 г.

перевезли. Подростков пристраивали куда можно. Это уже 42-й год, Леониду исполнилось четырнадцать лет. Направили его воспитанником в Купинскую МТС.

Директором МТС был Петухов Диомид Аксенович, двадцатипятилетний. И хоть у самого директора было 11 ребятишек мал мала меньше, взял он к себе присланного воспитанника. Потом Леонид перешел к замполиту Стеценко: у него была одна дочка. Делов бывшему детдомовцу хватало и в МТС, и по хозяйству: работать ему нравилось (забывались все горести), ни от каких поручений наставников он не отказывался. Но когда Стеценко ушел добровольцем на фронт, супруга его выставила Леню за порог.

От МТС направили Леонида Манакова (по отчеству сначала Петровича, позднее Алексеевича) на курсы в Чистоозерное училище механизации учиться на комбайнера. Из—за малого роста посчитали, что для комбайнера он не гош, а вот для кузнеца — в самый раз!

Комбайнером все же довелось ему поработать, но не в поле, а на току, зимой. В то время хлеба убирали в основном жатками да вручную серпами, укладывали в скирды, а уж зимой молотили теми же комбайнами. «Стартером» для запуска двигателей служи-

ли вожжи: наматывали их на маховик и дергали. Подавальщики иной раз вместе со снопом кидали в прием мышинные гнезда, а то и вилы спускали, что натуральным вредительством пахло: комбайн выходил из строя.

Когда после курсов Леонид стал работать ковалем, в подручных (молотобойцем) у него оказался бывший офицер Иван Федорович Райденко. История этого человека очень своеобразна и в то же время типична для сталинской даже послевоенной поры.

В одном из новосибирских госпиталей Райденко находился на излечении после ранения. Госпитальные будни раненых скрашивали веселые анекдоты. И видимо, не только про евреев. Кто-то из двенадцати обитателей палаты, в которой лежал Райденко, оказался стукачом и выздоравливающий офицер загремел по 58-й статье. И... оказался молотобойцем у новоиспеченного кузнеца.

Бывший офицер принял участие в судьбе своего шефа: пообещал ему разыскать его брата или мать с сестрой. Он длительное время обращался в различные инстанции с запросами и просьбами. О своем обещании не забыл даже по истечении срока наказания и возвращения в родную Керчь — уже оттуда он прислал вырезку из газеты с фотографией Героя Советского Союза Манакова Петра Алексеевича. К сожалению, на этом поиски и закончились...

А тут и в армию подошла пора. Попал Леонид Манаков в артиллерию, служил в Ворошилов—Уссурийске, в бухте Находка. Демобилизовавшись, устроился в родное училище инструктором (оно находилось чуть в стороне от Чистоозерного, райцентра).

В 52-м году Леонид Алексеевич Манаков и Елена Даниловна Чередникова поженились. Елена Даниловна была из большой семьи (восемь сестер), и у одинокого как перст Леонида Алексеевича сразу оказалось много дружной родни.

Будущая жена до замужества успела окончить Татарское педучилище и работала в поселке Юдино. В 1953 году у молодых супругов родилась первая дочь.

В это же время Леонид Алексеевич стал работать в Татарской нефтеразведке Новосибирского геологуправления. А в 1957 году перебрались Манаковы на Алтай в село Михайловку и осели там на семнадцать лет, работали по специальности (у главы семьи, к слову, было их уже несколько!). В Михайловке родилась у них вторая дочь и сын. А в 1974 году, с подачи свояченицы, перебрались в Мегион.

Леонид Алексеевич Манаков устроился в Ватинскую АТК и проработал до выхода на пенсию на одном месте 24 года.

Елена Даниловна вела в течение двадцати лет начальные классы. И сейчас у нее часто происходят неожиданные и теплые встречи с взрослыми бывшими учениками.

Сейчас Манаковы на пенсии. Но все в заботах: дочери помочь надо, сыну, внук, сын старшей дочери, с ними живет — и ему надо внимание уделить (старшая дочь после музыкального училища так и осталась в далеком Улан-Удэ).

Через три года у Манаковых золотая свадьба. «Дружно жили, дружно... Полюбовно! Когда муж с женой бранятся, тогда ведь и горшок не варится. А у нас на счет этого всегда порядок был», — это, конечно, Леонид Алексеевич.

Который год ходят по подъездам переселенцы. Всякий народ среди них встречается, но большинство-то не от хорошей жизни стучатся в двери, звонят... Кому-кому, а Леониду Алексеевичу ли не понять их!

Вздыхает Леонид Алексеевич:

— Эх, так-перетак! Один дурак так завяжет, что потом и десяток умных не распутает! Порвали вожжи, а теперь за хвост управляют. Сами-то едят да мажут, только нам не кажут. Нет, попить да поесть думали, ан и плясать кой-кого заставят... И нашим, и вашим не получится: к одному берегу прибавиться надо.

... Заходил днем к Манаковым — показать, что написал, но их дома не было. «Она к дочери ходила, а я к своим — в гараж. Не сидится дома», — пояснил хозяин дома вечером. После этого я счел нужным закончить очерк стихотворением «Опора державы», хотя и написанным несколько лет назад, но, мне кажется, вполне относящимся к моему герою:

Но таких мужиках:

простоватых,

Некрасивых, чумных,

рябоватых...

Чуть поддатых, заросших,

кудлатых...

В кирзачах, телогрейках,

бушлатах...

На угрюмых, сноровистых,

хватких,

На любителей правды

несладкой...

Молчаливых, пытливых,

смешливых,

Совестливых до рези в глазах,

На святых! —

Еще держатся нивы

И заводы в больших городах!

Нижнеянская казначейша, или «в сердце — только май»

*Я знаю — солнце померкло б, увидев
наших душ золотые россыпи!*

В.Маяковский

Соседка, о которой я намеревался рассказать в этот раз, Надежда Николаевна, предрекла неудачу.

Обо мне у вас ничего не получится: неинтересно! Даже вот такусенькая золотиночка не блеснет. Вот про Шурика с Таисьей писали — там другое дело, он — на Блока похож да и блокадник; Таисья — сказительница... А я что? Обыкновенная русская баба: стихов не пишу, не рисую, ни на кого, кроме себя, не похожа...

— Не скажи! — совестлю ее. — Вот здесь — вылитая Гундарева!

— Гундарева? Ска-жите!.. Она — актриса с большой буквы, а я — казначейша!.. — И Надежда Николаевна засмеялась взახлеб, полнозвучно, красиво — смех ее слушал и слушал бы...

— «Казначейша»? Ладно, посмотрим, что по поводу одной казначейши думал поручик Лермонтов:

...идет, бывало, гордо, плавно —
чуть тронет землю башмачок;
в Тамбове не запомнят люди
такой высокой полной груди:
бела, как сахар, так нежна,
что жилка каждая видна.

.....

А этот носик! Эти губки,
два свежих розовых листка!

А перламутровые зубки,
а голос сладкий, как мечта!

Она картавя говорила,
нечисто «р» произносила;

но этот маленький порок
кто извинить бы ей не мог?

— Итак, Авдотья Николаевна... виноват, Надежда Николаевна, разве не похожи? Пройдитесь, пожалуйста, произнесите букву «р»... Не вашу ли прародительницу изобразил Михаил Юрьевич в своей известной повести в стихах?..

Полнозвучно хохочет Надежда Николаевна, показывая «перламутровые зубки»... Просмеявшись, говорит:

— Что верно, то верно, тамбовские мы! Но не из казначейского рода, а из простых «хресьян»... В «казначейши» сами выбились.

У прадеда Надежды Николаевны, Назара Малышева, вольного землепашца из Тамбовской губернии, рождались одни девки. А при общинном землепользовании на ребенка «женского пола» надел не полагался. (Вот так вот, господа «народники»!) И когда началось освоение восточных земель — сибирских немереных

просторов, подался прадед своим ходом, со всем семейством и скарбом, в земли неведомые, чтобы сделать их обетованными...

Обосновался он в Красноярском крае, в селе Инокентьевка. Дочь его, будущая Надеждина бабка Варвара, в Сибири уже вышла замуж за Григория Зяблецова из села Перова (после гражданской войны — Партизанское). Там у нее народились (точнее, выжили!) три сына и две дочери.

— Бабка — та еще была! Семейство большое: детишки, старики, а она перед революцией такое хозяйство развернула — кулачка кулачкой! Но ушлая была: дипломатка! Придут красные или белые или потом комбедовцы — раскулачивать, она — деда, ребятишек к себе и: «Раскулачивайте, такие-сякие, но и их всех — тоже забирайте!» Дед, болезный, кричит, трясется, ребятишки хнычут... Ну, местные давыдовы — нагульновы и разжалобятся, отстанут... «Поднятой целины» не читали еще! — иронизирует Надежда и продолжает. — Занятная бабка... Хорошо ее помню. Табак нюхала. Пригласит подруг, таких же бабок, нюхают табак, старые времена вспоминают, и то одна, то другая «чишут» — смешно так чихают. Любили мы их слушать...

— А у матери моей — опять девки пошли! Гены сказались. Три сестры нас: Альбина, Галина и я. Мать наша, Евдокия Григорьевна, с революцией ровня: с 17-го года. Вот если бы лет на десять раньше вы решились о нас написать, могли бы это обыграть: «Ровесница революции!» — Полнозвучно так: «Ха—ха—ха!.. « — А если

«Нижнеянская казначейша»

без смеха, тяжелое время выпало на их долю! Начальную школу только смогла закончить мама — и хорош: «достали» осенью 31-го бабу Варвару, выгребли все под метелочку. Подалась мать с узелком (в пятнадцать лет!) в Хабаровск к тетке. Месяц добиралась, неделями на глухих разъездах стояли. Там, в Хабаровске, познакомилась с Михаилом, военным, и «выскочила» за него в неполные восемнадцать лет. Не хотели регистрировать из-за этого. И началась кочевая жизнь с малым ребенком (Альбина родилась): Камчатка, Красноярск, Средняя Азия, Омск... Из Омска — на фронт до самой Победы. После капитуляции Японии, в Порт-Артуре, у мужа обострился фронтальной туберкулез; на родине поместили в госпиталь, в Красноярске и преставился... Дядьки тоже воевали, один погиб. А мать всю войну в Партизанском работала; собрались там в кучу сестры, снохи да золовки с детьми, чтобы тягость войны гуртом снести. После войны, в Партизанском же, познакомилась она через подружку с ее братом — нашим будущим отцом, Николаем Алексеевичем.

— Муж-то у меня... ого-го! — подала голос из другой комнаты Евдокия Григорьевна. — Секретарем райкома был! Потом в Красноярске, в крайкоме работал, а оттуда в Москву перевели. Не простой у меня мужик был! — забыла былые обиды, в голосе — гордость...

Надежда чуть хмурится — сбился рассказ, — и поясняет:

— Да, «партайгеноссе» был папаша. Пять лет с нами прожил, затем три года в ВПШ учился — там с соученицей по Высшей школе сошелся и остался в Красноярске. По иронии судьбы ее тоже Евдокией звали. Да он и когда с нами жил, дома был редким гостем. Мы его долго игнорировали, и только после школы признали, случалось, в Красноярске у него гостили. Занятный он все же был: читал много, многое знал, рассказывал интересно. А когда в Москве работал, всегда, из отпуска едучи с югов, мы останавливались у него. Простить не простили — эгоистом был и оставался им до последних дней, но понять — многое поняли. Что не понять? У него за плечами два института, а у матери — четыре класса...

— Но ведь в 45-м, когда и девушки оставались вековухами, он на вдове с ребенком женился! Значит, было в ней что-то, в твоей матери, кроме этих четырех классов!

Надежда хохочет:

— Конечно!.. Мать говорила: идет, бывало, по улице — мужики по окнам, глазуют! Отец, видимо, тоже засмотрелся...

После семилетки, как когда-то мать в Хабаровск, впервые в жизни поехала Надя в город — к отцу в Красноярск. Столько впе-

чатлений! С тех пор и прикипела к Красноярску: самый родной и красивый город на земле. Отец на высоте оказался: все свое обаяние, все возможности использовал, чтобы расположить Надю к себе. А тут еще и кино, и театр, и мороженое-пирожное, и ситро, и крем-сода, и... Но особый подарок, незабываемый — поход на Красноярские столбы... Красивы окрестности Партизанского: поля волнистые (изумрудные, серебристые, золотые — по времени года), холмы лесистые. Цветов — что лесных, что полевых!.. Даже на воде цветы: кувшинки желтые, лилии белые... Красиво, да как свое лицо — приглядевшееся... А тут — дикая красота! Экзотика!

— Глаза разинула и готова проглотить всю эту красоту!.. В институте монгол один брал у меня конспекты переписывать. Смуглый, лицо, словно куропачье яйцо, в конопушках, волосы — как смоль, синевой отдают. Страшный до мурашек по коже, а я глаз оторвать не могу: смотрю, как он пишет... Как на чудо природы! Как тогда — на столбы!

(«Теперь понятно, Надежда Николаевна, почему вы второй год «Анжелику» читаете!»).

— Доучилась в школе и в Красноярск: в мединститут поступать. Да физику завалила. По билету ответила, так экзаменатор дополнительными вопросами задушил. Побежали с подругой в медучилище — прием закончен! К директрисе пошли, уговорили — приняла. Вернулись в Партизанское. Делимся планами: медучилище, потом снова в институт... А нам: «Кто ж вас, интересно, восемь лет тянуть будет?» И правда! Забрали документы из медучилища, и я поступила в филиал Иркутского финансово-экономического института на вечерний факультет. Год проучилась — перевели на дневное. В Иркутск приехала — и таким он чужим после Красноярска показался, хоть плачь! Там мне было легко. Жила весело: ни одного вечера в институте не пропускала. Это еще со школы, с восьмого класса: если танцы, никакими запретами не остановить! Поклонники? Да уж... Ха-ха-ха! У стенок, «в сторонке» не стояла! Особым успехом пользовалась у бурятов. Да и монголы, говорила уже... В институте портрет Цеденбала висел — наш выпускник! И этот, думаю, сейчас у меня конспект списывает, а домой вернется — Цеденбала сменит! Смех-смехом, а, может, и сменил, а?

По направлению в 69-м уехала в Якутск. Городишко маленький, в основном деревянный, без удобств, а понравился! И климат: воздух сухой, безветренно. Два театра. Работала экономистом в республиканской конторе Госбанка, интересно было. Через год перевели в Нижнеянск....

— Нижнеянской «казначейшей»?

— Вроде этого. В «казначействе» шесть человек всего... Но в Нижнеянке все было по душе: И работа, и вообще... Восемь километров — Ледовитый океан, море Лаптевых! И не так холодно. Пурга раз была, правда, ни зги не видно. И дня три крутила. Мальчик один вышел, заблудился тут же и погиб. А так — климат терпимый. Здесь же, в Нижнеянке, со своим будущим мужем познакомилась. А было так. Захожу в столовую... За несколько столиков от входа, лицом к двери, он сидит — обедает. Увидел меня — обмер, ложку до рта не донес, с открытым ртом и уставился... А я — ноль внимания, продефилировала мимо... Пообедала, выхожу — ждет: «Здрассте!..» Даже не посмотрела!.. И началось? Куда ни пойду — он навстречу: «Здрассте!..» В клубе подруге говорю: «Что это за мужик — проходу не дает, здороваается?» С приисков, говорит, дорожник, зимник строит, автомеханик, что ли? Он на шесть лет старше да и после тундры... Не показался в начале, в общем...

— В общем — он с первого взгляда, а ты с приглядки? Но все же «пробил» он «зимник» к твоему ретивому? «Укатал» дорожку?

— «Пробил и укатал!» В мае познакомились, а второго октября — свадьба. На следующий год, летом, в декрет пошла — в Партизанское уехала. Полтора года всего была «нижнеянской казначейшей»! Родился сын. Александром назвали. Муж перевелся в Нижневартовск. В феврале 73-го я к нему с полугодовалым сыном. Сразу же на работу — в Нижневартовское «казначейство»! Жили сначала в бараке, но через пару месяцев квартиру нам дали в «китайской стене», и почти десять лет жили мы в Вартовске. А в Мегион переехала в этот дом... Когда его сдали? Осенью 82-го?.. Ну вот, значит, здесь уже более десяти лет... Считай, уж и жизнь прошла! Оглянуться не успела, а что впереди? А еще ведь Митяйку выхаживать, первый класс скоро, все по новой учить придется... Сашкины внуки? Не—ет, теща пусть водится! Что гадать, до этого далеко еще. Пусть из армии благополучно вернется... А там — посмотрим. Но комбинезончики, детское приданое припасла заранее». Вот так и живем: хлеб с маслом жуем, на масло пока зарабатываем, а в остальном — ничего интересного...

— Так уж и ничего?

— Господи! Да все интересно: Митяй вот, золотце мое, и Сашка скоро со службы вернется: с самого Сахалина! Работа — позавидовать можно! Двадцать лет уж — профессионалкой себя считаю. Сейчас вот очерк прочитают — многие вспомнят, узнают... Книжки — успевай читать, столько интересных... И насчет «Анжелики» — напрасно иронизируете! Что ж, по-вашему, одну «Капитанскую дочку» или Набокова читать? Солженицына и Толстого?

Читаю и их. Вон, Набоков, Солженицын — все, что вышло. То-то! Что нравится, то и покупаю: на книжных полках у меня интенсивная «ротация» идет. По истории России вот... Репринтные издания покупаю. Успею, нет сама прочесть... Сыновья хоть не будут читать ту историю, которой нас пичкали!

— При «ротации» — все-то не выбрасывала бы: в детский дом лучше какой послала...

— Да вы что, павликов морозовых новых захотели? Вот «Закон Божий» или Толстого — другое дело, послать можно.

— В «советских классиках» тоже просто хорошие писатели есть и поэты... Тот же Маяковский...

...я с сердцем ни разу до мая не дожили,
а в прожитой жизни
лишь сотый апрель есть.

Прелесть! Кстати, а какие у вас с сердцем отношения с маем? Или тоже — «лишь сотый апрель есть»?

— Самые наилучшие: у нас с сердцем — только май! Правда, с грозами... и с морозами! Ну уж с заморозками — это точно. Но — май!.. Северный май.

Живет в Мегионе, в нашем подъезде, сибирячка в четвертом поколении Надежда Николаевна... Партизанское — Красноярск — Иркутск — Якутск — Нижнеянск — Нижневартовск — Мегион... Восточная Сибирь — Западная Сибирь — вот этапы жизненного пути этой милостивой женщины. Для нее Сибирь — дом, родной дом, живя в котором она не совершает «героических подвигов», как пытаются представить свое пребывание здесь нахлынувшие в поисках «длинного» рубля современные псевдооткрыватели Сибири...

Есть в твоей душе, Надежда Николаевна, не только «вот такую сенькую золотиночку», но и якутская бриллиантинка, и тюменская черная жемчужинка. Смейся, Надежда, как всегда, полнозвучно и от души: надоели стоны у микрофонов на сессиях, марафонах и презентациях.

«Медленные сумерки России, как туман, осядут на траву...»

Смейся, Надежда! Когда воздух вибрирует, туман быстрее оседает. Пусть он вибрирует от смеха, а не от злобного брюзжания.

08.04.93 г.

Прошло пять лет...

По просьбе Н.Н. очерк вылеживался. Но на сей раз я ее уговорил: она разрешила его опубликовать. Что я и делаю.

За прошедшие пять лет многое изменилось в жизни страны, так же, как и в жизни Н.Н. Самое главное событие, произошедшее в ее жизни, — она стала бабушкой!

Души не чаёт Н.Н. в своем внуке Кирюше — сибиряке в пятом поколении! И рассказывая о его невинных детских шалостях и его филологических изысках, смеется Н.Н., как и прежде, полнозвучно: от чистого сердца и широкой души.

10.10.98 г.

Валентин Кадеев из рода долгожителей

Темным и вьюжным вечером 75-го года по только что промятому зимнику я приехал к вышкомонтажникам на новую площадь. В тот год мы вели работы на четырех площадях и выходили еще на две новые. Балков и техники не хватало. Монтажникам поэтому приходилось рубить и для себя, и для буровиков на лесистых «точках» даже не балки, а избушки на снях, похожие на таежные охотничьи зимовья.

Заходим в ближний. В балке людно, жарко: у толстостенной сварной буржуйки рдеют бока. Яркий свет от лампочки-двухсотки рассеивается в молочно-голубых слоях табачного дыма. Монтажники сидят группами по интересам. Кто чай гоняет, кто в карты режется. Пескари-одиночки есть: один в углу (у входа) бензопильную цепь правит, другой, за столом хотя, но обособленно, пьет чай с домашней постряпушкой: он невысок, и лицо у него миниатюрное, гладко-розовое, мягкий, кудельный чубчик повлажнел, из-под коротеньких бровок поглядывают живые темно-синие глаза.

Прикончив одну витушку, он, как фокусник, откуда-то из-под себя достал другую и так же сосредоточенно, аккуратно, не уронив ни крошки, съел и ее.

Я сидел у другого края стола, прихлебывал чай, разговаривал с прорабом и механиком и угловым зрением наблюдал невольно за «сотрапезником».

Когда он извлек еще одну — свежую, словно с листа, я не выдержал и рассмеялся:

— Вы... Булочки — вы под столом их печете?

Монтажники оживились:

— Это у него кругооборот — как в природе! Разжевал — переварил — испек по новой! Валентин, так ведь?

Тот, кого называли Валентином, дожеввал витушку, похожую на послевоенных времен бесподобную венскую сдобу, запил чаем и только после этого негромким голосом, чуть на «о», с узнаваемым чувашским акцентом, нисколько не смущаясь, пояснил:

— Это я на ведре сижу.

Все грохнулись со смеху. Даже бензопильщик прекратил точку пилы. Валентин, обращая ко мне явно знакомым взглядом, доброжелательно продолжил:

— А! Им смеяться — палец покажи! Сижу: на чем еще? Не на чем: все занято. А сидеть надо — чай поспел. Места ждать —

не достанется. Вот и сижу — на ведре. А в ведре — запасы: женины подорожники! Дала в дорогу. А в ведре — чтоб не сохли. Они — что понимают? Им — пожрать мяса надо. Да поржать... Э-э-э! Шалапуды! — и махнул рукой неопределенно—презрительно, а мне заулыбался и глаза лукаво прищурил:

— Э-э-э!.. Виктор Николаевич! Не узнал меня, совсем близко не узнал! — весело—укоризненно сказал. Помолчав, огорченно вздохнул:

— Как узнаешь?.. Столько вода утек! 63-й год было. Партия Сашка Баянов. Охтеурье тогда стоял. А жена твоя — раньше знаком еще. По Нарыкар...

— Во, Валя дает! В знакомые к главинжу набивается!

— А булочкой, заметьте, как и нас, не угощает!

— У него ж все по счету: до выходного рассчитано...

— Че неправду-то говоришь? — гневно обратился Валентин к насмешникам, он привстал, поставил ведро на стол, громыхнул эмалированной крышкой:

— Вот, кто желанье есть — на здоровье кушай! А то человек по-думает, что я жмот.

— Что ж тогда ведро закрываешь и — под свои нары? А потом — пересчитываешь? Знаем тебя, Валя, знаем, да никому не скажем...

— Зачем, мужики, неправду врете? Чтоб не сохло! Чисто чтоб, чтоб — порядок!..

«Шалапуды» довольны: «завели» Валентина. Он это понимает и «глохнет»:

— Э-э-э... Шалапуды, молчать с вами не хочу, не то...

— Кадеев? — вдруг вспомнил я. — На бурстанке работал? У Баянова, да? А потом — сюда, в экспедицию? Я-ясно...

Валентин доволен: узнали его! И мне было приятно: мы не так уж много общались с ним, а, выходит, чем—то запомнились друг другу, и, несмотря на то, что «столько вода утек» после этого, узнали друг друга. И в этом было «нечто»: балок уютнее показался, ночь — не такой затяжной и мрачной, и перспективы с планом (чего скрывать, домокловым мечом висели они, неподъемные планы с «встречными», чугунными блинами обязательств!) — более конкретными...

— Ну! — подтвердил Валентин Кадеев. — Тошна... Экспедиция — бульдозерю вот. Все делаю, куда поставят: механизатор широкого профиля...

Почти семь лет, пока работали в одной экспедиции, встречались мы с Валентином по службе, эпизодически, на буровых или зимниках, и как односельчане — в поселке. Но неизменно — тепло, с шуткой, с подначкой — на чувашско-русские темы. У каж-

Валентин Иванович Кадеев. Рис. автора

дого из нас были свои проблемы, но мы их не касались. Трений, насколько помню, у нас не было. Затем долгое время он мне не попадал на глаза: меня перевели в Мегион, а он работал все там же — «бульдозерил».

И вот, в начале этого десятилетия (последнего в этом веке!) он встретился мне в Мегионе — чистенький, гладенький, нарядный (в меру) и крепкий — как осенний, третьего слоя, красноголовик...

— Валентин Иванович! — восклицаю, — да ты никак молодеть начал?!

Валентин Иванович экономно, больше глазами, довольно улыбаясь (будто суеверно!), отрешивается от моего утверждения:

— Куда уж нам, девкам, замуж: стареем: на пенсию отправили.

— Да на тебе еще пахать да пахать! — дружески толкаю я его налитое плечо, плотно обтянутое светло-голубой джинсовой курточкой.

— Так оно: силенка еще не убежал далеко! — соглашается он. — Список ветеран был: 25 одно место работал. Экспедиция. Получал квартира. И — айда — инды Мегион! — и с напевной интонацией в резковатом голосе добавил: — Рабата-ю! Пахать не пахать, рабатать надо! Одна пенсия — не больна хорошо проживешь.

Встретив Валентина — Нестареющего, махнул я на свои дела, и мы сидим с ним на какой-то чурбашке в тени берез напротив бывшей моей «шараги» (березки в палец и чуть потолще, из тех, что идут на удилища, сажали густо мы весной 81-го в очередной и последний раз, и они — вон как размахнулись!). Я пытаю его въедливо, дотошно, и он иногда взбрыкивает и быстро, отчетливо, будто галечки выплевывает, без акцента матерится:

— Госплан нашел! Когда был это? При царе Горох! Знал бы раз — десять забыл...

А узнал про Кадеева я вот еще что...

Род Кадеевых в деревне Резяпкино, что на севере Куйбышевской, ныне Самарской области, на левобережье Волги, поселился издавна. Места там хорошие, возвышенные, водораздельные, лесистые. И земледелием поселяне занимались, и животноводством, и лесным промыслом, и промыслом по дереву. Деревни были людные — в той же Резяпкино в 34-м году, когда родился Валентин, было дворов четыреста.

Деда Павла он хорошо помнит, бабу — хуже («Трубку курила! Зато не пила. до 90 лет прожила. Бражку ставила, ставила... Как же. Кислушка. Из меда. Как же: дед бочата делал. Бортничал...»).

— Дед Павел... У-у! Краснодеревщик! Инструмент у него — богатый какой инструмент: у-у-у... Скрипка делал! Он не каждый дерево берет: осина, черемуха... Делает дерево, чистый-чистый — как бумага. Сухой, ровный... Сильно звук отдает! Скрипка! Сам видел. Балалайка не делал, скрипка! Торговал ими. Рестораны играть ездил, во! Едрит корень!

Мне было на удивление: не балалайки, а скрипки!

Дедовская способность в поколениях, с его слов, не проявилась. Жили его родители хорошо. По деревенским понятиям. Достаток давался не сам, а трудом и разумением, сметкой. Держать во дворе четыре коня мог крепкий хозяин. Пусть не стал, как дед, отец Валентина деревенским «страдивари», но «моргунком» стал. Когда задавили налогами на тягло и хозяйство, сдал лошадей, а в колхоз не пошел. Так и оставался единоличником, это при родном брате — председателе сельсовета! Вот она, трагедия жизни в действии и развитии. Что за разговоры вели братья? Ведь наверняка просчитали возможные последствия, которые — тут как тут! — вытекли. И мать ведь должна была отцу соответствовать!

Как злостные кулаки загремели мать и отец Валентина по тюрьмам.

Было это в 1936 году. И остался Валентин в два года со старшим братом в своем доме, остальное — пашня, огород, сельхозинвентарь и запасы — было конфисковано в ненасытную обществен-

ную прорву... Жили дети своим домом, а питаться бегали к деду. И так — почти десять лет!

Но пришел и на их улицу праздник: после Победы живы, здоровы, почти одновременно, сначала мать, через неделю — отец — вернулись. Мать из тюрьмы, в телогрейке. Отец — с войны, вся грудь в наградах.

— О!.. Возвращение его помню. — Валентин даже сейчас блаженно щурится. — Как счас помню! Старший сержант. Стройный мужик тогда был отец, о! Тюрьма он добровольцем фронт — Рокоссовскому. Армия Рокоссовского весь путь прошел. Весь Берлин взял. Встреча на Эльба американцами участвовал. О, какой отец! Я сравнении отцом — пацан...

...Да, можно представить его тогдашнюю радость, коли сейчас она освещает его голубые глаза лучистым огнем.

С прибытием родителей веселее стало на сердце, а на детских плечах — вся непомерная тяжесть крестьянской работы в колхозе и дома как была, так и осталась.

В семнадцать лет он уже на тракторе, без «корочек». Пашет! В восемнадцать с половиной закончил школу механизации в Сызрани. По дороге домой узнал о смерти Сталина — плакал! Проработал немного после школы и снова на учебу в Лениногорск, недалеко, на курсы помощников экскаваторщиков...

— Не трудно было после «третьего» коридора?

— Не-е... — Валентин—хитрован даже возмущен. — Читать, писать умел? Умел. А остальное — во! — Он постукал по лбу возле темечка, чуть прикрытого легкой, мягкой сединой: — Тяма. Тяма есть — все поймешь. И вот! — он выкинул перед собой небольшие, сжатые в кулаки руки и с кастаньетным прищелкиванием распрямил пальцы... — Тяма и руки есть — остальное весь твой! Начальник попал — во! «Ты, говорит, парень умный, поезжай — учись!»

Работал Валентин у нефтяников в Лениногорске (а я в это время на практике там был), когда пришла ему повестка : в армию! Доехал до Сызрани и — отбой. Досрочно — в «дембеля».

— Обидно?

— Конечно. Слов нет!

— Все из—за роста? Как в песне: «Я много в жизни потерял из—за того, что ростом мал!» Помнишь, была такая?

— Рост не мешал, совсем другой мешал! Сотрясение у меня был. Когда школа механизации учился. Это дело нашлось, и комиссовали меня.

— Как же тебя угораздило?

— Говорил же: бедным Ванюшка и у девкам комушка! Женская общага после девяти выгонял. Я холостой был — ое-ей был! Не

смотри — маленький! Двухпудовку только так кидал: трактор же работал! Какой трактор: ХТЗ-7! «Универсал»! Без сила — какой тракторист?! Сильный был и веселый! Договорился девушка и полез пожарный лестница. Пятиэтажка! Второй этаж — лестница сорвался, проржавел. Такой причина и армия не служил вот. Со всем глупый сотрясение.

Так бы и работал Валентин Кадеев на татарских нефтяников, пока они не подались в середине семидесятых годов в Сибирь, но — нет, обставил он своих лениногорских коллег и почти на десять лет раньше их приехал (на то и хитроумный он чуваш)... открывать для них фронт работ!

На исходе лета 1957 года услышал он на обеде заинтриговавшее его слово «вербовщик», но виду не подал. А сам из отрывочных разговоров понял, кто он такой, и через некоторое время вышел на него и... поездом до Тюмени, с озера Андреевского на АН-2 в гидроварианте до Березово. Березовская экспедиция... Отдел кадров. Заявление. Виза начальника экспедиции: «ОК. Оформить товарища Кадеева В.И. сменным бурмастером на станок УШБТ. Подпись. И дата: 18.07.57 года».

С тех пор и работает северный «пускач», Валентин Иванович Кадеев и не глушит его на своем житейском тракторе.

Первую свою северную «десятку» оттрубил «от» и «до» Валентин Кадеев у сейсмиков.

Памятна и незабываема первая сейсмическая зима в партии Алексея Бгаевского. Хоть и Сибирь, а край — свободный! И вольный: ни прописки тебе, ни учета!

Зима — на профилях, на суше. В навигацию — речная сейсмо-разведка. В межсезонье — ремонт техники.

Ельбанья. Казым. Шухтунгорт. Сартынья... Базы партий. На картах в других местах нет сотысячных городов, а в этих — хоть один старик живет, да его зимовье на карте означено!

— А в водных партиях ты кем работал?

— Как что? — удивляется Кадеев. — Водомет плавал! Старшина катера! Сосьва... Все прошел! Деньгу и от флота, и от экспедиции получал, во как! Березово, речпорту, Тамару, жену, «заякорил». Украины они сами. Города Житомира. Отец ее — рыбзавода директор был.

— Из ссыльных, что ли?

— Не-е! Солидный был... Она — вон какой! Теща — тоже. Ох-теурье гости приезжала, как же!

— А кем она в речпорту работала-то, что ее — «заякорил»? Я все же думал, что ты ее где-то бульдозером откопал, а ты «закапитанил», получается?

Смеется Валентин экономно, жменисто:

— Так, так... Получается у меня, все получается! Мы тогда Ванзетуре стояли: аккурат 60 кэмэ Березово. Тамара речпорту столовой поваром работала...

Улыбаюсь и я:

— Ясненько! Вот откуда постряпушки—подорожнички! Вот откуда такое здоровьице...

Тускнеет Валентин:

— Десять лет старше была... Хорошая женщина! Все умела... Старше была, а хозяин в семье — я! Жалко ее...

— Что ж теперь — жить надо! Тем более, что в роду... Это правда, что ближние родичи прожили все — девяносто и за?

— Обманывать зачем? Деды, бабки... Отец — девяносто, Тольятти живет... Все Кадеевы — долгожители.

...Иван Павлович Кадеев «весь Берлин прошел», сын его, Валентин Иванович Кадеев — если не всю Сибирь, то Тюменскую ее часть — и по сеткам профилей, и по зимникам исходил изрядно со своим стальным конем, лелея и уговаривая его как живого. С фауной и флорой он не конфликтовал: обходился малым. Он из породы долгожителей.

И, может, дождетя компенсации сбережений и достойного воздаяния за труды свои.

Март 1997 г.

Я сам такой...

С Серегой Ключовым — так его звали и друзья-каротажники, и заказчики-буровики — встретился я на аварийной скважине.

Когда я прилетел на буровую, там находился мастер по сложным работам Восточно-Мегионской экспедиции Сергей Долгушин, эдакий васнецовский Алеша Попович, и мягко-обходительный сменный буровой мастер по имени Петр Иванович: он очень стеснительно и мило отпросился на базу по семейным обстоятельствам.

Авария в скважине была серьезная: прихват бурильного инструмента. Аварию «восточники», как обычно, скрыли, пытаюсь ликвидировать ее своими силами. Наконец, убедившись, что «приехали», сообщили в объединение.

Я привез с собой новинку: возбудитель упругих колебаний — ВУК, устройство, разработанное в одном из академических институтов, и решил опробовать его на этой скважине. Но для успешного его применения необходимо было по возможности точно знать длину свободной части бурильных труб, т.е. глубину верхней границы прихвата.

С помощью серии замеров вытяжки колонны бурильных труб под различными нагрузками по многократно опробованной методике я вычислил глубину прихвата — около 1680 метров. Но мне было приказано ждать геофизиков: их метод надежнее...

— Ключов бы прилетел! — вздохнул Долгушин. — Серега, тезка мой. Уж он-то определит: тика в тикую!

Меня это обижает. Как можно спокойнее, доходчивее объясняю, что и по вытяжке можно достаточно точно определять свободную часть колонны труб, если знать компоновку и провести серию замеров тщательно, аккуратно. Долгушин не возражает, чувствую, только из-за природной деликатности, а, может, ошибаюсь: вычисления доступны ученику средней школы.

Наконец прилетел отряд. С вертолетки идут сразу к своей технике. Галдят. Похоже, что с бодуна: в выходной «подняли»! Кто же из них начальник отряда — Серега Ключов? Неужели вот тот невысокий крепыш, покрякивающий резковато, излишне громко. Похоже он! Типично славянское лицо. Большие, добрые — даже бесхитростные — глаза незабудковой голубизны. Рот полногубый, незлой. И все же при всей мягкости линий чувствуется в нем колючесть, а в репликах — безапелляционность. Не понравилось это мне. И то: на Руси не все караси — есть и ерши! — чувствую, из этой породы Серега Ключов.

Стали работать: четко, слаженно. Каротажники — свое дело, буровики — свое. Пошли на запись — стали поднимать прихватомер. Захожу к Сереге, знакомлюсь. Станция старенькая, осциллографная. Пока диаграмма появляется, сохнет, говорю, на какой глубине магнитные метки должны исчезнуть. «А, все ваши расчеты — фигня на постном масле! — кричит он мне в ответ. — Вон... — называет фамилию одного специалиста по прозвищу «академик», — уж на что ака-де-еик, а ни разу близко не совпало!»

Берем подсохшую ленту, начинаем изучать: совпадение один к одному!

— А, случайность! — равнодушно бросает Серега.

Мы отвернули на необходимой глубине инструмент, взяли привезенный мною ВУК, спустили его в скважину, соединились с прихваченным инструментом и начали «работать» — выбирать его вверх.

Мощность удара можно было регулировать. Начали с минимальной, постепенно довели до предельной. И хотя удары производились на глубине более 1600 метров, буровая вздрагивала, как наковальня. Толчки ощущались и в каротажной станции. После цикла ударов по своей методике я определил, что длина свободной части увеличилась на сотню метров, — исходя из этого произвели отворот инструмента и начали подъем.

Когда подняли четыре освобожденные свечи (как раз сто метров), словно обрезиненные, в вязкой сине-зеленой глине, Серега уважительно похмыкал: «Ну-ну! Поздравляю!» Расстались уже тепло: каротажники были не нужны.

После этого стали встречаться с Серегой эпизодически: либо на аварийных скважинах, либо на осложненных — когда приборы по стволу не «ходили» даже у Сереги Ключова, и требовалось мое, как шутил Борис Сергеевич Хохряков, «шаманское» вмешательство.

Первопричиной непрохождения геофизических приборов являлось грубое нарушение технологии бурения, в результате чего ствол скважины искривлялся, а стенки в интервалах набухающих опок рушились, образуя огромные каверны; в этих кавернах приборы вывешивались на кабеле отвесом и не попадали в сместившийся из-за кривизны ствол, зачастую заваленный шламом и осыпью.

Серега эту первопричину понимал, не в пример руководителям наших экспедиций, следовавших принципу «давай-давай»: «Пятилетку — за четыре года, скважину — с ускорением!» Экономили часы, сутки, тысячи, нарушая технологию, теряли — сутки, недели, миллионы... Главное — вал, т.е. метраж. Сколько было скважин загублено и списано потом по «техпричинам»? А сколько было потеряно геофизической информации из-за невозможнос-

ти проведения полного комплекса исследований (не все приборы проходят внутри бурильных труб), или вообще не получено?

Не секрет, что у многих каротажных отрядов есть свои хитрости, «ноу-хау», есть любимые и неудачливые, «поперечные» методы каротажа. Комплект каротажного оборудования (станция:, подъемник), как правило, завозится на каждую буровую, а работать на них залетают разные отряды. С собой они привозят только зонды (скважинные приборы) да кое-какие запасные панели. Одни каждый метод пишат с первой «ходки», для других скважину приходится то и дело готовить: то у них зонд «задавит» давлением раствора, то «сигнал» исчезнет и т.п. (по пословице «...не понос, так золотуха», по мнению Сереги).

Серегу Бог миловал. Везенье тому было залогом или уменье? Ясно, что уменье на грани искусства! Уменье, добросовестность, надежность — качества, необходимые для всего отряда. А искусство (пусть — мастерство) — необходимо оператору и машинисту подъемника, они — тандем. Они — не просто два специалиста, два существа, связанные между собой микрофоном, показаниями приборов, они — нечто единое, общее. Скважина, зонд и они — не только электрическая и механическая связь между живыми и неодушевленными субстанциями — материями, но, возможно, существует какая-то опосредованная, более высокого уровня связь, которая и определяет такие понятия, как везение, интуиция, мастерство, искусство, талант...

— Це?.. — голос у Сереги резкий, он чуть подается ухом к говорящему, извинительно улыбаясь, да и дикция с прицекиванием: — Громце! Я ж на ухо туговат. Да вы це! Талант — бозый дар, а тут — яйцница!

Это я попытался подпустить ему «леща», а он разговор свел к шутке. И вообще, он ироничен, на слово скор, на шутку отзывчив: когда в ударе, речь афористична. Он, хоть и ершист, добр, в работе безотказен. Приходилось встречать его в самые распрядничные дни и на вертолетке с рюкзаком, в болотниках, и на буровых (как-то с Лесной площади 31 декабря, несмотря на снежную завируху, счастливо вместе вылетали).

По материнской линии Серега Ключов — сибиряк, тюменский северянин. Мать его, Нина Дмитриевна, тоболячка, так же, как и бабушка. Родился Сергей в селе Ярково под Тюменью в сентябре 54-го года, с белорусскими, по батьке, генами. А осознал себя впервые в Тобольске, в районе тобольского Кремля, на взвозе. В высоте и чистоте, в те времена был ясен оком, а воздух благоухан... «Нефтехимией — близко не пахло! Не снилось даже», — замечает Сергей.

С вахты домой

Тобольск помнится... Но и малолетство, и школьные годы прошли на Крайнем Севере, в поселке Тазовское, на целый градус севернее Полярного круга, там, где река Таз впадает в ее имени губу.

Цвет тундры бело-голубой, в зависимости от времени года. И солнце — то не сходит с неба, выписывая кренделя, то прячется надолго за горизонт, помаргивая в полдень плазменными ресницами. Полгода зима, остальные полгода — весна, лето и осень. Быстротечна их смена. Стремительно расцветает и плодоносит природа, быстро и человек взрослеет на севере: в унисон с ней.

Красива, но сурова природа на севере. Не знаю, как Серега подростком, но я, бывая в тех краях в зрелом возрасте, на пределе возможного переносил пронзительные ветры при морозе под сорок и летнюю парилку с гнусом (жара под тридцать градусов и влажность под сто процентов!).

У матери Сереги, Нины Дмитриевны, было два образования: зоотехническое и культпросветовское. Поэтому когда она с сыном и его отчимом переехала в 65-м году в поселок Мегион, стала работать в библиотеке. Заведующей библиотекой Нина Дмитриевна трудилась долго, пока в 78-м году не переехала в Нижневартовск. Многие мегионцы должны помнить эту невысокую приветливую женщину. Двухэтажное здание библиотеки на Ленина сохранилось, но, похоже, доживает остатние денечки.

Так что мегионцем Серега Ключов стал давным-давно!

В 91-м году после отпуска вышел я на работу 2 сентября. В стране большие перемены, в нашей шараге тоже. И только бабье лето — как всегда! Прозрачный, как ключевая вода, и такой же прохладный и свежий воздух. Разноголосое многоцветье тайги... Летающие паутинки... Высокое с тающими льдинками небо...

— Вовремя прилетел, Николаич! — радуется моему возвращению новое начальство. — На 294-й Мохтиковой проблемы: каротаж не идет. Там такое дело. После аварии забурили вторым стволом. Через некоторое время стали попадать в первый. Короче, сейчас там два ствола. Да, натуральные «штаны». Каротаж, может, отменят — объединение запросило разрешение у главка. Но колонну надо спускать обязательно: керн нефтяной! Пошамань, может, что получится?..

Многое хотелось сказать в ответ, облитое «горечью и злостью», да послеотпускное благодушие и старое — советское! — воспитание не позволили: «Не на вас — на государство работаю!» Да и к скважинам я отношусь как к одушевленным созданиям: они-то при чем? Им помочь надо.

На буровой — ни бурового мастера, ни технолога, за всех про всех — мастер по сложным работам Стюров.

— О, смена прилетела! — обрадовался он мне. — Как, Николаич, отпускаешь?

— А каротажники кто?

— Да Серега ж Ключов!

— Тогда лети! Люблю: когда на буровой — один! В этом случае и с ответственностью все ясно, но и с дележом славы — тоже нет проблем! — смеюсь.

Обошел буровую, поговорил с бурильщиками: мужики знакомые, информацию дали честную, хотя и субъективную. После этого — к каротажникам.

— Ну це? — после приветствия спрашивает меня Серега, — будет скважина или нам удоцки сматывать? Нам тозе денезку надо зарабатывать!

— Как только — так сразу! — в тон ему отвечаю. Потом серьезно: — Буровой раствор до ума доведем. И буду устанавливать «псевдоствол»... Как на Чумпасской, помнишь? Попробуем. Не получится, другое дело. К полуночи готовьтесь!

— Мы, как пионеры, всегда готовы! — смеются каротажники, продолжая прерванную «пульку».

Обработав раствор химреагентами, я добился необходимых параметров, произведя необходимые расчеты, приступил к созданию «псевдоствола» в районе «мотни штанов», если пользоваться портняжьей терминологией. Закончив производство этой техно-

логической операции, дал я команду на подъем бурильного инструмента, а сам пошел на вечернюю радиосвязь.

Едва я назвал позывные буровой, начальник смены радостно возвестил: «Все, Николаич! Отменили! Каротаж отменили. Готовьтесь к спуску колонны!» — и, не дожидаясь моих объяснений, ушел со связи.

«Дернуло ж меня выйти на связь!» — ругал я себя. Мне не только было жаль труда по подготовке ствола к каротажу, он не пропал: проведенные работы необходимы и для спуска колонны, мне было жаль потерянной информации, тех новых знаний о месторождении, которые, я был уверен, можно получить. Знал я и о том, что за невыполнение комплекса геофизических исследований банк ощутимо снижает смету по скважине.

«Что делать? Сказать Сереге или не сказать? Попытаться разделить ответственность с ним или все взять на себя?» — я кругами ходил по вертолетке. И решил: пусть Серега ничего не ведает!

Были уже сумерки на нашем взлобке, раменье же вокруг нас и вовсе было залито дымчато-синей тьмой. Буровики закончили подъем инструмента и установили на роторе блок-баланс под кабель, т.е. подготовили скважину к каротажу. Я заполнил бланк и пошел на станцию: будить геофизиков. А они — в карты режутся!

— Что же не отдохали? — корю их. — Ведь сейчас работать.

— За нас не бойсь, Николаич! — воскликнул Серега. — Отоспимся! — И каротажники занялись своим делом.

— Только аккуратнее, Серега! — прошу Ключова. — Чуть посадка — сразу на вира и шабаш!

— Добре, добре! — ответил Серега механически, занимаясь станцией.

Чтобы отвлечься, я решил сходить в баньку: в этой бригаде была хорошая, на ТЭНах, банька. Хотя ТЭНЫ и не сильно калили каменку, но и сполоснуться, и чуток веничком пихтовым помахать можно было каждодневно. Да хотя бы просто порелаксировать на истомном горячем полке.

С полотенцем из баньки двинулся к каротажникам: каротажный кабель тугой струной поблескивает в свете прожектора.

Аппаратура на сей раз у Сереги компактная, современная. В станции — свободно. Чуть погодя, осмотревшись, спрашиваю: «Как там, прошли?»

— Пршли, пршли, Николаич! — отвечает Серега буднично, не оборачиваясь — все внимание на приборы. Негромкие команды в микрофон.

— Посадки были?

— Так, цуть—цуть...

В шесть утра передаю сводку по скважине: «Каротаж. Записали СПАК. Наутро РТ». В ответ чуть ли не матюки: «Срываете работу! Вывоз каротажников запланирован первым рейсом...»

Когда закончили каротаж, признался я Сереге во всем, повинился.

— Нам-то це? Нам — нице! А вот вы бы промеж двух жерновов оказались, если бы це, — только и сказал Ключов. И тут же с сарказмом добавил: — Теперь медаль здите! — и улетел.

...А мне еще предстояло успешно спустить эксплуатационную колонну и зацементировать ее. (Я тогда и не предполагал, что эта скважина потом будет работать на конкретных людей, а не на государство). А тогда я работал с удовольствием, с вдохновением и все у меня получалось.

И с буровой я прилетел 11 августа с хорошим настроением.

В Мегион тоже пришла осень: березы позолотели, рябины запылали. Ранние улицы были гулкими, воздух посвежел.

И даже то, что мне не только «медаль» не дали, но даже элементарного «спасибо» не сказали, не нарушало моего душевного равновесия: уж больно светлые, «морозно—ясные» перспективы открывались перед страной после пресловутого путча, и свои проблемы поэтому казались мизерными.

С Серегой на буровых судьба нас больше не сводила. Встречались изредка на мегионских улицах, обменивались шутивными репликами. Да один—два раза передавал ему от тещи гостинчики, если бывал на тех буровых, где она была поваром.

Последняя встреча была сравнительно недавно: в сентябре 96-го.

— Ну как? — громко спрашиваю, — «приборы» нормально «ходят»!?

Смеется:

— Я счас, — говорит, — по другим «приборам». Геофизические оставил.

— Что так?

— Жизнь такая пошла! Счас деньги — все! А у них глаз нету: идут к кому попало! Как говорится: не рад хрен терке, да по ней боками пляшет! Крутимся помаленьку. Зивем! Мне ведь немного надо: мир цтоб в семье, здоровье да цтоб голова на плечах. И не пропадем!

В таком духе разговор...

На прощанье спрашиваю:

— Не против, если о тебе напишу в цикле «Мегионцы — это мы!»

— Николаиц, не серьезно ж! — смеется искренне. — Це писать-то? В передовиках не ходил. В нацальниках... в руководителях! — тозе! Велосипеда не изобрел... То...се...

— Самое главное, чтобы ты меггионцем себя чувствовал! Меггионец — это честный работяга, добрый, справедливый, патриот... мастер на все руки... Ты ведь такой?

— Раньше был почти такой. А какой счас — разбираться надо...
... Что ж, Серега, я сам такой — тоже пытаюсь разобраться и в себе, и в окружающем мире.

01-03. 08.97 г.

Однажды и навсегда

* * *

В север влюбились с тобою мы с первого взгляда
и до сих пор притяженья его не смогли превозмочь.
Но ничего мне, признаюсь, не надо,
кроме того, чтобы ты была рядом,
и чтобы тихо кружилась над нами
лебедью белая ночь...

Скушно бывало в пургу и в глухое ненастье —
так, что хотелось все бросить и с севера — прочь!
Но над собою уже не имели мы власти
и, подчиняясь таинственной страсти,
ждем не дождемся: когда же закружит
лебедью белая ночь...

...И не жалею, что на севере корни пустили:
в теплых краях показалось и детям невмочь.
Ну, улыбайся, родная, хорош, погрустили!
Глянь: женихи твою дочь обступили...
Кружится в вальсе... пусть кружится в вальсе —
лебедью! — милая дочь
в белую... в белую ночь...

Багряный георгин

Ивана Яковлевича Высочинского я впервые увидел в конце 1961 года в Усть-Балыке (будущем Нефтеюганске).

На базе Пимского и Ярсомовского участков была организована Усть—Балыкская партия глубокого бурения Сургутской КГРЭ. Пимские остались в Пиму, а мы, ярсомовцы, перебрались в Усть-Балык. До морозов успели собрать ярсомовские рубленные в чашку дома, даже клуб (правда, без пола) и несколько полученных перед самым ледоставом финских коттеджей. Эти коттеджи, а также несколько балков, тягач АТЛ и другое добро шло на лихтере—тысячнике в Березово, но после фонтана на Р-62 Усть-Балыкской было оперативно переадресовано нам.

Теснотища — жуткая. Продуктов не хватало. Под берегом, на мысу, на рыбоприемном пункте, была мыр—лавка и пекарня — все, даже слипшийся с чуть не довоенных времен марципан съели: хлеба, черного, тяжелого, будто блокадного, тоже не хватало. Про баню и прочий соцкультбыт говорить нечего. Более того, даже обратного адреса не было: писали на Чеускино. И... месяцев пять люди не получали зарплату!

Вот в такой ситуации и появился Иван Яковлевич Высочинский, как нам было объявлено, в ранге зама. Прежний начальник уволился, а нового еще не назначили. Мы занимались монтажом. Старшим был буровой мастер Женя Иглин. Потом — прилетевший с монтажниками из Ярсомово старший инженер партии Петр Егоров.

Новый зам, поскрипывая протезом и опираясь на деревянную трость, обошел поселок, заглядывая в каждую квартиру, балок, самодельную жилую нору, выслушивая справедливые претензии и сочувственно кивая крупной головой и тяжело вздыхая вместе с хозяевами.

Был он выше среднего, начальственно грузен, голос широкого диапазона: от руководящего баритона до доверительного, мягкого, отечески-журящего — голосом он владел артистично. Мимика его была под стать голосу. От крыльев крупного, чуть вислого носа, огибая твердый мужской рот, шли глубокие складки, высокий лоб изрезан тремя-четырьмя морщинами, складка и на переносье. Привычное выражение лица его и светлых прозрачных глаз в прищуре было сочувственно-снисходительное, хотя по случаю оно выражало всю разнообразную гамму чувств: сочувствие, даже как бы виноватость всегда присутствовали при этом.

Иван Яковлевич родился в мае 1922 года на хуторе Прыдки Царицынской губернии, ныне Волгоградской области. В семье было три брата и три сестры. В 30-х годах Высочинских раскулачили. В Прыдках живет до сих пор сестра Александра.

Иван Яковлевич окончил семилетку и в 15 лет, в смутном 37-м году поступил в горный техникум в Юхте, но поработать после него не успел: началась война. И уже в 41-м году он попал на фронт.

В 44-м он был тяжело ранен и целый год находился в госпиталях на излечении. В результате ему отняли ногу. Да и другие раны заживали с трудом, к примеру, часы не мог надеть на голую руку — только на обшлаг, иначе раны кровоточили.

В 45-м году после выписки из госпиталя как инвалиду пришлось некоторое время работать шорником. Затем, с учетом его специальности, предложили поехать горным техником на Сахалин — разведке и добыче сахалинской нефти после войны придавалось большое значение.

Иван Яковлевич принял предложение и с женой Антониной Владимировной (она родом из Новосибирска) стали сахалинскими нефтеразведчиками. На Сахалине родились у них двое сыновей: в 46-м Борис, через год — Владимир.

С работой и заработками дела обстояли хорошо, но младший сын стал прибалывать, с лекарствами на острове были проблемы, и врачи посоветовали перебраться на материк. Что Высочинские и сделали: перевелись в Новосибирское геологуправление. И началась скитальческая жизнь нефтеразведчика. Старший сын, Борис, как-то говорил, что он, пока закончил одиннадцать классов, успел поучиться в восьми школах.

Свой первый приезд в Мегион он помнит отлично. Из старинного города Тары, что в Омской области, где они жили тогда, улетали они на самолете АН-2 всей семьей, с привычным комплектом вещей и домашнего скарба. 22 февраля 1960 года отца назначили начальником Нижневартовской партии глубокого бурения Сургутской комплексной геологоразведочной экспедиции. Борис в это время учился в седьмом классе. Поселились они не в самом Мегионе, а чуть в стороне, километра три в сторону Баграса.

Борис сейчас похож на отца той поры, только он посуше, попрогонистей и резче в движениях, что ли. «Места тогда мегионские были поглуше, — с суховатой усмешкой говорит он. — Рейсовые и центроавозовские автобусы, такси — тем более! не ходили. Зато «веревочка» существовала. Как в пушкинские времена: почтовая гоньба! А что? Почту получали, пожалуй, регулярнее, чем сейчас... В партии у отца был персональный транспорт: разъездной конь с кошевкой. Гнедой такой конь...»

В марте 61-го года была получена мегионская нефть, и стало ясно, что здесь будут разворачиваться большие дела. Иван Яковлевич согласился на переезд в Сургут для работы в аппарате экспедиции: нужно было доучить сыновей в хорошей школе, в спокойной обстановке. В Сургуте такие возможности были.

И уже по шуге, на катере, переехали Высочинские в старинный город Сургут, пребывавший в то время в ранге поселка, райцентра. Было это 17 октября 1961 года.

В Сургуте остановились они на квартире Тереховых, знакомых по прежним нефтеразведкам. Жили Тереховы в поселке разведчиков, в школу приходилось ходить в Сургут, за Сайму. Но парни не роптали: расстояние в пару километров не считалось тогда большим, как, кстати, и многие другие, невероятные с позиций сегодняшнего дня, трудности.

И так же, видимо, спокойно выехал Иван Яковлевич в Усть-Балык в длительную командировку.

Я в это время помбурил в отряде Иглина и был в курсе всех составляющих поселкового общественного мнения. Так оно было или нет, но общественное это мнение именно с Высочинским связывало такие маленькие радости и перемены, как выдачу сначала аванса, а вскоре и всех долгов по зарплате (я, помню, тут же выслал из Чеускино матери перевод из своей первой северной полочки); завоз самолетами продуктов, в основном, правда, склянок с борщами и солянками, свекольниками, рыбных консервов, тушенки и овощей (их делили между семейными), а также спецодежды... В партии было много вновь принятых, приехавших по лету, без теплой одежды: они радовались, получив зимний комплект спецовки. Я, например, заимев черный полушубок и валенки, был как кум королю!

Вскоре на базе партий глубокого бурения были организованы нефтеразведочные экспедиции, и они отпочковались от праматери своей — Сургутской комплексной, стали самостоятельными: Усть-Балыкская НРЭ — в Нефтеюганске, Мегионская НРЭ — в Мегионе.

Иван Яковлевич вернулся в Сургут и стал работать в экспедиции начальником планового отдела.

Меня тоже перевели в Сургут, но по службе я сносился с ним редко. При случайных встречах, если давно не виделись, он обычно участливо спрашивал: «Ну, молодежь, как дела? Как живется? Активнее надо жить! В производство вникать, в экономику. Сейчас вон как дела разворачиваются. Через три-четыре года многие из вас станут руководителями. Учитесь у старших, вникайте в тонкости, не бойтесь спрашивать!» — и светлые его глаза утопали в лучистых морщинках.

Жили они тогда на улице Центральной, недалеко от конторы экспедиции, занимали половину бревенчатого дома; в палисаднике у них что-то зеленело, но я как-то не обращал на это внимания — до поры. И она пришла — в свое время!

В начале июля 63-го года белой ночью, обмахиваясь березовыми веточками, шли мы с будущей супругой по улице Центральной и «чушь прекрасную несли». Было свежо, тихо и светло как днем, но словно через дымчатый светофильтр. И тут я обратил внимание на палисадник, мимо которого мы проходили, — там что-то рубиново рдело... В порыве, без зазрения совести, я перемахнул через штaketник и удивленно рассматривал цветок: это был огромный кроваво—красный георгин! Было чему дивоваться: такие экземпляры не всегда попадались мне и в Уфе, столице солнечной Башкирии! Меня окликнула будущая моя жена, и я сорвал это чудо природы, чтобы подарить его своей избраннице... Она была в восторге.

Не помню, долго ли стоял он в графине, да это и неважно, так как я сделал несколько снимков, на которых моя жена с этим георгином. Жаль, в то время цветной снимок был проблемой!

Через некоторое время я краем уха услышал, что Иван Яковлевич — а это был его палисадник! — очень убивался о сорванном георгине и призывал все возможные кары на голову его похитителя. Я тогда уже был женат и жил в четвертинке такого же дома, как у него, только на противоположной стороне, наискосок. При удобном случае я повинился ему, рассказав про обстоятельства, при которых он был сорван. Обида хоть и притушилась, но все равно корил он меня обстоятельно.

Как инвалид войны и ветеран разведки, он одним из первых северян получил квартиру в Тюмени, в которой жили сыновья с бабушкой.

Когда меня переводили в Тюмень, в геологоуправление, он сам предложил на первых порах, до получения квартиры, пожить с ними, и я до сих пор им всем благодарен.

При втором своем явлении на мегионском небосводе он предстает главным экономистом экспедиции, затем объединения.

Так получилось, что первую половину 90-х годов нам пришлось работать в одном объединении — «Мегионнефтегазгеологии». На этот раз по службе приходилось иметь с ним дело довольно часто.

То, что он опытный экономист, — собаку в своем деле съел — мне было очевидно. Да и уважительное отношение к нему главного экономиста Главка Генюша, представителей министерства и ученых мужей из московских институтов говорило само за себя. Помимо этого, Иван Яковлевич был прямым и принципиальным

человеком. Оппонентом он бывал очень тяжелым, «вязким»: переубедить его очень трудно, а уж навязать свое мнение — тем более.

Еще до перехода в объединение, будучи главным инженером экспедиции, я несколько раз сталкивался с ним, считая, что некоторые показатели устанавливались нашей экспедиции несправедливо, наравне с другими экспедициями, не обремененными вспомогательным производством и службами, связанными с жизнедеятельностью экспедиционного поселка и пр. После обмена мнениями доказательные доводы он принимал и, оперируя ими, пробивал, в свою очередь, решение наших вопросов «наверху».

Вплотную пришлось поработать нам, технарям, с главным экономистом и его службами в объединении и в экспедициях в 83—84 г.г., когда министерство, с подачи высокопоставленных диссертантов, решило перейти на новую систему проектирования и финансирования разведочных и поисковых работ на нефть и газ. Буквально в авральные сроки нам предписывалось пересоставить технические проекты и сметы на строительство скважин. Были установлены жесткие графики составления проектно-технической и сметной документации, экспертизы и утверждения ее. И сроки в основном выдерживались. А ведь вся эта работа выполнялась на фоне обычной текущей: план-то с нас требовали! Компьютеров у нас тогда не было, и выполнялось все за счет уплотнения рабочего дня, использования каждой минуты и, конечно, за счет вечеров и выходных. Я тогда был на пике своих возможностей, и то уставал чертовски, удивлялся Ивану Яковлевичу, ему все это — вроде хоть бы хны! Свежевыбрит, бодр, доброжелателен и, как всегда, непреклонно настойчив. И только временами лицо выдавало его: привычное сочувственно-снисходительное выражение сменялось натуральной гримасой боли. Тогда только до меня доходило: ему шестьдесят и он инвалид Великой Отечественной войны и беспокоят его, может быть, ужасные фантомные или реальные боли...

Сейчас Иван Яковлевич живет в Тюмени, активно работает в Совете ветеранов Главтюменьгеологии.

Сыновья его в Мегроне с начала своей трудовой биографии: Борис Иванович — в геофизике, Владимир Иванович — в бурении.

Борис Иванович, как и отец, большой любитель цветов. У себя на даче он уже семь лет, к примеру, разводит розы и пионы.

— Цветут? — интересуюсь я и добавляю со смехом: — Рвать не буду, не бойся! — намекая на случай с рубиново—рдяным георги-

ном, о котором я рассказывал ему на каротаже на далекой буровой.

— А куда им деваться? — спокойно, с хитринкой в глазах говорит он. — Цвету-ут., как миленькие. А чего бы им и не цвести, когда они, можно сказать, у меня вот здесь посажены! — Он коснулся груди. — Без сердца и черенку, и луковице не подняться, и бутону не раскрыться...

...Цветы меня всегда волновали: и маленькие незабудки, и огромные, с медный таз, подсолнухи, и тревожные лиловые колокольчики, и медово-дурмящие, словно из свежевзбитого сливочного масла, тыквенные бокалы, открытые в раннем детстве; подростком, увидев впервые, как сказочным аленьким цветочком, я восхищался и касмеей, и георгином, пионом и нарциссом и многими, многими другими, был покорен мощью гладиолуса, трубящего во все свои многоцветные раковины гимн во славу жизни. И дай Бог, чтоб цветы не уходили из нашей жизни.

25-27.01.99 г.

Глуби и выси

I

Так получилось, что организовывать забурку самой глубокой в Среднем Приобье скважины-пятитысячницы (параметрической № 90 на Тагринской площади) пришлось мне с Борисом Сергеевичем Хохряковым, нынешним главой администрации Нижневартовского района. Он работал тогда главным инженером объединения «Мегионнефтегазгеология», а я — главным технологом. В связи со сложной конструкцией скважины и отсутствием опыта строительства таких «сверловин», как говорили летные мастера-западэнцы, возникало много организационных (снабженческих, в основном) и технических проблем. Нормативное время на сооружение скважины отпускалось непривычно продолжительное по приобским масштабам, поэтому все работы, связанные с ней, находились на контроле Министерства геологии. Многократно переносившиеся сроки забури снова поджимали. Нужно было принимать решение.

Прекрасная предосенняя погода: солнечно, тепло, вольготно... Более того, благостно! Это была та краткая пора в тайге, когда воздух прохладно-смолист, когда нет гнуса, мор на него находит, или он делает перегруппировку сил в тени, в черном пойменном лесу, а без гнуса в соснячке сибирском — рай!

Заказчик, подрядчик, начальство — сидят на смолистом кряже, щурясь на высокое солнце, похваливая ключевую воду, мирно беседуют в ожидании вертолета. Состояние дел на штучной скважине ясно каждому с его позиции. Все трое — плотные, густоволосые, самый младший — в возрасте Христа. Знают друг друга не первый год, кто есть кто — ясно. Но каждого должность обязывает вести свою линию.

Подрядчик: «Первый раз, что ли? Буровая есть буровая: доделаем! Пусть забуриваются! Монтажники буровикам мешать не будут».

Заказчик (по всему видно, надоело ему): «Нам с этой скважины метража, как с козла молока, план на ней не сделаешь. И запасов не прирастить, тут уже все взято. Забуривать надо, а сколько будем бурить — не важно».

И только я упираюсь: надо доводить до ума, в том числе сделать перемонтаж части блоков, заменить в насосном основании, завезти все материалы и — в таком же духе, целое предписание заказчику и подрядчику. «Борис Сергеевич! — апеллирую к началь-

ству. — Как только долото закрутится, мы с вами будем в бороне, а они — в стороне. Спрос будет с нас».

Хохряков, как обычно, выслушал меня внимательно, потом, без усмешки, задал неожиданный вопрос:

— Виктор Николаевич, вам в горы не приходилось ходить? — чуть усмехнулся в ответ на мое недоуменное выражение: какое, мол, отношение имеют выси к глубям, пояснил. — Я это к чему? А к тому. Там перед восхождением на вершину делают промежуточные лагеря. Мы сейчас, будем говорить, у подножия. Есть у нас возможность дойти до промежуточной базы, спустить первую обсадную колонну? Думаю, есть. Так, поэтапно, и будем строить скважину. Иначе никогда не закрутим ее. Логично? — И уже обращаясь к заказчику и подрядчику, распорядился: — Выполняйте предписание и забуривайтесь. Виктор Николаевич его откорректирует в духе договоренности. Но не забывайте про подготовку к следующему этапу.

Я был недоволен данным распоряжением. Но знал, что если, выслушав все мнения, Борис Сергеевич принимал, как он выражался, волевое решение, переубеждать его не имело смысла: нужно было или выполнять, или уходить. Уходить я не собирался, мне нравилось работать с ним, а волевые решения он принимал в подобных патовых ситуациях. И я остался на буровой — корректировать предписание с учетом восхождения до промежуточного лагеря.

II

Познакомились мы с Борисом Сергеевичем Хохряковым вот при каких обстоятельствах.

Летом 81-го года, не догуляв длинного, за три года, отпуска, перевелся я из Ваховска, где работал главным инженером, в Мегион, в объединение, по семейным обстоятельствам (в поселке была тогда только школа-восемилетка). Я был в то время крепок, здоров, считался достаточно опытным специалистом, не боялся поля, как, впрочем, не чурался и аппаратной работы, не пренебрегал бумагами. Это было еще в тот период, когда я «завязал» со стихами и прозой, считая прежние пристрастия юношеским увлечением. Поэтому полностью отдавал себя работе, благо были неограниченные сферы приложения, так сказать, творческих сил: куда ни кинь — везде проблемы. Я не отказывался ни от любых служебных заданий, ни от общественных поручений. По неделе-две бывал в командировках, в экспедициях, особенно часто — в

Аганской суперэкспедиции, инициаторе отраслевого соцсоревнования. И вот, вернувшись из командировки в очередной раз, прямо с вертолетки я прибыл в объединение. Не успел я дойти до своего кабинета, как меня перехватил босс группового профкома:

— Где вы ходите?! Конференция уже начинается, а представителя объединения до сих пор нет!

— Какая конференция? И при чем здесь я?

— Профсоюзная. Мегионской экспедиции. От объединения вы должны присутствовать...

Профсоюзные конференции... На многих мне доводилось заседать за время работы в Главтюменьгеологии, все они были похожи одна на другую накалом страстей! Да и где еще отвести душу людям, живущим зачастую в условиях, подобных тем, что на воспетых лесоповалах? Где еще есть возможность «отоспаться» на начальстве доморощенным жванецким? У меня до сих пор в памяти, на слуху та, первая конференция, на которой я присутствовал зеленым молодым специалистом — в Усть-Балыке, в 61-м году, на месте будущего Нефтеюганска, закончившаяся глубокой ночью, когда люди выходили из замороженного (пола еще не было) клуба распаренные, но — умиротворенные, отведшие беззлобные, отходчивые души.

И вдруг, впервые, спокойное, даже вялое собрание. Так, с реденькими всплесками, с мелкой рябью эмоций.

Конференция идет в единственном мегионском (и до сих пор, кстати!) ДК «Прометей», находящемся на балансе Мегионской экспедиции (ныне передан городу). Зал для конференций великоват. Мы сидим с Хохряковым чуть на отшибе. Еще одно отличие от привычных конференций: начальник экспедиции не в президиуме, а в зале...

В перерыве обращаюсь к нему:

— Борис Сергеевич, в чем дело? Какое-то сонное царство.

Он понял, о чем я спрашиваю.

— У меня еженедельный прием по личным вопросам. Ведется регулярно. В присутствии зама по быту, председателя профкома, начальника ОРСа. Секретарь парткома бывает часто. Вопросы решаются конкретно, гласно. Невыполнимых обещаний не дается. И — контроль за принятыми решениями. Так что спорить обо не о чем...

Прежде мы встречались на совещаниях, на штабах, советах руководства, но мимолетно. А в этот раз немного разговорились, отметив, что взгляды на многие аспекты нашей работы у нас совпадают. Я узнал, что он после института, с 72-го года работает здесь, в МНРЭ. Начинал с цеха испытания, был его начальником,

затем замом по общим вопросам. И вот уже два года начальником экспедиции. Я высказался насчет удачной его служебной карьеры.

— Просто ответственности не боюсь: беру на себя. Когда место зама освободилось, многим, более опытным предлагали, те отказались. А я согласился! Покрутиться пришлось, но справился. И когда начальником предложили, не стал ломаться из скромности: производство знал, людей, район работ и прочее. Вроде получается? — он сдержанно улыбнулся, но ни в тоне, каким это было произнесено, ни в коротком, отрывистом смешке, которым была сопровождена неширокая улыбка, приоткрывшая плотные, некрупные зубы, не было самодовольства, тщеславия, чуть честолюбия — может быть.

Еще большее расположение испытал я к нему, когда узнал, что он закончил тот же институт, что и я, — Уфимский нефтяной. Что мы — земляки.

III

Уфа!.. Город школьного детства, юности, студенчества. Город первого сладкого сердцебиения, первых увидевших свет стихов, радости и тревог.. Город, в который так радостно было возвращаться с практики, с уборки, а позже — с севера, в отпуск! Как и в прежние годы, люблю посидеть на татарском кладбище (ныне — у памятника Салавату Юлаеву), или недалеко от альма матер, в парке, деревья которого начали сажать на поросшем полыньком высоком берегу Белой еще мы, и безотрывно глядеть в поистине соющую глаза синеву забельских далей, вдыхая запах лип с Воронок и полынка — родного «ямшана»... Много памятных мест и в городском пространстве... Что говорить — родные места! Материнским теплом веет от них, родительским кровом. У меня там матушка упокоилась, у Бориса Сергеевича — отец, поэтому ныне нам Уфа вдвойне дорогой город. О, Уфа — син минеке бер!

— Если бы не война, — вспоминает Борис Сергеевич, — я бы не уфимцем родился, а волжанином. Родители жили на Волге, в деревне Глебово, под Рыбинском. Работали на моторном заводе. В начале войны завод эвакуировался в Уфу, вернее, в Черниковку. Помните же: вдоль Транссиба полустанки — 1-я, 2-я и т.д. Площадки? Цеха моторного завода! Отец прошел большой трудовой путь от токаря-фрезеровщика до заместителя начальника цеха моторного завода, в котором работало полторы тысячи человек. На работу он уходил обычно в семь утра и возвращался поздно

вечером. По субботам работал в таком же режиме. Поэтому я с детства считал, что так мужчина и должен работать. Жили мы сначала в районе 4-й площадки. там, в 13-й больнице, 11 мая 1950 года я родился, став уфимцем. Если интересуется, могу сказать точнее: в шесть утра.

Борис Сергеевич сдержанно, в своей манере посмеявшись, продолжает вспоминать:

— В 56-м году переехали в новый дом, сейчас это улица 40 лет Октября. Через год пошел в школу № 52 калининского района Уфы.

— А полное солнечное затмение помните? В это время, кажется, было, — вдруг сбиваю я его с мыслей.

— Такое не забывается: впечатляющее зрелище! — откликается он. — Когда «Слово о полку Игореве» проходили, ощущение русичей от полного затмения солнца — поистине небесного знаменья! — были понятны. Как же: исчезло Ярило среди бела дня!.. Зато потом, когда солнце стало переливаться из-за тени, каким ослепительным показался его свет, каким ярким и новым окружающий мир. Но вскоре жизнь пошла своим чередом. Школа. Уроки. Домашние задания. Спорт. Походы по окрестностям. Места у нас — сам знаешь! Одни Воронки чего стоят. Да и берега Уфимки... По обрывам забирались, пещеры — хоть и узкие, скорее лазы, но все же осваивали. Купались, рыбачили, орехи-лещину в овражных чашобах добывали. Весной — за подснежниками...

В парке Калинина, а он ведь большой, местами — лес настоящий — в кроссах участвовали. Между прочим, в беге на 800 метров был чемпионом школы. Результат до сих пор помню: две минуты девять секунд. А в 68-м году, это уже после первого курса, а поступил я, как ты знаешь, в Уфимский нефтяной институт, друг уговорил меня заняться альпинизмом и вывез на сборы. База была на речке Ала-Арча, километрах в двадцати от Фрунзе, от Бишкека то есть. После обучения скалолазанию совершили два восхождения: на вершину Адэгине и пик Панфилова (что-то около 4700 метров над уровнем моря). Наша группа заняла 17-е место из 150 (

Борис Сергеевич Хохрянов, глава администрации Нижневартовского района, б. начальник МНРЭ, б. гл. инженер ОМНГГ, б. начальник АНГРЭ

в зачет команде вошли). Вот так. В 72-м году институт закончил, остальное вы знаете. Кстати, ваш однокашник, Анатолий Попов, был руководителем моего дипломного проекта...

Когда в горы поднимались, не думалось мне, что лет через пятнадцать придется совершить, хотя опосредованно, зеркальное восхождение на такую же высоту... То есть в глубь земли.

IV

Вскоре после нашего разговора Хохрякова назначили главным инженером Мегионнефтегазгеологии. На его место (не отставать же от нефтяников!) поставили знатного бурового мастера, «маяка» отраслевого соревнования. Этого «маяка» я знал как злостного нарушителя технологической дисциплины, для которого единственным критерием истины был свой прошлый опыт, несмотря на новые сложные геолого-технические условия. Тем не менее новый главный инженер, собрав нас, руководителей служб, настоятельно рекомендовал, чтобы мы вплотную занялись оказанием помощи новому выдвиженцу. На наше удивление, почему, мол, не главного инженера, опытного руководителя и специалиста, назначили начальником экспедиции, замещавшего Хохрякова, когда тот был в отпуске или командировке, а «маяка», Хохряков, тая усмешку в небольших темно-карих глазах, ответил фразой известного анекдота: «Надо, Федя, надо!»

Так началась моя работа под его рукой.

Вспоминая своих непосредственных начальников разного уровня, с которыми мне пришлось более тридцати лет работать, я выделяю троих: Виктора Петровича Федорова, Израиля Перецовича Бранзбурга и Бориса Сергеевича Хохрякова — с ними мне было легко работать, и основная причина этого в том, что они не мешали мне выполнять мои обязанности, считались с моим мнением, не перерешивали, не давили, а убеждали, и только в редких случаях принимали, в разрез с моим мнением, волевые решения. Ну и, помимо прочего, мне нравились многие их личные, общечеловеческие качества, привычки...

Помню, после забурки 90-й Тагринской, мы с Хохряковым при первой возможности ездили в ближние, окрестные лесочки и колки за грибами. Он отпускал своего водителя Николая Ивановича, сам садился за руль УАЗа и — по грибы! по ягоды! Хоть час-два, но успевали мы полазить по чапыжникам, опушкам и предболотьям. Собирал он азартно, ревниво относился к своим находкам. Характерно уважительное отношение не только к людям, но и к лес-

ным дарам! (Может, точнее, к своему труду?) Такой пример. После грибной охоты спрашивает: «Сколько у вас получилось грибов после варки?» Стыдно признаться, гости приходили, а корзинка с неперебранными грибами так и стоит на балконе, и придется, когда руки до них дойдут, половину выкинуть. Мы в то лето холостяковали, и оба делали подготовительные работы к ремонту квартир: занимались шпаклевкой дверей, окон, полов. Я потом приступил к малярным работам, а Борис Сергеевич не решился.

— Вообще говоря, ремонт квартиры — не моя прерогатива, — пояснил он усмешливо, — это хобби жены! Мне она не доверяет: колер красок, рисунок обоев — дело тонкое, дизайн! В этом она спец, а я — как рабсила...

С Валентиной Ивановной Хохряковой я познакомился, пожалуй, прежде, чем с Борисом Сергеевичем.

В конце 70-х, когда было создано объединение «Мегионнефтегазгеология», зимой, при нелетной погоде, мне приходилось добираться из Ваховска до Мегиона по зимнику через Стрежеевое. Хорошо укатанный зимник порой не уступает автобану, а вот недавно уложенная бетонка выматывала всю душу, особенно если ехать приходилось на ВМ-20. В любом случае, после многочасовой езды самочувствие было не лучшим. И так приятно было освежиться крепким ароматным чаем после тряской дороги!

Главным механиком объединения в то время был мой давний знакомый. И однажды зашедши к нему, я был радушно попотчеван и кофе, и чаем его милыми сотрудницами, симпатичными, остроумными и веселыми женщинами: Алиной Алиевной, Валентиной Ивановной и Алей... И с тех пор, даже прилетая на вертолете, я стал наведываться к ним: пообщаться. За чаем обсуждали новости, хохмили, попутно я мог получить язвительные замечания, если наши механики допускали в своих отчетах, актах на списание, заявках или других документах непростительные «ляпы».

Оказалось, что Валентина Ивановна — землячка, окончила механический факультет нашего Уфимского нефтяного института (а я земляками гордился, уровень подготовки в УНИ был выше, чем во многих других родственниках!).

С Борисом Сергеевичем она познакомилась банально: на студенческой вечеринке. Знакомство привело к тому что на последних двух курсах ей пришлось учиться заочно: вышла замуж и уехала с ним в Мегион в 72-м году. И ездила потом — как нитка за иголкой...

Валентина Ивановна по натуре человек открытый, энергичный, коммуникабельный, она способна в любых условиях создать душевную, непринужденную обстановку, а уж дома, для родных и любимых — тем более!

Поэтому неудивительно, что Борис Сергеевич к своему дому, к семье относится очень уважительно, трепетно, может быть, даже...

V

На 90-й Тагринской дела — поэтапно, с заминками, но продвигались. Долото диаметром 295 мм достигло глубины 3800 метров. Сложности усугублялись суровой зимой, высокой забойной температурой (более 100 градусов Цельсия), буровая курилась, как вулкан, буровой раствор на устье был горячим...

На долото, что поднято с забоя,
с достигнутой впервые глубины,
смотрим с волнением, само собою...
С каким-то ощущением вины
вращаю облысевшие шарошки:
на них тускнеют, подсыхая, крошки
глубинных —
нутряных! —
земных пород...

А память, сделав резкий поворот,
подсказывает мне совсем другое:
космический корабль, пробивший в космос дверь!
Небесная — там, здесь — земная твердь!
Но то же устремление — благое!
И долото навстречу тяготенью
уходит вниз —
как корень у растенья.

Хоть и «навстречу тяготенью» шли наши буровики, но спотыкались и на ровном месте, чего уж скрывать. И на 90-й — штучной, и на рядовых, выгонявших пресловутый плановый метраж.

План! План! План! Любой ценой: план!

План, не подкрепленный техническими ресурсами...

План, рассчитанный на энтузиазм масс, без развития социальной инфраструктуры...

План, который выполняют начальники, парткомы, профкомы и комитеты комсомола, а заваливают — главный инженер и его службы...

Каждое утро начальник Главка — генералу, главный — главному и т.д., по функциональной подчиненности с одним вопросом: «Когда закрутите нулевки?» То есть забурите новые скважины,

чтобы взять легкие верхние метры для покрытия своего или чужого недобора, для выполнения дополнительного задания. И все это называлось оперативным руководством, оказанием помощи, заключающейся в ценных указаниях, а фактически было мелочной опекой, отнимавшей время от настоящей работы. Но у Главка была власть, все финансовые и материальные ресурсы, право казнить и миловать, назначать и смещать... «Выгоню!!!» сменилось на более демократичное «Уволю! Без права работать в системе даже вахтером...» Трудно в такой обстановке разговаривать с подчиненными спокойно, доброжелательно, считаться с их мнением, уважать их человеческое достоинство, учитывать их семейные обстоятельства и житейские ситуации.

Борису Сергеевичу это удавалось.

Но как, знали не многие: через стенокардию... Хотя он сам вида не показывал.

Когда же у дочери после операции, сделанной в Мегионе, началось осложнение и потребовалось квалифицированное и длительное лечение, Борис Сергеевич тут же, без раздумий перевез семью в Уфу, оставил престижную руководящую должность и стал вахтовиком: буровым мастером на глубокой скважине-четырёхтысячнице... И только после того, как здоровье дочери окрепло, вернулся снова на постоянную работу на север — возглавил Аганскую нефтеразведочную экспедицию, переживавшую тогда не лучшие времена...

В Новоаганске он в который раз в жизни не побоялся ответственности: принял на себя груз выборной должности председателя Нижневартовского райисполкома, и до сих пор несет это бремя в должности главы администрации района.

А новоаганцы до сих пор вспоминают Бориса Сергеевича добрым словом. Но он и на новом посту не забывал их. Об этом говорилось на юбилейных торжествах, недавно прошедших в Новоаганске.

О работе Бориса Сергеевича, его программе, о том, что сделано в районе с его спокойной, точной и силовой подачи достаточно много и регулярно рассказывается в местных и региональных средствах массовой информации, в буклетах, выпущенных районным пресс-центром и т.п. И я не ставил себе целью говорить о сегодняшних его делах, стиле работы, его человеческих качествах, я хотел показать, откуда он, сегодняшний Хохряков Б.С., глава, депутат, семьянин (свежеиспеченный дед, кстати). Человек современный, повидавший мир, расширивший сегодня свой кругозор, обогатившийся новым опытом, способный воспринимать новое, критически оценивая прошлое, не черня его.

Вот лишь несколько впечатлений от встреч с ним а последние годы.

...Борис Сергеевич разговаривает с солидной, русской приятности и комплекции женщиной, по всей видимости, финансистом: «Освободите меня от этой ноши! Я почему занимался сам? Хотелось, чтобы все бюджетники получили зарплату. Сейчас, когда вопрос решен и есть перспектива к нему до Нового года не возвращаться, берите все на себя. Будем говорить, за рублем обратятся, буду отправлять к вам, сам решать ничего не буду! Согласны?»

Отмена волевого решения, принятого в критической ситуации, и возвращение самостоятельности руководителю службы? Видимо, так. Как и в былые времена.

...Борис Сергеевич о стиле своей работы: «Где бы и на какой должности не работал, стараюсь создать команду. Но решение сложных задач беру на себя. Еще в молодости, впервые став руководителем, определил свою нагрузку: способен за рабочий — ненормированный, правда, день — рассмотреть до пятидесяти вопросов разного уровня (по вертикали и горизонтали). И такой темп работы удается сохранить по сегодняшней день».

...Борис Сергеевич о своем имидже: «Хотелось бы иметь имидж обязательного человека. И, думаю, именно так меня воспринимают жители района. Их доверие, уважение к себе чувствую всегда, когда бываю в поселках. Поездки на места — мой образ жизни, к которому я привык, работая еще в геологии. Определиться, что надо сделать, не по генплану и телефону, а на месте, общаясь с конкретными людьми. Общение с людьми всегда подпитывает руководителя особой энергетикой. Я пытаюсь делать больше, наверное, потому, что по натуре созидатель. У меня всегда была потребность улучшать жизнь. И люди это видят...»

...Борис Сергеевич только что проводил посетителя, отрывисто усмехнулся: «За сырьем охотников — хоть отбавляй! А надо, чтобы здесь строили перерабатывающие мощности: мини, миди... Нет, макси — не освоим, ресурсов не хватит, да и с рынком сбыта могут быть проблемы...»

Отношение к ресурсам района бережное, как к собранным своими руками грибам, помните?

...Борис Сергеевич рассказывает о своих командировках в Китай и Японию: «В Китае — своим, родным, социалистическим повеяло, словно не служебная командировка, а дружеский визит, зато в Японии — ни минуты на перекур и посторонние разговоры. С утра до вечера! Вот с кого пример брать надо, у кого учиться! Но начинать надо с семьи, с пеленок людей воспитывать... Мен-

талитет совка не изменишь быстро, но менять надо: иждивенчество и пофигизм превращать в самостоятельность и чувство долга перед собой, семьей, предприятием и страной».

И последнее. Борису Сергеевичу по должности приходится встречаться и принимать достаточно высоких и очень высоких гостей. Я хотел бы упомянуть об одной встрече — с Патриархом Московским и Всея Руси Алексием II во время пребывания его Святейшества в Нижневартовске и районе. Событие это широко отражалось в фоторепортажах и телехронике. Мне кажется, что многие должны были обратить внимание на то, что временами рядом с убенным сединой Патриархом появлялся мужчина зрелого возраста с таким же внимательным взглядом карих глаз, очень похожих на патриаршьи — это был Борис Сергеевич Хохряков. Глаза, говорят, зеркало души! Дай Бог, чтоб так оно и было. Духовной вам высоты, Борис Сергеевич!

Наша жизнь — дорога

I

На лимузине ли катим из Нижневартовска, на рейсовом автобусе, на центрозавозовской ли «Каросе» или на своем «Жигуленке», на повороте перед Мегионом очнемся от дремы: водитель сбросит скорость или вообще тормознет, высаживая пассажиров, чаще всего студентов. «Су-920» — отметим про себя и будем кема-рить дальше: «клумба», «баня», «автостанция» — еще впереди.

По автодороге до поселка «СУ-920», своеобразного мегионского Посада, покажется далековато от центра города, зато по берегу Меги — каких-нибудь двадцать минут, здесь он практически смыкается с промзоной города.

Ежегодно в сентябре, в бабье лето, пешком отправляюсь я в осеннюю теплынь по грибы-ягоды, по хорошее настроение, и прохожу мимо двухэтажного здания, обшитого вагонкой, с крышей-козырьком; вокруг него скверик, огороженный низким штакетником. Это контора строительного управления № 920, основное занятие которого — строительство автодорог. Вправо от конторы, вдоль Меги, широкой улицей с проулками, двухэтажные деревянные дома и одноэтажные коттеджи поселка. Много зелени. В этот лес я и хожу. Слева по дороге — промзона дорожников и их смежников: ремонтно-механические мастерские, склады, гаражи, котельная, деревообрабатывающий цех, автозаправка. На площадке перед конторой, особенно по утрам, целая автостоянка разнородной техники. Да и людно бывает. Как говорится, жизнь ключом бьет!

Недавно я познакомился с интересным человеком — работником этого управления, и хотел о нем написать, но он отказался и предложил: «Если уж вас дорожники заинтересовали, расскажите о нашем «генерале»: молодой, способный! И как человек — интересный. Недавно собрание акционеров вновь его выбрало — единогласно!» Выполняю его просьбу.

II

Я знал, что человек, к которому я собирался войти, генеральный директор АОТ «СУ-920» Алексей Владимирович Андреев, родился в Москве в 59-м году в доме, стоявшем на месте, где когда-то стоял дом его дедушки-коммерсанта, выходца из городка

Данилова Ярославской губернии, в семье бывшего военного летчика, в мирное время — кандидата технических наук.

«Каков он? Если не по сердцу, — поговорим и разойдемся», — решил я.

Нас представили. Пока мы обменивались неизбежными фразами, люди, бывшие в кабинете, выходили, зато из приемной втекали новые. Усадив меня в ближнее кресло, извинившись, Алексей Владимирович предупредил секретаря, что занят, и стал решать «вопросы» с теми, кто успел войти.

«Так... Сейчас ему 35. 13 августа исполнилось. Среднего роста. Плотный, спортивного вида мужчина в расцвете сил. Округлое лицо спокойно. Доброжелательно, даже, я бы сказал, сосредоточенно—жизнерадостно. Как у... У космонавтов в гостинице... накануне старта. Или у летчика перед взлетом. Да. Гены отца-пилота сказываются?»

Хозяин кабинета, между тем, «решает вопросы»: и с теми, кто перед ним, и с невидимым — по телефону — абонентом, мягко, споро, деловито.

«О! Эти черты он наверняка унаследовал от своего деда—коммерсанта: чутье и хватку русского предпринимателя, купца, фабриканта...»

Наконец прорвался последний, кажется, посетитель, видимо, начальник какого-то подразделения: доложив о выполнении графика, он сообщил под «занавес» пренеприятнейшее известие: «При отсыпке балласта КрАЗ семафор подломил. Действует, но опора вот так — углом — сложилась».

— Да сколько ж их там, семафоров, что под самосвалы лезут! — воскликнул Андреев с горькой иронией. — Восстанавливайте. За наш счет. Пока семафоры стоят, смотреть надо. И с виновником разберитесь, — распорядился спокойно, а секретаря предупредил: — До двенадцати — занят!

III

— Да, видимо, это общая наша российская беда: родословной не занимался и я. — Алексей Владимирович вздыхает, — знаю, что дед был из городка Данилова Ярославской губернии, был у него там приличный дом. В нем, кстати, до сих пор школа размещается. Дед продал его, переехал в Москву, купил дом на тогдашней окраине, в дальнем Замоскворечье. Где-то во времена НЭПа. Потом, кажется, раскулачили его. Впрочем, не буду фантазировать, не в моих правилах. Вот для сына Вадика, ему сейчас 2,5 годика,

*Алексей Владимирович Андреев.
Рис. автора. 1994 г. Мегион*

родословную, ту, которую твердо знаю, напишу. Да и очерк ваш, думаю, сыграет определенную роль...

Секретарь прерывает нас: кто-то, значит, «достал» ее.

Алексей Владимирович разговаривает по радиотелефону, потом, срастив прерванную нить разговора, продолжает:

— Отец перед самой войной закончил школу на отлично. Не с медалью: медали тогда не давали, а с золотым — или что-то в этом духе — аттестатом. И против воли матери, бабушки, которую не помню, поступил в Ленинграде в летное училище. Как война началась, их по-быстрому выпустили. Отец и самолеты перегонял, и воевал, главное — живым остался. После войны закончил институт, работал, диссертацию защитил. С матерью они познакомились во время учебы, на каком-то студенческом вечере (мать в химико-технологическом училась). Родилась у них дочь, сестра моя старшая — Ирина. А потом, через девять лет, поздним ребенком — я...

— Не иначе Ирина выпросила братика! — не совсем тактично прерываю я ностальгическую паузу, — в России, особенно в городах, в то время как раз возобладала эта тенденция: «мама, папа и я». И я знаю множество семей, в которых старшие дети-первоклашки буквально выплакивали себе братиков или сестричек. Впрочем, поздние братцы-иванушки или сестрицы-аленушки удачливее и способнее старших. По себе это не ощущаете?

— Да как сказать... Вроде и нет, с другой стороны, и жаловаться грех! В целом если, то судьба складывается. Сейчас по сути, по возрасту, по ощущению своих возможностей подхожу к восходящей ветви своей жизненной параболы. А время, как себя помню, всегда торопил. Первое-первое, что врезалось в память, проблеском, как в видеоклипе, такой эпизод: книжный шкаф, отец и я. «Папа, — спрашиваю, — мне уже пять?» С огромным желанием, чтоб так оно и было! «Нет, — отвечает отец, — еще нет, но скоро будет». Года в четыре с половиной, значит. А так хотелось быть взрослее! Бабушка по матери жила с нами, но я ходил в детсад:

прямо во дворе, как сейчас помню, садик завода «Изолятор», — родители, как это принято в Москве, произвели обмен полученного на работе «места». И в садике, и в школе интересно было, конечно, но уж больно, казалось, жизнь медленно течет: день иногда казался длинным, как вечность! Все: мать, бабушка, сестра, отец — занимались со мной, что-то свое привнесли в мою жизнь, но особенно, конечно, отец был близок, с ним и на стадион, и — по абонеентам — в консерваторию, в кино, в театры, на выставки ходили, и к литературе — сверх школьной программы — с его подачи приохотился. Мать умерла относительно рано, мне восемнадцать исполнилось в тот год. А с отцом до сих пор дружим: интересный он человек. Помогаю ему, чем могу. Переписываемся. Учился в школе ровно, без блеска, но с чувством долга: надо, Леша! Разве что к математике, к геометрии, в частности, испытывал подспудное влечение: было что-то завораживающее, неожиданное и, в то же время, предопределенное в геометрических построениях, сопряжениях, в математических преобразованиях...

IV

— О геометрии, кстати. В те годы, когда вы родились, известный ныне поэт воскликнул: «Я с детства презирал овал, я с детства угол рисовал!» Какие склонности у вас, чем вы в жизни чаще пользовались: «треугольником» или «лекалом»?

Мы едем по широкой, в четыре плиты, пустынной пока объездной дороге: Алексей Владимирович показывает мне образец продукции АООТ «СУ-920».

— Основные наши сегодняшние объекты на левой стороне Оби, а в Мегионе и в окрестностях, можно сказать, по мелочи. Но даже самыми мизерными заказами не брезгуем: беремся за благоустройство дворов, отмостку стыков, переходов, переулков. Лучше, конечно, когда все делаем в комплексе, сами, без субподрядчиков: видна наша работа! А то ведь другой раз, если заключительные работы, к примеру, асфальтовое покрытие, выполняет недобросовестный партнер, вместо него, мягко говоря, испытываешь неловкость перед заказчиком...

Дорога между тем, по рассчитанным на ЭВМ сопряжениям кривых, с уклоном внутрь, делает плавный поворот.

Алексей Владимирович, после некоторого молчания как бы вспомнив мой вопрос, восклицает: — Интересно! Треугольник или лекало? Так ведь и то, и другое необходимо в равной степени. Хотя, пожалуй, лекало — чаще! Беда вся в том, что многие не уме-

ют им пользоваться! Мы, дорожники, строители дорог, профессионально предрасположены к лекалу! Пересеклись две прямые (дороги, судьбы, как угодно) — под прямым, тупым или острым углом, неважно. Чтобы избежать столкновения движущихся по ним «объектов», нужно ставить «регулирующее устройство»: гаишника, светофор ли, инструкцию, правило, закон. И это — обычный, традиционный подход. Как в буквальном, так и в широком смысле: принцип «угла». А если оттолкнуться от «овала», то ведь в месте пересечения можно поместить круг («клумбу»), с которым плавно, по лекалу, войдут в сопряжение отрезки прямых... Более того, можно пересекающиеся прямые перевести в разные плоскости и соединить их объемными сопряжениями, сделать «развязку»...

В жизни, естественно, все сложнее... Встречаются «углы», встречаются... Вы вот спрашивали про первые жизненные впечатления, вспомнил еще одно. В детсадице... Была у меня любимая игрушка — самолетик, я с ним не расставался. У молодой воспитательницы в группе был ребенок. Однажды она говорит мне: мальчик, дай самолетик моему сыну. Я так воспитывался: жадничать нельзя, делиться надо, и отдал игрушку свою. Проходит день, два, три. Думаю: когда отдадут? Спросить — неудобно...

Наконец говорю: «Можно мне свою игрушку получить обратно?» И что же? Воспитательница сунула мне самолетик за шиворот: «На! На!», ходить с ним заставила и даже лечь спать. Вот уж она — точно! — «угол» рисовала! И, возможно, не одного меня им так зацепила, что и не вытравишь из памяти, как ни старайся. Так что я скорее за «лекало» и «непересекающиеся» в разных плоскостях перекрестки! — Переменив резко тему разговора, он спросил: — Наши объекты теперь представляете? Если не возражаете, посмотрим поселок и «дом, в котором я живу»? — и направил машину домой, в родной СУ-920.

V

— В 97-м году управление будет отмечать свое двадцатипятилетие. Живем, по сути, автономно. Все свое: жилой фонд, дороги, инженерные коммуникации, котельная, школа, детсад, магазины, здравпункт... Теплицы... В аренду сдавали, теперь вот восстанавливать приходится.. Спорткомплекс с бассейном... Единственный в Мегиионе! Молодежный досуговый центр... Большие надежды возлагаем на него! Заканчиваем реконструкцию... Наши РММ... Компания «Автомобилист» — III-я автобаза объединилась

с нашим транспортным цехом. Компания самостоятельная, со своим расчетным счетом и прочими правами, но вошла в наше АООТ на определенных условиях? Сейчас в трудном положении, но — помогаем, думаем, с нашей помощью положение выправится. Далее — «деревянный» цех...

Мы тормознулись на автостоянке перед зданием СУ-920 как раз в начале обеденного перерыва. К Андрееву, едва он открыл дверцу, подошли несколько мужчин; пока они решали вполголоса свои проблемы, я наблюдал за выходящим человеком. Была на удивление теплая для октября погода: выходящие были легко и нарядно одеты. Впрочем, многие садились в свои машины, другие — в ожидавший их автобус (я понял, что это — живущие в «городе»). А где, интересно, сам Андреев живет, подумал я... И вдруг услышал его голос: «Алла!» Он посигналил и еще раз окликнул: «Алла!!!» — Жену увидел, — пояснил мне, — подвезем ее до дома да и пообедаем заодно...

Поехали мы в сторону поселка...

Возле одноэтажного щитового дома небольшой, обнесенный штакетником огород с убранными грядками, разобранным парничком...

— Мечта! — позавидовал я.

— Махнемтесь? — моментально отреагировал Алексей Владимирович. — Да так — то ничего, жить можно! На природе! Но дому восьмой год. Панели: корежится! Вон, видите, — показал на щель в потолочном сочленении в коридоре, — а ведь недавно отремонтировал! Конечно, при желании мог бы получить квартиру в капитальном доме — в «городе», но — дело принципа: когда меня избирали на должность в 89-м году, здесь жил, с людьми своими, голосовавшими за меня; поэтому, не улучшив им условия обитания, улучшать себе — просто совесть не позволяет. Вот такие дела. Когда меня впервые избирали, я прошел по большинству голосов, то есть против меня были и некоторые рабочие, и ИТР. А сейчас, в мае, на собрании акционеров нашего АООТ, избрали буквально единогласно! Это, честное слово, и сил прибавляет, но и ответственность удваивает: надо сработать так, чтоб в будущем «черных шаров» не было! Теперь это уже дело чести!

Алла уже нас окликнула

— Мужчины! Обедать!

А мы — только разговорились!

— Алла! Минутку! — отозвался Алексей Владимирович. И мне: — А ведь в Сибирь — как приехал? Работали мы в стройотряде. В Когалыме. Можно сказать — шабашили. Неважно. Главное, потом я говорю: а ведь вернемся мы сюда! Пусть не сразу, но — вернемся!

Меня на смех: «Даешь, старик! В такую глухомань?» А ведь прав я оказался: половина нас — вернулись! Сейчас где только нет однокашников! Хотя многие, как и я, первоначально после Московского автодорожного института получили направления в другие места. К примеру, я работал два года в государственном проектно-институте и сейчас — благодарю Бога: проектирование и программирование освоил, как говорится, «азбуку» сегодняшнего дня...

(Боже мой! Сколько утекло денег, ваших, моих, наших внуков, чтобы в Москве, С-П, Н-Н, али еще подалье, руководящие «единицы», обставленные оргтехникой, купленной по бартеру за невозполняемые народные богатства, у международных проходимцев, для престижа, ездили для изучения оной и, конечно, безрезультатно! «Дэнди», «Пасьянс» ну и кое-что эротическое — максимум, что они освоили!)

— Алла, сейчас идем!.. Ведь что интересно? Время — оно как бы несколько измерений имеет. Особенно прошедшее. С одной стороны, вроде только-только в Сибирь приехал: Нижневартовск, общаги... Три года мастер, прораб, начальник участка, ПТО, контора, выборы начальником... В Сибири — почти полтора десятка лет, в Мегионе — одиннадцать! Двойственное ощущение... диалектическое! Будто вчера или тысячу лет назад...

— Мужчины! — не на шутку сердится хозяйка, — обед стынет!

— Где ты сердитую такую отхватил? — сбившись на «ты», шутили-во спрашиваю я Андреева, проходя в маленькую кухню-столовую.

— Здесь, здесь — в Сибири! Где еще таких найдешь! — притворно сердито говорит Алексей Владимирович.

...Обед — когда успела? — по-настоящему домашний. Капуста — посол: язык проглотишь! (На веранде целый ряд банок с такой капустой! Собираются отвезти в хранилище).

— Сами резали?

— А кто же? — Алла Викторовна (иронична, мысль схватывает по первым словам, интонации и выражению, как прежде говорили, «физиогномии»). Она элегантно, может, на мой взгляд, слишком «по-девичьи» одета, но это — дело ее вкуса. Главное, она мне напомнила чем-то мою младшую дочь, та тоже одевается не так, как мне нравится, но, тем не менее, я ее очень люблю в любом наряде. И еще. При всем при этом успела сына в садик собрать утром. В квартире марафет навести. Себя «создать»: не думаю, что стилисты над ней работали! Выстирать мужу рубашки: прошу прощения, но призвание обязывает быть наблюдательным! — когда я мыл в ванной руки, обратил внимание на полдюжины сохнувших неярких, ближе к сиреневому, рукавов мужниных рубашек...), — так эта самая Алла Викторовна призналась: — А кто

же, как не мы! Родители — там, а домработниц, вроде «Наташи», — не держим-с... Поэтому приходится — самим-с!

... Уходя, обратил внимание: в палисаднике стоит прогонистая еловая сушина.

— Что ж не срубишь? — вопрошаю Андреева.

— А зачем, — говорит он, — пусть стоит, мне не мешает. Конечно, чаще на нее вороны садятся. Но по весне и скворцы ее не избегают: поют.

Оглядываюсь: где скворешня?

— А я, — предваряя мой вопрос, говорит он, — не хочу ее ставить: котельная городская дымит, мало того, что нас травит, и их сведет... Пусть летят куда—нибудь, где есть еще чистый воздух...

Я промолчал: это — тема отдельного разговора.

«Дорога жизни»... «Жизнь — дорога...» Просто «дорога». У каждого из нас своя дорога жизни, но есть и общая — метафорическая, по которой идем мы — народ. Но и на этой дороге, как и на простой, построенной теми же работниками АООТ «СУ-920», есть свои перекрестки, клумбы, развязки, светофоры и посты ГАИ, есть правила движения и всевозможные разрешительные и запретительные знаки, есть и подвижные посты. Сколько пробок и аварий на нашей жизненной дороге случается не только по нашей вине, но и по вине некомпетентных «строителей», не предусмотревших безопасных развязок, или явных шабашников! Сколько лишних ограничений и знаков! И к строительству, и к регулированию движения на дороге жизни должны прийти специалисты: они знают, как развязать перекрестки, обеспечить «зеленую волну».

P.S. Очерк был подготовлен в октябре 1994 года. АООТ «СУ-920» под руководством Алексея Владимировича Андреева успешно выстояло еще один нелегкий год. О его конкурентоспособности говорит тот факт, что заказы на строительство объектов оно получает на конкурсной основе, как например, заказ на строительство участка автодороги Сургут — Нижневартовск. И свое двадцатипятилетие оно встретило спокойно и уверенно. В жизни самого Андреева также произошли изменения. Во—первых, он был избран депутатом городской Думы. И сейчас его рабочий день существенно удлинился, и забот многодумных прибавилось весьма. В компенсацию этого как бы — сменил жилье на более комфортабельное и просторное, во-вторых. В остальном он мало изменился: мягок, вежлив, интеллигентен, но... «Андреев задремать никому не даст! — сказала главный бухгалтер Т.Т.Давганенко. — Руководство у нас крутится...»

Оттуда все — из детства...

*В глуши лесов счастлив один,
другой страдает на престоле...*

Е. Баратынский

I

На буровой

Нестройно дизели рычат...
Но вот идет вразвалочку
бурильщик...
Взялся за рычаг,
как дирижер за палочку.
Железом с трех сторон зажат,
я — у ключа помбурского.
Канаты струнами дрожат:
сыграть бы впору «русского»!
Но! чуть! ударил! гопака!
бурильщик! изначалочки! —
у вышки дрогнули бока,
тальблок — пошел вприсядочку!
Свеча, схватившись за свечу,
на роторе покружится,
подпрыгнув чуть, кричит: «Ле-чу-у»,
пол под ногами рушится!..
...Лети в подземный хоровод
подружка за подружкою,
ведь вы — проверенный народ
предельною нагрузкою!..
Вот если б так...
за мной...
она
сюда без всяких — весело!
И на мгновенье тишина
меня от всех завесила...
А после — ритм уже не тот!
Волторны... И на фоне их
оркестр скрипок вдруг берет

из «Золотой симфонии»
начало вальса... И — мастак! —
на «русского» сбивается...
Где дирижерская рука?..
...Бурильщик улыбается,
как дирижер, поклоны бьет,
да вправо, влево — выпады:
мол, разрабатывай хребет
не ради славы—выгоды,
а так вот — просто для души,
когда все — получается!..
...Вот дизеля он приглушил.
Стоит и улыбается.
И руки держит на весу...

А нам еще не верится,
что стало тихо — как в лесу!
И что земля лишь вертится!
И — вахта вся,
вахта вся —
вахта — кончи-ла-ся!

Сергей Иваныч, Сергей Иваныч! Как я тебя понимаю: только разработаешься, а — смена пришла!

И это при том, что я по комплекции — не природный буровик. Ты — другое дело: что роба, что железные буровицкие причиндалы — как тут и были. Будто тебе и на роду было написано — железное буровицкое ремесло...

Знал об этом, кажись, ты один, но и другие об этом догадывались: не зря подкладывали работенку потяжелее, буровую посложнее, а при случае — и под объектив: «Вот какие мы тут, сибиряки — коль уж не Добрыни Никитичи, то уж Алеши Поповичи — точно!»

Было дело, украшал Сергей Долгушин обложку «Огонька» в 78-м году. Я с ним познакомился через три года после этого снимка. И должен сказать, что это — две большие разницы!

На обложке «Огонька» — скорее чуть повзрослевший Варфоломей с картины Михаила Нестерова, чем Алеша Попович. Но задатки превращения, не только чисто физического, богатырского, но и духовного — в нем чувствуются: в Добрыню Никитича и в будущем — в Илью Муромца! (А я картину «Три богатыря» В.Васнецова воспринимаю как троицу в эволюции: главное, стать Алешей Поповичем! Владеешь затем мудростью, а она даст силу из сил!)

...Помбуровская работа, ах, помбуровская работа!

Вальсы из «Золотой симфонии» — они ведь не на каждой вахте звучат!

А если мокрый снег валит сверху?

А если за воротник попадает холодный глинистый раствор?

Болотники скользят по расчехвосченным в мочалку плахам, а руки — по осклизлым поручням и скользким — в графите и масле — скобам.

— А мне нравилось! — говорит Сергей Иванович Долгушин, ныне мастер по нефтедобыче одной из коммерческих структур. — Это у меня оттуда, с детства: слушаться старших, труда не бояться, жизни радоваться.

II

В девяносто верстах от Тобольска, на речке Вагай, большое село Дубровное, а уж от него, в двух—трех километрах в сторону Иртыша, деревня Араксул...

О названии деревни ходит легенда. Будто в давние времена после покорения Ермаком Сибири я вился к одному хану русский. Купец или кто. И стал торговать озеро. И — сторговал! Но интересно-то что? За ведро водки сторговал озеро и окрестности вокруг. Арак — водка, вино. Сул — вода. Вот и получилось: и деревня, и озеро — Араксу, то есть «вино-вода».

Вначале село было татарское, позже русские стали переселяться из центральных губерний, а многие — как дед Степан — после царской службы. Сам-то дед Степан из донских казаков родом, да так получилось, что стал настоящим чалдоном, обосновался на берегу озера Араксул. Рыбачил, охотничал, косил луга, землю обрабатывал — как положено. Звали деда Степан Тимофеевич Бабускин, был он отцом Серединой матери.

— Чудесный был дед: боевой! — вспоминает Сергей Иванович. — Почти сто лет прожил, хорошо его помню. А бабушка Минодора — интересное имя? — только 73, она смутно видится. Я что, а вот дед здоров был! Особенно на руки силен. Сахарные головки были, знаете? Лет пять мне было: врезалось! Дед — без всяких щипцов — в руках сахар крошил, до сих пор хрустоток в ушах стоит...

По словам Сергея Ивановича, озеро Араксул большое, рыбное. В паводок с Иртышом соединялось, дамбы строили. Дедовская усадьба на берегу озера: дом шатровый, стайки, навесы, загоны, огород, баня... Сеновал, поленницы дров, верстак, «судоверфь» —

дед лодки ладил расшивные. А дело это непростое, сноровки, расчета и глазомера требует, да и в материале разбираться надо. И шпангоуты дед тесал, и борта расшивал, и конопатил, и смолил — ходкие лодки получались, подъемные и устойчивые. И невода вязал: самый большой невод у него был, вся деревня пользовалась.

— Еще одну особинку дедовскую запомнил, — говорит Сергей Иванович. — Татары-то, все по-русски говорили. А вот русские — редко кто по-татарски объяснялся, да и то мало-мальски. Дед Степан — вот как мы сейчас с вами — с татарами свободно общался! За что они его сильно уважали. И правильно. Справедливый дед был. Порядок любил.

Воспитание Сергея в нынешнем понимании никто не занимался. Дед — при деле, родители — в колхозе, старший брат — тоже (разница в двенадцать лет была: довоенный). Отец работал то скотником, то кладовщиком — уйдет темно, вернется затемно. В школе уж когда сын учился, спросит иной раз: как, мол, дела, сынок? Выслушает, похвалит и ладно. Трудились все, без дела не шлындали, по пустякам не ссорились, зла на слабых не срывали — вот и все воспитание: можно сказать, своим примером. Ну и гены дедовские сказывались — послушным внуком и сыном рос Сергей, совестливым, приметливым, все у него как бы само собой получалось, будто в материнском чреве, инстинктивно обучен был всякому крестьянскому ремеслу и рукоделию. А самое главное — справлять работу с радостью, даже самую трудную и нудную. Взять хоть полив овощей. Огород пусть и на берегу озера, а метров 200—300 до воды было. Не пяток—десяток ходок надо сделать с ведрами, чтобы полить рассаду, а каждый день — под сотню. А прополка, окучивание? Да та же заготовка сена — не трудная ли и не утомительная ли работа? Конечно, если начинать ее с унылым настроением, тяжким сердцем, с обреченным чувством усталости в конце работы. И совсем другое — когда видишь в любой работе смысл, имеешь желание выполнить ее красиво, совершенствуешь ее, т.е. исполняешь творчески и испытываешь радость и удовлетворение в самом процессе, а не только после завершения. С первых шагов, с первых осознанных действий постигался смысл народной поговорки: «Глаза боятся, руки делают». Сколько помнит Сергей, держали они всегда корову, нетель или бычка, пару свиней и пернатых — кур, гусей, уток — по выводку. Не только кормежка скота была его обязанностью, но и лет с десяти он уже вовсю косил, копнил и вершил стога (из четырех стогов поставленных три — колхозу, один — себе!).

— В селе тогда, — говорит Сергей Иванович, — не было двора, чтобы живность не держали. Аксиома была такая! Правда позже,

при подъеме целины, усомнились в аксиоме этой, и подворье пошло на спад. Не только луга распахивали под кукурузу, но и у нас возле озера березовую рощу раскорчевали. Какая была роща! Ой-ей... Березы — во! Мы туда на великах за березовым соком по весне гоняли. Выкорчевали и — что? Без толку: ни рощи, ни посевов...

Или рыбалка...

Баловство или работа, труд?

Серге лет семь или меньше. Накануне сговорились с другом на рыбалку пораньше: удочки припасли, червей с вечера накопили. Часа четыре, пожалуй: заря чуть брезжит. На сеновале, на свежем воздухе хорошо спится. А друг уже напряженным шепотом будит: «Сергеа, вставай!»

Ох, как неохота вставать... Но надо — сговорились же!

Вот оно откуда — чувство долга, чувство ответственности — вроде бы с баловства, с детской забавы. Но не только это! Чувство слияния с природой, постижение красоты божьего мира отсюда же!

— Природа — ну такой красоты сейчас уже нет! Не увидеть нашим детям, жаль! — вздыхает Сергей Иванович, любовавшийся красотами заграничными в Старом и Новом свете. — Босиком бежишь по траве, какая она зеленая, высокая — по колена! А роса... Искры радужные поблескивают на изумрудной зелени. А там, где прошел, зелень истемна. И парок чуть—чуть вздымается. Удочки раскинешь — клев начинается. В такую рань, когда озеро парное курится, окунь с чебаком чудно ловятся. Ну не знаю... Так все смачно в память врезалось: такое не забудется! Сибирские наши просторы и сейчас чувства вызывают — непередаваемо...

В школу приходилось ходить за два километра в Дубровное, волей-неволей свежим воздухом дышишь, с природой общаешься, смену времени года наблюдаешь, земное коловращенье остро чувствуешь.

Школа на хорошем месте стояла, на пригорке, в аллее выпускников. Жаль, сгорела школа. Но вспоминается добрым словом, особенно первая учительница — Анна Прохоровна.

— И ее уже нет! — сокрушается Сергей Иванович. — Тянет на родину, тянет. В этом году план есть съездить. Да к кому? Одни могилки: отец, дед, бабка... Да и дом, поди, растащили — сколько уж не был?.. Надо съездить, предков почтить...

В школе учился охотно, особо давались биология, география, математика казалась сухой. Нравились также занятия по труду, на токарном станке с деревом работать. Но мало занимались, а то, может, по дереву и пошел бы: немудрящую мебелишку для дома еще в школе мастерил.

С животными любил возиться, обихаживать их.

— Некоторых до сих пор помню на морду! — говорит Сергей Иванович. — О, они ведь все понимают, разговаривать только что не могут. Пес, к примеру, был. Бобик. Лет восемь жил. Такой умный был пес... А поросят возьмите: те еще хитрованы! Телята, коровы... Про коня и говорить нечего.

После школы, в 69-м году, поехал Сергей в Свердловск поступать учиться. В Свердловске жила двоюродная сестра, он остановился у нее. Чем-то привлекла его специальность дорожного строителя, и решил он поступать в автодорожный техникум. Но на роду было написано другое: не прошел по конкурсу в автодорожный и оформился в техникум при машзаводе им. Калинина. Год теории, практики полгода и — в армию осенью 70-го.

Попал в войска стратегического назначения, служил под Новосибирском. В учебке получил специальность машиниста крана: поднимал-опускал боевые головки стратегических ракет при регламентных работах. В 71-м году из Плесецка (для скрытности) произвели боевой пуск своей ракеты. За успешное попадание в заданный район все получили отпуска. А там уж и дембель недалеко...

Вернулся на завод, поработал — заработков нету! А ведь одеться после службы надо соответственно, то да се...

Письмо одноклассника из Мегиона пришло кстати, Сергей с заводским корешом совершил осенний перелет на север.

III

— Было это 12 октября 1973 года, — Сергей Иванович улыбается в пшеничные усы. — Как вчера было, помню этот день. С него началась моя мегионская эпопея. Направили меня помбуром в буровую бригаду Литвиненко Василия Семеновича. На скважину 13-й Варьеган. Даже вертолет, на котором прилетел первый раз на буровую, помню: МИ-6 бортовой номер 21161...

Бурильщик — Боря Грачев... Нету уж его. Верховой — Егор Горбатов, будущий мэр мегионский, да. С Егором в одном балке жили. Хорошая вахта была! И места красивые, озеро рядом. В общем, я — как тут родился, понравилось мне. А корефан, друг мой заводской, через три месяца слинял. Не его стихия: тяжело, грязно... Мороз, а на буровой от железа зябко. Да и дико — тайга же. А по мне — в самый раз оказалось. Я работы в принципе не боюсь. Как в Свердловске приходилось бывать — к другу заходил, не забыл он краткосрочную мегионскую работу: будто в крещенскую иордань окунулся, говорит.

— Да, не легка и не всем по плечу помбурская доля, — как бы оправдывая «корефана», говорю я. — Когда-то давно, услышав шутивную солдатскую песню, я переделал ее, Сергей Иванович, в помбурскую. Если хочешь, послушай слова:

Помбуром стал я, право, невзначай:
я не набрал положенного балла.
И вместо институту, сгоряча,
попал в Сибирь... помбуром для начала.

На первой вахте я чуть оплошал:
кувалда-дура в скважину упала.
И мастер мне сурово приказал:
— Лезь на забой... магнитом для начала.

Сломался кран у нас на буровой,
а БПО с ремонтом подкачало.
Спокойны все: помбур и верховой
тот кран вдвоем... заменят для начала.

Семен Никитич (мастер наш) — герой.
Его по праву слава увенчала —
все потому, что он на буровой
на совесть сам... помбурил для начала.

Пусть девушки нас правильно поймут:
в помбурских робах нам простора мало,
заочный мы закончим институт
и станем... мастерами для начала!

А припев через каждые четыре строчки такой:

Свою судьбу, помбур, благодари!
Пусть нелегко тебе даются метры, —
геолог — что ни говори, —
лишь буровик
заглянет в недра!

— Точно, Николаич, точно: и про кувалду, и про кран, и про геологов... — смеется Сергей Иванович негромко, добродушно. — Геологи-то, поди, осерчали на вас? «Лучший геолог — долото», для них, словно красная тряпка для быка. Ну а про остальное — правильно. Да и вообще, как будто про меня сочинили. Честное слово, судьбу

благодарю, что стал буровиком. По мне работа оказалась. Да и места сибирские — тоже по мне. Я ж в армии не зря на крановщика выучился: на буровой чуть не сразу же бурильщики стали доверять тормоз. Сначала под присмотром, но — тормоз он и на кране тормоз, — легко к буровицкой «палке» приспособился, как будто само собой; первое время бурил, потом и спуско—подъем инструмента стал делать. Интересная работа, что бурить, что «вира-майна» гонять. Если хороший верховой, то и наверх голову не дерешь: по виткам троса на барабане ориентируешься да по хлопку элеватора, когда его верховой закроет. Так и освоил все бывшие в экспедиции буровые установки. Потом на курсы бурильщиков в Ухту съездил, «корочки» получил. На разных площадях работал, характер разреза пород у нас хоть и сходный, а все же каждый — с особенкой. А уж про скважины и говорить нечего: у каждой свой каприз, и очень просят уважительного обхождения. У меня то ли рука легкая, то ли еще что, но самому аварийных глупых не приходилось делать, а, наоборот, сделанные другими часто ликвидировать удавалось. Поэтому, видать, после окончания курсов мастеров в Тюмени меня через некоторое время мастером по сложным работам назначили или, проще, аварийным мастером... — И помолчав, продолжил:

— Хорошие были времена! Романтики было побольше, может быть? Хотя люди были попроще. Надо, значит надо! Бодягу не разводили. А сейчас — слишком все рационально, прагматично, лишнего никто ничего не делает. — Сергей Иванович вздыхает тяжело. — Недавно проезжал мимо озера, где бурил первую свою скважину, не узнал места — так все испоганено! Обидно и за природу, и за тех людей, кто трудится на совесть... Я аварийным мастером в бурении работал, но знаю, что аварии везде — на дорогах ли, при нефтедобыче ли, с нефтепроводами, с оборудованием — от небросовестности и лени, от желания получить не заработанные деньги. Полегче да побыстрее. Тяп-ляп, а там хоть трава не расти!

Сергея Ивановича Долгушина я знаю с 81-го года. Не слишком часто, но доводилось встречаться с ним на «сложняках»: аварийных или осложненных скважинах. Обычно, когда дело сделано и выдаются свободные часы, чем занимаются люди на буровой? Чай гоняют, читают, режутся в карты, играют в «шеш-бэш», реже — на охоту или рыбалку ходят (если сезон и окрестности позволяют), а чаще — «шлангуют», т.е. отсыпаются впрок. Приходилось видеть и Сергея Ивановича за этими занятиями, но обычно он при деле: буровому мастеру помогает прибраться после аварии, ягода если есть поблизости, грибы — обязательно пособирает. На Вань-Еггане как-то: дождик моросит, в кустах — сыро, а он голубику соби-

Сергей Иванович Долгушин

рает. Я к нему за компанию прибился. меня хватило на то, чтоб самому попастись, а он трехлитровую банку набрал. «На пирожки, — пояснил, — любят у меня пирожки с голубикой!» Или на Сюрпризной площади... Вынимает из объемистого рюкзака подростковые зимние ботинки, сапожные принадлежности... Я понял: чинить собирается. «Так у тебя ж рука в ботинок не влезет! — восклицаю я произвольно. — Как чинить будешь?» «Э-э, Николаич! — добродушно усмехается Сергей

Иванович, — у меня хитрое шило есть на этот случай, вроде «ерша» ловильного... — и показывает мне явно самодельное, штучного производства аккуратное длинное шило с потайным крючком на жале. — Один раз зацепил, вытащил петлю наружу, вставил дратву — и пошло—поехало! А то ведь на пацанов обуви не напасешься. Ботинки так еще крепкие, подошву прошью — сезон еще протаскает. Универсальное шило — само тачает...»

Я загорелся тоже, сделал себе при случае сапожное орудие, но толстоватое у меня получилось оно, не «универсальное» — только по унтам да валенкам, до сих пор им пользуюсь... И, представьте, неплохо получается тоже, как у Сергея Ивановича, само собой вроде бы. Ан нет, думаю, не только его пример перед глазами, но и в руках память ожила: в детстве приходилось на обувь и заплатки класть, и подметки подбивать...

...дядьки мне не объясняли:

«Примечай! Чай, сам с глазами!»

Я работы не боялся.

«Это, хлопец, божий дар!»

Хорошо в конце работы
в холодке, возле заплота,
свой топор всадить в чурбан,
цикнуть в землю:
«Что ж, ярар!»

Нет, не только щемящая грусть по материнской ласке и беззаботной жизни, все наши привязанности и наклонности оттуда — из детства...

IV

Сергей Иванович, как я заметил, несмотря на прохладное отношение к математике, тем не менее любит точность. Но обратил я на это внимание недавно, когда мы беседовали с ним на кухне его трехкомнатной квартиры. Мы были одни.

— Жена в Тюмени, на обследовании в областной больнице, прихворнула малость, — прояснил он ситуацию. — Она у меня из кубанских казачек. Здесь познакомились, в Мегионе. В 73-м году. В 74-м уже свадьба была, а на следующий год «доца» наша родилась, Ирина. Уже университет заканчивает. Вот сейчас с мамкой повидается перед госэкзаменами. А так — самостоятельная. В Тюмени, видно, останется. В наше время ведь с работой проблема. А она на практике хорошо себя показала, вот и приглашают ее работать туда же. Квартиру пока ей снимаем... Сын Саша сейчас придет с тренировки. В одиннадцатом классе учится, а все свободное время спорту отдает! Баскетболом увлекается. Говорят, способности есть. Ну и ладно: все при деле! Ради Бога! Когда увлечен, занят чем-то — не до дурных привычек... Собирается в университет, у сестры в гостях был, заходил — интересовался условиями приема...

После житейских вопросов незаметно разговор зашел о работе.

Сейчас Сергей Иванович занимается нефтедобычей. Нужная работа, денежная, по-своему интересная, но бурение...

— Двадцать лет и одиннадцать дней проработал в бурении! — с левитановской торжественностью произнес он. — С октября 73-го по ноябрь 93-го года... Да!.. Двадцать лет и одиннадцать денечков...» — повторил и мощно вздохнул.

Около десяти вечера пришел высокий, гибкий чернявый юноша — Саша, сын.

— Как отец кормит? — спрашиваю, — без матери-то не заморил?

— Нормально батяня кормит, — серьезно отвечает Саша, позвякивая посудой. — Мать может не беспокоиться...

После ужина он переодевается и уходит, что—то сказав отцу.

— Дело молодое — пусть погуляет, погода хорошая, — комментирует отец уход сына. Спокойно, доброжелательно, без надоедливых сентенций и наказов.

Когда мы стали листать фотоальбомы, словно коснулись впечатлений от поездок за границу...

Комментируя снимки, Сергей Иванович Долгушин с искренней непосредственностью говорил:

— Впечатления — слов нет! Наша жизнь и жизнь тамошняя — как небо и земля. Хорошо там, прекрасно! Но из-за разности в воспитании и восприятии мира я бы там не прижился. Дети — те, может, и адаптировались бы. Но я бы зачах. Душевного равновесия нет, а без него куда? Нет, я после этих экзотических красот как увидел нашу тюменскую землю из иллюминатора, честное слово, чуть не прослезился от переполнения чувств, будто в детстве, когда — утро, солнышко встает, ты по росной траве идешь, а вдали — пар курится над озером, кулик чиликает.., а в воздухе — свежесть березовая... Нет, все хорошее в человеке — из детства...

И я согласен с ним.

23.05.97 г.

Мир тесен

*Степной травы пучок сухой,
Он и сухой благоухает!
И разом степи надо мной
Все обаянье воскрешает...*

Апполон Майков

В одной рецензии на книгу «Мегионцы — это мы!» (часть первая) меня упрекнули: слишком много — почти в каждом очерке — личностного, это справедливое замечание, но о соседях и ближайших друзьях или сотрудниках — как о них напишешь отстраненно?

А вот во второй части я намеревался рассказать о тех, кто и работает от меня чуть подале, и думает чуть по-другому, и живет иначе... то есть о тех людях, которых я допреж не знал и должен судить о них только по свежей, «безличностной» информации...

С таким — «безличностными» — мыслями я подарил первую часть книги «Мегионцы — это мы!» сотруднице Мегионской администрации Оксане Владимировне, курировавшей издание этого сборника.

До этого, вообще говоря, мы были знакомы шапочно. Подарив книгу, я собирался выйти из ее кабинета, но она, случайно глянув на четвертую страницу обложки, воскликнула:

— Да мы же с вами земляки!

Я вернулся:

— Не может быть! и — что же нас «приземляет»?!

— Озеро Красилово! Косиха! Алтай! Такого сочетания случайно не должно быть! Красилово... Косиха... Алтай... Только — на Алтае!.. Других таких мест нету на земле!

И я вернулся: снова личная заинтересованность! Землячку по Косихе и озеру Красилово я встретил впервые...

I

Оксана Владимировна Лысенко родилась 12 декабря 1956 года. А вот место рождения (настоящее!) стало возможным назвать совсем недавно: Челябинск-40! Ныне — Заозерск.

В Челябинске-40 Владимир Андреевич и Нина Фроловна Лысенко работали на оборонном заводе, засекреченном настолько,

что после аварии, когда они с полутороговой Оксаной выехали из «ящика» по месту жительства родителей, с них была взята подписка о «неразглашении» не только о смертоносном взрыве, но и о месте работы.

А родители Владимира Андреевича Лысенко как раз и жили в селе Озеро Красилово Косихинского района Алтайского края, где я имел честь родиться 15 июля 1937 года...

Андрей Митрофанович Лысенко, Оксанин дед, был выходцем из Малороссии. На Алтай попал, по-видимому, с родителями во время столыпинской реформы — когда выделяли переселенцам земли в Сибири, давали хорошие подъемные на обзаведение, временно освобождали от податей, т.е. создавали условия для развития среднего класса, который впоследствии назовут «кулаком и тунеядцем». Приехал он, по всей вероятности, из центральной Малороссии, в составе родового клана, и получил на себя приличный клин земли: женившись, выделился. Рожден он был в самом начале двадцатого века; к приходу советской власти на Алтай был уже справным хозяином. Женился на односельчанке (точнее одно...переселенке!) Наталье Егоровне Лашиной, которая была чуть моложе Андрея Митрофановича.

Оксанины прадеды, т.е. родители Андрея Митрофановича и Натальи Егоровны, крестьянствовали на Алтае, получив землю, вместе с детьми по-хозяйски ее осваивали; это было не покорение «целины», как во времена Хрущева, а именно хозяйское ее освоение! И земля отзывалась на доброе к ней отношение: не было ни черных бурь, ни засух! Все трудолюбивые и силомощные крестьянские семьи стали распочковываться, давать своеобразные побеги: шли в корень и вширь....

У Натальи Егоровны и Андрея Митрофановича в селе Озеро Красилово родилось шестеро детей: пятеро сыновей и дочь-поскребушка.

Андрей Митрофанович в первые же дни Отечественной войны был призван в армию. В составе сибирских полков воевал на разных фронтах. Родным было горько и обидно узнать, что в январе 1945 года при освобождении Восточной Европы от фашистского ига сорокалетний Андрей Митрофанович Лысенко «пропал без вести»...

Наталья Егоровна пережила мужа почти на полвека: умерла в 94-м году в возрасте девяносто лет. Но до самых последних дней надеялась: а может, Андрей Митрофанович попал в плен да и остался в неметчине после войны, сейчас времена небоязные, вдруг да объявится!

Отец Оксаны, Владимир Андреевич, 26-го года рождения, был самым старшим, остальные сыновья и дочь, почти погодки, все —

довоенные... Только один из братьев ушел с родных мест — стал шахтером в Караганде, остальные все на Алтае, а двое до сих пор живут в родном селе Озеро Красиловое, с ними и мать, Наталья Егоровна, жила до упокоя...

Родители Оксаниной матери, Анны Фроловны, тоже из переселенцев, но — другого, верно, сословия или происхождения: мелкопоместного, мещанского, а, может, и ссыльно-переселенческого... По крайней мере, сам ее дед Фрол Терентиевич Васяткин явно не из крестьян: многое говорит за это.

Оксана не знает, откуда родом дед Фрол Терентиевич, но точно знает, что его жена, ее бабка по матери, Ефросинья Васильевна Сырникова, под Саранском была землевладелицей.

Фрол Терентиевич и Ефросинья Васильевна поженились в «гражданскую», жили семьей в селе Большие Ключи на Алтае.

Дед Фрол, со слов бабы Фроси, был «кадровым военным»: на фотоснимке трудно понять, что за чин у него, но форма не красногвардейская — русской армии! Вероятно, он закончил какую-то школу или училище: был не просто грамотен, но достаточно образован. А баба Фрося — нет. Это не мешало им любить и уважать друг друга до самых последних лет. Отсюда можно предположить, что они познакомились до того, как он выучился. Об этом же говорят и такие забавные казусы, которые случались в советское время: Фрол Терентиевич, будучи секретарем сельсовета, имел несчастье иногда заносить в дом (видимо, не в знаменитом брезентовом портфеле!) «гумаги», которых потом не досчитывался. Ефросинья Васильевна имела привычку накрывать крынку с молоком оставленной без присмотра чистой относительно «гумагой», ловко закатывая ее за буртики посуды... По этому поводу, по преданию, у них бывали стычки, а в остальном — прозоренки не было в их семейных отношениях! («А не бросай, куда не следоват, свои гумажки! — оправдывалась баба Фрося. — А то пишут и пишут — крынку закрыть нечем!»).

У деда Фрола и бабы Фроси было четверо детей: один сын и три дочери. Сын сейчас живет в Барнауле, преподает в техникуме, сестры — кто где (Оксанина мать, Анна Фроловна, например, живет в Мегроне). Бабы Фроси уже нет на этом свете, хоть и была она помоложе бабки Натальи, а умерла чуть не на десять лет раньше, хоть и пожила, по нынешним меркам, достаточно долго — до восьмидесяти лет!

А теперь об истории, достойной пера Шекспира... Так сказать, алтайский вариант трагедии «Ромео и Джульетта».

Как я уже отмечал, Фрол Терентиевич Васяткин с Ефросиньей Васильевной до становления советской власти жили в селе Боль-

шие Ключи. Белочехи... Колчаковцы... Блюхеровцы... Пришла на Алтай советская власть с хорошими лозунгами, с душевными призывами. И даже с шокирующими: «Долой царизм!» Долой капитализм! Долой частную собственность!..» Не только это — долой, но и «Долой Бога!», «Долой стыд!», «Да здравствует...»

Алтай, так же, как и соседний Тибет, из-за его кармы считают одним из вероятных очагов зарождения и развития человечества и его духовной культуры. Видимо, что—то в этом есть, если судить по тому, что первые коммуны — прообразы «светлого коммунистического» (не уверен, что по—ленински, скорее по—кампанелловски замысленные ссыльными революционерами—романтиками!) были созданы именно на Алтае.

Фрол Терентиевич, видимо, тоже был партийный; по доброй воле или в порядке партийной дисциплины прибыл он в свое время в Озеро Красилово устанавливать советскую власть секретарем сельского совета. И когда пришло время, стал раскулачивать противников коллективного труда и землепользования.

Одной из первых была раскулачена семья Андрея Митрофановича Лысенко!

Не думаю, что Фрол Терентиевич Васяткин смог бы пойти против линии партии и проявить себя либералом, просто, видимо, на Алтае несколько опережали события, и раскулачивание начали относительно мягко, поэтому семью раскулаченного Лысенко не сослали на север, а разрешили поселиться в бывшем своем амбаре, выпилив в нем окно (по словам Оксаны Владимировны, этот амбар, сложенный из кондовых лесин, был еще цел в ее последний приезд в Озеро Красилово).

Озерокрасиловские монтекки и капuletти, таким образом, продолжали жить в алтайской «Вероне», и никто их них не предполагал в те двадцатые годы, что придет время — и породнятся они!

Жаль, что ни Андрей Митрофанович, ни Фрол Терентиевич не дожили до этого... И раскулаченного, и борца за советскую власть объединила общая беда: война. Фрол Терентиевич Васяткин погиб в 43-м году при освобождении России, а Андрей Митрофанович, как уже говорилось, пропал без вести в конце войны в Восточной Европе.

И тем не менее, как заметила Оксана еще в детстве, эхо классовой (гражданской) борьбы долго давало о себе знать: бабка Наталья (Лысенко) недолюбливала сноху Анну (Васяткину), ее мать. И, по ее мнению, родовые истоки, хоть опосредованно, но сказываются даже в третьем поколении: по отцовской линии родственники тяготеют к земле, по материнской — к городу.

II

У Ефросиньи Васильевны был брат. Семья у него была небольшая: дочь и сын. В предчувствии раскулачивания продал он все, что было неподъемно, и с детьми и женой Аксиной Васильевной подался в добровольную ссылку — поселился в известном мегионцам поселке Лекрысово! Жила там его семья с довоенных времен вплоть до нефтяного бума в Приобье. Раскорчевывали неудобья, разводили скот, удобряли землю, сажали картошку, сеяли рожь, ячмень, овес... Но наступили новые времена: «Нефть — работа общая!» и пошли: картошка из Польши, зерно из Канады, баранина из Австралии, апельсины из Марокко... Какое тут Лекрысово?.. И самозасеялись пашни березняками, картофельные поля — грибными спорами... Ровненько, рядками, по бороздкам — словно в парке на субботнике посажены. Взлелеянная, политая потом хлебопаша земля одичала. Сибирское поле, как и многое другое, оказалось не востребуемым до поры-времени.

После Челябинска-40 Оксанины родители непродолжительно жили и в Озере Красилове, и на станции Овинниково, и, наконец, обосновались на станции Баюново.

Баюново — станция невеликая; жилпоселок вытянулся вдоль железной дороги. Небольшой старинный вокзал, за ним деревянная одноэтажка в живой ограде — школа. При школе сад, опытный участок, здесь же, в ограде, дом директора школы. Родители работали на станционном хлебоприемном пункте. Отец, Владимир Андреевич, начинал электриком, а со временем стал директором пункта.

В 64-м году Оксана пошла в баюновскую школу в первый класс, учить ее стала Ольга Алексеевна Огнева.

В начале войны в трех километрах от Баюнова, на голом месте, в чистом поле разместился эвакуированный с Украины совхоз. Прежде чем разбить поселок, украинцы первым делом посадили привезенные с собой саженцы, затем уже рядом с садом спланировали поселок, названный Украинским. Чуть позже здесь же селились поволжские немцы. Со временем совхоз стал крупным хозяйством.

В пятом классе Оксане пришлось учиться в этом самом Украинском, в школе—интернате. В понедельник учеников привозили на подводе, а в пятницу забирали, ходило их немного. В теплое время школьники предпочитали добираться пешком, развлекаясь по дороге, кто как мог, и заодно приобщаясь к природе в разное время года: и паутинным бабьим летом, и зеленотравной тепловейной весной...

А в 69-м году Оксанины родители переехали в райцентр, в село Косиху и поселились на улице Горького.

(На той самой улице Горького, откуда тянутся истоки моей памяти! Довоенной и военной поры. Травостой — выше головы, и в этих травяных зарослях впервые найденная огромная земляничина: ярко-алая с одной стороны, белая, недозревшая с другой... Речка Лосиха: ниже плотины гидростанции плюхаемся в воде, валяемся в горячем песке. Солнце за облако — горланим: «Солнышко, солнышко, выгляни в окошечко!..» — и когда оно появляется, уверены — откликнулось оно на нашу просьбу! Отец принес с охоты зайцев, свежует их, подвесив на крюк в матице: любопытно и страшно... По улице Горького — телеграфные столбы, на проводах ласточки, а прильнешь ухом к серебристо—серому дереву — тревожно-гулкая музыка и невнятные слова: телеграммы идут? Расшифровываешь предназначенные тебе и шлешь ответные отцу на фронт: «Скорее, папка, разбивай фашистов и домой приезжай, а то мамка плачет, баба Паша ворчит, Вовка дерется, Лена в кино не берет, Нинка нюнит...» На Лосихе ледоход: внизу, у пекарни, на излучке рушится подмятый берег — узенькая, зигзагом, молниевидная трещинка... «Уходите! Рушится!» — кричит городская, из эвакуированных, девочка — ни имени уже не помню, ни лица, так, какое-то смутное ангельское видение, но куда! — до холодка в груди, до обмирания в сердце стоишь на проседающем клинышке берега, уж больно хочется обратить на себя внимание этого чудного видения.

Зимний вечер... Электричества почему-то нету. Приехавшая из Озера Красилова двоюродная сестра читает толстую, с жесткими корками, книгу при свете горящих в печи дров: «У Лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том...» И жутко, и сладко, и весело: «Чудо!» «Там чудеса, там леший бродит...» — мурашки по коже, не от страха — от блаженства! И когда Оксана Владимировна сказала, что жили они на улице Горького в Косихе, что-то случилось со временем или со мной: я испытал то, давно забытое чудесное волнение..)

Косиха — большое, по-сибирски привольно раскинутое вдоль речки Лосихи село. В пору моего раннего детства в Лосихе была своя гидростанция, телефонная и телеграфная связь. Исполком и райком располагались в двухэтажном каменном здании, средняя школа тоже была двухэтажной. В селе — кинотеатр, клуб, библиотека. Была какая-то местная промышленность: пищекомбинат, пекарня. Работали магазины, парикмахерская, швейная, сапожная мастерские... Дома излажены из круглых, один к одному, срубленных в лапу и в чашку бревен, смолистых, не обессоченных, с

шатровыми крышами, с резными карнизами и наличниками. Много зелени, цветов... Нынешняя Косиха стала еще привлекательнее.

Оксане Владимировне Косиха тоже понравилась.

— А вы по Горького где жили? — спрашиваю. — Ближе к увалу или к плотине? К увалу? О, мы каждый год, чуть только пригреет, поднимались на него, стайкой ходили. Главное — надо было других опередить: первыми пустить пал на лесогорье, между дорогой и яром. Трава там была высокая и некошенная, видимо, из-за того, что ковылистая, хотя коровы там паслись; после того как пал с веселым гулом добегал до неровных обрывистых краев яра и с хлопком гас, коровьи лепешки еще долго дымились над почерневшей, будто испаханной землей. Меня поражало могущество огня: крохотного пламени спички, которое я мог задуть, было достаточно, чтобы серебристо—перепелесый выгон превратился в безжизненное черное пепелище. А яр? О, это настоящий каньон! Его исток начинался где-то далеко, мы не всегда до него и доходили. В пойму Лосихи он выносил желтый селевой поток, летом там были настоящие такыры. Однажды неосторожная корова пошла по такырам, провалилась и погибла: не смогли ее вытащить из вязкой глины... А в начале июня на увалы шли мы за первой земляникой...

— А зимой — на лыжах? — подсказывает мне Оксана Владимировна. И я понимаю, что слишком увлекся своими воспоминаниями. Вот ведь как: казалось, и думать забыл про детство, про Косиху, а нет: помнится все! Живет где-то в закоулках памяти!

Конечно же, все прелести Косихи и ее замечательных окрестностей Оксана знает лучше: в косихинскую школу она пошла в шестой класс, при ней была построена новая школа и в выпускной класс она ходила туда (далековато, правда, стало). В классе Оксана была лидером, училась очень хорошо, особенно привлекали гуманитарные предметы. Годы учебы Оксаны в школе совпали с периодом расцвета «развитого социализма». В стране был относительный порядок и достаток, была стабильность и предсказуемость. Начинался период ударных комсомольскихстроек: гремела Тюмень, разворачивался БАМ... Были успехи в космосе и на земле. Престиж Советского Союза поднялся высоко. Не было еще Афгана... В новой школе преподавало много молодых учителей, не так уж сильно отличавшихся от старшеклассников взглядами, вкусами, привычками: разница лишь в знании предметов да, небольшая, в возрасте. Это не всегда способствовало дисциплине на уроках, изложению и усвоению учебного материала. В этих случаях приходилось вмешиваться Оксане — признанному классному лидеру, и «орднунг» на уроках восстанавливался; мно-

гие учителя бывали благодарны ей за это, но особенно классная руководительница, по складу характера — не наставник.

В 74-м году Оксана закончила косихинскую десятилетку.

В это время ее мать, Анна Фроловна, получила от своих двоюродных брата и сестры, детей упоминавшейся Аксины Васильевны, перебравшихся их Лекрысово в Мегион, приглашение и решила сменить место жительства (к этому подтолкнул и развод с Владимиром Андреевичем). И, не откладывая дела в долгий ящик, Анна Фроловна с Оксаной и младшей дочерью в том же году переехала в Мегион. А Оксана Владимировна поступила в Ханты—Мансийское медучилище.

Если подруги по общежитию, приехавшие в Ханты-Мансийск из местных поселков, были в восторге и от общежития, и от города, то Оксане северная столица после Косихи показалась... захолустьем. «Сейчас — другое дело! — смеется Оксана Владимировна. — Сейчас даже Мегион с Хантами не сравнится — столица!»

После окончания медучилища Оксана Владимировна по направлению проработала некоторое время в Нижневартовске, вышла замуж и в Самаре, на родине мужа, родила дочь Юлю...

В Мегион вернулась в 79-м году и стала работать в отделе кадров треста «МНПС». С 13 марта 87-го года стала госслужащей: инструктор орготдела Мегионского горисполкома...

— Легко ли работать на государственной службе? — спрашиваю Оксану Владимировну.

— Нелегко! — отвечает она. — Но я справляюсь, — ни в голосе, ни на лице нет ни тени смущения, ложной скромности. И поясняет: — Я с детства человек организованный, дисциплинированный, ответственный. И — постоянно самообразовываюсь. При любой возможности учусь.

Новая работа потребовала другого образования: в 94-м году Оксана Владимировна окончила юридический факультет Московского эколого-политологического университета. Не отказывалась от командировок на различные семинары и курсы, инструктивные совещания и т.п. Я, честно говоря, не позавидовал Оксане Владимировне: сколько ж это надо осваивать юридической литературы! — ведь законодатели всех уровней выдают свою, порой противоречивую, продукцию постоянно, и — руководствоваться ею в своей практической деятельности.

— Меня мать как-то упрекнула, — замечает Оксана Владимировна. — Куда тебе, Оксана, все учишься и учишься! — Я ей: — До последнего буду учиться!

В ее кабинете в книжном шкафу несколько полок заставлены юридическими справочниками и периодикой этого профиля и, я

сразу обратил внимание, словарями русского языка, включая четырехтомник Владимира Даля.

— Для интерьера или заглядываете в них? — киваю в сторону шкафа.

— Приходится листать иногда, — серьезно, не принимая шутливого тона, говорит Оксана Владимировна. — Если сомнения появляются, обязательно. На ошибки мы не имеем права!

Оксана Владимировна тряхнула белокурой головой; черты лица у нее тонкие, четко означенные, взгляд переменчивых глаз понимающе-вежлив, располагающе-внимателен, иронично-весел, силуэт изящно-хрупок, но спортивно собран...

Когда она показывала мне цветные снимки, сделанные на свадьбе дочери («Как время летит! Юлия замуж вышла, глядишь, скоро и бабкой буду!» — посетовала Оксана Владимировна), я не удержался и сказал: «Да тут и не сразу разберешься — кто невеста! Нечего приbedняться, не стоит!»

В первую встречу разговор у нас шел урывками: было рабочее время. Очень часто звонил телефон. Прервавшись на полуслове, Оксана Владимировна демонстрировала свои деловые качества: собранность, компетентность, умение ясно, кратко излагать свои доводы, мысли, справки и прочую информацию, и, судя по наводящим вопросам и репликам, этого же она добивалась от своих абонентов.

Иногда, даже не взглянув на часы, говорила: «Простите, нужно сделать звонок...» — и напоминала кому-нибудь о встрече и т.п. Или даже уходила: «Я на пять минут», — и возвращалась через означенное время.

— У вас не биологические часы — хронометр! — пошутил я.

— Да! — согласилась она. — У меня чувство времени хорошее.

Не исключено, что именно эта черта характера и натуры определяет и многие другие свойства человека.

Первоначально я собирался рассказать о специфике и особенностях работы Оксаны Владимировны и администрации города, но ознакомившись с генетическими корнями ее, понаблюдав за ней, решил этого не делать: такой организованный человек, как она, справится с любой работой! Ей, как я уже отмечал, с детства претят расхлябанность, несобранность, привычная, к сожалению, многим надежда на «небось» и «авось», необязательность. Полученная от нее информация и собственные наблюдения понудили меня задать Оксане Владимировне не совсем деликатный, может быть, вопрос:

— Вам не кажется, что характером вы в деда, Фрола Терентиевича Васяткина, секретаря Озеро-Красиловского Совета?

— Да! — энергично подтвердила мою догадку Оксана Владимировна. — Да! У меня мужской характер — в деда! В деда Фрола. Мать давно подметила: «Ты — в деда, учишься все и учишься! И с народом все, с народом!» — Дедовские гены — одно, но и воспитание не надо сбрасывать со счета! Что ни говорите: инициатива, предприимчивость, свободолюбие и т.п. — прекрасные качества! Но основа государства, любой власти — стабильность, исполнительность, профессионализм государственных служащих и, безусловно, порядочность. Стабильность и предсказуемость власти — основа стабильности общества, без этого трудно ожидать процветания...

Оксана Владимировна, как мы имели возможность убедиться, любит Алтай, Мегион, учебу, дочь Юлю, родных и близких и свою родословную, любит четко организованную продуктивную работу. А что еще? Об этом — блиц-интервью.

— Оксана Владимировна, вы верующая? В Бога верите?

— Верю в Высшее Информационное Поле. То есть в Бога. Читаю Библию. Если даже оставить в стороне ее религиозную суть, все равно это — великая книга! И жаль, что в детстве мы были лишены возможности приобщиться к ней как к высокохудожественной литературе хотя бы... Помогаю нашей приходской церкви, по ее нуждам обращалась к депутату Госдумы Медведеву...

— Ваша любимая музыка?

— Народные песни и... Бетховен.

— Живопись?

— Рерих... Иконопись.

— Цветы?

— Хризантемы. Белые, фиолетовые — помпошками. Шаровидные.

— Камень?

— Изумруд.

— Цвет?

— Ультрамарин. даже насыщеннее: цвет ночного неба. Цвет космоса.

— Что читаете?

— О-о... Однозначно нет ответа. И Агата Кристи, и Александр Мень. И... не поверите? Люблю энциклопедию читать. Выписала многотомный комментарий Библии — буду читать. Открыла для себя древних философов, историков. Греция нам дала эстетику, земля обетованная — заповеди, то есть мораль, а Древний Рим — право! В дореволюционных гимназиях все это изучалось наряду с современным правом, даже давались вольные сочинения на эту тему, а мы — только о Корчагине, об Олеге Кошевом или о Давы-

дове... или о Маяковском: образ Ленина... Раздрайность! А у Меня — да, интересно: толкование библейских постулатов с современных позиций.

— Оксана Владимировна, как у нас классный руководитель, «немец», говорил, когда надо было остановить увлекшегося ученика, знающего урок, — «генук!», т.е. достаточно; позиция ваша в этом вопросе ясна. А любите ли вы путешествовать?

— Как вам удобнее: «Я! Я!» или «Йес! Йес!»? Конечно! «Какой же русский не любит быстрой езды!» Путешествие без езды, в общем смысле, неосуществимо, если речь идет не о жюльверновском характере путешествий...

— Чувствуется, это политологический университет...

— Вас поняла. По службе была в Дании и во Франции. Тема: местное самоуправление. То, что оттуда вынесла, — отдельный разговор, в двух строках все это популярно не объяснить. Могу заверить: мы на своем уровне работаем не хуже и не менее эффективно, чем наши коллеги в Нормандии и Дании. Надо, чтоб так же работали «верхи» и «низы».

— Это критика? Или сентенция?

— Скорее констатация... По турпутевкам бывала еще кое-где. В частности, в Арабских Эмиратах... Вот, говорят, у нас на севере экстремальные условия. А в пустыне что, менее экстремальные условия? Нет! Так почему при наличии нефти там и там в одном случае сделали конфетку, а в другом из тундры, извините меня, парашу? У них в пустыне пшеница колосится, а у нас в Лекрысово на пашнях, политых потом моего предка, болотный колтун к рядковому березняку подкрадывается?..

— И все же: как вы там себя чувствовали? Инопланетянкой? Знаменитым «совком»? Или — просто россиянкой?

— Везде — гамма ощущений и чувств. Самых разнообразных. В том числе: ожидания, тревоги, растерянности. И это естественно — чужая земля! И лишь в Париже я ощутила себя естественно: как будто жизнь здесь моя завелась! Честное слово!

— И что же? И про Озеро Красилово, про Косиху, вообще, про Алтай забыли? И про Мегион тоже?

— Да нет же! — смеется. Голос у Оксаны Владимировны мелодично-резок, хрупок, будто человек ангиной недавно переболел, когда — и посмеяться хочется, и горло болит. — Нет же, нет! Просто я по гороскопу Стрелец, а они любители путешествий! А Мегион? Как там у Маяковского? «...И полуживую вынянчил!» Разве можно не любить ту землю, в которую вложил свои силы, свой интеллект, свою душу?

И все же главное в жизни — семья

Словно в подтверждение, что високосный год — тяжелый, аварии и осложнения в скважинах сыпались, как из рога изобилия. Постоянного внимания требовала и наклонная скважина, бурившаяся через пень-колоду из—за плохого снабжения — плановых метров-то она не давала! — с целью глушения открытого фонтана сеноманского газа. Наконец, бурение 107-бис было завершено, и я перелетел на скважину для спуска и цементирования 9-дюймовой технической колонны.

По мощности фонтан выглядел не таким уж страшным: яркость его была, пожалуй, меньше, чем у факела на Аганской дороге, в котором сжигали попутные газы, сила же заключалась в том, что был он — неуправляемым!

В кратере размером поменьше футбольного поля с чашеобразными бортами фонтан наработал целое море густой, вроде штукатурного раствора, пульпы. Если бы ствол аварийной скважины не был обсажен, то фонтан давно бы наглотался этой пульпы и самоликвидировался. Но в скважине были три, одна в другой, колонны: кондуктор, техничка, эксплуатационная колонна и верхняя часть труб, находившаяся на глубине нескольких десятков метров, словно трубочка в коктейле, совершала хаотические движения в воронке. И фонтан работал пульсирующе: то затихал, придавленный попавшей в трубы пульпой так, что в кратере гасло пламя и лишь отдельными языками устремлялось высоко в небо, то вздымал пульпу огромными куполами, газ с хлопком вспыхивал, а распавшиеся купола с характерным грохотом обрушивались вниз; мельчайшие частички пульпы в пламени факела отжигались и относились по розе ветров за борт кратера, образуя подковообразную насыпь, крутую с фронта и пологую в заустенье. Изредка фонтан гас, и специальным дежурным приходилось его поджигать. Вся верховодка за время работы фонтана была загазована в радиусе нескольких километров. С подветренной стороны вблизи кратера с хвои и былинки, словно зазеркальная роса, капала нефть... На каждом шагу бурлили микрогейзеры. Все было припорошено мелким, словно пыль, сеноманским песком, вынесенным газом.

Здесь находились вахты летной бригады во главе с буровым мастером Богданом Савчуком. Мне с ними раньше приходилось иметь дело: это были опытные дисциплинированные буровики. Работами по подготовке ствола скважины к спуску довольно жесткой колонны руководил главный технолог Восточно-Мегионс-

кой экспедиции Анатолий Николаевич Анкудинов. Предстоящая операция по спуску и цементированию колонны была достаточно сложной и ответственной: качество крепления должно быть гарантированно высоким! К тому же подобные работы выполнялись у нас в объединении впервые.

Под постоянным контролем, с соблюдением всех технических требований колонну спустили до забоя, который находился чуть выше кровли газоносного пласта в непроницаемых глинах, закачали рассчитанное с запасом количество тщательно затворенного цементного раствора и приступили к его продавке. Это заключительная и самая ответственная часть крепления скважины. И хотя у меня за спиной уже десятки успешных заливок (Бог миловал: не было еще ни одного «козла», то есть схватившегося в колонне цемента), я обычно при продавке волнуюсь, стараюсь контролировать весь процесс: слежу за давлением и темпом продавки, быстренько прикидываю в уме соответствие темпа и объема закачанной в колонну жидкости, величине и характеру изменения давления, проверяю выход циркуляции...

Толик же — так зову я про себя и в неофициальной обстановке Анатолия Николаевича — как бы отстраненно («я не я и хата не моя!») ходит мимо цементировочной техники, словно измеряя предельно широкими шагами длину играющего под ним дощатого настила, и время от времени взглядывает на часы.

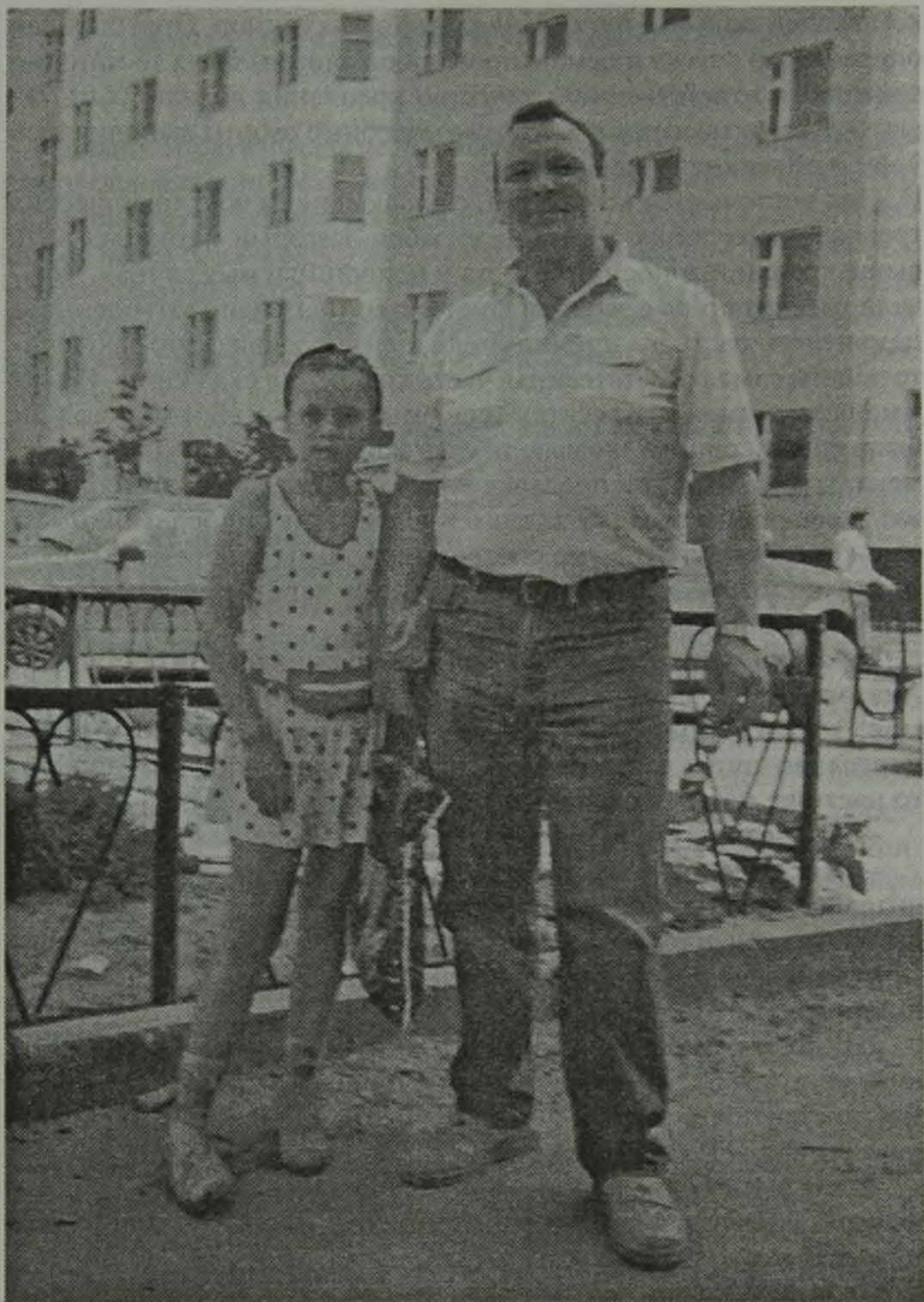
— Так ведь и «стоп» можно прозевать! — ворчливо пеняю ему.

— Исключено! — тормозится Толик. — Расход — это производительность на время. Все под контролем! — Он показывает лабораторный секундомер, улыбаясь широко, заверяет: — В нужный момент будем в нужном месте и в оптимальный момент дадим команду «стоп»!

«Ну-ну! — хотелось укорить его, — то-то в вашей экспедиции чуть не вторая колонна с «козлом»! Да знал, скажет: «Не мои-с! Все претензии — к ним-с!» — имея в виду главного инженера и начальника ПТО и РИТС».

Толик ироничен, порой по-студенчески остроумен. Речь его быстра, с кратковременными запинками и чуть грассирующей невнятинкой.

Он высок, крупнотел, черты лица неброские, но скульптурно—соразмерные, подбородок разве чуть тяжеловат. Мягкий русый чубчик, высокий лоб с характерным надбровьем. Глаза светлосиние, оживленные обычно веселыми искорками понимания, любопытства, иронии, хотя могут они быть остро холодными, безразлично-фарфоровыми и темно-задумчивыми, самоуглубленными — от расширившихся, как бы глядящих в себя зрачков.

Иван Сергеевич Анкудинов с дочерью Верой

При продавке было несколько волнительных моментов, когда пропадала циркуляция (это свидетельство о поглощении цементного раствора пластами). Боясь разрыва пласта — а этого никак нельзя было допустить: тогда бы аварийный столб соединился с

нашим, и мог произойти выброс газа из незакрепленной нашей скважины — я снижал, на сколько было позволительно, темп за- качки, чтобы уменьшить давление...

И вот, наконец, на устье излился щупальцами подземной гид- ры загустевший буферный гельцемент. А потом пошел цементный раствор: с хорошим подходом мы его закачали! До получения «стоп» цементом залили под буровой приличную площадку.

После «стоп» наступает ОЗЦ — ожидание затвердения цемен- та. Дав необходимые распоряжения и перекусив, мы с Толиком пошли в свой балок.

Гостевой, или итээровский, балок стоял ближе всех к кратеру, окнами к нему.

Фантастические сполохи то отжимали тревожную темень май- ской ночи, то давали возможность мгновенно, с хлопком, как при кавитации, смыкаться ей, чтобы тут же мгновенно разметать ее ключья по ближним и дальним гривам, приболотьям и облакам.

В балке также причудливо мечутся сполохи, блики и тени. Сте- ны балка почти не утишают шума неукрощенной стихии, в кото- ром и гул верхового пожара, и рокот горного камнепада, и грохот рушащихся куполов при землетрясении — балок, стоящий на про- питанной полыми водами торфяной подушке, порой ощутимо вздрагивает.

За последние дни мы с Толиком здорово ухайдакались. Сей- час, на ОЗЦ, казалось бы, дрыхни да смотри себе майские слад- кие сны, ан нет, не спится... Переутомление тому виной (да ведь не впервой!), непривычная обстановка (может быть...), или, ско- рее, просто месяц май?

Моя постель возле окна. В балке прохладно. Но байковое оде- яло, та его часть, на которой пляшут сполохи, теплая. Делюсь от- крытием с Толиком.

— Инфракрасное излучение. Тепловая радиация, — сухо демон- стрирует он свою ученость. После небольшой паузы, но уже дру- гим голосом — в тембре появились теплые гобойные тона — го- ворит:

— Я родом из Кизела... В нашем доме было печное отопление. И вот когда, случалось, по вечерам отключали электричество, мы открывали печную дверцу, и по кухне так же вот начинали метаться блики... Дрова догорали, головешки начинали рдеть, покрывать- ся сиреневым пеплом, сквозь который прорывались и начинали порхать синенькие огоньки...

Дед Толика, Иван Сергеевич Анкудинов, родился в селе Крас- ная Горка в 1898 году. Став взрослым, отправился с семьей в город

Кизел на заработки. Было это в разгар НЭПа. В Кизеле Иван Сергеевич вписался в дружные ряды пролетариата: выучился на железнодорожника, поезда водил и дороги строил. Довелось ему строить самую южную железнодорожную ветку — на Кушку, здесь за ударный труд был награжден орденом. Неудачно сложилась судьба его брата, оставшегося на Красной Горке. Тот тоже ударно трудился на доставшейся ему земле, но в награду за это был раскулачен и сослан на поселение в Мордовию. Иван Сергеевич меж тем освоил паровозное дело: прошел через все ступеньки иерархические, существовавшие в паровозной бригаде, вплоть до машиниста. Профессия машиниста в те времена была весьма престижна и хорошо оплачивалась. Крепок дед был, прожил почти восемьдесят лет, работал до глубокой старости. Толик помнит (значит, деду тогда было не меньше шестидесяти!), что он всегда из рейсов привозил какие-нибудь подарки внукам, а, угощая, приговаривал: «У-у, червонцы! — червонцами почему—то звал их. — Натек-ко вот гостинцы, побалуйте охотку свою».

Предок по матери — Михаил Иванович Ломов. Георгиевский кавалер. На германской войне потерял ногу. Работал потом по почтовому ведомству. Перед Отечественной войной заведовал почтовым отделением в городе Медынь Калужской области. В семье весело, как анекдот, рассказывали про случай, произошедший с ним. А дело было так. Известие, что немцы вот-вот займут Медынь, застало Михаила Ивановича врасплох: у него на руках находились казенные деньги. Что делать? Взять сидор с деньгами с собой в эвакуацию или куда-нибудь спрятать? И он в суматохе не придумал ничего лучшего, чем повесить котомку в сенях на крюк и прикрыть ее оцинкованным баннным тазиком... После этого сел к жене в телегу и стороной выбрался из оккупированной уже Медыни. У «своих» он отделался испугом: за утрату казенных денег его только выгнали из партии, но не посадили. Что примечательно: в освобождении Медыни участвовала их дочь и будущий зять, и они рассказывали позднее, что на месте города по существу были головешки. Бабка сильно ругала деда за несообразительность: хоть бы, мол, в самовар или чугунок положил деньги да зарыл в огороде, а то и не попользовался и сам пострадал. Жили они потом в селе Сосновый Солонец под Жигулевском, там и почили.

В Кизеле городская газета называлась «Уральская кочегарка». Название газеты очень соответствовало облику города: здесь никогда не было белого снега! Только серый, а по весне — почти чер-

ный. По этой причине белье на улице не сушили. И тем не менее кизелчане любили свой город, многие жили в нем поколениями. Вот и родители Толика прожили в Кизеле почти всю свою жизнь.

Отец Толика, Николай Иванович, родился в 23-м году в селе Красная Горка, мальцом был привезен в Кизел. До войны успел окончить девять классов, потом был направлен в Тюмень на курсы радистов. После курсов воевал под Москвой, с 43-го года — на Втором Белорусском в стрелковой дивизии, которой командовал Афанасий Павлович Белобородов. Николай Иванович был ранен в ногу, ранение было тяжелое, ногу пытались ампутировать, но он не дал и закончил войну на своих двоих в немецком городе Нойштетене.

Мать, Вера Михайловна Ломова, родилась в Медыни. Перед самой войной после восьми классов она окончила курсы радиотелеграфистов и была военнообязанной. Поэтому на фронте она оказалась с первых дней войны и до самого окончания ее служила частях радиоаэродромного обслуживания, не раз попадала под бомбежки и артобстрелы. После войны некоторое время служила в Германии. Там познакомилась с Николаем Ивановичем Анкудиновым, в 46-м году они поженились, а на следующий год демобилизовались и вернулись из Германии в Кизел. В 48-м году у них родился сын Виктор, а 17 апреля 55-го года близнецы Анатолий и Юрий (Толик старший, Юра моложе его на семь минут!).

Отец и мать почти одного — среднего — роста, но отец был тяжел, осадист, у матери была шикарная коса, украшавшая ее и в старости. В мирное время отец работал на железнодорожной станции старшим механиком по сигнализации, мать — в отделе кадров железнодорожной воинской части.

Жили Анкудиновы в восьмиквартирном доме, каменном, капитальном, построенном пленными немцами, в двухкомнатной квартире. Дом без удобств, без водопровода, с печным отоплением. Летом была постоянная повинность: заготовка дров, угля. Дело взрослых — привезти топливо, детская «радость» — распилить, расколоть дрова, сложить их в поленницу, уголь расфасовать и заскладировать. Натаскать воды, дров, выгрести из печки и вынести золу, сложить дрова в печь, приготовить растопку — все это лежало на близнецах.

Анкудиновы, как большинство простых советских людей, работали с одним и с двумя выходными, по графику и неурочно, ходили на собрания и демонстрации, забивали «козла» во дворе, по-соседски и по-родственному справляли праздники, именины и гуляли свадьбы, собирались чаще всего у них в двухкомнатной квартире.

Николай Иванович не чужд был изобретательству (Толик помнит, что отец переделал титан для топки его кусочками авторезины — эти резиновые ломтики дети прозвали «шоколадками»: наруби «шоколадок», принеси «шоколадок» — было им понятно). Кроме того, он был радистом 1-го класса, имел радиостанцию, занимался радиоспортом. Пытался организовать подобие радиокружка: учил ребят азбуке Морзе, работе на ключе. К его огорчению, дети не проявляли к его хобби сильного влечения.

Своих сыновей он воспитывал жестко, при разборе бедокуров дело доходило иной раз до ремня, так что матери приходилось вмешиваться. Но по большому счету отец был отходчив и добр.

Как-то в начальных классах Толик увидел, как сосед палкой лупит щенка. Он возмутился и обозвал соседа нехорошим словом. Сосед оставил щенка и занялся защитником. Лупил, лупил да и швырнул Толика на землю, а земля была уже мерзлой, кочкастой, в результате — перелом левой ноги. Отец как узнал, вскипел: схватился за трофейный, с фронта, кинжал... Но все, к счастью, обошлось. После этого отец, чтобы сын не отстал в учебе, чтоб учился вместе с братом и дальше в одном классе, в распутицу на руках носил сына в школу, потом на санках возил. А с соседом (случайность или расплата?) вот что произошло: попал он в завал, придавило его и отняли ему левую ногу..

Близнецы учились вместе до десятого класса, похожи были где-то до четвертого-пятого класса, а дальше стали различаться и лицом, и комплекцией. В десятом Толик был на 10 см выше и на 20 кг тяжелее Юры. Позже Толик на студенческих харчах попридержался, а Юра на армейской овсянке прибавил: возмужал и поздоровел.

Толик окончил в 78-м году Пермский политех, производственные практики проходил на северах, поэтому по распределению поехал в Мегион с удовольствием. Работал технологом, старшим технологом в МНРЭ, после чего был назначен главным технологом соседней Восточно-Мегионской экспедиции.

На 107-бис мы с Анатолием Николаевичем Анкудиновым встретились еще раз — на вскрытии сеномана в районе аварийного ствола, после установки на технической колонне противовыбросового оборудования и производства подготовительных работ к глушению фонтана. Не без опасных осложнений в июне мы приступили к задавке фонтана. К 15 июня закачали в пласт около пяти тысяч кубометров раствора и воды. И в этот день закачку продолжали с прежней интенсивностью. Вдруг с фонтаном что-то произошло: пламя стало оседать, размеры куполов становились все

меньше и меньше... В центре кратера зародилась воронка и стала стремительно набирать обороты, сопровождая коловращение страшным засасывающим ревом воздуха. Уровень пульпы в кратере стал быстро снижаться. Потом раздались звуки грандиозной «отрыжки», и пульпа пошла назад. «Неужели не «пошло» и начнет работать снова? — с зеленой тоской подумал я. — Ведь такой подарочек ко дню моего рождения!» К счастью, все обошлось: подземный джинн залпом хватанул сногшибательную дозу «жженки» и что-то невнятно забормотал, засыпая и успокаиваясь, пускающая пузыри...

Мы пошли в гостевой балок и выпили присланную мне женой ко дню рождения бутылку шампанского...

Позже встречались мы с Анатолием Николаевичем на 90-й параметрической (по сию пору самой глубокой в Среднем Приобье) и других скважинах при проведении ответственных технологических операций, ликвидации аварий и геологических осложнений. Во время перерывов говорили «за жизнь» При кратких встречах пикировались незлобливо по производственным вопросам, по житейским.

— Все холостякуешь? — спрашивал я риторически.

— Гусарим помаленечку, — отвечал он неизменно. — Какие наши годы?

И вдруг в один прекрасный момент (Анатолий Николаевич был тогда главным инженером Вахской экспедиции) узнаю: Толик женился!

— И кто же сумел его обратить? — спрашиваю Витю, земляка и друга бывшего стойкого холостяка.

— Некая Ольга... Да вы, может, и знаете ее — она при вас там работала в каротажке.

Оля... Хрупкая миниатюрная девушка с прозрачными правдивыми глазами, с тихим мелодичным — иволговым! — голоском... Она работала тогда вместе с моей женой и приходила иногда к нам в гости.

Молодец: укротительница!

Пожились Оля с Толей в 86-м году. На следующий год родилась у них дочка Вера, а через два года сынок Стас...

У беззащитной женственной Оли оказался твердый характер Ольги: стойкого, принципиального человека со своим устоявшимся взглядом на жизнь кремневой поборницы справедливости. Сейчас она депутат городской Думы Мегиона, редактор независимой газеты «Мегион-пресс».

Анатолий Николаевич после женитьбы вернулся в Мегтон, работал у нефтяников, теперь он — начальник БПО «Аганнефть».

И что интересно, женился Толик по-гусарски, распечатав четвертый десяток. А сейчас (мы встретились в начале сентября), на тринадцатом году семейной жизни, как бы подводя итог разговоров наших и философствований, замечает несуетно, со значением: «...И все же главное в жизни — семья! Приехал я вот сейчас после отлучки — жена встречает, дети ластятся, жмутся к тебе, спрашивают о чем—то — просто так, не дожидаясь ответа, и неважно какой ты — небритый, тряской разбитый, бензином-соляркой пропахший или духами, главное — что ты дома, с ними. Что ты им — родной! И сам чувствуешь: нет никого на свете для тебя родней, дороже, ближе, чем они — твоя семья».

Сент. 98-го г.

Проблемы все же есть...

В кабинет главного инженера АООТ «СУ-920» вошла стройная черноволосая женщина. «Похожа на Хакамаду!» — автоматически отметил я.

После краткого делового разговора она, обаятельно улыбнувшись, попрощалась.

— Кто это? — полюбопытствовал я.

— Начальник снабжения. До этого мужик был. Опытный. «Волк» снабженческий! Но... всякое бывало. А сейчас — никаких проблем!

Вот это замечание главного инженера и побудило меня познакомиться с Раизой Рашидовной Алтыевой, и она любезно согласилась рассказать о себе и своей работе.

I. За полярной линией...

Есть единственный город в мире, который, словно невидимый хула-хуп, вращает вокруг себя Полярный круг и город Салехард.

Аэропорт, Ангальский Мыс — это еще Приполярье. А Сенькина Протока, Гидропорт — уже Заполярье.

В этом городе, в районе Сенькиной Протоки, то есть в Заполярье, на исходе северной ночи, целый «бабий» век тому назад родилась Раиза Алтыева...

Вообще-то родовые корни — в Притоболье. Голодно жилось там в послевоенное время. Вот и подались ее деды — Алтыев Садык Валиевич и Назыров Нияз Фаритович — со своими семьями, независимо друг от друга, в Салехард, «город рыбный», стали работать кто где. Там и познакомились их дети — Рашид Садыкович и Накия Ниязовна, а со временем стали мужем и женой, а для Раизы — отцом и матерью.

Семьи у сибирских татар традиционно многодетны, дружны, а родственные связи — многоколенны и крепки. У Раизы кровных братьев всего трое оказалось, зато сродных кузенов и кузин, дядей и тетей — многоименно! И со всеми — если и не «явочно», то через «приветы» — душевная связь.

И в Салехарде жили многосемейно и дружно — «веником», поддерживали один другого.

Сейчас, по возможности, приезжает Раиза Рашидовна в Салехард, и собирается родня...

До шестнадцати лет прожила она в Салехарде. Салехард — город детства и юности. Разве забыть его — с незаходящим солнцем

— белые ночи, вводящие в заблуждение не только приезжих, но и старожилов? Или зимнюю полярную ночь? Полярная ночь — не только мрак и пурга, но и уютный полусвет, и цветомузыка полярного сияния. Легкий морозец. Спиной — на снег, глаза — в небо и дивись небесной фантазией: сполохи, хороводы неслышные, ручейки, веревочки, что водят разряженные в небесные шелка, шифоны, атласы и прозрачные кисеи северные снегурочки...

Непередаваемы и неповторимы детские впечатления! Что северное сияние, вкусовые ощущения — и те недостижимы! Салехардская соседка-зырянка делала рыбу горячего копчения, и изумительный был у нее вкус, особенно у осетра. Сейчас рыба всякого вида — не проблема, только плати, но вкус у нее не тот!.. Самый бесподобный вкус рыбы остался там — за Полярной линией! И остальные — детские! — страсти—мордасти там же,

II. Вот так и стала мегионкой...

То ли по зову «исторической родины», то ли по другой причине, но стала Раица постепенно «откочевывать» на юг: закончила Ханты—Мансийский Торгово-кооперативный техникум, распределилась еще южнее — в Кондинское...

Продвижение на юг прервал родственный долг: двоюродной сестре, жившей в Мегионе, понадобилась помощь — так Раица стала мегионкой. Думала, на время. Но уехала давным-давно ее сестра, а Раица — все мегионка и мегионка, скоро уж двадцать лет, как мегионка!

(Видимо, в золотой серединке оказался Мегион — между Салехардом и «югом»!)

Первое время работала Раица Рашидовна в торговле, а в конце 77-го перешла в производственный отдел УПТК треста «МНПС», где трудилась до его «самопроизвольного распада» шестнадцать лет.

Вообще-то эти аббревиатуры — УПТК, МНПС — понятны мегионцам без расшифровки.

Но все—таки поясним.

Трест «МНПС» занимался в основном промышленным обустройством месторождений: строил ДНС, КНС, а УПТК — обеспечивало строительство всем необходимым, согласно отраслевым, союзным и местным нормативам...

Трест, соответственно и УПТК, креп, расширялся, процветал... Строилось жилье, менялись административные здания (в последнем ныне аж городская администрация расположилась!), расширялась и переустраивалась промбаза. Матерели, становились асами своего дела работницы треста, одни двигались по служебной лестнице, другие оставались на своем месте: за рычагами и баран-

ками машин и механизмов, пультами и клавиатурами, а кто и просто за письменным столом, с картотекой, авторучкой и телефонной трубкой...

Конечно, в работе Раизы Рашидовны той поры, особенно со стороны, не увидишь романтики, трудового подвига: подумай! производственные нормы расхода материалов, лимитные карты, заявки... Так-то оно так, но — чувство сопричастности большому делу — его-то ведь не отнять! А оно было! Помимо этого, командировки в главк (для защиты норм, заявок), к поставщикам... Новые города, люди... У каждого города, его уличной толпы — свое лицо, своя аура... Уютная, доброжелательная или суетливая, напряженная...

И продолжала бы работать в МНПС Раица Рашидовна, если бы не его «распад». Поэтому когда предложили работу в АООТ «СУ-920», она согласилась: стала «начальником снабжения».

III. Проблемы все же есть...

— Сейчас нет фондодержателей, нет прикрепленных поставщиков — рынок! Деньги есть — всегда можно найти то, что нужно фирме — Раица Рашидовна, извинившись, отвечает на телефонный звонок. — Но проблемы все же есть. Во-первых, многие материалы и изделия все же выпускаются предприятиями-монополистами. Поставлять их, конечно, могут несколько посредников, и речь тут может идти только о цене: как сторгуешься. А качество одно — низкое! Во-вторых, спрос рождает предложение. Это мы и раньше проходили. Много предложений — цена падает. Посредники, а следом и производители, устремляются за дорогостоящим дефицитным товаром. В результате повышенным спросом вскоре начинает пользоваться то, что вчера, как говорится, «было в ассортименте». Особенно чувствуем себя неуютно мы, потребители, имея дело с мелкими поставщиками или посредниками. Другое дело крупные, солидные поставщики — посредники, ставшие коммерческими структурами на базе тех же, но перестроившихся! — УПТК. Они не стали размениваться по мелочам, сохранили коллективы, производственные мощности и, самое главное, сохранили выгодные связи внутри бывшего СССР и завязали новые... Нам, строительным снабженцам, иметь дело с «Нижевартовскспецстроем», например, одно удовольствие!

(Авторское отступление. Мне понятны нынешние сетования на разорванные хозяйственные связи, порушенные перестройкой и особенно созданием СНГ. Но как вспомнишь бесчувственных монстров — присной памяти ГОСПЛАН и ГОССНАБ и их мил-

лионоголовое детище — ФОНДЫ, прибавляется оптимизма: ведь и в их времена спасали производственников «горизонтальные» связи, когда толкачи на подпольных биржах меняли фонды «баш на баш»! И хотя ежегодно, после ревизии, руководители лишались премий, тринадцатых зарплат, получали «строгача», фиктивно увольняли толкачей, ради обеспечения своих предприятий «мелочевкой», они продолжали поддерживать эти самые «горизонтальные» связи. Будь наши «верха» элементарно благоразумны, предприятия сами, снизу, тихой сапой вышли бы на рыночные отношения. Но — не сподобил Господь...)

— В этом отношении, разумеется, сейчас никаких проблем! — сдержанно улыбается Раица Рашидовна.

— Но ведь все же — есть? — ловлю ее на слове.

Свободно смеется:

— Конечно, есть! Но — решаемые!

IV. Экзамен на выбор

Некоторые мои вопросы Раица Рашидовна предвосхищала. Вот и этот, деликатный, о семейном положении, я не успел задать.

Обезоруживающе спокойно, со свойственной ей сдержанностью и чувством собственного достоинства, сказала:

— Была замужем. Но семейная жизнь не сложилась: разошлись. Из-за непонимания. Сыну — четырнадцать лет. Считаю, что воспитываем его — оба. Встречаются они с отцом часто, общаются с взаимной приязнью. Нет, поступаем тут цивилизованно... — Она задумалась чуть, усмехнулась с теплотой. — Сын заканчивает девятый класс... Четыре экзамена. Русский и математика — обязателька. Два — на выбор. Что, вы думаете, он выбрал? Историю и черчение! не тривиально, да? С одной стороны, история... Нечто неясное, по-разному трактуемое... И черчение: четкость, ясность, определенность... Сегодня звоню ему: «Встал? На экзамен не опоздай!» Он вор—чит: вы что, мол, с отцом сговорились? — он только что то же самое спрашивал!.. Нет, с отцом у него хорошие отношения, хоть у того и другая семья?

— А что же вам мешает тоже создать новую семью?.. По объявлению, например?

Посмеялись... Потом она сказала, как обрезала:

— Нет! По объявлению — только материалы и оборудование. А знакомство по объявлению... Есть что-то в этом ущербное... Ограничение свободы выбора? Вообще — свободы личности? Нет, если и случится выбирать — то явочным порядком. Спонтанно, может быть, но и с приглядочкой...

— А выберете — «историю» и «черчение»?

Сдержанно улыбнулась, загадочно, по-хакамадовски. Ровным голосом, но с «закругляющей» интонацией, ответила:

— Вы правы, проблемы есть всегда. По крайней мере, проблема выбора. Особенно при нормальных рыночных отношениях.

Раица Рашидовна обаятельно улыбнулась и стала набирать на клавиатуре телефона длинный код какого-то, видимо, далекого поставщика...

Надо делать так — чтоб всем хорошо!

*Нас раздели-д, нас раздели-д,
нас раздеть пытались...*

(из частушки)

Возле 54-тонной импортной махины, окрашенной в царственный цвет восходящего солнца, ее повелитель, машинист бульдозера Голубев Алексей Степанович, выглядит миниатюрно, хотя он широкогруд и по-сибирски кряжист. Ему 58 лет, четверть века из них он на севере, работает все время в одной организации — СУ-920 — с момента ее создания, в одной ипостаси — бульдозериста. Вот все, что я знал, подходя к нему и испрашивая разрешения на беседу. Об остальном он рассказал сам, то усмехаясь, пряча улыбку в полных молодых губах, щуря уставшие светлые глаза, то задумываясь, вздыхая: прожито все же немало! — и как бы подводя итог более чем сорокалетней трудовой биографии.

Родился Алексей Степанович 26 января 1937 года в Омской области в многодетной семье. Наролили Степан Алексеевич и Евдокия Алексеевна (в девичестве Кундусова) четверых дочерей и пятерых сыновей, Алексей, названный в честь деда, был предпоследним, восьмым ребенком.

Так уж распорядилась судьба, что ни одной бабки, ни одного деда не довелось застать Алексею, да и отца—то смутно помнит: как провожали его на фронт, проводили и больше не свиделись — погиб отец, уйдя в разведку. На фронте были и самые старшие братья, но они, слава Богу, вернулись живыми. В тылу осталась мать с шестью детьми. Те, что постарше, денно и нощно трудились в колхозе, тысячи трудодней были выработаны семьей Голубевых. «Все для фронта!», «Все в закрома Родины!» А сами питались, кормились, одевались — с подворья! Да еще и налоги платили немалые. Благо — огороды были у них неурезанные: кто сколько мог осилить, столько и обрабатывал, это и спасало, картохи, капусты, моркошки было в достатке — не голодали. Но и трудились все — стар и млад.

После войны пустеть стал семейный двор: старшие женились и выходили замуж, разъезжались — кто в районный, а кто в областной центр...

Места у них в Тюкалинском районе привольные, степные, озерные, лесов — самая малость, да и те в войну были сведены на нет. Топливо, стройматериалы — проблема. Зато покосы хороши, даже

в самые засушливые годы, в приозерных низинах трава вымахивает в рост человека! В сене — душистое разнотравье, ягоды! До того хорошо — сам бы ел! Ел бы не ел, а полежал бы да духом его подышал — с большим удовольствием!

Недалеко от села озера великие, что птицей, что рыбой обильные: Салтаим и Тенис... В селе в послевоенное время дворов семьдесят пять было. Недавно ездил Алексей Степанович на похороны матушки — 92 года прожила Евдокия Алексеевна, царствие ей небесное! — огорчился: дворов тридцать осталось, разбежался люд по свету, растекся... И винить ведь нельзя: от хорошей жизни не бегут! Взять хоть его самого... Когда старший брат уехал в Мегин, почему позвал его? Чем прельстил? Да заработком! Длинным показался тогда северный рубль в сравнении с колхозным: в десятков раз, не менее! А то разве бы оставил он землю, колхоз тот же, в котором начал трудиться чуть не с десятилетнего возраста?!

Школа в селе была начальная, да и ее не удалось окончить: работать надо! Десятилетний Алеша в класс пришел, а бригадир, верхом, в окошко кнутовищем стучит, уздечку показывает: к лошадям, мол, Голубев Леха, давай. Так и расстался со школой, на тринадцатом году уже полномерно конюшил. Одно время за молодняком ухаживал. Жеребят в колхозе много было, семь-восемь десятков.

Вот их надо было три раза в сутки на водопой сгонять, в колоды воды набрать («интересно: подсвистываешь — они и пьют»). Корма в ясли дать. Убрать за ним, самих почистить... Работы хватало! Но зато и не соскучишься с жеребятами: симпатяги они и забавники! А по ночам дежурство в конюшне — по очереди. Дома тоже работы хватало: и в огороде, и на покосе, и в пригоне — корову держали, овец, потом и свиней (к салцу привык Алексей Степанович, и не к покупному, к свойскому! Чистосердечно признался, что сало — любимое кушанье).

Всю крестьянскую работу — сезонную и межсезонную — освоил Алеша Голубев в подростковом возрасте: на яровых и на зяби плутарил, на уборке — в соломокопнителе, на сенокосе тоже без дела не леживал... Постепенно, незаметно променял живого коня на железного — призвание прорезалось! Безо всякой учебы, курсов, «корочек» освоил все типы тракторов, бывших тогда в МТС: от «Универсалов», НАТИков до «Сталинцев» и ДТешек... И уже взрослым парнем, в 59-м году, в Тюкалинске, в старинном городке, окончил школу механизации.

— Не трудно было учиться, с тремя-то классами? — спрашиваю.

— Да нет, а что? Формулы-то? Читать-писать умел. Память была: что в голове, что в руках... Руки-то — они ведь тоже память-

ливые, свою память имеют. А машине только то и надо, чтобы руки думали, тогда она и послушна им будет...

В 60-м году, будучи уже дипломированным механизатором широкого профиля, высмотрел Алексей Голубев в соседнем селе невесту — Таю.. Тасю... Таисью Марковну... Посватался и, получив согласие, привел ее в отцовский просторный дом... Вскоре дом огласился младенческим лепетом — наследник родился! А через пару лет еще один сынок появился на белый свет.

Дети подрастали. Заматеревший отец осваивал новые машины, совершенствовал свое мастерство. Так продолжалось до 71-го года. А потом резкий, словно на одной гусянке (педаль до упора, рычаг на себя) разворот и: «поля, прощайте, привет, тайга!»

Старший, ближний по возрасту, брат Анатолий и в колхозе, и в Мегионе, и в СУ-12 работал плотником («всю жизнь — «деревянный», как я — «железный», — шутит А.С.). На первое время приютил он у себя родственников: с братом приехала еще и племянница.

Алексей Степанович устроился машинистом бульдозера в СУ-920, а племянница дояркой в совхоз, причем ей сразу же дали комнату в малосемейке. А Голубеву главный инженер управления предложил: «Давай, расчищай место под двухэтажку, как построим — первому дадим!» И точно: получил Алексей Степанович трехкомнатную квартиру под Новый год! В этой квартире он и до сих пор, кстати, живет. А тогда, до новоселья, жили они у племянницы...

... Вот и нахмурился Алексей Степанович: несколько лет уж прошло, как упокоился в мегионской земле на веки вечные брат Анатолий. Остальные братья — тоже... Только он да две сестры остались от многолюдного выводка. Молодежь растет на смену! Сыновья, внуки. И после Анатолия два сына остались, здесь, в Мегионе, с матерью живут...

— Год проработал я на нашей технике, потом послали меня на курсы в Челябинск — переучиваться на импортную: вот с 72-го года и работаю на ней. Сначала на «Катерпиллере», а десятый год вот на нем... — Алексей Степанович кивнул головой в сторону желтого мастодонта. — Хорошая машина, ничего не скажешь! Нашей техники и для сравнения нету, — вздохнул с сожалением. — разве что ДЭТ-250... Пошустрей он, но слабоват и капризный. А у этого 420 лошадей, моща! Если сцепление есть, спокойно полметра мерзлоты испарывает — как по пашне идет!

— Скажите, Алексей Степанович, — осторожно интересуюсь я, — а легко ли далось вам «перепрофилирование»? Все же до Мегиона вы двадцать лет пашню пахали: там — один талант требуется, а бульдозеристу, как я понимаю, другой нужен? Бульдозеристу, как летчику, обостренное чувство горизонта должно быть

свойственно! Не просто, как говорят, глаз — ватерпас, а внутренний гироскоп, чтоб с закрытыми глазами горизонт чувствовал! Так я представляю?

Щурится Алексей Степанович, можно даже сказать, ухмыляется.

— Так оно, так... Только мне и привыкать-то особо не пришлось: я ж в колхозе, как зима, на трактор бульдозерный нож вешал, руку набивал и глаз вострил в деревне еще. А тут, в СУ, за двадцать пять лет, конечно, тоже многому научился... Сейчас другой раз мастер говорит: вскрышу делай здесь, толкай грунт туда и прочее. А я прикину да и послушаюсь мастера, при всем моем к нему уважении, и сделаю по-своему: чтоб всем было хорошо — и экскаваторам, чтоб шли своей полосой, и самосвалам, чтоб не мешали друг другу, свои подьезды имели, да чтоб и мне поменее грунта с места на место толкать, солярки сжечь да и машину лишней раз не надрывать... Ну, глаз прикидывает, «компьютер» — не знаю, как уж там, считает, а руки, ноги — машиной управляют... Когда с намывным песком имеем дело, работать приходится поспокойней, ровнее... А вот если естественный песок... Тут по—всякому случается... На Хохряках вот работали. После Покачей—то — помаялись! Лес — ладно, а вот вскрышка — до 5—6 метров мощность доходила! Да и песок там... Местами ничего, а то — суглинки и глины вот такими линзами... Досталось там и технике, и механизаторам... Да и заказчики были недовольны качеством этого песка...

(После нескольких наводящих вопросов выяснилось, что автору приходилось на Хохряках в свое время вспоминать недобрым словом качество этого песка! Но это так, к слову.)

Разговор у нас с Алексеем Степановичем был откровенный, хотя на некоторые вопросы отвечал он весьма дипломатично, к примеру вот так:

— Дружно живем. Механизаторы — вообще дружный народ. Что нам делить-то? И начальство... Что главный механик, что вот начальник РММ... Скажу: надо то и то. Если есть, выпишут. И порядок мне у нас нравится: техника, к примеру, персонально закреплена. А когда она в одних руках, то и ходит в два раза дольше. Я вот, к примеру, одиннадцатый год на своем «кормильце». Кормилец мой! — Голубев ласково, словно коренника солового по холке, огладил пульт приборный подвластной ему махины. — Клык его осмотрите: по клыку видно, кто как работает! Совсем сносился. Наждаком что ли я его стачиваю? Нет, от работы! Кого хошь спроси, работники мы с ним! Потому и смотрю за ним. С сыном вот на пару работали: не дай Бог, увижу — болтик какой валяется или еще какая мелочь, — с выходного отправлю: поставь на место!

— «Директор» выступает! — услышал я добродушную подначку стоявших в стороне молодых механизаторов, одним из которых, возможно, был сын.

— С начальниками участков, с прорабами ну, бывало, из-за нарядов раньше поспоришь — заработок ведь! А сейчас нарядов и вообще не видишь: в конце следующего месяца, когда получку дадут, тогда и узнаешь, сколько заработал... Это дело такое...

Но чаще — лаконично и определенно:

— Из начальников кто запомнился? Да хоть тот же Бабенко: жесткий мужик, но справедливый! Русскому человеку что надобно? Это самое: порядок и справедливость. Марманов, главный инженер, помнится... Жить сейчас — как стало? Да вот по моим-то понятиям, хуже, конечно! Я вот на те деньги, советские, 50 тысяч накопил! — думал безбедно на старости пожить. А что получилось? Проснулся однажды, а меня со старухой — раздели! Сейчас вот зубы заговаривают: да на те деньги бы, если бы все покупать стали, ничего и не купили бы... Да мне-то что до этого? Я ведь деньги тогда не у Мавроди в три-мэмэм хранил под бешеные проценты, а у государства под 3%! Ну раздели нас, облапошили, как какую-нибудь «деревню» на послевоенном базаре фиксатые городские жиганы, — так не измывайтесь хоть, молчите в тряпочку!.. — И помолчав, продолжил: — Детям, внукам?.. Там видно будет. Конечно, у них уже другие понятия, у внуков—то... Сыновья женились, в Мегионе живут. Один — на экскаваторе, второй со мной работал, да в отпуск ушел и уволился: в коммерческую организацию подался... А мы еще поработаем, как прежде, «попашем»! У меня ведь и жена до сих пор работает... На зарплату да на пенсию — прожить еще можно. И внукам купить можно и «соколадку» — да не какую-нибудь, а по ихнему выбору! И еще кое—что... Ничего! Как говорится: «нас раздевать пытались, а мы им не дали!» Я-то и «Жигуленка» недавно купил, сам—то почти не езжу — младший пользуется, а мне что? — на огород съездить да в тайгу за грибами... У меня, слава Богу, ничего. Да ведь надо бы — чтоб всем хорошо!

Уважаемый Алексей Степанович! Я не думаю, что в России вы одиноки. Я уверен, что есть люди во всех сферах деятельности, которые хотят сделать, «чтоб всем — хорошо!» и так строят свою работу, чтобы всем смежникам и потребителям было удобно трудиться и жить.

А насчет «раздевания»... Научили нас: осторожнее, осмотрительнее, наверно, мы стали, по темной «улице» не пойдем. Да и выборы опять надвигаются: надо таких «градона начальников» и «околоточных» выбрать, чтоб дали нам возможность ходить по своей стране без опаски! Это и от нас зависит.

Я не забыла вас, ребята...

Сердце матери

лучше солнышка греет.

Русская народная поговорка

I

Осень уже, длинная сибирская осень... И ветер-листобой отсвистел, и шишкойбой угомонился... И первая крупа прошла, белыми лепестками первые снежинки проколыхались: через месяц, по приметам, ляжет зима...

Осень, северная осень...

Ржавь длинных, не осиленных ветрами тальниковых листьев...

Жестяной шорох нескошенной травы на сорах...

И вдруг на фоне серебристого подзола и мокрой картофельной ботвы — нежно-тревожное, ало-беззащитное, неожиданное цветочное пятно: купа доцветающей касмеи, сказочного аленького цветка...

Увидишь такое — и зверем лесным, чудом морским почувствуешь себя: мурашки бегут по коже, а в сердце, в горле слово рождается ласковое, заветное, еще чуток — и, кажется, сбросишь прежнее свое обличье и превратишься если уж не в сказочного молодца, все равно в другого человека: доброго, отзывчивого, жальливого...

Когда все хорошо: в доме, в душе — не насладиться ли итогами труда? Что до того, что осень? На ее фоне контрастней благополучие!

Так оно, так! Но хорошо ли другим? Особенно в переменчиво длинное сибирское предзимье. Вспомним о них, кому, может быть, хуже, чем вам, озаботимся их судьбой!

Пошлем им хоть через ноосферу — мысленно — слова приветов, как это делает Людмила Якушева своим однокашникам по Ново-Тапскому детдому... Свою жизнь она считает состоявшейся, и сердце ее болит о них, друзьях-интернатовцах.

Но сначала о ней самой.

II

Дорофее Максимовне Комаровой, Людиной матери, выпало градобойное детство: родителей раскулачили, а потом — война. Из всего семейства уцелела еще мать да сестра Ульяна. В девиче-

Первое фото на мегионской земле. 1978 г.

стве счастье посветило: любовь пришла безоглядная, да ненадолго. Возлюбленный в армию ушел, сам клялся в верности и от Доры требовал взаимной. Сынок родился, Володенька. Тютюкала, нянькала сына, гукала, случилось, и всплакивала с ним вместе, ожидая служивого. А он пришел через три года, покрутился да и слинял! Кляла Дора доверчивость свою, да жить-то надо! И жила: работала-крутилась, сына малого поднимала. Приглядной женщиной была Дора, не один в женихи навяливался, да, обжегшись, разборчиво принимала она мужские ухаживания. «Выбирала-выбирала да и выбрала!» —

осудили было близкие, когда сошлась она с будущим Людиным отцом, оставившим свою прежнюю семью. По-всякому можно отнестись к его поступку и к Дориному: помимо того, что у него было четверо детей, был он и значительно старше ее. Но как бы то ни было, привел он в новую семью двоих сыновей, Толю и Володю, и стали они жить-поживать и совместных детей наживать. И нажили сына и дочку. Дочка — это Люда и есть.

Говоря о родителях, нельзя пройти мимо двух странных совпадений. Первое. Девичья фамилия—Доры - Комарова. Фамилия мужа — Комаров. Второе. Одинаковые имена сводных братьев: оба Володи! Мало того, родились в один год и в один день! Между ними Люда — как ось симметрии. Высшего промысла в этом она не усматривает, но все же странновато... Будто витязи-хранители: слева — мамкиного рода, справа — папкиного.

В Викулово жили, в Боково, возле Большого Сорокина... Хорошо жилось, плохо ли, только тепло мамкино, ласка и любовь ее вспомнились: как воздух, как хлеб, как водичка родниковая, как улыбка солнышкина — только как не стало их! А до того не замечалось!

Молодою еще мать умерла, и тяжело умирала. Упокоилась она на берегу речки с кратким, как ее жизнь, названием Ит. Отец, войны успевший хлебнуть, контуженный ею, смертью жены словно был вторично контужен: не выдержал и стал заливать горе извечным лекарством — «вином с печалью пополам». Крепко, видно, присушила его Дора! Так он и не оправился после ее ухода, и се-

мья, окрепшая было, пала, как та безымянная высота, на которой он был контужен после гибели командира: детей в детдом, именуемый интернатом, взяли, а его — в ветеранский интернат под Ишимом, где через несколько лет и упокоился он. И тогда дети совсем осиротели.

III

Семь лет прожила Люда Комарова в Ново-Тапском интернате. Семь отроческих, подростковых, преддевичьих лет!

Школа-интернат располагалась на краю поселка, дальше — кладбище и аэродром, на который садились «кукурузники». Территория интерната была огорожена высоким крепким забором, по ночам обходили дозором сторожа. Внутри двора находились интернатовские постройки: четыре двухэтажных, из сосновых бревен корпуса — столовая, школа и несколько небольших, вроде бамовских, коттеджей. Хозяйственные постройки (сарай, склад, погреб) и «удобства во дворе»: помойка и туалет. Спортивная площадка, она же линейка. Несколько деревьев. Клумбы, грядки. Это их мир, среда обитания, это — планета, называемая Интернатом. А за забором — Вселенная, Космос...

Младшие жили в коттеджах, вперемежку, а ребята постарше — классами, в двухэтажках. Классы-семьи, классы-сообщества, классы-страны обладали неформальным суверенитетом, жили и развивались по своим негласным «историческим» законам.

И, конечно, по формальным, носителями которых были учителя, они же — воспитатели. По этим законам-распорядкам они вставали, ложились, ходили на занятия, готовили уроки, обедали, несли дежурства в столовой и в классе, в комнате, вступали в пионеры, в комсомол, проводили линейки, ходили строем в культпоходы, в кино.

По своим неписаным — общались между собой, защищали честь и достоинство, «частную» собственность, «государственную» тайну: тайники своего «я», сокровенные уголки души, в которых живы воспоминания или мечты о родителях...

С внешним миром были сложные, напряженные отношения. Если походы в кино и на сельхозработы (прополка, уборка урожая) проходили без эксцессов, то малочисленные самовольные вылазки без драк с деревенскими не обходились. словно иноземные космические пришельцы, вооружившись дубинками, с криками: «Бей инкубаторских!» — деревенские не раз брали приступом забор и ворота, и тут уж защищаться приходилось всем интернатовским коллективом, включая взрослых. И хотя дети, особенно постарше, старались как-то оживить (кружевным ворот-

ничком, манжетами, косынкой, аппликацией) свою одинаково-мешковатую интернатовскую одежду, выглядели они, особенно зимой, в блеклых ширпотребовских пальто, в суконных сапожках или валенках однообразно, эдакими гадкими утятами. И крики: «Инкубаторские идут!» — вызывали в них не лучшие чувства, но сплачивали, крепили корпоративную солидарность, замыкая их в своей — интернатовской — среде, отчуждая от внешнего мира. И тем не менее все более манящего к себе, к своим тайнам и соблазнам.

Маленькая, послушная до смиренности, не по натуре, а по разуму, не кукольно-красивая, а милая, общительная, однако и себе на уме, добрая, но не до транжирства, Людочка Комарова и ее братец Юрочка не могли не понравиться педагогам, обслуге, друзьям-товарищам, подругам... И — нравились. Мягко, ненавязчиво была она в своей группе духовным пастырем: еще с младших классов умела овладевать «аудиторийей». Развлечений у них, как это нынче понимается, не было. Даже книг не хватало, обычных детских сказок народных и авторских, того же Гайдара, Кассиля, Фадеева, Горького. Не говоря уже о Пушкине, Гоголе, Майн Риде, Купере, Твене... На этом фоне умение Люды пересказывать прочитанное было высоко оценено. В рассказах запросто переплетались канонические сюжеты и коллизии с ее фантазиями, благодаря которым все истории имели счастливый конец, вселяли какую-то надежду на такое же окончание интернатского заточения.

IV

Были и другие маленькие радости, были укромные уголки на солнечном припеке, или, наоборот, в тени, в заустеньи. И ученье, в процессе которого приходили творческие озарения, и радость преодоления трудностей при решении сложных задач, многим доставляло счастливые переживания. А дружба... первые неясные любовные томления... Внутренняя духовная, невидимая жизнь была богаче внешней, событийной — та была серой, однообразной, скучной. Скукота: надоевший, без каникул, распорядок, скукота: надоедливые, как тараканы, похожие друг на друга воспитатели-учителя...

И вдруг... Иван Васильевич, историк, новый учитель, приехавший к ним чуть не из самой Москвы! Две его дочери: семи- и восьмиклассницы. Жена — литераторша — русский язык и литература.

С первого же урока весь интернат был очарован новыми сотрудниками и их детьми: внешним видом, одеждой, манерами и вежливо-уважительным обхождением со всеми без исключения.

Местные учителя, со своим сложившимся деревенским бытом, с привычной, как посадка картофеля, уборка, доение или вывоз навоза, работой учителя и наставника в сравнении с приезжими смотрелись как кашка рядом с гладиолусом или георгином.

История стала у всех любимым предметом.

Людмила Комарова тоже увлеклась историей, и любимый учитель выделял ее из других, доверял ей в случаях, когда возникала необходимость, подменять его на уроке. Это, впрочем, практиковали и другие педагоги: ассистентом Люда была надежным. Училась она в то время на одни пятерки. Заглядывая в будущее, Иван Васильевич советовал Люде: «Когда закончишь школу, поступай в институт с историческим уклоном! Хотя бы в Тюменский пединститут на историко-географический. Или в университет на факультет журналистики...»

Дело в том, что классе в седьмом она стала записывать придуманные сказки и истории. Это занятие приподнимало ее над повседневностью, вызывало уважение своих друзей и вселяло надежду, что во взрослой жизни у нее все образуется, может быть, самым неожиданным образом. И когда после восьмого класса старший брат ее, Володя-мамин, приехал за ней, они — ребята, т.е. девчонки и мальчишки, однокашники — дали ей наказ: если выучится и будет иметь возможность, пусть расскажет правду о том, как они жили в школе-интернате на речке Тап...

V

Брат Володя привез Люду с Юрой в Мегион, где он работал водителем УАЗика: возил начальника СУ-920 Бабенко. Было это в 78-м году. Володина жена, Римма Павловна, стала им сестрой-матерью. Кстати, Римма Павловна до сих пор работает в управлении.

В Мегионе Люда закончила школу и под влиянием брата и окружения (среди дорожников жили и общались) поступила в Омский строительно-транспортный техникум. В 84-м году получила специальность и стала работать в одном управлении с братом.

Работала в разных службах и на разных должностях. Однажды даже замещала главного энергетика, ушедшего в отпуск. Исстрадалась, вспоминает она, и не потому что не справлялась, а из-за своего «гимназического» вида: Приходит она к незнакомому коллеге-заказчику или субподрядчику согласовывать техусловия на подключение или по другому техническому вопросу, а ей: «Вам чего, девушка?» (Она и сейчас «не солидно» выглядит: ясное, круглое лицо, доверчиво-любопытный взгляд голубых, с фиалковым оттенком, глаз и располагающе-мелодичный голос... А уж лет де-

сять назад — и подавно чьей-то дочкой-школьницей выглядела, а не и.о. гл. энергетика!).

Сейчас она работает в дочерней компании АООТ «СУ-920».

Муж — в РММ управления. Сын ходит в поселковый детсад «Полянку». Считает, что по нынешним временам живет она не так уж и плохо. Любит читать историческую литературу, не только приключенческого и авантюрного плана, но и познавательную, просветительскую. И часто вспоминает своих ребят — одноклассников-новотаповцев. Волнуется за их судьбу: у многих ведь никого из близких не было, а если и были — конченные алкаши. Да и психика не у всех была в порядке. Как они? Никто ведь не учил их жить, плавно приспособливаясь к ее «углам», «горкам» и «поворотам»... Доходили слухи, что из ребят кто в тюрьме, кто в бичах...

У Люды бережно сохраняются любительские фотокарточки интернатовской поры. И без запинки она называет: «Артегова... Люда тоже. Бердюгина Рита, Самсонова Оля, Шипулина Люда... Модное имя было. Вот еще Люда, Лихачева... Черникова Вера, Шагенова Роза, Фазылова Нина, Муравьева Таня... Тихонова Вера, Самбиндилова Нина, Валея Марина... Мухамадеева Алла, Серебренникова Оля... Вот это я — Комарова Люда... Зорина Нина... Мальчишки: Рябчиков Рома, Ниязов Вася, Антонов Гена, Чупин... тоже Гена, Китаев Сергей, Тихонов Коля и Васильев Миша...» В шесть строк поместилось двадцать четыре судьбы, двадцать четыре мира, двадцать четыре души... Как они там? Общаются ли через ноосферу между собой хотя бы во сне неясными, новотапской поры, детско-юношескими образами?.. Или все уже быльем поросло? — как, говорят, поросло молодыми сосенками то место, где стояла до недавних пор школа-интернат.

Но Люда Комарова-Якушева помнит все до последней минутки: она не забыла вас, ребята! Пусть поддержит и согреет вас ее сердечная память.

... Судьба мне выпала такая!

Но я ее благодарю.

Слезам своим не потекая,

с улыбкой жду свою зарю.

Без озлобленья, без завидок,
какая есть — и буду жить!

И вьется волос без завивок,

и голос ясный не дрожит.

Живу — не бедно, не богато...

Но затуманится мой взгляд, —

когда я вспомню вас, ребята,

и Ново-Тапский интернат...

Секреты пайки

Этот невысокий пожилой человек понравился мне сразу неспешностью движений и суждений, их уверенной определенностью.

Человек этот — Марманов Егор Константинович. Работает он в АООТ «СУ-920» с момента организации управления, т.е. с 1971 года. Начинал машинистом бульдозера, потом, после инфаркта в 84-м, по сей день — медником в РММ (ремонтно-механических мастерских).

Родился Егор Константинович в 30-м году в Крыму, недалеко от Симферополя, в сторону Феодосии — в лес, в горы. Совхоз «Ягодный». Отец, мать — местные, крымские. Отец из Тавдаира, мать из Спиридоновки. Соседи: села в Крыму метров через 500—700, а то и вовсе сливаются.

Отец, Константин Павлович, с 13 лет сиротствовал. А по матери, Шуре, деда своего Егор Константинович помнит: добрый был дед Тимофей, хотя мог и оттянуть внука хворостиной, если тот заработал. Из разговоров Егор Константинович знал, что и прадеды жили в Крыму, родовые корни, возможно, уходят в далекие потемкинские екатерининские времена.

— Так вы — украинцы? — неосторожно спросил я.

— Нет, мы — русские. И отец с матерью, и деда — все русские. По-русски говорили и говорим. Без «нехай» и «мабуть». — Марманов усмехнулся, мотнул головой. — Почему-то принято считать: родился на Украине — обязательно хохол, на Дону или Кубани — казак. Нет, мы — русские! — повторил, как припечатал.

Дед, а потом и отец до колхоза лошадей держали, извозом на жизнь промышляли. Отец и в колхозе с лошадьми занимался, а мать — на всяких работах — куда пошлют. Места предгорные, на равнинах — пшеница, ячмень, овес, по балкам — сады. Виноград рос, для своих нужд. Лаванду, шалфей, розу обихаживали — школьниками лепестки собирали. А больше всего — плантации табака!

В школу Егорка пошел в 37-м, начальная школа в соседнем селе — с километр, семилетка — в другом, за три кэмэ. Ходили ватажкой. Что осенью, что по весне — вокруг такая благодать, а ты — сиди за партой. Поэтому учеба особо не тянула, и мальчишки частенько пропускали уроки: забирались в табаки и играли там. Как увидят, что девчонки из школы идут, перехватывали их, садились в круг и переписывали все, что было в школе и что на дом задано. Да мать не проведешь: «Опять по табакам шастали?» — не по запаху определяла, а по вошине: на одежде от табачной пыль-

цы лоск такой наводился: не стряхнешь, не оторвешь! Липкий табак-то...

Жили Мармановы по тем временам сносно: дом каменный с балконом и верандой. В сарайке корова, в свинятнике — кабан. Земли пятнадцать соток. С сеном не было проблемы: лесники — за половину от накошенного — разрешали заготовливать. Все бы ничего, да пошли напасти: отец ушел, а потом — война... Егор самый старший: одиннадцать лет! Сестрам одной — восемь, другой — четыре. Пришлось ему после начальной школы идти работать коноводом (по семейной традиции получилось — с лошадьми!).

Земля в их краях хоть и щедрая, но для вспашки тяжелая: каменная. Поэтому в плуг впрягалась четверка лошадей, цугом по паре: на передней паре и сидел коновод. Точно так же, по сезону — на сенокосилках, конных граблях, лобогрейках. В ночное лошадей не давали, а купать — негде было: водой из ручья побрызгал и пучком травы протер — вот и все купание.

А тут еще и оккупация...

Как в оккупации оказались, и не заметили: кто-то сказал, что в соседнем селе — немцы... Пацаны тут как тут — побежали смотреть. Потом и у них в селе фрицы останавливались, в основном проходящие, в домах получше — офицеры, в других — тоже по старшинству. Некоторые были ничего: и угостят, и на гармошке сыграют, и фотокарточки родных покажут, а другие — орут, чуть что, пинка под зад. Скажут: вот эту курицу — в бульон! А она — несушка. Хозяйка другую предлагает, нет, упрутся: эту! «Мы, пацаны, будто ловить, а сами разгоним и в колхозный сад на четвереньках — поминай как звали! Они сунутся, а там колючий терн, да и отступят».

По соседству, вперемежку, татарские аулы были. Мирно жили. А вот при немцах все полицаи — татары, вот они перед немцами выслуживались. А в остальном — как при колхозах, только не колхоз — а община была, и не председатель — а староста. На работу ходили как раньше в колхоз или в совхоз. Налоги немцы тоже драли: сдай то, сдай это... Школы, больницы действовали бесплатно... Не как сейчас, к слову...

Дом в Тавдаире во время войны сгорел, жили в Спиридоновке, у бабки по матери. Дед работал мельником, в голодные годы помогал. Егор с двоюродным братом Иваном придут к деду в сумерки, тот хоть жменьку, да вынесет им муки аль пшенички. (Брат хоть младше, но к наукам, особенно к математике, был способнее: закончил со временем институт, работал первым главным инженером СУ-920, он и вызвал Егора Константиновича в Мегион).

После войны колхозы объединили, а как татар выселили — совхоз организовался на их месте.

Выселили их за одну ночь: вчера — еще были, проснулись — нету...

Чуть подрос Егор — в прицепщики пошел, а через два года, с 49-го до приезда в Мегион, т.е. до 71-го — трактористом.

Служил на Курилах. Приятных воспоминаний мало: ветер и снег соленый, глаза и щеки разъедает. Да еще цунами достает, после одного из них пехоту с Курил перебросили на Южный Сахалин, остались пограничники да авиаторы.

После армии вернулся в Крым: жили у бабушки в Спиридоновке, а ходили в клуб (дело ж молодое!) в Мазанку — кино крутили. В клубе и с будущей женой встречаться стали.

— Потом смотрю — не приходит. Подругу спрашиваю: что такое? Она говорит: ходить боязно. Пусть приходит, сказал, нечего бояться, провожу. Она и пришла. Проводил ее и стали встречаться. Свадьба была хорошая: вся родня съехалась. День погуляли, похмелились да и опять за работу. Было это в 55-м году...

— Егор Константинович! — да у вас же в этом году юбилей: сорокалетие.

— Выходит, юбилей! — соглашается он.

— Когда отмечаете?

— А это уж как жена решит... Она здесь же, в управлении, штукатуром-маляром трудится. Мы с ней, как сродный брат пригласил, вдвоем приехали: дочери — в школу обе ходили — остались у бабушки...

Сейчас-то они уж давно семейные: пятеро внуков у нас! А тогда-то, как приехали, определился машинистом бульдозера: у дорожников бульдозер — основной механизм! А бульдозерист, экскаваторщик да водитель — тройка, на которой все управление катит! Ясно, что и другие не сбоку припека, но все же... Много северной землицы потревожил за четырнадцать неполных лет, гору, чай, порядочную суглинку, торфа, песочка да и гравия переместил, не один овраг заровнял, да и не одно деревце подмял под себя...

Егор Константинович помолчал немного и продолжал:

— Случалось и деревенские профессии вспоминать: на заготовке ли сена подшефному совхозу, на уборке ли картофеля.

Из начальства своего главного механика Данилова вспоминаю. Да... И технику знал, и технологию ремонта... И вообще, исключительный был человек, память феноменальную имел: случись какая поломка у любой техники дорожной — деталь скажет, номер подшипника назовет, и все — тика в тика! А эти — шарятся-

шарятся по каталогам, книжки листают и частенько пальцем в небо попадают.

Из начальников управлений — Тулинцев выделялся. С утра обойдет все участки, во все вникнет, к рабочему подойдет, расспросит: как, что, чем дышишь? Ярошенко, конечно. Тот долго работал и много сдвинул и по поселку, и по производству. Всяко, конечно, было, но поговорить, поздороваться с рабочим человеком — не брезговал. Сейчас вот Андреев... Может, и ничего мужик, но другой раз с кем надо, поздоровается, ты будешь рядом стоять — в упор не увидит. Или возле конторы стоишь: из машины вышел, голову вниз и — молча мимо...

А медником стал незаметно, исподволь... Получилось как? Сначала по мелочи себе сделал: лейку, воронку. Жестяное дело попробовал: трубу, колено, ведро. Тот просит, другой. Сделал. Лудить обучился, уменье приобрел. Так и пошло... А как инфаркт получился (неохота вспоминать — с главмехом поссорился), медницкое дело — хобби, по-нынешнему, и выручило — медником стал.

Сама по себе работа, может, и не такая уж сложная, но как и всякая — тонкости имеет и по материалам, и по технологии. Но обязательное условие качественной пайки, лужения — тщательная подготовка поверхностей, грязь, ржавь, прозелень должны быть удалены, прилегающие поверхности зачищены до блеска! Не поленишься, не поспешишь — будет пайка герметична на веки вечные! А если тят-ляп — вся работа насмарку, небрежение уже не исправишь: либо выбросить, либо спаивай и начинай сначала...

Со своей профессией (или хобби?) Егору Константиновичу впору нынче собственное дело открывать: заказчики найдутся и на лейку, и на починку радиаторов. Может поэтому он так независимо и держится? Или — дело к пенсии? Ведь с учетом колхозного — коноводом — стажа более полувека оттрубил на благо России. По мне — дай ему Бог здоровья, пусть так и держится, все мы когда-то будем такими независимыми. Особенно если научимся, начиная любое, частное ли, общественное, государственное дело, в масштабах семьи, предприятия, села, города или государства — тщательно его готовить, до блеска зачищая от аллегорической грязи, ржави и прозелени...

Сентябрь 95-го г.

P.S. Пока очерк вылеживался, ждал своего выхода в свет, Егор Константинович Марманов умер от инфаркта в начале января 96-го — високосного — года. Да будет ему земля пухом, а память о нем светла.

На земле мы тоскуем о небе

В конце июня 1961 года, с дипломом Уфимского нефтяного института и направлением на работу в Тюменское территориальное геологоуправление, я впервые в жизни взлетал над землей на самолете ИЛ-14 с аэродрома столицы солнечной Башкирии. Аэродром тот давно застроен жилыми домами. Более тридцати лет после этого летал я на всех, пожалуй, типах самолетов и вертолетов, включая гражданскую и военную транспортную авиацию. Но всегда, как и во время своего первого полета, я испытывал при этом двойственное ощущение: восторга и грусти...

Все прозрачнее, все голубее,
все звучней вокруг нас синева.
От восторга как будто глупеет
закружившаяся голова.

Гул моторов и глуше, и гуще.
Сердце чуть холодеет в груди.
Облака, словно райские куши,
расступаются впереди.

Но прошло потрясение взлета.
По полям поспевающей ржи
мчится синяя тень самолета...
Но поля эти — как миражи!

Где он, запах созревшего хлеба?
Где он, шелест упругих стеблей?..
... на земле мы тоскуем о небе,
в небе — тотчас грустим о земле.

И давно уж проложена железная дорога с Большой земли, а я по привычке, в командировке и в отпуске, пользовался услугами Аэрофлота. Но однажды, возвращаясь с семьей из отпуска, с югов, подзастрял в Уфе. А в тот год, надо сказать, реализовывался девиз: «1 миллион тонн нефти, 1 миллиард кубов газа в сутки — Родине!» Под это дело со всех концов Союза (Закарпатья, Сахалина, Таджикистана, Кубани) возили вахтовиков, включая сторожей, техничек! Летали целые экспедиции и управления! И не только на арендованных самолетах, но и на рейсовых. На Сургут и Нижневартовск в расписании была уйма рейсов, в том числе и прямых из Уфы, но в продажу поступало... по несколько билетов.

Приехав в третий или четвертый раз отметить в очереди еще до открытия агентства, я увидел в витрине объявление: «Производится продажа билетов на прямой поезд Аэрофлота «Уфа—Нижневартовск»...

Несмотря на абсурдность объявления («прямой поезд Аэрофлота»), я решился: слетаю-ка я на поезде, посмотрю на родимую сторонушку из «окошка вагонного»...

И знаете, не пожалел! И виды, и звуки, и запахи — компенсировали некоторую потерю времени и дорожные неудобства... «Будет возможность — проеду на машине, проплыву на теплоходе!» — дал себе зарок.

И вот такая возможность представилась: на УАЗике едем в Екатеринбург и обратно!

Март в разгаре. На перегоне Мегион-Нефтеюганск — по обочинам и на дороге местами — снежно и слякотно, а дальше — асфальт сухой или, словно под утюгом, парит!.. Это — места знакомые, но трудноузнаваемые. Смотрю по сторонам, извертелся: хочется найти прежние приметы, ориентиры... Но прежнее — только небо. И доброхотное мартовское солнышко...

...Непросохшая свежая синь.
Этот свет, словно в радуге, ярок.
С фиолетинкой пятна осин...
Ясный день — нашей жизни подарок!
Вдруг вдали показались дымы.
Не эскадры дымят под Цусимой —
что-то снова прошляпили мы:
факела... факела негасимы...
Меркнет неба сибирского синь
в серебристо—графитовом смоге.
И белеют скелеты осин
вдоль бетонной дороги...
А на сердце ложится печаль, —
словно слышу шумящий и знобкий,
так тревожащий русскую даль
плачь души — про Манчжурские сопки...

За рулем УАЗика Николай Иванович Бережной, солидный мужчина средних лет с мягким голосом, темно-синими вдумчивыми глазами, по-леоновски улыбчивым полногубым ртом; на нем неброский узорчатый свитер, на поясе провисает кобурой кошель с документами и деньгами. Крупные руки его то спокойно лежат на баранке, то суетливо что-нибудь делают: переключают скорость, роются в карманах, в бардачке.

До недавних пор Николай Иванович работал на большегрузных машинах, и это чувствуется: он едет не спеша, выжимая не более девяноста кэмэ в час, при маневрах осторожен — видимо, все еще ощущает себя в прежних габаритах.

В затруднительных ситуациях он вроде бы спрашивает совета, но поступает по-своему. В случае неудачи сокрушается: «Эх, надо было вас послушать!» И так — всю дорогу.

Движение на дороге жиденькое. Прогудят майскими жуками тяжелые топливовозы, дальнобойные фургоны. Пчелками, осами вжикают наши легковушки, иномарки. Шершнями со свистом обгоняют нас джипы...

«Еще бы по асфальту не гнать! Попробовали бы по первым зимникам двадцать лет назад...» — с непонятным самому раздражением думаю я, вспомнив вдруг, в каком состоянии пришла к нам в экспедицию из Тюмени техника, перегнанная по зимнику

«Хорошая все же дорога! И асфальт научились класть, и разметка, обстановка — что надо...»

Выбоины и колдобины очень редки, и то по окраинам, там брызжет из-под колес серый, напитанный водой снег.

Дорога то ныряет с гривы в распадок, прерывистой лентой устремляясь к горизонту, то плавно выписывает синусоиды.

Воздух влажный, парной, сытный — словно квасным духом напитан. На взлобках посуше — будто возле каменки, когда поддашь кваску, и первые ароматные клубы уйдут вверх, за поллок...

Из темных еловых опушек ультрамариновая дымка сочится. Березовые колки из-под густых ресниц одаривают заманчиво фиалковым взглядом. Сосняки радуют изумрудно-яркой, малахитовой прозеленью...

После долгих северных сумерек пейзаж становится однообразно-темным, и мы, поговорив за жизнь, вспоминаем житейские истории из своей биографии...

— И охота вам, Николаич, трястись? — обвыкнувшись, еще в начале пути сочувственно спросил Николай Иванович меня. — Дорога долга: навихляетесь! Че, некому что ль было съездить?

Выслушав мои пояснения, съязвил:

— А вы — пешочком еще... Аль на обласке! — посмеявшись, заключил: — Нет, Николаич, удивляюсь все же вам! Сидел бы на печи, у бабки под боком... Запахи и звуки подавай!

Дорога плавным поворотом внесла нас на взлобок, и из непролазной повительной чащобы пахнул в кабину ветерок вербно-снежного настоя...

— Коля!.. Можно тебя так? Только из-за такого клочка ветра, Коля, стоило ехать! — воскликнул я искренне...

Коля! Васильевич да и только, ей-Богу!

Перед Тобольском, на АЗС, решили тормознуться на пару часов. Там уже ночевало несколько машин. Забрызганные автофургоны стояли «звездой»: кабинами наружу. «Зад к заду, и дружба врозь!» — пошутили мы. «Чтоб спать спокойнее! Не вскроют.» — пояснил мне Николай Иванович.

Мы перекусили в кафешке при АЗС и кое-что из домашних припасов оприходовали. Попытались уснуть — сон не шел. По первости, при включенной печке, Николай Иванович запыхивал было уютно, как домашняя квашня перед праздником, но, соревши, заворочался и выключил обогрев. Я задремал, недолго длилось задремье — пока не озяб, но и оно освежило меня. Сосед мой тоже проснулся. Мы разговорились...

Родился Николай Бережной 22 мая 1952 года в селе Александровке Сорокинского района Тюменской области, это чуть севернее города Ишима. Отец его, Иван Тихонович, 24-го года, и мать, Мария Андреевна, в девичестве Лоза, на два года младше мужа, из соседней деревни Михайловки; знакомы они были с детства. Ивану Тихоновичу пришлось повоевать в Отечественную войну. Мария Андреевна все это время трудилась в колхозе и ждала своего суженого с фронта. Иван Тихонович пришел домой уже после Победы с боевыми наградами, стал работать в колхозе механизатором. Мария Андреевна так и осталась простой колхозницей, то есть на все руки мастерицей! Сено косила, снопы вязала, сорняки

полола, всходы прореживала, зерно веяла, за скотиной ухаживала и всю остальную многотрудную крестьянскую работу справляла.

Николай — второй после брата Толика ребенок, за ним шли брат Александр и сестры Валя и Галя. (Что интересно, дети у Ивана Тихоновича и Марии Андреевны шли ровным рядом, словно подберезовички в бороздке, через годик, по четным: 50-й, 52-й, 54-й, 56-й, 58-й г.г.!)

Родители были заняты день-деньской в колхозе. Дом у Бережных крепкий, под двускатной тесовой крышей, с большой кухней и русской печью, просторной горницею, сенями, чердаком — там сушили веники и пучки целебных трав; во дворе — стайка и вышка для сена, держали они дойную корову, мясного бычка, овец, хрюшку и несколько десятков голов птицы. И огород, конечно. И все домашнее хозяйство во многом держалось на детях, находившихся под приглядом деда и бабки по матери. Благо, дед Андрей и баба Маня Лоза жили рядышком.

Дед Андрей, высокий, сухощавый, лысый, был в меру строг: шкодников наказывал. Баба Маня, невысокая худенькая хохлушка, всплескивая смуглыми руками, заступалась за внуков; речь ее на «мове» сыпалась приятной, но быстрой до непонятности скороговоркой, внуки ее любили.

Дед воевал в гражданскую и в Отечественную, был ранен, на войне ему случалось попадать в разные переделки, и он привык не паниковать. Под напором скорострельного кинжального «огня» бабы Мани он, случалось, и отступал, но — неспешно, с грозным достоинством.

По отцу была баба Дуня — русская, тоже худенькая голубоглазая ласковая женщина, она жила в соседней деревне и с внуками общалась больше по праздникам.

Но больше всего водились дети сами с собой: самовоспитывались.

Места вокруг дома привольные, веселые: речка безымянная, но утешная, березовые — с осиновыми анклавами — колки. Есть и леса в отдаленье, с темным, трудно проходимым подлеском. На лесных полянах и опушках — земляника, на буграх и взлобках — клубника... Боярка, калина, рябина... Груздевые места, опята... Тихо, покойно. Своих хищников практически не водилось, изредка — набегам — наведывались волки из Казахстана.

Николай окончил семилетку и поступил в Сорокинское ПТУ. Практику проходил в родном колхозе: с отцом в подменку пахал на тракторе, зябь поднимал. Получил после окончания ПТУ корочки механизатора широкого профиля. А осенью подвернулись шоферские курсы при ДОСААФ, окончил их, получил водитель-

ские права, стал работать в колхозе на ГАЗ-51. Поначалу по местным маршрутам, а затем и в дальние — на мелькомбинат в Ишим за комбикормами, на мясокомбинат. Случалось, и попутно пассажиров подвозил, но бесплатно, такая тогда была манера. С 69-го по 71-й крутил баранку, а на 9-е Мая ушел в армию, служил в ЗГВ в Германии по гражданской специальности — водителем ЗИЛ-ка. ВАИ не останавливала ни разу: службу нес ответственно.

Колхоз в Александровке считался средненьким. Но после армии Николай Бережной вернулся в Александровку, в родной дом. Председатель колхоза Чекунов Петр Степанович предложил ему сесть за баранку, и он снова стал колесить во все времена года по милым сердцу родным местам.

До армии познакомился Николай с Людмилой Ковалевой из недалеко — 15 км только и всего! — деревни Осиповки. Когда он служил, Людмила работала в Ленинграде, и они переписывались. Из армии Николай пришел в 73-м году, а на следующее лето Людмила приехала к своим в отпуск, да как оказалось, насовсем: Николай сосватал ее, и они поженились.

Первый год жили в Александровке. А в 75-м году Людмилинин брат, работающий в Мегионе, переманил их к себе.

С 1975 года стали Бережные мегионцами. Николай устроился на работу к своему шурину в 103-ю автобазу, а Люда после декрета в теплицу СУ-920, потом перешла в торговлю. Дети у них — мегионцы!

Дочь Лариса, первенец, 75-го года рождения, после школы окончила Нижневартовское педучилище, работает в детском комплексе «Полянка», что в поселке СУ-920. Муж ее, Владимир Стрельников, так же, как и отец, водитель. У них есть дочка Вероника, ей три года.

Младший Бережной, «олимпийский» — 80-го года рождения, окончил среднюю школу Мегиона и сейчас служит в армии.

Николай Иванович первое время работал на ЗИЛке, долгое время на тяжелом КРАЗе, года три на УАЗике, сейчас он — выпускающий механик.

— Внучка-то деда Колю любит? — спрашиваю с завистью.

— А как же!

Рассказ его частенько прерывался. Николай Иванович ворочался на сиденье, выбирая позу поудобнее.

— Да, Николаич, шарниры скрипят, мышцы ноют... Капремонт проводить треба! И то: почти тридцать лет за баранкой. Покрути-ка, потрясись сэстолько!..

Мне тоже дискомфортно, а уж про «шарниры» лучше бы он и не напоминал! Я ж только третьеводни встал на ноги, а то дней десять скрепя сердце передвигался по дому, держась за стенку. И если впервые спускаюсь по «тюменскому меридиану» с севера на колесах, то это не значит, что мало мне пришлось поколесить по земле — поездил я и по зимникам, и по целику на всех марках грузовых машин, тракторов, тягачей и вездеходов!

По «пьяным» северным дорогам,
тайгу секущим вкривь и вкось,
трястись мне вдосталь довелось...
Пилось и елось понемногу,
но так, как дома, не спалось...

Начинался рассвет: долгий, медленный, северный...

— То ли дело на юге! — замечаю я. Как—то аж в ноябре был, все равно: раз-два и рассвело! Может, поэтому там и народ такой горячий, а?

— Ха! «Горячий»! — расстановисто отозвался Николай Иванович. — Шустрый — да! Видели? На понтонной переправе... на АЗСах... да в любом киоске — если не продавец, то охранник или хозяин... Да чего? Взять хоть у нас дома — вся торговля у них! Водки нормальной не купишь — самопал! Наркота... Приглядишься — что ни иномарка, «нерусский» едет... Наверняка, с черным налом!

— Что ни говори, дружный народ! Один укоренился, считай, весь аул или махалля — здесь. Родственные связи опять же... Впрочем нам, как тому танцору, все кто-то мешает. В советское время — «евреи, кругом одни евреи» были, теперь — «лица кавказской национальности»...

Сквозь гущину придорожного леса замреяли реденькие, явно дачные огоньки: видимо, мы приближались к Тобольску.

Не удалось мне уломать Николая Ивановича проехать через город: в сырой — «саврасовской» — сиреневой дымке развернулся крутой «берег» Иртыша, железнодорожный мост, вокзал, знаменитый — в историческом ореоле — почти поднебесный Тобольский кремль... Золотые купола его храмов высверкивали даже в безлучьи ненастного медленного утра.

— Все дороги сейчас так — вокруг городов. Оно, может, подальше, да ездовитее... — оправдывал свой отказ Николай Иванович.

Но я на него обиделся и долго мы ехали молча.

Ровно тридцать пять лет назад, в марте... пожалуй, и числа совпадают... я возвращался из командировки в Москву. Да, это была моя вторая командировка. Первая — в Тюмень. Но как и в первый

раз, я подзастрял в Тюмени: не мог достать билет. Кто-то мне посоветовал лететь из Тобольска, а туда — на такси. Были же времена! Добрались мы до Тобольска вполне благополучно: пару раз вылезали на заносах, толкали «Волгу» М-21. Устроился в гостинице. купил на послезавтра билет до Сургута. Вечером ходил в драмтеатр, резной, изумительной красоты. Наутро поднялся по взвозу в кремль и весь день пробыл там... Эх! Моя бы воля, так и остался бы в Тобольске! Но я значился молодым специалистом и «обязаловку» должен был отработать там, где меня считали более полезным.

День постепенно разгуливался. Я со вчерашним интересом озираю дорогу и окрестности, пытаюсь хоть за что—то знакомое зацепиться взглядом. Но тщетно! Неудивительно. Во-первых, тогда я ехал сюда, навстречу, метель мела... Нет, поземка. И подмораживало. Точно. Стекло индевело... И во-вторых, мы ж ехали Тобольским трактом, а эту дорогу спрямили! Читал об этом где-то.

И пошли, как кинокадры, воспоминания.

В 64-м в Тобольске был пролетом: пересадка с гидросамолета на колесный. В город не ходили, любовались кремлем издали. Точно! С Гришей Бабаковым валялись на траве-мураве, пили густую перцовку, закусывали консервами «Карась с гречневой кашей». Или наоборот? «Гречневая каша с карасем»? В любом случае, было вкусно. Читали наизусть, по очереди, «Конька-горбунка». А вскоре Гришки не стало...

О! Года через три, кажется, в декабре... Да, во время «Дней советской поэзии в Тюменской области» были здесь с Володей Нечволодой, Женей—бородой... Да, я был в командировке и присоединился к ним в Нижневартовске или Мегионе... А... был еще юный, после дембеля, как его?.. Вовка еще ему в гостинице за непомерные амбиции врезал... Театр тогда еще был цел... Я ведь что-то тогда в связи с Тобольском написал... Дай Бог памяти... А-а!

От мороза и зноя белесые
над Сибирью летели века.
Стали былью мечты Ломоносова,
не пропали труды Ермака!

С каждым годом России могущество
прирастает тобою, Сибирь!
Не само собой —
нашим мужеством,
постигающим глубь и ширь.

Собралась нас дружинишка знатная
из окрестных и дальних краев —
не какая-то голь перекатная:
дело ладим и строим свой кров.

Нас не вдруг, с кондачка и наития,
полюбили удача и фарт:
через труд к нам приходят открытия.
Не цинга, нынче хлеще: инфаркт!

Сколько их, дорогих сотоварищей,
положили в бореньи живот...
Хоть печаль о потерях остра еще,
но и в званьях их имя живет!

О Сибирь! Ты хотя и суровая,
но к тебе прикипела душа!
Нынче песня рождается новая
на крутых берегах Иртыша...

...Чтоб Сибирью России могущество
прирастало сегодня сполна,
нужно очень немного, в сущности, —
наша общая воля
одна...

Да... «Воля партии — воля народа!» «Нефть — забота общая!»
«Миллион тонн нефти, миллиард кубов газа — в сутки!» Это тебе
не шухры-мухры! Сейчас тоже: забота общая, а вот денежки —
врозь...

Слева показался огромный животноводческий комплекс. Ка-
питальные строения. Но необитаем: зияющие провалы окон, ог-
рузлые снежные заносы... Картина, как из иллюминатора само-
лета: неосязаемая! Где он, острый запах весеннего навоза, прон-
зительный силосный «цу фус»? Где он, шорох сена, шумные вздохи
коров, мычание бычков, тарахтенье универсального «Беларуся»,
наконец? Неприятное ощущение... Тоскливое. Когда я нечто по-
добное испытывал? Шестьдесят шестой? Да, конец ноября ше-
стьдесят шестого года. Мы тогда летели из Салехарда в Старый
Надым на АН-2: внизу, словно селедочные скелеты, остатки же-
лезной дороги. В надымской лесотундре — колючая проволока,
беленные известью бараки, низенькие столбы линии вэчэ на Но-

рильск, разбившийся «Дуглас» (Ли-2)... 501-я сталинская стройка! Куда? Зачем? И какой ценой?..

В отдалении от животноводческого комплекса — бывшего комплекса! — на улоге, раскинулось село.

Вдоль дороги — и с той, и с другой стороны — словно кочевой стан: шалаши не шалаши, будки не будки, собачьи конурки или что-то вроде — все дымящееся, курящееся, пахучее, галдящее...

На память приходит Гиляровский с его описанием Хитрова рынка и обжорного ряда... «С чем боролись, на то и напоролись!»

И так — против каждого села, каждой деревеньки. Пельмени, картошка, борщ, котлетка, шашлык, сало, соленый огурчик, водка, пиво и даже заморские напитки. Молодые, старые, пожилые и совсем еще зеленые торгаши, в недавнем прошлом — колхозники или сельхозработчие...

— Никола-ич! — с приятной напевинкой в голосе окликает меня Бережной. — Че шепчешь: стихи сочиняешь?.. Али к утреннику готовишься? Чтоб свои строчки не забыть, повторяешь?

— Матюкаюсь, Коля, матюкаюсь, глядя на такое!

Теперь мы проезжали мимо порушенного ремонтного двора — тракторно—комбайнового погоста.

— А в садик, Коля, я не ходил, стихов про счастливое детство не разучивал: на войну да на лихое послевоенье выпало оно...

— А я ходил! — Николай Иванович по-леоновски лыбится широко. — И стишата зубрил, и манной каши на всю жизнь — во! — наелся! Да и то, не война — коммунизм строили уже!

Через промежуток снова:

— Николаич, слышь! Во-н, свороток... Ко мне на родину.. Дорога на Сорокино: хорошая сейчас дорога!.. спрямили ее. Может, заскочим? Нет... а летом бы — можно!

Понятно: ностальгия!

Я вспомнил про свою Малышовку: пять лет прожил, а кажется, что полжизни! В Покровскую начальную школу ходил за полторы версты, а в пятый класс, в Краснозалимскую семилетку, аж семь верст киселя хлебал! Волнительны были до чего весенние ходки — как на крыльях!

— Не, у нас в Александровке начальная своя была! — словно университетом гордясь, с довольством в голосе сказал Бережной. — Суздальцева Нина Ивановна и Бочкарева Валентина Ивановна учительницами были. Они и сейчас в Александровке... А в пятый класс я в Сорокино пошел... Там и ПТУ закончил. Да я ж, никак, говорил...

Широкая многорядная автодорога.

Лесопосадки по обочинам. В них кое-где приунывно, сброшенными в сердцах лохматыми зимними шапками сорочки гнезда.

Серый день ватинистый, пухлый. Воздух сырой, волнующий, с тонким обонятельным спектром: пучок паутинок — аромат березового сока, линии потолще — тополиной клейковины...

По неуловимым приметам чувствую: Тюмень где-то совсем рядом!

— Давай через мост на Мельникайте! — прошу Николая Ивановича.

— Не, через город не поедем, — решительно говорит он, — сейчас к сестре. Перекусим у сестренки, а потом зять отвезет вас на своей машине куда надо; утром пораньше заберет и поедем дальше — в Екатеринбург..

Красивый новенький пригородный поселок. Большие, соток десять, участки, обнесенные добротными оградами. Разнообразной архитектуры строения за ними: два-три уровня. Возле одного из них останавливаемся. Бережной выходит: «Под видеокамеру, чтоб узнали».

Ворота автоматически раздвигаются, и мы въезжаем во двор представителя нарождающегося российского сословия...

Претерпевший же до конца спасется

(Евангелие от Матфея, 24-13)

I. Вступление

Простую истину одну
я понял пацаном в войну:
хлеб, спички, соль и мыло —
основа жизни... Стыла
кровь даже под одеждой —
хоть грела нас надежда.
Как жизнь тогда была крута!
Но ведь была и доброта!
Да! Доброта и Милость!
Вот жизнь и сохранилась.
Сейчас все это вновь в цене.
А Милость с Добротой — вдвойне.

К Анатолию Владимировичу Попову эти стихи применимы в полной мере. Мы сидим в его «аппартаментах»: в слесарке ремонтно-механических мастерских АООТ «СУ-920», разговариваем. Слесарный стол с тисами, наждак, инструментальные ящики, шкафы. Продавленные сидения, приспособленные вместо кресла. Фоном — воспетая Гастевым индустриальная музыка: звон и гром железа, гудение электроприборов, утробное тарахтение дизелей, голубое полыхание электросварки и запах выхлопных газов — цвето-аромато-музыка! Мечта композитора Скрябина! Впрочем, к этому через пять минут привыкаешь. В слесарку то и дело заглядывают: «Дядя Толь...» или «Владимирович...». Одним Попов говорит: «Положи на стол, сделаю», — и плавно показывает белокожей, в железных опилках и смазочной отработке рукой — куда положить. Другим: «Погоди. Попозже». Третьим разрешает: «Давай! Только быстрее». И пока визжит наждак или дрель, вжикает рашпиль или напилоч, Анатолий Владимирович сидит, прикрыв глаза, изредка поглаживая тыльной стороной ладони светлое, чуть одутловатое лицо. Как бы то ни было, беседа наша идет «конструктивно». Речь у него правильная, без слов-паразитов и диалектизмов, я бы сказал, литературная. А когда узнал, что он из Вологодской области, из-под самой архангельской границы, я не выдержал, спросил:

— А куда же «оканье» из речи подевалось?

— Выкатилось... Уехал-то я из родных мест когда? Считаю, как в армию ушел. — Он чуть задумался, усмехнулся. — В отпуск, дру-

гой раз, подолгу не ездил. Как выберешься, и удивляешься говору. Отвыкаешь, как же! «Посидим, поокаем...» А ведь сам так когда-то окал.

II. Анатолий, брат Анатолия

Родился Анатолий Владимирович в мае 1938 года в деревне Кропухино, в районе, центром которого город Великий Устюг, известный еще с 1207 года. Молога, Сура, Вытегра, Сухона, Вологда — названия рек и речушек Вологодского края. Великий Устюг и Кропухино на берегу Сухоны (По местному, ударение на первом слоге). Богатые покосы в поймах и лугах, а на нежирных пашнях — рожь высокая, ячмень, овсы, гречиха и голубоглазый лен-долгунец, серебристо-серый, шелковистый после хлопотной и долгой обработки. А речки — рыбные, чистоводные. Сухона после паводка текла летом меж отборно-галечных берегов и плесов: раздолье для ребятишек и рыбаков! Родители — Владимир Николаевич и Лидия Васильевна, деды и прадеды и по материнской, и по отцовской линиям крестьянствовали: обрабатывали землю, обихаживали живность. В межсезонье, кто для себя, кто по заказу, мастерили колеса, сани, телеги, бондарили, шорничали, пимокатили — у кого к чему больше душа лежала и искусны руки были. Отец Анатолия все умел ладить.

Кропухинцам повезло — коллективизация пришла поздно — в 35-м. Семья у Попопых была большая. Детей только девять человек: семь братьев да две сестры. Анатолий — поскребыш. Он — Анатолий-II... До его рождения в семье уже был Анатолий. Но тот на шестнадцатом году трагически погиб — утонул. Видимо, родители тяжело переживали свою потерю, если уже в зрелом возрасте завели поскребыша и назвали именем старшего сына. Анатолий-II стал жить своей, разной в разное время, жизнью: гукать, ходить, разговаривать и, даже в малые лета — посылно работать. Во время войны отца забрали в трудармию (он воевал еще в первую мировую), брата на фронт, сестру — медсестрой, остальных — кого куда, и остались они впятером: два брата, сестра, мать и бабушка. Изба — с высокой завалинкой, просторным подпольем: под картошку, овощи, соленья (огурцы, грибы); в избе — русская печь, вдоль стен — лавки, у стола — скамейки (стулья уж потом пошли), полати. Во дворе — амбар, коровник (корову держали, покосы были, сейчас чащоба и на покосах, и на полях), баня. Огород двадцать пять соток. Взрослые — в колхозе, а свой двор — на старом да малом держался. Жили трудно: голодно и холодно. Из-за этого и в школу пошел девяти годков. В начальную школу ходил за два

километра (Кропухино-то — дворов двадцать), а в семилетку — в Марденгу, за четыре версты. Каждый день — по тропке, по санному пути. Из более дальних деревень (как его жена — за шесть кэмэ) квартиры снимали, а потом — в интернате. Весной Анатолий из школы к матери на поле: «Иди домой, я за тебя побороню!» У матери были кросна, и она всю жизнь ткала из льна, не это — вообще бы голышом ходили. А обувка? К деревянной подошве прибавляли гвоздиками брезент — вот тебе и ботинки. Сестра — та кружева плела крючком: красивые! Все-таки чудо — лен! А цвет? Вот поле как поле, и вдруг — голубое озеро.

После семилетки отец правдами-неправдами достал у председателя справку, выправил Анатолию паспорт и устроил его в ремесленное училище (РУ) в Великом Устюге.

РУ находилось при судостроительном и судоремонтном заводе, готовили судомашинистов и механиков. С общежитием было туго, поэтому Анатолий жил в основном у тети, отцовской сестры. Учили наукам и ремеслу тогда хорошо, уважительно относились к воспитанникам. Да и вообще: ремесленников одевали — по тем временам — хорошо, кормили, чистое постельное белье, регулярная баня, культпоходы в кино, самодеятельность, спорт, производственные задания, теория — бездельничать некогда было.

Эксцессов в группах не бывало. Вот «межкорпоративные» стычки — с речниками, техникумовцами бывали: училище на училище. Два года отучился, год отработал в Велико-Устюжской МТС и в армию... Два года служил наводчиком танка на полуострове Рыбачий в Мурманской области. После дембеля вернулся в Великий Устюг и вскоре женился на своей однокласснице Маргарите. Было это в 1960 году. Весной устроились в речпароходство, плавали матросами на линии Котлас — Архангельск. После аварии парохода их списали на берег, и Анатолий сменил профессию: закончил школу механизации и почти десять лет работал в совхозе механизатором.

В 71-м году жена в отпуске слетала к знакомым в Мегион. Ее сводили на берег в «колхоз» — понравилось! Погодка ясная была... Кедрь... Магазин. Чисто. Светло. Река близко... Приехала: хвалит, говорит — айда! Ну и отправили контейнер в Мегион, а сами — на самолет.

III. Широта одна, да коэффициенты разные!

Парадоксы географии: посмотрел в атлас — что Великий Устюг, что Мегион — практически на одной широте! А вот поясные коэффициенты — разные, да и «северные» в Мегионе платят. При

прочих равных тарифах — двойная разница! Накрутки делают, конечно, не зря, но вот эта разница в зароботке и смущает людей, срывает с насиженных мест. Сорвала она и Поповых.

Приехали в Мегион 11 июня 1971 года. А июнь, первая его половина, как правило, мерзопакостная бывает: мало того, что дожди, холодно, так и запуржить может.

Идут Поповы по Мегиону — грязища, пни, коряги, своры собак... Не понравилось Анатолию Владимировичу. Говорит, что если бы не контейнер, уехали бы!

Месяц пожили у друга. Потом сосед в отпуск собрался — пустил к себе. Малость погода, дали возле «рубленного», пенал, в нем жили до конца 71-го года. Следующее новоселье — квартира с подселением. Все — за год.

С работой тоже не гладко. Он же механизатор, а предлагают плотником. Друг говорит: иди, квартиру скорее получишь.

Неделю проплотничал он, а сам потихоньку присматривался. Видит: экскаватор «Беларусь» новенький, а как брошенный — колеса спущены и прочее. Пошел к главному механику: чего, дескать, техника стоит. Тот: а запустить сможешь?

За день восстановил Анатолий экскаватор! И все лето на нем: работы для этой универсальной машины было навалом. Копал траншеи под теплотрассы и коммуникации, гравий грузил, баржи зачищал и т.п. А пошел получать — 240 рубликов... За этим ли ехал? Тут главный энергетик предлагает — предзимье уже! — слесарем по котлам. Он ему: если разряд сохраните, то хоть сейчас. Нет, говорит, выходите завтра, я все оформлю. Так и оказались они с женой в одной службе: она оператором котельной установки устроилась и до сих пор работает.

И двенадцать лет проработал в котельной слесарем по ремонту котлов. В 83-м заболел. Да так, что операцию на сердце сделали: два клапана заменили...

Когда я услышал эти его слова, то невольно переспросил осевшим голосом: «На сердце — два клапана?..»

IV. Какой клапан лучше

— Два клапана, — совершенно отстраненно подтвердил Анатолий Владимирович, — митральный и орталный. Ведь двенадцать лет пылью дышал, чего хочешь. Вода-то здесь плохая. Хоть химводоочистку и делают, все равно трубки в котлах накипью, нагаром покрываются — зима-то долгая! Когда чистим — пыль столбом! Вредная, ядовитая, с химией! Ни респираторов, ни противогаров. Ничего, мол, Владимирыч, прочихаешься! Вот в кот-

лах нутро чистил, а свое забил, и сосуды, и клапана. Особенно пострадали сердечные клапана: кальциноз.

Направили его в научно-исследовательский институт в Москву. После соответствующей подготовки сделали на сердце операцию: отсекли закастневшие — в накипи! — родные лепестки и пришили механические.

— У меня вот такие, — Анатолий Владимирович протянул мне простой шаровой клапан.

Второй раз я сталкиваюсь с вторжением мертвого железа в святая святых человека и не могу спокойно воспринять симбиоз механического устройства сердца. Осторожно, с любопытством и разочарованием взял я устройство, две копии которого «чакают» в груди моего собеседника, и не взглядывая на него, стал рассматривать конструкцию клапана.

Тонкое, диаметром с новый гривенник, высотой миллиметров шесть, седло из нержавеющей стали, понизу — два ряда мелких отверстий (для пришивания к сердечной мышце), сверху — четыре изогнутых внутрь штырька, они образуют каркас, в котором находится силиконовый шарик. Вот и все: элементарно просто! Ни тебе нервных окончаний, ни кровеносных сосудов... Сердце сократилось — шарик приподнялся, пропустил порцию крови, стало расширяться — опустился в седло, перекрыл кровоток. И так — 60 и более раз в минуту, под сто тысяч в день и около сорока миллионов раз в год. И так уже четырнадцатый год (гарантийный срок большой!).

— А вот другой конструкции: мембранный. Полегче и меньшего перепада напора требует.

Конструкция оригинальная: поворотная заслонка колеблется, благодаря особой формы ограничителям, в пределах седла; этот клапан занимает объем в два раза меньший, чем шаровой. «Работают люди!» — уважительно подумал я о медиках-протезистах.

— Ну и как... самочувствие было? Тогда... И сейчас: все же условия, смотрю...

— Что — условия?! Работу по силам делаю, без работы — хуже. Я ж три месяца пролежал в институте. И комиссовали меня инвалидом по 2-й группе. Год и девять месяцев просидел на группе. Пошел на перекомиссию, взмолился: «Не могу! Переведите на третью — работать хочу!» Вняли просьбе: дали пожизненно 3-ю группу. Доволен был. А как начал устраиваться на работу, вторая заковыка. Замкнутый круг! Начальник управления требует справку из поликлиники, что можно работать, а в поликлинике требуют справку, что меня возьмут на работу. Хоть стреляйся! Вот только после перекомиссии и уладилось: с 85-го года здесь, в РММ слесарю.

— Все же тяжело, поди? Другой, полегче, почище — не нашлось бы?

— Да, ничего! Тормозные колодки наклепать, диски... Ну и все остальное по мелочи что. Тяжелое не поднимаю. Газы вот только: сварка, и трактора заводят.

— Ну а как насчет режима? Насколько знаю, лекарства надо регулярно принимать, параметры крови контролировать, обследоваться... В Нижневартовске в больнице у меня сосед по палате был, у него один искусственный клапан, так он говорил, что четко — два раза в год по десять дней в стационар на обследование и реабилитацию, и кровь на анализ по свертываемости...

— Таблетки — разжижители крови — принимаю. И в Тюмень предписано каждый год приезжать. Два раза съездил: анализы, рентген и обратно! Одна морока. Если бы в палату поместили, обследование сделали... А то кантуйся в гостинице... Нет, больше не поеду.

— А не хуже себе делаете? Не получится, как с тем же: «Ничего, Вламирыч, прочихаешься!» Ведь и в Мегионе больница есть, обследование сделают, поди.

— Ничего не хочу просить. Одного хочу: уехать бы на Большую землю. Хорохорься не хорохорься — больной ведь я. Уехал бы, на пенсию вышел, да некуда.

V. «Деревяшки мои, деревяшечки...»

— Жили, работали, деньги на черный день откладывали: 30 тысяч старыми было у нас с женой на сберкнижке — на эти деньги в перестроечные годы можно было и неплохую квартиру на Большой земле купить, и обстановку, и осталось бы еще малость к пенсии. Верили государству! И реформы начались — тоже верили обещаниям: «Через полгода — стабилизация...», «... в этом году...», «... в следующем...». Ждали-ждали, да все жданки съели! Больше невтерпеж. Зарботок у меня маленький: где-то полмиллиона. У жены больше выходит. Так это ж только на существование. У дочерей — того хуже. Одна, к примеру, в Ленинграде на оборонном заводе, у них неполный день работают, получают минимальную зарплату...»

— А мегионскую — на обмен? Не пробовали?

— Да кто ж на «деревяшки» обменяется? Добро бы — под снос шла, тогда другое дело. Четверть века, считай, прожили в ней, в «деревяшечке»! Я еще, помню, на ней пяток дней поплотничал. Да и другие дома помню: 9-й, 2-й, 13-й, после него — 4-й, 6-й, 8-й — я еще на «Беларуси» копал траншеи под теплотрассы к ним. Да!

Помолчали. Мне вспомнились слова Люды Якушевой, которые она сказала, узнав, что я собираюсь написать о Попове: «О, дядя Толя — хороший человек. Меня они, как дочку, привечали с тетей Ритой. Справедливый, совестливый. Другой бы на его месте... а он все, да ладно, обойдусь. Добро — не все помнят». Она в детстве, оставшись без отца, без матери, была в детдоме, пока старший брат не взял ее к себе в Мегион, и она чутка на доброту.

— Главное, пока деньги были в цене, кооператив пытались пробить. Это — как инвалидом стал. Везде записывался. В Тюмени — уж и деньги заплатил, думал, ну наконец-то! Нет, прошло время, деньги вернули. Сейчас вот уже месяц хожу: помогите хоть взамен «деревяшки» или за мои двадцать пять лет работы на севере купить какую-никакую хату или квартиру — поближе к моим девчонкам. Не дожидаться ведь мне, пока моя «деревяшка» под снос попадет.

Стихами я начинал рассказ про Анатолия Владимировича Попова, стихами и закончу:

«Деревяшки ль вы мои, «деревяшечки»!
Поскрипушки ль вы мои, продувашечки!
Тридцать лет как нет! Как мгновение...
И — другое живет поколение!
Свой всему черед и всему свой час:
Нас — на пенсию,
Под бульдозер вас...
... Может, станете вы «фазендою»,
Ну, а мы?.. Даст Бог, мы — легендою...

Ну, а пока мы, анатолии владимировичи, викторы николаевичи, егоры константиновичи, не став еще легендою, «поскрипываем» рядом с вами, люди, проявите свою ДОБРОТУ и МИЛОСТЬ сейчас — они возвысят всех: и вас, и нас.

Отцы Мегион-града

Лучший властитель —
о котором знают, что он есть, и все;
Которого любят и почитают, тот похуже;
Еще хуже тот, которого народ боится;
Хуже всех, над которым смеются.
Кто не стоит доверия, тому и не верят
Кто много думает и говорит мало
У того и дела идут —
Это, как говорится, в порядке вещей.

Лао Цзы

У колыбели Мегион-града

*Человек должен утверждать себя в жизни,
исполняя свой общественный и патриотический
долг перед отечеством.*

Н.М.Карамзин

— Здесь аврал в любое время суток:
то пожар, то баржа с кирпичом.
А в столовой вечно кроме супа
да тушенки — очередь еще...
То мороз, то грязи по колено...
Нет жилья, житья — от комаров...
Пусть другие топают на смену:
Я — наелся, во! Бувай здоров!

— Говоришь ты складно, словно пишешь,
так, что против нечего сказать.
Только разве ты уже не слышишь?
И не видишь? Так открой глаза:
над тайгой гудит тревожный ветер,
дыбит волны штормовой Оби.
Города рождаются, как дети, —
от любви!..
Для одних они потом — морока...
Их бросают, словно малышей!
Город наш, болезненный до срока,
заревел в пеленках чертежей.
Мы его уходим и угоим.
Не по дням потом, а по часам
будет он вздыматься над тайгою
и по-детски улыбаться нам!
Уезжай! «до дома и до хаты»!
Уезжай!
Но сердце — защежит!
Места не найдешь себе тогда ты
и — вернешься...
— О!.. да ты — «пиит»...

И хотя это стихотворения я написал в 1965 году, в канун восстановления Сургуту статуса города, оно, мне кажется, ассоциируется с внутренним диалогом многих северян той поры, особенно если северянин — городской голова!

По этой причине я и предпослал это стихотворение рассказу о Юрии Семеновиче Ярошенко, который стоял у колыбели Мегион—города, когда тот был в «пеленках чертежей», на чью долю выпали все «родительские» заботы и радости: и ночные бдения, и переживания за хворого, и неподдельное счастье при веселых гулях и первом зубке «младенца»...

І. А мои ти куряне сведоми кѣмети

Жизнь Юрия Семеновича Ярошенко условно можно разделить на две части: домегионскую и мегионскую. Мегионская половинка распадается, в свою очередь, на три составляющие: производственную, общественную и теперешнюю — пенсионерскую.

А осознавалась жизнь в соловьином сердце России, в Курске...

Предки Юрия Семеновича по отцу — украинцы, выходцы из Сумской области (село Угроеды).

Отец его, Семен Никитич Ярошенко, в тридцатых годах приехал в Курск и женился на Евгении Архиповне Корневой, коренной курянке. Молодожены вскоре попытались счастья в Казахстане, где 5 сентября 1936 года и родился Юрий. Однако казахстанская жизнь не пришлась им по душе, и они вернулись с годовалым сыном в Курск и поселились у родителей матери.

Дед Архип работал машинистом паровоза, относился, как принято говорить, к рабочей аристократии. Его профессия в те времена была весьма престижной. Да и заработки были приличные: на них-то и построил дед собственный двухэтажный домик на улице Пионерской.

Курск и поныне, в сравнении с другими областными центрами, не очень раздался, а в довоенные времена шутливо назывался курянами «Две горы, две тюрьмы, посередке баня!»

Улица Пионерская пролегла недалеко от этих достопримечательностей: по длинному косогору вниз к пойме Сейма, причем правая ее сторона была ровной, левая — покатой. По этой причине сегодня справа интенсивно идет современная застройка, а левую сторону улицы, боясь оползней, не трогают — сохранился частный сектор, в том числе и дедовский дом, и сады целы, а в них — знаменитые курские соловушки!

Мать Юрия Семеновича, Евгения Архиповна, большой любительницей цветов была, разводила их и в жилье, и вокруг дома, и

по межам... Земли тогда было много: и под сады, и под огороды, и под цветы — подо все хватало. В саду — не менее курского соло-вья знаменитая антоновка... Грушевка, анисы, китайка, ранеты всякие — с десятков сортов выращивались! А тут еще и вишня со сливой, крыжовник с малиной... Ухода все требовало, зато и уро-жаем радовало: нюх и глаз, язык и желудок тешило, в тяжкие го-дины от голодухи спасало.

Дом дедовский на Пионерской удачно стоял: две остановки и баня городская, шутейная примета курская! Парься, купайся! Мо-золи распаривай, грязь-худобу смывай! В том же районе базар пче-линым ульем погудывал. До Красной площади тоже рукой подать.

Да! Есть в Курске и своя Красная площадь. Ведь Курск — древ-ний город, с традициями, известен он с 1032 года как крепость Киевской Руси (967 годков ныне ему!). К Красной площади го-родской сад примыкает, в торце сада древний монастырь, в нем ныне Курский художественно—исторический музей с интересней-шими экспозициями и богатейшими фондами.

Как раз по Пионерской сохранился дом одного из первых кур-ских воевод — «палаты каменные». В районе Барнышева церковь Троицкая стояла. Внизу речка Тускарь протекала. В ней соверша-лись первые купания: мальчишки открывали летний сезон! Мел-кой была речушка уже в детские годы Юрия Семеновича, а сей-час, как в Мегионе Бердаковка, и совсем исчезает. По легенде же, в давние времена была Тускарь многоводной рекой, заходили в нее большие ладьи княжеские и иноземных купцов из Сейма...

Не зря Курск был основан крепостью! Во времена ожесточен-ной Курской битвы жарким летом 43-го года стонала древняя зем-ля под тяжестью бронированных чудищ, от разрывов бомб, фуга-сов, снарядов; задыхалась от смрадной копоти горящей челове-ческой плоти и плавящегося металла.

Курск, как известно, в оккупации был около двух лет и несколь-ко раз переходил из рук в руки.

Юрию Семеновичу особо запомнились два эпизода военной поры.

Брат матери был военным, старшим офицером или, как тогда говорили, командиром. Он служил в районе Бреста и погиб в пер-вых же боях. В Курске осталось много его вещей, погоны, порту-пея, командирская фуражка и еще кое—что из обмундирования. Мать Юрия вместе с двумя сестрами собрали все его вещи в узел и спрятали их в грубку (так на белорусский манер звалась русская печь). Тут как на зло немцы с повальным обыском: был убит ка-кой-то чин, и они искали подпольщиков или партизан. А в по-ленницах во дворе дрова аккуратно пиленые, ровно, по-мужски

наколотые, вот и могли подумать, что в доме — мужчина, и будут искать! Мать и тетки забили грубку всякой шелухой, и когда нагрянули немцы, сильно перетрухали. К счастью, все обошлось этим испугом.

Улица Пионерская тогда не имела твердого покрытия, весенние воды и летние ливни промывали посреди ее проезжей части настоящие каньоны! Да и снегом заметало ее порядочно. На Пионерской застревали даже танки!

Голодно было в войну, как и всем: тетки с матерью по деревням обменивали вещи на продукты. Да и сад с огородом спасали от голода.

Любил Юрий в детстве певчих птиц: и занятие, и забава, и наслаждение! Чижей, щеглов — полон дом. В больших и маленьких, в покупных и самодельных клетках. На птичий рынок ходил и так — обменивался. Канареек не держал — аристократки! И ухода повышенного требуют, и к корму привередливы. Постарше когда стал, пробовал и канареек держать — знает, общался с ними.

А по весне, на Благовещенье, пацаны, соревнуясь в широте души, выпускали своих певцов на волю... Сколько про это стихов написано, песнопений, а все же самому испытать бы... Высокие, возвышенные чувства переполняли мальчишеские сердца в этот благословенный день! Боже, как не хватает подобных чувств детям сегодня!

Пробовал он и кроликов разводить. Дело оказалось не только хлопотным, но скучным. И решил он однажды и кроликов выпустить на волю... Те с удовольствием разбежались и начали так интенсивно «пропалывать» огороды, что соседи не на шутку рассердились и пообещали прибить прожорливых «помощников». Пришлось Юре мобилизовывать всех друзей и устраивать облаву на ушастых «партизанен» и водворять их за решетку в клетку.

И еще было у Юры увлечение: голуби...

Держали они их с соседом-напарником.

Ни с чем не сравнить это занятие — гонять в хорошую погоду «по крышам голубей»! Задрать голову, наблюдать их полет, поощряя разбойничьим посвистом! Отлавливать мотиком (приспособление такое: шест с петлей из жилки или конского волоса на конце) потерявшего голову от любви чужака...

Занятие, не одобряемое, впрочем, взрослыми и теми же соседями: когда «гоняешь по крышам», кровельное железо мнется, краска лупится, шелушится. Хотя и среди них попадаются заядлые любители голубей — дома через три от Юриного древний бородатый дед держал рубленную из бревен голубятню с обширной вольерой и породистыми птицами.

Юрий Семенович Ярошенко

Все эти занятия и увлечения мирно уживались с работой по хозяйству и учебой в школе.

В школе Юрий любил литературу, особенно поэзию, много читал. Знал наизусть из Пушкина, Фета, Есенина, стихи западали в душу, запоминались как бы сами собой. Любил историю... К слову, легко запоминал нужные сведения и по другим предметам, память была отлична! И при всем при том, как это ни странно, писал... с ошибками (мать даже как—то репетитора нанимала).

Из учителей, кроме литераторши Марии Ивановны, запомнилась своей обаятельностью и интеллигентностью преподаватель немецкого языка.

В школу ходили с холщовыми, брезентовыми сумками, завтрак брали с собой. Одежда мечталась постоянно: такая пора была. Зато летом царствовали.

На автостраде Москва-Харьков через Сейм был мост, взорванный во время войны. Чуть пониже этого моста и купались. Солянка — называлось это место. К нему выходили огороды с картошкой, помидорами, огурцами. Вот на них, без зазрения совести, пацанва и отъедалась. Неподалеку обосновался рыбак, был этот человек как бы не от мира сего. Ребята ему хлеба приносили, он — ущицей, рыбкой отдаривался. Так и соседствовали лето.

Классе в девятом съездил Юрий к отцовским родителям в Угроеды и славно провел там времечко: сено заготовливал, за скотиной ходил, другую деревенскую работу с удовольствием справлял. Родни по отцовской линии в Угроедах много было, на сенокосе дружно работали. Народ в родне трудолюбивый, веселый, до рюмки не падкий, а потому и здоровый. Любо-дорого было на них смотреть что в работе, что за столом!

После школы — в Харьков, поступил в Харьковский автодорожный институт. Было это в 56-м году. Институт — ХАДИ — славился своими традициями, высоким уровнем подготовки специалистов и спортивными достижениями. Занимался спортом и Юрий — борьбой (отличный, надо сказать, вид спорта — бойцовские качества в человеке развивает). И общественная работа не прошла мимо: был комсоргом.

Закончил Юрий Семенович ХАДИ в 1961 году и получил направление в родной город Курск мастером в Курское ДСУ (дорожно-строительное управление). Причина была уважительная: в Курске ждала его семья, жена и сын!

Женился он рано, почти сразу же после окончания школы. Со своей будущей женой Галиной Даниловной Филипповой познакомился в школе, на одном из вечеров. Обучение тогда было раздельное, и в моде было дружить школами, классами одноименными и приглашать на свои вечера; популярны были и культпоходы в кино, в филармонию, в драмтеатр. Но этим дело не ограничивалось: ходили часто вдвоем.

От Харькова до Курска 220 км, за пять лет учебы — а ездил Ярошенко домой при любой возможности! — досконально изучил этот маршрут.

В студентах стал он отцом, в 1958 году родился первый сын, Игорь Юрьевич.

Энергично принялся за работу молодой специалист. Работа интересная, новые места, новые люди. Но трудно приходилось: техники не хватало, квалифицированных работников. Головной болью был асфальт, дело доходило до того, что прямо в грунтовой яме мешали разогретый битум с инертным материалом.

И вот за производственную хватку и сметливость Ярошенко повысили — назначили директором асфальто—бетонного завода. натерпелся он на этой должности горя... Еще бы! И технология, и оборудование — наипримитивнейшие! Когда начальником ПТО управления предложили, с радостью ушел и работал спокойно до тех пор, пока не пригласили в Ульяновск на престижную должность — начальником дирекции строительства дорог, т.е. областным заказчиком.

В Ульяновск переезжали уже вчетвером: в 62-м году родился второй сын — Олег.

Здесь он проработал около пяти лет: после дирекции замом областного управления, затем начальником ДСУ-1. Строили автодороги и на Куйбышев, и на Борыш, и в Чувашию... Громадный мост через Суру — метров пятьсот, сама река и не так широка, но пойма... К 100-летию Ленина подъезды к Ульяновску благоустривали. Тогда ведь каждая республика вносила свой вклад в благоустройство Ульяновска — перещеголять друг друга старались! Красиво делали, со своей национальной символикой. Ну и работники ДСУ-1 старались не ударить в грязь лицом.

Стабильное было время. И у Юрия Семеновича жизнь пошла своим чередом: красивый город, хорошая квартира, любимая семья, престижная работа...

...Перспектива — вообще...

А душа все равно не спокойна...

Засвербит иногда — оттого и грущу, и сержусь:

будто слышу команду призывно: «По ко-оням!..» —

ногу в стремя занес,

а в седло

не сажусь...

И однажды решился: не отпускали, уговаривали, предлагали — бесполезно. Он был уже на сибирском коньке — «в седле», опытным воином — покорителем бездорожья. «А мои ти курыне сведоми кьмети...»

II. По мегионским гривам и болотам

Весной 1972 года в молодом мегионском стройуправлении СУ-920 сложилась неблагоприятная обстановка: по разным причинам ушли начальник и главный инженер. Было полное безвластие. И тут, как нельзя кстати, явился к управляющему трестом «Тюменьдорстрой» Юрию Владимировичу Юшкову с направлением Главка Миндорстроя Юрий Семенович Ярошенко... 24 апреля он был назначен начальником СУ-920, а на следующий день с начальником отдела кадров был уже в Нижневартовске. Как было принято, зашел в горком КПСС, представился первому секретарю — тогда им был Бахиллов («Уважаемый мной человек! — говорит Ю.С. — Труженик. Болел за людей и за дело. Замечательный, будем говорить, человек. С моей точки зрения»). После горкомовского благословения к себе — в поселок СУ-920, в вагон-городок, в вагон-посад... Да и Мегион — то тогда — одно-двухэтажный, сплошь деревянный, ни одной благоустроенной улицы. Грязища весенняя: без вездехода не проехать, без болотников не пройти...

Канторка располагалась в помещении, похожем на землянку: пара комнатушек. Производственных помещений тоже не было. Жилья — в вагончиках — и того не хватало. Заработки не ахти какие... Да и соседи, то же УБР, не лучше жили. Разве что МНРЭ, Мегионская экспедиция, как старожил, покапитальнее обустроилась.

Проблем, как в рукопашном сабельном бою, только успевай поворачиваться: где отбей, а где и пригнись, пропусти удар — на то ты и «сведомий кьметь»! И вертелся, и крутился, и выпады делал, а когда нужно было, и пригибался Юрий Семенович. «Не один! Не один, — подчеркивал Юрий Семенович, — с коллективом!»

Первое его деяние, с коллективом, конечно, который он возглавил сходу, без приглядки, заключалось в том, что соединили они наконец Мегион с Нижневартовском: сдали в эксплуатацию недостающие пять верст.

Прежде как было? Из Нижневартовска, например, доезжали люди до Чертового моста, а там их должен был встречать катер или машина...

Соединить-то соединили, но если быть точным, соединили с Нижневартовском не Мегион, а Мегионское месторождение! А до Мегиона от бетонки еще километр хлябей. Как, впрочем, и до самих дорожных строителей. Но что прикажете делать: проект есть проект! Бетонные плиты в то время учитывались поштучно и отпускались под план. Поэтому приходилось обходиться, как в старину, лежневками... Но — проявили смекалку и изыскали плиты до своей промбазы, от свертка до конторы то есть. Уложили плиты на бревна, подсыпали песочком — до сих пор дорогой пользуются!

Следующий шаг — это уже в 73-м году — дорога на Аганское месторождение — около десяти километров. А сверх плана — соединили — таки Мегион с бетонной дорогой. Улицы Мегиона тонули в фекалиях. Первую мегионскую улицу благоустроили дорожники из СУ-920 в 73-м году. И тоже бесплатно, в порядке шефской помощи поселку, за счет внутренних резервов. И это был первый вклад коллектива управления в благоустройство и развитие Мегиона. Впервые мегионские женщины могли снять болотники и надеть туфельки.

С ностальгической грустью вспоминает Юрий Семенович первые мегионские годы. «Я вот все про коллектив... В коллективе люди — сильнее, чем те же люди, но — поодиночке. Что бы об этом сейчас ни говорили: с сарказмом, ерничаньем. Случайно коллектив образуется редко, его надо создавать. Это аксиома. Но ведь и люди тогда были другие! Увлеченные, жизнерадостные! Удивительные люди... По крайней мере у нас, будем говорить, это было время расцвета художественной самодеятельности. Клуба у нас не было, так они «окупили» настоящий сарай, возле пилорамы стоял, и в нем репетировали. И молодежь, и люди в возрасте — пели, плясали, скетчи, интермедии разыгрывали. Я сам не участвовал, но ходил на концерты регулярно. И ведь никто не заставлял, не организовывал, просто, видать, у людей душа пела и плясала, а избыток душевной энергии наружу выплескивался... Вот, говорят, пили тогда много... Да ничего подобного! И ветеранов чтили, особенно Великой Отечественной войны: на праздники банкеты им устраивали, потом по домам развозили, они быва-

ли довольны. Может, конечно, еще и потому, что у многих настрой такой был: отработать три года и уехать. Заработать на машину, на кооперативную квартиру, на мебель, на дачу... Жили, к примеру, на зарплату жены, а мужнину откладывали на сберкнижку. Да что говорить, я сам на три года ехал, а застрял, как и многие, на всю жизнь...»

Когда Юрий Семенович возглавил СУ-920, в поселке был один брусчатый дом, второй строился. А через полтора года проблема жилья в СУ-920 была решена! И это при том, что производственный план из квартала в квартал, из года в год перевыполнялся. Или, вернее, благодаря тому, что перевыполнялся. Тогда же построили нынешнюю контору, единственную приличную по тем временам контору в Мегионе с актовым залом. И занялись соцкультурным бытом, столовая, детский сад, спорткомплекс, магазин, теплицы... Часть объектов строилась, готовилась к сдаче. А вот со спорткомплексом было сложнее. Юрий Семенович полагал, что если строить, то строить по высшему разряду: с плавательным бассейном. С его подачи председатель поссовета собрал всех мегионских руководителей и предложил строить комплекс сообща, на долевом участии. Один отказался: «Денег нету». Другой: «А где строить? Генплана нету. А без генплана — нельзя...» Третий вообще отмалчивается... Короче, не поддержали Юрия Семеновича мегионские «бугры»! Осерчал он не на шутку и предупредил их: «Хорошо, одни построим. Но лично вас всех — никого не будем пускать в спорткомплекс!»

Сколько радости было, когда открыли детский сад — лучший в Мегионе! В настоящий праздник вылилось открытие садика.

Столовую сдали — прекрасную столовую с зеркальными потолками, с банкетным залом. Получше ресторана «Мегион», считали все.

Но настоящей сенсацией стало открытие спорткомплекса с плавательным бассейном — первого сооружения подобного типа в Среднем Приобье. (Нечто подобное в то время было только в Советском.) Спорткомплекс с плавательным бассейном появился в Нижневартовске только через пятнадцать лет, а в Мегионе — через двадцать пять лет после построенного Юрием Семеновичем со своим коллективом. (Я точно знаю, что к ним приезжают заниматься вартовчане до сих пор!)

Помимо собственного жилья и соцкультурного быта, построили контору и РММ для 311-й автобазы, которая обслуживала СУ-920, здание поселковой администрации, благоустроили еще одну улицу, в порядке шефской помощи ремонтировали школы, больницы, детсады, сено заготавливали...

Начали строительство жилья для своих работников в самом Мегионе: поссовет поощрял это, так как получал свои 10% для госбюджетников. Первую пятиэтажку в Мегионе построило СУ-920! Возвели они ее года за полтора. (Для справки: вторую пятиэтажку для геологов СУ-12 строило в три раза дольше!) И ведь все — на добровольных началах, в план Юрию Семеновичу эти объекты никто не включал, никто, кроме совести и гражданского долга, с него не спрашивал за них. Несомненно, что пружиной, заводившей коллектив, был Юрий Семенович.

«Работалось мне легко! — говорит он сейчас, вспоминая те времена. — Почему? Да потому что у нас подобрался дружный, сплоченный, профессиональный коллектив. у меня работали первоклассные бульдозеристы, экскаваторщики, грейдеристы, крановщики... В автобазе — классные водители. В РММ — механики, слесаря, мотористы. Люди опытные, обученные, по прежней работе на севере или на Большой земле, знающие, что делать и как. Мастера, прорабы — то же самое, некоторые из них на Большой земле работали даже первыми руководителями, им не приходилось долго объяснять и показывать: схватывали на лету. У ворот СУ-920 всегда стояли желающие устроиться на работу. Но для этого нужны были солидные рекомендации.

Почему люди стремились к нам? А вот почему. Пилорама у нас работала круглосуточно: лес заготавливали по трассам, везли на базу и пилили. И постоянно работали строительные бригады: строили жилье впрок, улучшали условия. Наш комитет профсоюзов стал выделять мне энное количество квартир для ведущих специалистов — как энтузиасту жилищного строительства. И у меня в кармане уже с 74-го года всегда были ключи от трех—четырёх квартир... В строительном деле есть профессии, которыми по—настоящему могут владеть только талантливые люди. Мы привыкли считать, что таланты — это артисты, музыканты, поэты... А вот взять автогрейдериста — ведь он, как визажист, делает лицо дороги, так отгрейдерует — будешь ехать на машине, и вода в стакане не шелохнется! Был у нас такой — Соколов, я так авторучкой не владел, как он автогрейдером! Артист! Вреднющий, правда, парень, что звезда эстрады иная. Работал он на новеньком бульдозере фирмы Катерпиллер, а нужно было, пока не найдем нового специалиста, на автогрейдере поработать. Прошу Соколова — не соглашается! Потом условие ставит: «Месяца два посижу на автогрейдере, но чтобы Катерпиллер в это время — никому!» Согласился, хоть и Катерпиллер позарез был нужен: из двух зол приходилось выбирать меньшее. С крановщиком бывало туго... экскаваторами плиты клали! Что делать: у людей свои бывали проблемы,

из—за которых приходилось им увольняться. Но возможность получить жилье и место в детсадишке сразу, позаниматься в спорткомплексе плюс приличная зарплата, все это привлекало к нам классных специалистов.

Только странную заметил тенденцию — это я в отношении художественной самодеятельности, — поясняет Юрий Семенович. — Чем больше для ее развития создавалось условий: актовый зал, инструменты, костюмы, тем заметнее она шла на убыль, хирела, а сейчас и вообще преставилась. Видимо, времена менялись, психология людей...»

Впрочем, до этого еще было далеко.

Как в свое время в Курске асфальто-бетонный завод, так и в Мегиионе дорога на Покачевское месторождение запомнилась Юрию Семеновичу, особенно участок дороги в районе Аганской горы.

«За всю свою жизнь не встречал участка такой трудности! — даже сейчас чертыхается Юрий Семенович. — Выемка грунта — 9—10 м. Но не в этом дело: через три метра пошли напорные пловуны! Гора, а в ней хляби! Напорные пловуны — это же страх божий! Экскаваторы на лежневке загоню — ни одна машина подъехать не может. Представляете, какое настроение у экскаваторщиков, у водителей? Весь арсенал российского мата был использован! Я уж другой раз к ним и не подъезжал, издали посмотрю, как дела, и дальше. Плиты стали класть, они тонут — потом их выковыриваешь с грехом пополам. А тут еще с песком проблема: рядом шаром покати, ничего нету! Пришлось выходить на Покачи. Гидронамывом добывали, по зимнику вывозили. Убытки страшные. С чего мы меценатами—то были? С прибыли. По смете песок нам заложен с далекого карьера, а мы изыскивали его у себя под боком... Здесь все наоборот: за 50 км возили.

Но все же одолели Аганскую гору и дорогу на Покачи сдали вовремя. Какие на Покачах места были до прихода нефтяников! Помню, с женой в субботу утром приехали... Бабье лето. Комаров и мошки нету. Тепло. Солнечно. Я не люблю ягоды собирать, но такая брусника — не устоишь. И самая настоящая жадность обурекает. Уже спина не гнется, ноги затекли, дай, думаю, закурю... Лег на мох, вытянулся — благодать! Затянулся разок, другой, глядь, руки уже сами бруснику хватают, хватают... Разве не жадность? Переночевали, а в воскресенье — снова за бруснику. Двенадцать ведер брусники увезли, на два года хватило!»

...При сдаче «знаков» по английскому, мне досталась в одном из номеров журнала «Ойл энд Гэз» статья директора по кадрам крупной нефтяной компании; в ней, в частности, говорилось, что

специалисты раз в два года должны проходить переподготовку с отрывом от производства и что на одной должности должны задерживаться не более пяти лет (или менять через пять лет профиль работы, или расти — это имелось в виду). Справедливость этого утверждения я испытал сам. Анализируя трудовую биографию Юрия Семеновича, можно заметить, что 5—6-летняя цикличность работы в одной должности свойственна и ему: в Курске — 6 лет, в Ульяновске — 5 лет... В 1978 году заканчивается шестой год работы Юрия Семеновича в должности начальника СУ-920, и случилось то, что должно было случиться: он сменил место работы, перевели его в трест «Нишневартовскдорстрой» заместителем управляющего (он отпочковался от «Тюменьдорстроя»). Но чисто управленческая, кабинетная работа была не в стиле Юрия Семеновича, и начались варианты приложения его кипучей энергии («У каждого к своему душа лежит!» — выразился он по этому поводу).

Вот как вспоминает этот переломный период в своей биографии Юрий Семенович: «Сосновских, бывший секретарь горкома по промышленности, ушел в замы к Вязовцеву, генеральному директору «Нишневартовскнефтегаза». Вот и стал он меня смакивать в нефтяную промышленность, замом в НГДУ. А с Сосновским мы были знакомы накоротке в бытность его в горкоме: они гостей своих всегда к нам в бассейн привозили. А чем еще тогда было похвастать? Рыбалкой да выпивкой на лоне природы. А тут — спорткомплекс с бассейном! Поиграют гости в футбол в зале, в волейбол мяч покидают и — в бассейн... У иностранцев первый вопрос: где спортом позаниматься? Потом в банкетный зал.. В ночь-полночь поднимали. Я отказывался: вот вам ключ, гостюйте без меня! В общем, Сосновских знал меня и с деловой стороны, и будем говорить, с неформальной, и стал настоятельно звать в свою службу. А мой управляющий Ильясов отговаривает: «Что ты! Тебя у нас все знают, уважают... И в Главке, и в министерстве. Почетный человек: молодой да ранний!» Но не удержал, бесполезно! С НГДУ не получилось, уехал на Крайний Север, в Тазовское, обустроить Русское месторождение. Ажиотаж в то время был вокруг Русского большой. Были мы там вместе с Палием, нынешним руководителем «Нишневартовскнефтегаза», он — главным инженером НГДУ «Заполярье», я — начальником строительного управления, в одном вагончике с ним жили. Он был заказчиком. Мне радужную картину рисовали: будет на Русском целый город, и стройуправление станет головной организацией и т.п. Месторождение предполагалось эксплуатировать по новой для Сибири технологии — методом подземного горения. Для закачки

воздуха в пласт необходимо было построить компрессорные станции. Одну из них — громаднейшую установку! — строили мы. В тяжелейших климатических условиях: морозы такие, что металл требовался специальный, хладостойкий, пурга... К сожалению, начатые темпы освоения Русского не получили развития, и я весной 80-го вернулся в Мегион, в трест «Мегионефтестрой», заместителем Андросова...»

III. На советской работе, или «Мегиону — быть!»

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июля 1980 года рабочий поселок Мегион Нижневартовского района Ханты-Мансийского округа Тюменской области был преобразован в город окружного подчинения с сохранением за ним прежнего названия.

Бюро Нижневартовского райкома КПСС, учитывая вклад Юрия Семеновича Ярошенко в развитие Мегиона и его деловые качества, решило рекомендовать его сессии депутатов на должность председателя Мегионского горисполкома. И в связи с этим сложилась интересная ситуация. Дело в том, что московские кураторы привезли из столицы не только Указ о преобразовании поселка в город, но и своего кандидата на должность председателя — подающего надежды молодого политика, которому необходимо было пройти обкатку в нефтяной провинции для дальнейшего «роста» в Москве. Мегионские депутаты оказались на высоте: они с треском прокатили «кукушонка», а за Ярошенко проголосовали единогласно!

Особенно удивлялись москвичи и вся свита этому факту: «Редкий случай — за «своего» и ни одного голоса против! Местный руководитель, можно сказать, старожил, и ни одного врага не нашёл? Удивительно!»

Таким образом, с 23 августа 1980 года Юрий Семенович оказался на советской (что означает «государственной»!) работе.

Собственно, с работой советских органов, как депутат, он был знаком и раньше, постоянно избирался и в поссовет, и в райсовет. Но одно дело — быть депутатом, другое дело — председателем. И эту «большую разницу» он почувствовал с первых же дней работы на новой должности.

Мегион не был подготовлен к новому статусу ни функционально, ни организационно, т.е. бюрократически даже, не было ни городских структур, ни материально—технических, ни производственно—социальных заделов под них. Ни штатов...

А ведь под новый статус — другие штаты!

Прошу прощения за каламбур, но ведь на самом деле, пока Мегион был поселком районного подчинения, зачем ему были такие структуры, как прокуратура, суд, милиция, здравоохранение, народное образование, культура, пожарная охрана, архитектура и т.д. Поселку не нужны, а городу — обязательно! Поселок все это в районе имел, а город окружного подчинения — у себя должен иметь!

Стали прибывать руководители служб: каждый представится и — кто квартиру для себя прежде требует, а потом — служебное помещение, кто наоборот... Но сумма от перемен слагаемых не меняется в квадратных метрах. А где их взять? Хорошо, на здравоохранение да на образование своих нашли специалистов. Милиция, слава Богу, строилась. Но остальные-то вышестоящие функциональные службы — кто из Нижневартовска, кто из округа, из области...

Вот уж, мне кажется, Юрий Семенович очутился в своей тарелке! Аппарат — аппаратом, комплектование городских государственных структур — комплектованием, а ведь конец августа, зима — вот она, на носу! Как с мероприятиями по подготовке к зиме? Не знаю, как бы это воспринимал от незнания москвич, а Юрий Семенович — от знания! — места себе не находил, когда не мог по независящим от него причинам сдвинуть что-то с мертвой точки в этом плане. А ведь зимы тогда жесточайшие случались!

«В первое время нефтяники помогли с помещениями, да и другие организации. Личные связи, конечно, имели значение: куда без них? Наливайко Андрей Иванович, Андросов Владимир Петрович, Гавриков Валентин Андреевич — эти руководители болели за город. У кого-то освободилась площадь — предлагают, кто безвозмездно, кто — в аренду. Короче, первое время голова была только этим и занята: служебными помещениями и жильем для работников городских структур. Которые, кстати, росли как грибы. Что поделаешь — атрибут государственной власти!

В городе было два основных предприятия: МНРЭ и НГДУ.

Геологи и нефтяники.

Разведчики и эксплуатационники.

Мегионские нефтеразведчики Самотлор открыли, экспедиция за это орден «Знак Почета» получила, а пенки — с фонтанной добычи, самую дешевую в мире нефть стали получать эксплуатационники. И нефтяным центром региона выбрали не Мегион, а Нижневартовск. Соответственно, и финансовые вливания полились мимо Мегиона.

Мегион остался в стороне. Те, кто ценой своего здоровья или даже жизни создавали предпосылки для добычи самой дешевой нефти, стали ее заложниками.

Особенно ясно это видно с позиций сегодняшнего дня. Но находились люди, которые это видели и тогда.

Одним из них был начальник Мегионского НГДУ Иван Иванович Рынковой. Он был первым руководителем мегионского нефтепромысла, прошел путь от мастера до начальника НГДУ. Это был производственник до мозга костей, но не автор лозунгов: «Нефть — забота общая!» и «Миллиард кубов газа и миллион тонн нефти — в сутки!»

Юрий Семенович говорит:

— Иван Рынковой?.. О-о!.. Это не просто друг! Это душой и телом мегионский человек. Энтузиаст! Сподвижник!

Когда он был начальником Мегионского НГДУ, все руководство жило в Нижневартовске! Ничего не скажу: работали они много, но потом — на автобус и в Нижневартовск, в свои теплые, благоустроенные квартиры. Жены, дети, тещи — в садик, в школу, в поликлинику, на концерт... Все есть в Нижневартовске! Строить все это в Мегионе — зачем?

Рынковой первый кинул лозунг: «Работаю в Мегионе — живу в Мегионе!» Не всем это понравилось, но он начал готовить и пробивать распоряжение по «Нижневартовскнефтегазу» о том, что руководители должны жить там, где находятся возглавляемые ими коллективы. Сразу не получилось, но постепенно переехали, семьи перевезли...

Едва сформировался костяк городской власти, стали думать: как город будет жить?

Нефтяники категорически заявили: нам город не нужен! Заниматься им не будем, строить тоже не будем! Заявлено было на самом высоком уровне. Геологи тоже: мы — госбюджетники, генеральным заказчиком быть не можем, для себя кое—что построим (квартал пятиэтажек, несколько девятиэтажек), у нас только временное строительство, поселки типа Новоаганска, Ваховска... Хотя руководители Главтюменьгеологии, в частности, своим немалым тогда авторитетом помогали решать многие городские проблемы.

А положение было катастрофическое, особенно с тепло-водоэнергоснабжением, очистными сооружениями.

На всю жизнь запомнилась мне первая — городская — зима.

Котельная — на издыхании, каждую ночь что—то случалось. Электроэнергия — выключаться город стал, как праздник — обязательно. И пожары: с отоплением плохо, каждый самодельного «козла» с открытой спиралью врубают — магазинных, как нынче, нету! Вот тебе и перегрузка, и причина пожара. Да и народ навеселе, праздники же! Чтобы городской власти придать весу, опера-

тивно оказать помощь, представители Нижневартовского горкома партии у нас дневали и ночевали в буквальном смысле. Дело доходило до того, что в авральном порядке, чтобы теплосети не разморозить, в критические моменты утеплять их: во многих домах в подъездах трубы были голые, подъезды сами расхристаны... Поднимали кто кого может, в основном руководителей. Горожане Новый год встречают. Одни: «Эй! Садитесь, выпейте с нами!» «Че приперлись? Воду поотключали!» — другие. А что сто-як у них уже перехватило, не понимают. Да, в принципе-то, это и не их дело, правильно. Им — коммунальные услуги подавай!

Это, будем говорить, рабочие моменты. Их так или иначе утрясали. Нужно было решать принципиальный вопрос: для того, чтобы город нормально функционировал и развивался, нужно было определить Генерального заказчика.

Знали б вы, что пришлось испытать! Десятки командировок во всевозможные инстанции. И все — с Рынковым Иваном Ивановичем! В советские органы я был вхож, а в обком, к примеру, примут — не примут? Рынковой же и к Богомякову, первому секретарю, буром пер! Все понимают, поддерживают, но... «Не можем мы приказать нефтяникам!» Начальником «Главтюменьнефтегаза» был тогда Булгаков. Пробились к нему. Выслушал тоже с пониманием. А его зам по капстроительству Парасюк уперся: «Не нужен нам Мегион. В Нижневартовске заканчиваем ДСК. Начнем штамповать дома. На потоке. Там котельная, коммуникации, транспортная сеть. В Мегионе ничего нет! У нас прекрасные «Икарусы»: комфортабельные, теплые. Сорок минут, и человек в Нижневартовске в благоустроенной квартире! Не нужен Мегион!»

Наши доводы, что проблема — есть, что решать ее нужно своевременно, пока она, будем говорить, не загноилась — ведь тогда будет нарыв, решать все равно придется, но в спешке! — не воспринимались. Доводы свои я подтверждаю такими цифрами. Нефтяники, к примеру, за 79-й год создали и разместили в Мегионе восемь организаций, набрали около трех тысяч работников. Точно так же и другие ведомства: базировались, людей принимали... Но ни одного квадратного метра жилья не построили. Помните, что за больницей творилось? Это же ужас! Балки, самострой, чуть не землянки... Хитров рынок! Шанхай!.. Туда же ни скорая помощь, ни водовозки не проходили. Случись что, пожарные машины бы не прошли. Как не сгорели, прямо чудо.

Мы продолжали будировать общественное мнение, бомбить инстанции письмами, ездить в командировки, пробиваться в самые высокие кабинеты в Москве: в Миннефтьпром, в Совмин СССР, в Госплан и даже ЦК! В ЦК, правда, не допустили, но в

остальных структурах побывали. И хотя никто приказа о назначении Генерального заказчика и застройщика не издал, наши хождения принесли свой результат: нефтяники в лице Парасюка дали согласие на строительство нового девятиэтажного дома.

Возник второй вопрос, где строить? Генплан мы уже заставили сделать. Выполнил его «Ленгипрогор» по заказу «Тюменьграждан-проекта».

Трагедия Мегиона заключалась в том, что строиться он мог только... вверх. Места не было! С запада — товарный парк нефтяников, на востоке промзона МУБР, УТТ, СУ-920 и др., с юга — река, на север — болота... Но с проектировщиками я договорился: «посадили» они мне одну девятиэтажку напротив пожарки — чтобы без сноса жилого фонда.

Соглашаясь строить девятиэтажку, нефтяники предупредили: но — без котельной и коммуникаций. Я собрал руководителей организаций-строителей. Объяснил ситуацию: как рыба об лед колочусь, а дело ни с места — помогайте! Давайте, ты — котельную, ты — инженерные сети, ты — очистные сооружения. Составили протокол совещания, подписали все, гербовой печатью закрепили, и я эту бумагу куда нужно. Нефтяникам деваться некуда: нашли подрядчика, открыли финансирование.

Жду: девятый этаж уже возводится, а к котельной, как и следовало, не подступали...

А в те времена за ввод жилья строго спрашивали! Вот на этом я и сыграл. Конечно, с одной стороны, может быть, некрасиво поступил, но надо же было как-то сдвинуть дело с мертвой точки!

Назначаю тогда совещание «По вопросу ввода в эксплуатацию девятиэтажного жилого дома» и телеграммой приглашаю на него всех имеющих к этому делу касательство руководителей. Собрались представители на уровне замов по капстроительству. Слушаем и констатируем: жилой дом практически готов, а ввести в эксплуатацию его по известным причинам нельзя. Дом будет стоять и разрушаться, люди — жить в непотребных условиях. «Что ж, делая я резюме, — я буду вынужден собрать сессию горсовета, и от ее имени дать телеграмму на имя Брежнева и т.п.»

И тогда закрутилось колесо — от объединения до министерства.

«К городской котельной, — говорю, — подключать нельзя: на ладан дышит, надо строить новую!»

После этого появился приказ Миннефтепрома СССР, Главтюменьнефтегаза обязать «Нижевартовскнефтегаз» выступить в роли генерального заказчика по проектированию и строительству города Мегиона.

Составили новый генеральный план со свойственной настоящему городу инфраструктурой.

С тех пор планомерно, с огромными трудностями, большими неувязками, но город начал развиваться. И сегодня мне приятно пройти по Мегиону — не хуже других северных городов! А по мне так и лучше — как родное дитя бывает дорого родителям...

Да, вот еще интересный случай вспомнил! — усмехается Юрий Семенович. — Когда я в Мегион приехал, председателем поссовета был Храмцов Гоша. Местный житель. Рыбак, охотник... Потом он на какое-то время покинул эти места. А году в 89-м мы с ним встретились случайно. Поговорили... Вот он мне и выдал. «Юрий Семенович! — смеется. — Не поверишь, заблудился в Мегионе! Кто бы раньше сказал об этом, я бы его за чокнутого посчитал. А сейчас — сестру не нашел!» Сестра его, Кира Васильевна, — пояснил Юрий Семенович, — заслуженная учительница, так в Мегионе и жила.

Вот и я не уезжаю сейчас из Мегиона надолго, может, поэтому? Свой город, как свой ребенок, незаметно меняется. Это соседские дети, как гласит поговорка, быстро растут, потому что видишь изредка, а своего изо дня в день зришь, во сне и в шалостях, в заботах и радостях...

5-10 мая 1997 г.

День начинается с рассвета

I

— Задали нам сочинение на вольную тему. А я, надо признать-ся, обычно писал на «три»—«четыре», как, впрочем, многие. Не секрет, что иные нерусские пишут грамотнее нас, исконных русаков. И литературу знают не хуже. Более того, творят ее, «русскоязычную»! И неплохо ведь, кстати, если быть объективным.

Так насчет сочинения. С детства люблю рассветы. Спортивным я рос парнишкой, зарядку делал, по возможности, на воле. Пораньше — засоней не был! Встанешь, небо сиреневое, горизонт только-только брезжит... На востоке заря дамасской сабелькой небо от земли отсекает. Такая красота! А воздух, воздух! Дышишь — не надышишься!

А вечером небо зеленеет, латунию, бронзой кроется. А потом звезды... Жили мы на окраине Ирбита, почти по-деревенски. Лягу на скамью — все небо перед глазами. Смотришь на звезды, на созвездия. Большая Медведица... Плеяды... Кассиопея... Лебедь... Звезды сначала только-только теплятся, а потом все шире и шире раздуваются, мохнатятся — растут, словно снежинки или иней, или костер, издалека...

Не поверите, написал я обо всем этом, и мне — после трояков и четверок! — учительница пять с плюсом поставила, говорит: «Да ты поэт, Егор! Где только слова такие взял!»

Егор Иванович Горбатов, мэр города Мегиона, широко, обезоруживающе улыбнулся и негромко, словно стеснительно («вот, мол, расхвастался!»), хохотнул: смеялись губы, щеки, морщинки у глаз, а сами глаза были усталые и озабоченные.

Встречи с Егором Ивановичем я добивался давно — для обстоятельной беседы, и она состоялась, наконец, глубоким вечером в начале октября 1996 года, несмотря на то, что шла предвыборная борьба, и каждая минута у действующего мэра и кандидата в мэры и на новый срок была на счету.

С более доступным Егором Ивановичем Горбатовым я познакомился почти двадцать лет тому назад, когда он был секретарем парткома новорожденного объединения «Мегионнефтегазгеология».

Мне Егор Иванович понравился сразу: внимательные темные глаза, очаровательная широкая улыбка, проникновенный, теплого — гобойного — тембра голос, «крабистая» ладонь, крепкая фигура. Слушает внимательно, вникающе, с пониманием. Никаких

«ЦУ», нотаций, призывов. Редкие реплики остроумны, порой язвительны, всегда по сути, то есть понимает человек проблемы: производственные, социальные, духовные... На открытом партсобрании экспедиции выступил ярко, эмоционально, аналитически. В общем, идеальный, сошедший с экрана или со страниц социалистического романа партработник новой формации. Было это за десять лет до начала перестройки, авторитет партии в народе был капитально подмочен, хотя власти была тьма и была власть идеологической тьмы на официальном уровне. Но тогда верилось, что если придут в партийные структуры порядочные люди, то будет «еще не вечер». Егор Иванович, я полагал, понимал это и, как бы отмеживаясь от старших «партайгеноссе», подчеркивал, что он недавно с производства: и помбурил, и поммастерил, и прорабом вышкостроения работал. Верилось, что он не зашорен партийными догмами. Думалось, таких бы людей да на самую верхотуру «демократического централизма»!

Позднее, когда я перевелся в объединение, Егор Иванович уже работал начальником вышко-монтажного, потом дорожно—строительного управлений, в это время дружить мы с ним не дружили, но встречались часто — по службе и просто так. А вот с 90-го года, когда он стал председателем Мегионского горисполкома, на многие годы встречи стали случайными, дискретными: на мегионских улицах, но по—прежнему — с жизнерадостной приязнью и крепким рукопожатием.

Что я знал о Егоре Ивановиче до последней встречи? Только то, что мы обычно знаем о сослуживцах, то есть в пределах производственных интересов и мужского общения: курит-не курит, пьет-не пьет, жене изменяет-не изменяет, в производстве разбирается-не разбирается, слово держит-не держит и т.п. С этой стороны я знал Егора Ивановича: по перечисленным параметрам, на мой взгляд, он был выше многих из своего окружения. А вот что касается биографических подробностей, то знал я очень мало: или не задержались в памяти, или вообще разговора не заходило. Поэтому в тот поздний вечер, когда мы с ним встретились, я постарался выудить у него такие сведения, которые характеризуют его как Егора Горбатова—человека, индивидуума.

II

Родился Егор в 46-м году в Саратовской области в деревне Малая Быковка под Балаковым. Марксовский район. Это ж бывшая республика немцев Поволжья, там и город Энгельс есть. Егор — выходец из казаков. Со слов его матери, три-четыре поколения

Горбатовых жили в тех краях. Это то, что она могла вспомнить. А так — может, испокон там обитали. Чуть Егор провинится, мать на его: «У, казак! Весь в Горбатовых!» Так и бранила его. А вообще-то у Егора фамилия не отцовская, а дедовская — по матери.

Тут такое дело.

Мать работала в войну в МТС трактористкой. Сейчас, поди, не многие знают, что такое МТС, а это — машино—тракторная станция. Такие станции обслуживали техникой в своей округе колхозы и совхозы. С начала войны эмтээсовские механики сели за рычаги танков, самоходок и тягачей, а на оставшиеся «Универсалы», СТЗ и НАТИки — женщины и девушки. Трактора эти без кабин были, без стартеров и пускатей, работать на них было тяжело.

Будущий отец Егора был на фронте. У него осталась семья под Винницей, но дошли сведения, что все его близкие погибли в оккупацию. После ранений и контузии направили его в Саратовскую область механиком МТС. Область эта во все времена не последней житницей была. Саратовские калачи испокон славились. А во время войны и ржаная коврига была дороже золота!

В МТС Егоркина мать и познакомилась с отцом, вышла замуж. Пожениться они поженились, а брак не зарегистрировали. В деревнях в то время так делалось сплошь и рядом: наследие предколхозных коммун и колхозного — «беспашпортного» — крепостничества. Так, в гражданском браке, родился Егор, а через три года — сестра... Останься отец живым, в дальнейшем бы все сообразовалось, а он умер. Не дождавшись рождения дочери. Был он постарше жены, но не возраст, конечно, тому причиной — доконили ранения и контузия. Так получилось, что и не расписались родители: документы на детей, когда понадобилось их оформлять, были выданы на девичью фамилию матери. Но это не беда, главное — безотцовское Егору и его сестренке выпало детство: послевоенное! А я знаю, что это такое.

Егор часто пытал мать: расскажи об отце! Но она отделивалась общими фразами. Егор знал, что отец украинец. Мать корила иногда, попрекая разными чертами характера: у тебя, мол, Жора, упорство, замкнутость, своеволие — горбатовские, казацкие, а хитрость — отцовская, хохляцкая. Много позже, незадолго до смерти, мать написала Егору: «Приезжай, сынок, поговорить надо...» И стала показывать бумаги, оставшиеся после отца, его письма. И тогда Егор узнал, что фамилия отца — Скоропадский. Иван Петрович Скоропадский. Из-под Винницы. И что у отца выжило двое детей из первой, винницкой семьи...

По молодости больше о себе думаешь, в тонкости бытия редко вдаешься: живое — живым! А вопросы, откуда ты родом, из каких

корней ты — копятя подспудно, а потом в один прекрасный момент и загомятся в голове, и никуда от них не деться! Вот и Егору Ивановичу недавно пришла утешная мысль: «Как выйду на пенсию, займусь своей — по отцу — родословной! А что? Разыщу братьев Скоропадских, может, они просветят насчет отцовского родового древа?»

— А если они приведут к гетману Ивану Скоропадскому, фамилию сменишь? — спрашиваю я.

— Нет, — смеется Егор Иванович, — фамилию менять не буду, но ведь интересно узнать, да и на душе спокойнее будет. Что ни говори, связь времен, чувство родины — великая вещь!

В 88-м году ездил Егор Иванович с семьей на большую землю на машине. В отпуск. На юга! И вдруг на обратном пути накатило жгучее желание посетить малую родину — деревеньку Малую Быковку... Чуть не сорок лет прошло с тех пор, как вывезла их мать с сестренкой и бабушкой в Ирбит. Ничем не напоминала о себе Быковка, и вдруг словно пучок сухого емшана понюхал, как в известной балладе Майкова: «... и сам не свой, как бы почуя в сердце рану, за грудь схватился... скоро ль степь родная...»

Вот, наконец, село...

В памяти практически ничего не осталось: какие—то смутные воспоминания. А машина — едет! Такое впечатление, что руль сам крутится куда надо. Или, скорее, подсознание работает: здесь он первый вздох, первый вскрик, первый глоток сделал, первый раздельный звук произнес!

Улица... «Та или нет?» (Сердце вдруг зачастило: тук-тук! тук-тук!)

Вдали пруд... «Был или нет?» (Сердце: был-был-был-был!)

А вот и дом... (И сердце: вот-и-дом! вот-и-дом! вот-и-дом!..)

Пожилая немка (гроссмутер! Марксовский же район бывшей республики немцев Поволжья) подтвердила догадку Егорову :»О, я, я! Да-да, помню, помню фрау Нинка! У нее имелась муттер Бара-ба-ни-ха! Да-да! Такое она имела второе имя: Бараба-ниха!»

Засмеялся Егор: «Точно, точно! Бабка Степанида именно такая была: про вся и всех знала, в секрете это не держала, но не на ушко нашептывала, а на всю улицу — неумолчно и громко... «барабанила»!

Значит, не ошибся. Вернее, сердце подсказало...

И в памяти, как на фотобумаге в проявителе, картинки стали возникать. Или как в телемониторе: далекая вспышка близится, близится — бах, яркая картинка во весь экран!

...Огромный-преогромный мир! За воротами не просто улица, а неизведанное ПРОСТРАНСТВО, в конце которого НЕЧТО при-

Егор Иванович Горбатов

влекательное под названием ПРУД, полное прохладной плещущейся разговорчивой воды. Но этим ПРУДОМ владеют злые и жадные ГУСИ! Маленький Егорка делает попытку обойти этих серых красноногих страшилищ, но старый гусак, приспустив крылья к земле, тянет вздувшуюся шею, щерит красную пасть, шипит, как Змей—Горыныч, только что дыма и пламени нету, и пресекает его попытку пойти на ПРУД. Бежит Егорка во двор или к матери в коленки, а гусак с высоко поднятой головой к стаду возвращается: хлопает

крыльями и победно гогочет. Гусакам, ведь, как известно, только отметиться!

Это — самые истоки Егоровой памяти.

А вот застывшее мгновенье той, послевоенной поры. Первое и единственное малобыковское фото (такие фото делали за «кто что даст» бродячие фотографии—шаромыги, фотографии-передвижники, благодаря им хоть такие фотокарточки есть у многих в семейных архивах!): на венском стуле, сцепив указательные пальцы, стоит большеголовый настороженный Егорка; ему года два, на нем темная рубашка-платице чуть не до колен, материя плотная, топорщится, на ногах белые шерстяные чулочки, подвязаны под коленями, ножки прямые, не рахитичные, хотя и худенькие.

Похож ведь, похож этот человек на нынешнего Егора Ивановича: чуть выдвинуто вперед левое плечо, в глазах — грустный извечный вопрос: ну чего, мол, еще не поделили-то теперь, когда уж чего-чего, а с голоду при всем желании не сдохнете... Не то что мы!

— Честное слово, — говорит Егор Иванович, — ничего—ничегошеньки ж я не помнил про Малую Быковку! Единственное воспоминание: назойливое, мощное, подавляющее, о котором я и не хотел... какое?! даже стеснялся заикаться — это ЧУВСТВО ГОЛОДА!

— Я понимаю! — говорю. — Жил я в Башкирии в это время. 47—48 годы — голодные, я чуть не умер от голода...

— Не-ет! — возражает Егор. — Пусть не тебе, но твоей матери, может, было легче: вы—то, восьми или десятилетние, сообража-

ли, а мы, двух—трехлетки, как грачата, только одно и кричали: «Ма-а-мка, есть! Хочу есть!» Хлеба или чего пожуют, в тряпицу и — в твой по-птичьему раскрытый рот: «Соси, кормись, сыночек, но не бери души, родной!»

А тут еще и отец умер...

И подались женщины на Урал, в Ирбит...

III

Ах, Ирбит, Ирбит, Ирбит — ярмонка!

Ах, Ирбит... тудудыт-т... уже без гаманка...

Был Ирбит с 1631 года центром торговой смычки, если не Европы, то Европейской части Российской империи, с ее другой — восточной частью, в т.ч. Сибирью. По товарному обороту это была вторая после Нижегородской ярмарка во всей Российской империи.

Ирбит для Прошки Громова — в прошлом «ярмонка», для Егорки Горбатова в настоящем — «индустриальный центр»!

В Ирбите было много эвакуированных заводов. После Победы люди возвращались в родные города. Да и вообще в послевоенное время людские рабочие умелые руки были нарасхват!

Нина Ивановна Горбатова получила жилье даже не собственно в городе Ирбите, а, скорее, в пригородном поселке, даже деревне — в шести километрах от номерного завода.

Снабжение и жизнь в городе были получше, чем в Поволжье. А от знаменитых ирбитских ярмарок осталось только присловье: «Не бывает в Ирбит торговат!» — с жестким бескомпромиссным договором, куда так и просится старое «ять», означавшее «дело не выгорит», «дело не сладится», «стороны не сговорятся», короче, безнадега...

Ах, Ирбит...

Вот первое остановившееся мгновение ирбитской поры — групповой снимок. На переднем плане мать, Нина Ивановна Горбатова, и бабушка Степанида, между ними на подставочке стоит Лидочка, а чуть позади нее, на своих двоих, в белой рубашончке, с чуть криво подстриженной челкой (виноват, чубчиком — казачонок же!) завершает композицию Егор, он уже классе во втором. Мать — в темном, в косую клетку, глухом платье, в темных носочках, в темных же матово блестящих туфлях, руки лодочками на коленях. Лидочка смотрит в объектив напряженно-настороженно (видимо, фотограф про птичку, что должна выпорхнуть, не ска-

зал?) и, словно боясь упасть с подставки, для поддержки, правую ручку сунула в материнские ладони... Бабушка — в теплом полущалке, кофта — белый горошек по темному полю — напуском на темную юбку, тоже в косую клетку, только ромбики покрупнее, чем на платье у дочери.

И у Нины Ивановны, и у бабки Степаниды выражение на лицах — степенное, благообразное, полное достоинства и умиротворенности. Глаза у взрослых светлые, у детей темные.

...Все же жаль, что снимки наших предков перекочевали с настенных рамок в фотоальбомы или в картонки из-под видеокассет, постоянное созерцание их ликов удерживало бы, возможно, нас от некоторых поступков и помыслов, от коих удерживали родители, пока были живы...

А жизнь ирбитская между тем крутилась, хоть и не так весело, как ярмарочная карусель, но тоже — со своими взлетами, ахами, охами, с радостным смехом, с обмирание сердца и головокружением!..

Нина Ивановна — мать-кормилица, добытчица... Бабушка Степанида — домашнего очага хранительница и устроительница... Лидочка — помощница, а Егор? Егор — хозяин, вся мужская работа по дому — на нем! Основная забота — дрова. Пятнадцать кубов закупить, привезти — половина дела, а ведь их распилить надо, расколоть, в поленницу сложить — на все лето Егору заделье! Когда вдвоем да пила острая, хорошо разведенная, да козлы нормальной высоты, устойчивые, тогда только «вжик-вжик»! — опилки в разные стороны — если березу пилишь, весенней свежестью пахнут опилки, если сосну — смоляным, скипидарным духом, осина — горьковатым винным перегаром отдает...

Одному двуручной пилой работать несподручно, однако если нет напарника, а пилить надо, можно и приловчиться: от себя — лего-нечко, придерживая плотно левой рукой, к себе — с нажимом.

— Жора, да отдохнул бы! — подначивает мать. — Время есть... А хочешь, нового папку возьмем — тебе помощником будет!

— Да я уж лучше сам, без помощников обойдусь! — отказывается Егор и с еще большим энтузиазмом вжикает позванивающей певуче пилой: не нравится ему материнская шутка.

Вторая забота — вода. И для домашних нужд, и для полива: бабушка Степанида огородничала, ведь всю жизнь они с дедом Иваном крестьянским, хлеборобским трудом занимались. Бабушка рассказывала: здоровущим был мужиком дед Иван; когда во время продрозверстки забирали у них хлеб бесплатно и «под метелку», не сдержался он и выволоч со двора за шкуру особо нахальных да глумливых, а охолонившись, скрывался долгое время в лесу — контрреволюцию приписывали тогда и за нечаянно вылетевшее сло-

во, не то что сопротивление, простыл сильно, потом долго болел, да так и не поправился... Приваживала к земле бабушка и внучат: «Земля — не грязь, земля — кормилица. Она руки не пачкает!»

Табурет сладить, скамеечку, полку навесить, корзинку под картошку сплести, скворечник смастерить, рыболовную снасть уловистую собрать — все мог смекалистый, не боявшийся труда Егор. Жизнь у земли универсализма требует, мастерства на все руки! И все же мальчишки есть мальчишки! Тем более — безотцовщина...

Безотцовщина... Это был особый социальный слой послевоенных детей, которых так и звали, — кто с сочувствием, кто с осуждением. Разные компании «безотцовщины» были: пай—мальчишки, затурканные и боязливые, отъявленные сорви—головы, а то и просто вольнолюбивые, для которых мамкины шлепки и ругань — все равно что проявление родительской ласки. Такие пацаны не считали для себя зазорным совершать налеты на чужие сады-огороды. Мать Егора не бранила и не наказывала. «Побегай, Жора, побегай! — разрешала она сыну. — Только не долго!» И Егор старался не слушиваться ее, но и пай-мальчиком не был, случалось, и в набегах на сады участвовал, подростком интересно было угостить девчонок-одноклассниц «запретным плодом» — яблочком! Малая Быковка в Поволжье среди степи лежала ровной, как гладь озерная тихим утром, а Лиханово — так назывался фабричный поселок (или пригород Ирбита?) — как будто ветерок подул с Уральских гор, и зарябило, забурунило... Речка Ирбитка, малые речушки. Богатые поймы, рыбные воды, ягодные, грибные леса...

Учился Егор хорошо, с интересом, а вот поведение...

Свобода при безотцовщине кажущаяся, а вот груз ответственности, чувство долга — они рано приходят, но это не все видят, при малейшем проступке безотцовщина автоматически как бы усугубляет его.

— Когда справедливо наказывали, — вспоминает Егор Иванович, — не обидно было: чувство стыда, раскаяния — да! Тут можно и повиниться, прощения попросить и т.п. Но это когда знаешь, за что! А если не виноват? Если нечаянно, а тебя как за злонамеренность наказывают? Неправильно это! Считал и считаю до сей поры! — И чуть тушуясь, рассказывает о таком эпизоде, случившемся с ним и его другом классе в пятом—шестом.

Весна! Сосульки голубые с утра заслезились. Воздух пропах талым снегом. Занятия в школе во вторую смену. Кончились уроки, тут же, возле школы, затеяли игру в снежки. Весеннее солнышко пригревчиво, а чуть за крышу зашло — морозец тут как тут! Руки красные, что гусиные лапы, только что огнем горевшие, когда снежки лепили рыхлые — плотно нельзя, с девчонками ж игра-

ли — заломило вдруг, мочи терпеть нету! Не сговариваясь, с другом догнали визжащих девчонок-одноклассниц, и руки к ним за пазуху и за гашник: погреть... Кто-то из педагогов-пуритан сие «безобразие» увидел, и Егору с «сотоварищи» за «аморалку» снизили четвертную оценку за поведение. Мать свои меры приняла, сказала: «На каникулах (а дело было перед весенними каникулами) из дома не выйдешь!» Обидно было, переживал Егор!

Как бы то ни было, жил Егор в Ирбите полнокровно, как река в половодье...

И среди товарищей был заводилой.

Вот еще одно застывшее мгновение ирбитской жизни Егора.

На фотоснимке даты нет, но, как сказал Егор Иванович, видимо, 63-й год, десятый класс (но не выпускной, уже введено одиннадцатилетнее обучение).

По всему — весна...

Шестерка друзей. В центре — Гера (он же — Жора, он же — Егор).

У Егора короткая прическа. Один, крайний, в модном тогда берете, у остальных — скромные, но — коки! Все в брюках—»дудочках».

— Сами зауживали! — Егор Иванович встряхивает крупной, в серебристом налете головой, кофейного цвета глаза теплеют: достал, видимо, я его фотографиями!

Надежда Андреевна, его жена, многое мне о нем рассказывала, да и эту встречу, по сути дела, она организовала! — и позволила ознакомиться с семейным фотоархивом, из которого я и припас несколько характерных, заинтересовавших меня снимков: на комментариях к ним, собственно, и строилась наша беседа, ну, естественно, и на отступлениях.

На дальнем плане фотоснимка — старинное двухэтажное, хорошей фигурной кирпичной кладки здание, вероятно, родная средняя школа номер 13 города Ирбита, в которой друзья и учатся. Слева, за штакетником, сад с набухающими почками, оранжерея. Видимо, ленинский субботник: перед школой, позади шестерки друзей, стоит ГАЗ-51, в кузове которого, после стрижки, ветки.

У ребят непринужденные позы, на лицах гамма чувств: и превосходство, и бравада, и оптимизм, и... все же любопытство — а что там, в будущем?

Окончена 13-я школа г. Ирбита. Поехал в Свердловск поступать на физтех УПИ: точные науки — отлично, сочинение — троечка! (Эх, где она, та пятерочка с плюсом? Да хотя бы четверку — прошел бы! Но не хватило балла. Одного, но... не хватило!).

Домой приехал: повестка! В армию служить!..

Ах, Ирбит, мой Ирбит,
на Ирбитке-реке!
На душе так свербит —
когда ты вдалеке...

IV

Служил Егор Иванович Горбатов в армии в смутное, в военном отношении, время в мире...

Июнь 1967 года. Израиль оккупировал Синай вплоть до Суэцкого канала... «Столько-то «Катюш» чешского производства... Столько — то артиллерийских систем с точностью поражения до ...метров... Танков Т-65... Склады ракет класса «земля—воздух» переоборудованы израильскими военными инженерами в класс «воздух-земля», они прекрасно поражали танки советского производства...»

(Мне горько было слушать на гражданке. Егору, думаю, тоже. Обидно было не за державу, за союзников!)

Июль 1968 года... «Поездная» дипломатия: Брежнев встречается с Дубчеком в приграничье (словно Катюша со своим «орлом!»). В результате: август 68-го года. Социализм защищен! Интернационализм — в действии...

Егор в это время служил в Прибалтике. В Советской армии осуществлялся переход с 3-х годичной на 2-х годичную службу, шло формирование (приоритетное!) воздушно-десантных частей. Тогда это было все засекречено, называлось «войска ПВО». То есть шла реформа армии. Как, впрочем, и во всем мире: все страны реформировали свои армии. Та реформа была своевременной, жаль, что с последующей мы опоздали на много лет: это и Афган подтвердил, и, еще более, Чечня! Что делать, все мы умны задним числом!

Но Егор вынес для себя из военной службы многое. Во-первых, всему должен предшествовать расчет, планирование, контроль за исполнением. Во-вторых, должен быть учет, дисциплина, отчетность, исполнительность и достоверность информации. В-третьих, а, может, и во-первых, профессионализм. И, конечно, человеческие — не панибратские! — а именно добрые, человеческие отношения между людьми...

И это был главный урок, который он вынес из жизни, поступая в Тюменский индустриальный институт — «Индус».

И еще — приобщение к всемирной истории. К дальней и ближней, философской и конкретной: могилу Канта в Кенигсберге — видел, а могилу дяди, Егора Горбатова, матеиного брата, бравшего Кенигсберг, нет. А ведь в честь дяди и назван Егором.

И хорошо: Кант не забыт, но и Егор — тоже не забыт, во внуке двоюродном живет! И, что интересно, многое приемлет из философии великого немца.

Застывшее мгновенье прибалтийской поры.

Молодой Егор Иванович в кителе со всеми регалиями, в том числе гвардейскими — несколько значков! Скромный, чуть вверх и налево, чубчик. На полных, наверняка, нравящихся девушкам, губах чуть заметная улыбка. В темных глазах — задорные искорки...

— Как насчет «дедовщины»? — спрашиваю.

— Ты что?! Наша дивизия основы ВДВ закладывала: отношения — на всех уровнях — были «во!» — показывает Егор Иванович большой палец: что палец, что кулак — «вэдэвэшные!» — Отношения были товарищескими, — говорит серьезно. — Мужская была, боевая дружба.

Когда я знакомился с фотоархивом Егора Ивановича, он был в командировке в Тюмени. И надо же так случиться, что именно в это время ТРК «Регион-Тюмень» передавала в прямом эфире беседу известного тюменского телекомментатора с Горбатовым!

Ведущий: «Смотрю, руководители-северяне — как на подбор, крепкие сибирские мужики! Честолюбивые: каждый хочет свой город, район сделать лучше, не ударить в грязь лицом. Скоро зима. Как считаете, Мегион готов к северной зиме?»

Горбатов (несуетно, твердо): «Полагаю, готов. Последние зимы были мягкими, но мы не расслабляемся, готовы к самой суровой зиме. Хотя проблемы есть...» — и называет некоторые из них.

— Волнуется Егор Иванович, — переживает за мужа Надежда Андреевна. Шнауцер Найс, услышав голос хозяина, заводил носом: «Где же он? Голос его, а до скулежа любимого его духа-то не слышно?!»

Ведущий: «Расскажите о себе. Думаю, телезрителям интересно знать, откуда берутся такие кондовые мужики...»

Егор Иванович приводит некоторые сведения из того, что читатель уже знает, и говорит далее: «После службы в армии поступил в Тюменский индустриальный институт. На третьем курсе женился. В 73-м году по распределению вместе с семьей приехал в Мегион. Работал помощником бурильщика, бурового мастера. Инженером, прорабом. С теми людьми, с которыми начинал работать, сохранились у меня до сих пор дружеские отношения. Довелось мне работать с известными буровыми мастерами, например, с первооткрывателем Самотлора Г.И.Норкиным, С.Л.Малыгиным, С.В.Стерховым и другими. У них я учился преодолевать трудности, сохранять бодрость и оптимизм в экстремальных условиях. Помогали набираться опыта старшие товарищи, в первую очередь Валентин Андреевич Гавриков.

Многое дало общение с ярким человеком Анатолием Михайловичем Кузьминым, бывшим генеральным директором «Мегионнефтегаза»... Одно время возглавлял парторганизацию объединения «Мегионнефтегазгеология», работал начальником вышкомонтажного и дорожно—строительного управлений. Неоднократно избирался депутатом городского Совета народных депутатов. В 1990 году на сессии городского Совета был выбран председателем Мегионского горисполкома. С 1992 года — глава городской администрации».

Ведущий (лукаво улыбаясь): «Мегионская экспедиция за открытие Самотлора награждена орденом «Знак Почета». Но Нижневартовск затмил Мегион, перехватил у него славу, так?»

Горбатов (серьезно): «Затмить историю нельзя! И славу украсть невозможно. Мегионские нефтеразведчики открыли не только Самотлор, но десяти других месторождений, передали их эксплуатационникам. Из наших месторождений добывают нефть несколько объединений нефтяников. Таков был порядок: открыли месторождения, разведали, передали добытчикам и — дальше! Но обидно, что роль первооткрывателей-геологов принизилась до нельзя. И вообще: за геологию как за отрасль обидно!»

Ведущий: «Перспективы Мегиона как города — вверх, вширь?»

Горбатов: «Нет, сегодня — ни то, ни другое. Сейчас приводим в порядок то, что имеем: благоустраиваемся, завершаем нулевые циклы...» Егор Иванович изложил основные пункты своей предвыборной программы и в заключение, отвечая на заданные с подначкой вопросы ведущего, сказал: «На сегодня судьба города во многом зависит от политики двух руководителей: главы администрации и генерального директора «Мегионнефтегаза». Администрация города и руководство этого акционерного общества самым прямым образом влияют на все сферы жизни горожан. На сегодня политика «Мегионнефтегаза»... точнее, «Славнефть-Мегионнефтегаза» в отношении города достаточно жесткая. Я рад, что у меня много соперников на выборах, но несколько беспокоит тот факт, что большинство из них — «выдвиженцы» акционерного общества. Для меня же нет разницы между горожанами и акционерами, для меня все — мегионцы! Мы все, образно говоря, в одной лодке, сепаратизм нам не помощник! Самое главное, пока я был во главе городской администрации, мы преодолели без особых осложнений период «шока», удерживались на плаву. И я приобрел дорогой опыт. И сейчас, во время предвыборной компании, встреч с трудовыми коллективами, отчетах перед ними, дополнил его. Выберет меня народ, думаю, что принесу пользу мегионцам и городу, спокойно работая: выбранный — это не назначенный! Не выберут — будет досадно, что избиратели сделали ошибку...!

«Да! Не хотел бы я сейчас быть на месте Егора! — подумал я. — Руководство АО столько своих кандидатов двигает мощно: с использованием современных западных избирательных технологий! Задействованы все СМИ, наглядная, заборная, почтово—ящичная агитация! В ход идут индивидуальные — к конкретному избирателю! — где только адреса и биографические данные берут?! — подметные письма. А уж обещаниям — несть числа! Прямо не Мегион будет, а поле чудес! Если «якубовичем» будет кандидат от «Славнефть—Мегионнефтегаза»...

— Надежда Андреевна, — спрашиваю я жену Горбатова. — Только честно: вы «за» или «против», чтобы Егор Иванович был избран мэром Мегиона?

Надежду Андреевну я знаю чуть ли не раньше, чем Егора Ивановича, просто не думал, что она — его жена.

Она окончила «Индус» на год раньше Егора Ивановича, хотя по той же специальности. Я к выпускникам этого вуза (пусть они мне простят!) отношусь несколько скептически, Уфимский нефтяной и Московский имени Губкина готовили специалистов более высокого класса. Хотя отдельные выпускники «Индуса» были тоже на высоте. Редкие женщины завершали обучение на специальности «Разработка нефтяных и газовых месторождений» (то же самое бурение), но уж если заканчивали, то это были — специалисты. Вот к таким женщинам я бы и отнес Надежду Андреевну.

Она работала в проектно—сметной партии объединения «Мегионнефтегазгеология», где каждый технический проект на бурение параметрических, поисковых и даже разведочных скважин — «штучная» работа, «езда в неизвестное»! Мне приходилось давать экспертные заключения на техпроекты, составленные Надеждой Андреевной, и я могу сказать, что они делались высококлассным специалистом.

И вот: я уже не работаю в «Мегионнефтегазгеологии», она тоже... Объединяет нас сейчас Егор Иванович. Его судьба. Неужели, как Самотлор (который он, кстати, разведывал!), выжали и...

— Если честно-о, — Надежда Андреевна чуть тянет последнюю гласную: — Хочу, чтобы выбрали! Ведь он последние годы только о городе и думает! И делает! Он по Зодиаку — Лев! Мегион для него — это прайд, и для его процветания, благосостояния он готов на все: не спать, идти с просьбой, требовать. В скобочках: для дома, для семьи — никогда! Как его избрали еще в горисполком в 90-х, я ж с тех пор его толком дома и не вижу! Чисто по-женски, хотелось бы его прокатить...А по-граждански — нет! Видели же — по нему даже Найс сучает. У нас дети на учебу разъехались: дочь в Новосибирске, сын в Тюмени... Мне Егор Найса вместо треть-

го ребенка принес. Выходил его, вылизал, обучил и, как уезжает, команду дает: «Охранять!» Найс и старается... Без Егора — плохо! Мне особенно: я ведь не из тех супруг, кто уподобляется «раисе максимовне», не сопровождаю его. Если что, ремонтом займемся. Увлечений — уйма! У Егора ведь золотые руки! Прихожая, кухня — его работа... Из отпуска мастеровой инструмент всегда вез: точно! Даже переплетный станок есть, будет время, все предвыборные материалы переплетем, из публикаций в журналах — с продолжением когда — книги делал. Фотоархив... В семье было три женщины и он — единственный мужчина, починить, собрать, отремонтировать — все мог. И может!

Остановившееся мгновение.

По диагонали снимок — нечто паро—дымное, духовитое... В нижнем левом углу, над парящим мангалом, неплотно насаженные на шампуры крупные куски непонятно чего, но если судить, как приноживается к духу, идущему от этого «нечто», Егор Иванович, упершись в бока мощными руками, это «нечто» по крайней мере хорошо пахнет. За Егором — дощатый забор, слева — шампурные заготовки упоминавшегося «нечто». Чуб у него — Григорий Мелехов позавидовал бы... Даты нет. Но если судить по другой фотокарточке, где Егор точно с такой же чупрыной, в кедах, в спортивной рубашке присел возле коляски с годовалым ребенком, это как раз послеинститутские годы...

VI

— Надежда Андреевна! Когда же вы его «обратали»? — спрашиваю я собеседницу и тут же поправляюсь: — Простите! Если не нравится вопрос...

— Отчего же! — Без очков Надежда Андреевна чуть щурится. — Наоборот, мне вспоминать приятно, как мы с Егором познакомились! Я и без вопроса — часто вспоминаю! Он хоть и на курс моложе меня был, но ведь после армии человек! С жизненным опытом! А это сразу чувствуется: мужчина... Не просто физически сильный, а духовно самостоятельный, внутренне сильный — «лев», одним словом! А ведь тоже «лев» по гороскопу... На танцах познакомились, слово за слово и... Он же не только красив как мужчина оказался, но и как человек — очень интересный. Даже стихи писал... Поженились мы... На пятом курсе дочка родилась. Снимали у бабки закуток. Учились и нянчились... Егор на нескольких работах подрабатывал, чтоб содержать семью. Он ведь очень заботливый: как раньше семье в трудное время всего себя отда-

вал, так сейчас — Мегиону. Ничего! Перемоглись! Главное, Егор не был и никогда не станет равнодушным чиновником. Доверчивым — бывает. Но ведь это слабость сильного. Льва... Страшно не любит, когда на него давят. Решения принимает самостоятельно. Но, в отличие от многих он — неупертый! Ошибки, если убедят, исправляет, а тому, кто убедит его в этом, бывает благодарным. Егор — он такой, с моей, субъективной, точки зрения. Если она кого-то убедит, буду рада. Главное, я буду любить его независимо от результатов выборов, будет он мэром или нет. Он — мой любимый человек...

VII

— Ну, Николаич, обложил ты меня! — Егор Иванович стушеванно засмеялся. — Достал ты меня! Меня эти журналисты в последнее время замаяли: что сделано за прошедшие годы, что делается, что будет сделано... Предвыборная программа... Смешно! Я сам понимаю: каково избирателям будет? Программы — то у всех кандидатов в принципе одинаковые: все — во имя человека, все — для блага человека! Я-то обещаю реальную программу, я знаю, что можно реально сделать, так как знаю ситуацию. А другие обещают: в отдельно взятом Мегионе, если их изберут, построят они коммунизм — для одних, для других — социализм, для третьих — капитализм с «мегионским лицом»! Надо было нам с тобой раньше встретиться, ты прав! Программа программой, но надо было рассказать пораньше, откуда я корнями и кто я такой. И...

— И — про сочинение...

— Да! Может, и про сочинение! И про бабушку Степаниду. У нее, кстати, отчество было Даниловна. Меня вот назвали в честь дядьки, погибшего под Калининградом. А я в честь прадеда сына назвал Даниилом! В Поволжье немцы при Екатерине II пришли, а мои прадеды — раньше. А для моих детей родина — Мегион! И я большую часть жизни прожил и, может, лучшую, тоже в Мегионе. И Мегион я, как и ты, Николаич, «...куликом болотным восхваляю: я здесь живу, и — я его люблю!» Пристрастно!

«Чем возлюбленный твой лучше других возлюбленных, прекраснейшая из женщин? Чем возлюбленный твой лучше других, что ты заклинаешь нас?»

(Песня песней, гл.5, стих 9)

Ответ очевиден: поэтической душой!

Скажут многие: сейчас время прагматиков, экономистов! Время спора «физиков» и «лириков» кануло в Лету после хрущевской оттепели.

А я возражу: сейчас время противостояния лиц и душ с поэтическими, духовными и, следовательно, бескорыстными стремлениями, и теми, «стоящими у трона», строящими свой трон, теми, кто, как сказал великий Гете, «гибнут за металл»!

Тот же Гете был крупным государственным деятелем. Салтыков-Щедрин был губернатором. Нынешний президент Чехии — драматург. Царь Соломон был поэтом!

Люди с поэтической душой восприимчивы к критике, они чувствительны к состоянию ауры народной. И я уверен, что Егор Горбатов учтет справедливые нарекания своего электората, а не соперников, копающихся порой в изношенных и сданных в утиль одеждах.

Я уверен, что «...минует время эскапад,
пустопорожних разговоров, —
дела Российские на лад
пойдут — в литературных спорах!»

Остальные вопросы будут решаться в рабочем порядке городской и прочими администрациями на основании соответствующих инструкций и законоуложений во имя развития и процветания наших городов и весей.

Егор Иванович! «Посему ходи путем добрых, держись путей праведников» (Притчи, гл.2, стих 20).

И от меня: «Смотри, как когда—то, в ночное небо — в звездное небо! И если хочешь, напиши: обитаемы ли вокруг них вращающиеся планеты? Кто знает, может, еще получишь пятерку с плюсом? А лучше — иди к избирателям, ибо на сей раз они будут ставить тебе оценку не за космические, а за самые прозаические — земные дела!»

14-20 октября 1996 года

P.S. В первом туре Егор Иванович Горбатов набрал больше всех голосов избирателей, но менее необходимого. Во втором туре проиграл с небольшим отставанием...

Что ж, за битого, как говорится, двух небитых дают. Я у него не спрашивал, но мне говорили, что поражение свое он переживал очень тяжело...

Мы все здесь — нефтяники

С нынешним мэром Мегиона Анатолием Петровичем Чепайкиным я впервые встретился на второй день после его победы на втором туре в кабинете главного финансиста прежней администрации: они, по всей видимости, утрясали финансовую сторону прошедших выборов.

Пока хозяин кабинета искал мои бумаги, с оформлением которых он длительное время тянул резину, так и не закончив, я представился новому мэру и, поздравив его с победой, тем не менее считал необходимым сказать, что поддерживал прежнего главу администрации и голосовал за него.

— Я считал и считаю, нельзя в Мегионе избирать мэром заведомо проэмэнгэвского кандидата, жизнь горожан и без того во многом зависит от политики людей, сидящих в московском офисе, для которых Мегион — это своеобразное «поле чудес». Об этом я говорил в своих публикациях. И я был рад, что заведомого ставленника нефтяников прокатили еще в первом туре... — достаточно эмоционально заметил я.

Анатолий Петрович отреагировал на это достаточно резко:

— К вашему сведению я — тоже нефтяник! Мы все здесь — нефтяники!

Что мог сказать я, проработавший в нефтеразведке всю жизнь? Только то, что и сказал:

— Нефтяники-то мы здесь, верно, все, да вот интересы нефтяника-мегионца не во всем совпадают с интересами нефтяника-управленца, перебравшегося в Москву или наострившего туда хорошо навощенные лыжи... И чтобы вести с ними дела достойно, мэр должен быть независимым.

Второй встречи у нас могло и не быть, если бы я не начал работу над продолжением книги очерков «Мегионцы — это мы»: в ней предполагался раздел «Отцы Мегион-града». И наша новая встреча состоялась почти через полтора года после первой. Как раз в то время, когда шло противостояние между горожанами и руководством градообразующего предприятия по поводу строительства его нового офиса на спортивной площадке в центре города.

Неспешно пройдя по коридорам администрации, я обратил внимание на то, что редкие кабинеты обрели новых хозяев. В приемной сидела все та же секретарша. А вот кабинет новый мэр сменил: прежний сидел налево, он теперь — направо. «Слишком демонстративно отмежевался Анатолий Петрович, так сказать, от прежнего главы администрации», — отметил я про себя.

Ноша градоначальника, по всему было видно — нелегкая: из-за нехватки времени встреча в назначенный день не состоялась и была по моей просьбе перенесена на субботу. Но и в субботу мэр был загружен не меньше. Когда я пришел, он обсуждал вязкие вопросы строительства городских объектов, индивидуальных коттеджей... и пресловутого офиса нефтяников, благодаря которому городская казна могла получить внушительную сумму в долларах.

В очерках из цикла «Мегионцы — это мы», как правило, я мало рассказываю о сегодняшней, текущей жизни героев, особенно такого ранга, как глава администрации, — их деятельность на слуху и на виду: во всех СМИ и, может быть, даже до оскомины. Я же стараюсь показать, выражаясь геологическим языком «генезис» героя...

После обстоятельного разговора с Анатолием Петровичем мне довелось также встретиться с его отцом — Петром Федоровичем Чепайкиным, сведения, полученные от него, также использовались в работе над очерком.

I

Род Чепайкиных начинался на вятской земле.

Красивы и богаты своими дарами вятские края, да вот только хороших, годных под пашню земель маловато.

После отмены крепостного права государство разрешило малоимущим крестьянам переселение на Восток, где они получали наделы на свободной земле.

В первую очередь переселенцы оседали на плодородных просторах Поволжья и Предуралья, в частности, в Уфимской губернии. Согласно Н.В.Ремезову, процесс приобретения свободных земель в 70–80-х годах XIX века шел аналогично современной «прихватизации». В первую очередь и за бесценок дельцы-предприниматели и высокопоставленные чиновники и сановники с помощью всевозможных махинаций получали во владение наиболее плодородные земли. А простым переселенцам доставались охвостья, или они вынуждены были за более высокую цену брать наделы у дельцов или арендовать их.

Прапрадед Анатолия Чепайкина, Иосип Чепайкин покинул вятские края и, видимо, в 80-х годах прошлого столетия и поселился в селе Блохино Уфимской губернии на правом берегу привольной реки Белой (ныне Архангельский район Башкортостана). Дата и место рождения прапрадеда неизвестны, так же как и прадеда Сергея Иосиповича и его братьев Василия и Степана. Хотя можно предположить, что родились они все же на вятской земле.

Что касается деда Федора Сергеевича, то с местом и временем рождения все ясно: село Блохино, 1895 год.

Прадед Сергей Иосипович был обучен грамоте и счету, по характеру деятелен, оборотлив да разброслив: подторговывал по мелочи, покупал землю, а перед самой германской, в 1913 году, стал владельцем мельницы. Но мельником прадед оказался неvezучим — разорился и вынужден был обменять ее на хутор...

Хутора в Архангельском районе появились во время столыпинской реформы.

Столыпинская земельная реформа, не в пример нынешней, проводилась уверенно, быстро и эффективно. Хуторяне получали ссуды на обустройство, податные льготы и прочее. Для обеспечения хуторян, как ныне говорят, соцкультбытом, строились за счет казны административно-культурные центры, больницы-амбулатории, магазины, храмы.

Был такой центр и у архангельских хуторян, назывался он Архлатыши, так как переселенцы были из Латвии. Впрочем, из других губерний переселенцы селились тоже обособленно, сохраняя привычки, обычаи и говор, характерные для их прежних мест жительства. (В Архлатышах, например, до недавнего времени жители говорили между собой по-латышски, носили чулки, вязанные из разноцветной пряжи, расшитые передники, деревянные башмаки, воду носили на прямых коромыслах. У жителей соседней с нашей Малышовкой Ирныкшей был такой своеобразный говор, что про них ходил такой анекдот. Построили новобранцев и спрашивают: «Иностранцы есть? Шаг вперед!» Один вышел. «Кто такой? Из какой страны?» «Из Ярнакшев мы!» — отвечает «иностранец».)

Прадед Сергей Иосипович был человеком набожным. Дед Федор Сергеевич тоже был верующим, но не так истово. Набожность в последующих поколениях, как и во всем православном народе, шла на убыль.

У деда было десять детей: шестеро сыновей и четыре дочери (самый старший с 15-го года, самый младший, Петр, отец будущего мегионского мэра, с 32-го). Сам дед воевал в германскую, гражданскую всю прошел, довелось послужить и в Отечественную — старшиной на армейских складах; на этот раз вместе с ним ушли на фронт четверо его сыновей, один из них погиб в боях за Родину.

До войны род Чепайкиных жил кучно, после многие разъехались. Дед с бабушкой всю жизнь прожили в Архлатышах, там и похоронены (скончались в один год). У бабушки родовые корни архангельские: деревня Кайла Ирныкшинского сельсовета. Всю

родню ее в 30-е годы раскулачили и выслали в Черемхово, на шахты. Сейчас в Архлатышах живет из рода Чепайкиных только тетя.

Отец Анатолия Чепайкина, Петр Федорович, родился в Архлатышах в 32-м году. Семья была большая, дружная. Земля и природа вокруг благодатны и обильны. В лесах — липа, дуб, вяз, береза... В уремах черемуха, боярышник, смородина... В лугах высокое разнотравье. Латышские постройки крепки, добротны. Держали пасеку: улы-даданы (из вязовых колод).

Школьные годы пришлось на военную пору. Были трудности, но потихоньку перебились. В 47-м году Петр Чепайкин окончил семилетку и поступил в ремесленное училище в Уфе. 47-48-й годы в Башкирии были засушливыми и неурожайными, в деревнях голодали. А в ремеслухе жить было можно: кроме жилья, формы, курсанты обеспечивались питанием по армейской норме (900 граммов хлеба плюс приварок)!

Выучился Петр Чепайкин на электрика и получил назначение на сельскую гидроэлектростанцию на реке Зилим в селе Сабаево. Мощность ГЭС была 150 квт, электричество подавалось от нее в семь окрестных деревень!хлопотная была работа, особенно в половодье. Зилим — горная речка, приходилось обкладываться мешками с песком, чтоб не затопило станцию. Зарплата была 360 рублей, хоть мизерная, а все — зарплата! В колхозах рядом люди работали вообще задарма.

Приуралье в то время считалось вторым Баку, и по всей Башкирии шли интенсивные разведочные работы на нефть. В конце 40-х и в начале 50-х велись они и в Архангельском районе, и небезуспешно. Недалеко от Малышовки, километрах в семи, было открыто Карташовское месторождение. (В июне 49-го года, после окончания Покровской начальной школы, ее директор водил нас на экскурсии по округе, знакомил с родным краем. Побывали мы и на буровой, поднимались на кронблок деревянной вышки! Буровой мастер после объяснений вдруг решил проверить, как мы его урок усвоили. Примечательно, что на все вопросы его ответил только я, и он похвалил: «Буровиком будешь!» И ведь сбылось!)

В марте 1952 года Петр Федорович Чепайкин устроился в нефтеразведку и стал башкирским нефтяником. Началась у него кочевая жизнь. В армии служил в танковых частях по специальности (что в общем-то редко бывает). Вскоре после «дембеля» женился на Валентине Павловне Шкаликовой, уроженке Зиргана.

Здесь, в Зиргане, на юге Башкирии, 16 октября 57-го года у Петра Федоровича и Валентины Павловны Чепайкиных родился сын Анатолий. Через несколько лет, но уже в Красном Ключе, родился второй сын — Виктор...

Петр Федорович в Бирской геологоразведочной экспедиции работал электриком шестого разряда. Валентина Павловна также освоила техническую специальность — работала кочегаром на румынских котлах типа «Вулкан», позднее стала завскладом.

В 69-м году переехали в Мегион.

Жили в балке за УБР и на базе «Нефтепрома».

В 71-м получили квартиру на улице Нефтяников, 3. Щели были — соседей видать! Довели жилище до ума, шесть лет прожили в тепле, в уюте.

Валентина Павловна 20 лет заведовала складом в БПТОиК-1. Петр Федорович во многих буровых бригадах работал (Котлярова, Кирякина, Матвеева), последние 16 лет — в бригаде Ивана Петровича Кириллюка. Сейчас оба на пенсии.

Пока родители в Архлатышах были живы, в договоренное время съезжались в гости по 3–4 семьи, а с 71-го года все реже... Но навещаются: родимые места притягивают.

II

Как видим, у Анатолия Петровича корни вятские, лесные, таежные (вспомните картину И. Шишкина «Лесные дали» — это вятские дали!). Но и благодатная земля солнечной Башкирии своими соками подпитала род Чепайкиных, поддержала души их своей красотой ненаглядной, упокоила бранный прах двух старших поколений. И нефтяник он во втором поколении.

Раннее детство Анатолия прошло в переездах. Детям, вообще-то, переезды по нраву: смена обстановки, возбуждение и суета при сборах... А сама дорога? Только глаза пошире открывай да уши настраивай — столько всего нового и необычного увидишь и услышишь, такими ощущениями наполнишь восторженное сердечко! А процесс привыкания к новому месту: к жилью, к окрестностям, знакомства с новыми друзьями?.. Все бы хорошо, да есть в этой цыганской жизни и свои негативные стороны: жалко бывает расставаться с любимившейся речкой, лесными заветными уголками, с животными и, самое главное, с родными людьми и верными друзьями-сверстниками.

Из-за кочевой жизни и с дедами-бабками внукам довелось общаться, в основном, во время отпускных наездов — то-то и помнятся они смутно, как далекие предки.

В то же время такой образ жизни с детства приучил младших Чепайкиных быть собранными, готовыми обходиться некоторое время самым необходимым, не обзаводиться лишними вещами или расставаться с ними без сожаления, хранить привязанности

на расстоянии, расти коммуникабельными, и это им, несомненно, потом пригодилось в жизни взрослой.

Кочевать приходилось всеми видами транспорта, что придавало каждому переезду особую окраску. Анатолию запомнился, например, своей необычностью вояж... на барже: так они перебирались из Красного Ключа в Калининники.

Калинники — солидное село, состоящее из двух половин, разделенных перешейком с версту шириной.

Поселились Чепайкины в новой части. В Калининниках же Анатолий пошел в школу. Случилось это в 64-м году. Учился он сперва в начальной школе: старенькой, возможно, еще дореволюционной. А в пятый класс пошел в Большие Калининники — там были центральная усадьба совхоза и средняя школа.

Из Калининников отец в 69-м году уехал на север, в Мегион, и семья некоторое время жила без него.

12 февраля 70-го года Петр Федорович Чепайкин, чуть обустроившись на новом месте, перевез семью в Мегион.

Анатолий пошел учиться в шестой «д» класс мегионской, тогда еще поселковой, школы номер 1.

Проблем с адаптацией в Мегионе ни у кого из Чепайкиных не возникло. Анатолий быстро сдружился с одноклассниками, с соседскими сверстниками. Первое время жили они в балках за УБР: там, где ныне убээровская Цитс, сплошь были балки. Поселка СУ-920 еще не было, настоящая тайга — рядом. Подростки и пользовались этим: из тайги не вылезали. Морошка, брусника, клюква, грибы, кедровые шишки — все ихнее. Рыбалка — рукой подать! Что еще нужно мальчишкам?

Обустройство Мегиона тех лет известно: брусовые и бамовские двухэтажки и коттеджи, и балки, балки, балки, а то еще и запышки. На улицах — снег, грязь да пыль, в зависимости от сезона. Резиновые сапоги — повседневная обувь, а не только для тай-

*Анатолий Петрович Чепайкин,
мэр Мегиона*

ги да рыбалки. Валенки да унтыта — зимой. Снега, снега! Балки зимой заносило с шапкой. Впрочем, это не удивляло: знал, что Сибирь снежная.

«Снежная-то снежная, да не до такой же степени! — недоумевал двенадцатилетний подросток, не отрываясь от иллюминатора самолета АН-24. — Такие громадные сугробы!» — летели-то они в февральское непогоде, над сплошной облачностью, создававшей иллюзию заснеженных сибирских пространств, над которыми рыхлыми сугробами высились облака второго уровня. Но и настоящими сугробами Сибирь не обманула!

По Мегиону Чепайкиным тоже пришлось «попутешествовать»: сначала балок их передвинули от УБР в сторону автостанции, потом на одну квартиру, через шесть лет на другую — и все обустроиваться, обустроиваться, благо, что не привыкать. Соответственно, и школы менялись. Но это не сказывалось на учебе: учился Анатолий ровно. С желанием. Поскольку он родился в октябре, его поначалу не хотели брать в первый класс, а ему так хотелось! И он упросил мать, а та — учителей, и он пошел все же, хоть и с опозданием, в школу!

Время тогда что ли было стабильное? Мир и покой не только дома, но и на улице, в школе. Во всех классах, где довелось учиться Анатолию, не было противостояния каких-то группировок, дружили всем коллективом. Конечно, у некоторых между собой были более прочные связи, основанные на увлечении или, как говорят, на родстве душ. Вот и они, несколько мальчишек и девочек, тяготели друг к другу чуть больше, чем к остальным. Дружба эта, кстати, сохранилась до последнего времени: они и сейчас друг для друга Толики, Верочки... Родственность душ незаметно переходила во взаимопроникновение душ, их срастание... (В свое время Анатолий Петрович и его школьная подруга поженятся. По любви или по дружбе — им лучше знать!)

В 74-м году школа окончена, впереди — Омский автодорожный институт...

Не кочевая ли жизнь в детстве определила профиль института? Скорее всего — трезвый, хорошо продуманный расчет: в Сибири с ее безбрежными просторами всегда найдется дело и для автомобилиста, и для дорожника.

В институте также не было проблем ни с учебой, ни во взаимоотношениях с однокашниками и преподавателями.

Спортом занимался и в школе, а в институте — весьма успешно, особенно вольной борьбой: выступал на соревнованиях, получил второй разряд.

В студенческих стройотрядах осваивал вторую специальность — строительную. Несколько раз ездили бригадами по 20–25 чело-

век в районное село Колосовка, строили животноводческие помещения.

После института Анатолий Петрович занимал различные должности, набирался производственного опыта, опыта руководства рабочими коллективами. Наиболее значительное место в его производственной биографии занимает работа директором БПТОиК (база производственно-технического обслуживания и комплектации).

Служба эта, насколько я себе представляю, достаточно специфическая, требующая, помимо универсальных знаний, умения работать с людьми, способности непрерывно отслеживать перемещение сотен наименований материалов и комплектующих, постоянно держать в памяти множество поставщиков и обслуживаемые объекты и т.д. Ко всему этому — поселок при базе с его широким кругом забот. И удаленность от «мегаполиса», от городской власти: докричаться трудно. Хоть и на отшибе работал Анатолий Петрович, но был отлично осведомлен и об общегородских проблемах, добросовестно исполнял обязанности депутата городской Думы.

Все это и стало стартовой площадкой при его движении к должности мэра. «Регламентные работы» на пусковом комплексе, запуск и, так сказать, вывод на орбиту, на мой взгляд, Анатолий Петрович Чепайкин и его команда провели без сучка и задоринки и приступили к реализации своей программы...

III

Совещание со строителями было рабочим, черновым: «обсуживались» некоторые детали, рассматривались возможные варианты будущего решения. После дискуссий, порой весьма эмоциональных, выработав по одним вопросам общую точку зрения, одни предложения приняв, другие поручив доработать, мэр, наконец, отпустил присутствовавших, пожелав хорошего отдыха: «Суббота все же!» И мы принялись с ним за самое приятное: воспоминания...

Воспоминания воспоминаниями, а день сегодняшней напоминал о себе машинным шумом и сполохами света за окном, а больше — телефонными звонками. Звонили из дома: как скоро ждать? Из Нижневартовска — комитет по охране окружающей среды (понял по ответам). Из Ханты-Мансийска — кто-то из окружной администрации (разговор дружески-деловой). Было еще два-три телефонных разговора: что-то просили, куда-то приглашали.

Телефонные звонки сбивали с мысли и мы порой отвлекались от темы разговора.

После очередного звонка, когда Анатолий Петрович клал телефонную трубку, повернувшись ко мне полуанфас, я вспомнил наконец, кого он мне напоминает добродушным, с усмешливой хитринкой лицом, борцовской шеей, атлетически-комодной фигурой: да вылитый же мой племянник Федор предо мной! От сравнения я даже хохотнул вслух и пояснил, почему.

— А не переплетались ли у нас где-то в дали времен родовые корни? — продолжил я. — Вся по матери родня в Малышовке у меня. Помню, мать и Архлатыши поминала. Кажется, кто-то из родни там жил... А по отцу — дед его был мокшанином, а это ведь тоже из «вятских», хоть и мордва.

— Да-а... — философски заметил мой собеседник, — задали наши предки работы национал-патриотам всех мастей: перетасовали гены многих национальностей: поди, разбери кто есть кто. У меня бабка по матери мордовка!

— А, кстати, мордва относится к финно-угорским языкам. Так что мы с вами здесь как бы у родни...

— Только без родовых угодий, — отшутился Анатолий Петрович.

Под занавес встречи, чувствуя, что пора и честь знать, я задал Анатолию Петровичу риторический вопрос:

— А как вам — работа мэром? «Мэрзская» или по душе?

Вопрос был задан тоном, не требующим ответа. Одевались мы молча и неспешно. попрощались с дежурным и покинули гулкое в этот час здание администрации. И уже в машине (он подвозил меня до дома) коротко ответил:

— Как когда... Бывает, что и по душе, бывает, и «мэрзко»... Хочется все, что обещал, сделать. Всем помочь. Но вот беда: всем помочь нет возможности. И от этого бывает тяжело. Но ситуацию надо переломить. Все будем делать, чтобы не допустить общегородской нужды. Хотя это во многом зависит от положения в целом по России. Еще Демокрит говорил: «Общая нужда тяжелее частной нужды отдельного человека. Ибо в случае общей нужды не остается никакой надежды на помощь». Думаю, это понимают и горожане, и нефтяники... Впрочем, все мы, мегионцы, — нефтяники.

Закончить хочу очерк словами Петра Федоровича Чепайкина, отца мэра: «Дети нам с Валентиной Павловной ничего кроме радости не приносили. И сейчас радуемся за них, гордимся ими. За старшего, правда, переживаем: много на него навалилось трудов, а еще больше — наветов. К трудам-то не привыкать — выдюжит! И от наветчиков не отворачивается — чего отворачиваться, коли

совесть чиста? Поэтому и людям прямо в глаза смотрит и правду говорит. А сил и терпенья достанется, не зря говорят: «вятские — ребята хваткие».

Февраль-март 98 г.

Летом я некоторое время был в Уфе. Вернувшись в Мегион (как раз к окучиванию картошки на огороде), узнал о развернувшемся движении части горожан за отрешение мэра от должности, а узнавши — загрустил... Да и как было не грустить? Это ли не пример нашей непоследовательности, безалаберности, если хотите, анархического толкования демократии и т.д. Избрали человека на должность — дайте ему спокойно работать!

Правильно тот же Демокрит говорил, что начальствующие лица «не для того, чтобы дурно вести дело, но чтобы вести его хорошо». Так критикуйте, подсказывайте, как «вести его хорошо», сами, наконец, ведите свое дело хорошо, тогда толку будет больше для города, чем от утоления чьих-то амбиций.

17.07.98 г.

P.S. Вот и пойми наш электорат: в 98-м году мэра хотели досрочно переизбрать, а сейчас он в Мегионе, по результатам опроса, проведенного газетой «Мегионские новости», — **ЧЕЛОВЕК ГОДА!** Прошедшего 1999 года. С чем и поздравляем героя очерка!

Мегионское вдохновение

Мелодия жила и отзвучала
намеком, обещанием любви.
Прошу тебя: сыграй ее сначала,
не обещание — саму любовь яви.

О тайна музыки!.. Она негромкой
мелодией
астральные тела
соединяет паутинкой тонкой —
для передачи страсти и тепла.

Играй на бис! Иль мыслью неслышной
пой о любви и не ищи слова:
нас музыкой соединил Всевышний...
Она звучит, пока Любовь жива.

.....

Остановись, мгновенье! И — застыли
вдруг сонмы звуков, цвет приобрета...
В обличьи новом, милая, не ты ли
передо мною — музыки дитя?!

Вирсавией зовут тебя, Данаей?..
Меняешь ты прекрасные черты.
Но, сердцем чувствуя, я верую, я знаю —
беззвучной музыкой глядишь с полотен ты.

Интродукция к «Вдохновению»

*Что видит птенец в гнезде, то делает
впоследствии в полете.*

Казахская пословица

Муниципальный художественный коллектив «Вдохновение», созданный Ириной Стоцкой одиннадцать лет назад, заслуженно является гордостью мегионцев. Несмотря на свои отроческие годы — это не угловатый «подросток», нет, — это, как и положено вдохновению, нечто самоценное, возвышенное, одухотворенное и даже — как бы не от мира сего. И в то же время — земное, родное, нашенское: российское, сибирское, мегионское... Вселенское и личное: персонифицированное, узнаваемое, близкое...

Мегион известен в России и за ее пределами не только «черным золотом» — результатом труда двух поколений мегионцев, но и благодаря выступлениям «Вдохновения», коллектив которого было образно назван «жемчужиной» в короне русской культуры. Участие ансамбля в культурной программе в дни празднования 850-летия Москва — тому подтверждение.

«Вдохновение» — творческий коллектив. Каждый его участник — самобытная творческая личность, без которой ансамбль, как палитра художника без наличия какой-либо краски, обеднеет, и живопись его приобретет другой колорит. Но как палитра без художника — не картина, так и группа самых талантливых индивидуальностей без руководителя — еще не ансамбль. Поэтому говоря о «Вдохновении», правильным будет в первую очередь вспомнить о его создателе и действующем главном хормейстере — Ирине Павловне Стоцкой.

Ирина Павловна Стоцкая... Художественный руководитель и создатель «Вдохновения». Более того, как говорят специалисты, — создатель своеобразного направления в музыкальной культуре, которому пока не придумали названия.

«Вдохновению» — одиннадцать. У Ирины Павловны юбилей: ей пятьдесят.

О «Вдохновении» и его хормейстере, вообще говоря, опубликовано много и серьезных статей, и восторженных заметок, и откликов благодарных слушателей, очарованных исполнительским мастерством коллектива, потрясенных произошедшим с ним чудом, отворились их души и восприняли духовную музыку как извечно свою. Особенно много теплых слов Ирина Павловна и ее подопечные слышали на встрече с мегионской общественностью

в «Прометее», посвященной десятилетию ансамбля. Мне посчастливилось быть на этом чудесном вечере. И я стал свидетелем искренних, сердечных до слез поздравлений и официальных лиц, и почитателей. А «вдохновенки» в ответ порадовали присутствующих сольными выступлениями...

Собственно, в этот вечер и зародилось у меня желание написать о Ирине Павловне Стоцкой и, по возможности, о ее «жемчужине», которую, как я предположил, она выращивала не десять лет — всю жизнь! А истоки «Вдохновения», может быть, надо искать в истории ее рода...

I. Ирина из рода Пивсаевых

Ирина Павловна наполовину русская, наполовину эрзя.

Отцовскую родословную она не знает (отец рано ушел из ее жизни), зато материнскую ветвь — чуть ли не до каждого листика в ближайших трех поколениях! Мать ее — из рода Пивсаевых.

Пивсаевы — эрзя. Чистокровные: бабушка до последних дней плохо говорила по-русски.

Эрзя — этнографическая группа мордвы. Эрзя — мордовский язык относится к финно-угорской группе языков.

В самом начале века многочисленный род Пивсаевых крестьянствовал в Самарской губернии в деревне Грачевка на так называемых столыпинских отрубях.

Во главе рода — прадед Михаил Антонович Пивсаев и прабабка Анна Семеновна, в девичестве Дорогова. С ними дети: Степан, Алексей, Кузьма, Анна, Ненила, Варвара. Кузьма Михайлович — будущий Иринин дедушка.

Столыпинская аграрная реформа наделила крестьян землей, разрешила им выход из общин. Реформа проводилась при широкой поддержке государства: выдавались льготные ссуды на строительство, приобретение сельхозинвентаря, высокоурожайных сортов и элитных животных. Отруба или хутора располагались друг от друга в двух—трех километрах. В центре, которым считалась Грачевка, располагались земские и государственные учреждения: школа, больница, баня, лавки, кооперация, агролаборатория в каменных добротных домах.

Петр Аркадьевич лично контролировал ход аграрной реформы. Незадолго до трагической гибели посетил он Самарскую губернию, побывал и в Грачевке, сопровождаемый казачьим эскортом. Старшим Пивсаевым довелось пообщаться с российским реформатором.

В 1910 году, по достижении призывного возраста, Кузьма Михайлович ушел на четыре года на царскую службу. Мужчины из

рода Пивсаевых были светлыми, синеглазыми, рослыми и служили в Ее Величества Лейб-гвардии Кирасирском полку! Иринин дед нес службу в 3-м эскадроне этого элитного полка. Службу свою лейб-гвардейцы Пивсаевы несли достойно. Об этом говорит такой факт. Кузьма Михайлович, неся караул в царской резиденции, в одном из залов среди других видел поясной портрет своего отца Михаила Антоновича Пивсаева в лейб—гвардейской форме. Понятно, что для подобной чести надо было иметь немалые заслуги.

После службы Кузьма Михайлович вернулся на свою землю, женился на Андрияновой Марфе Никифоровне. Но недолго довелось бывшему лейб-гвардейцу мирно обихаживать землю: накатились на Россию грозные, библейские по своим ужасам испытания. Сначала — германская, потом гражданская войны... Военный коммунизм, продразверстка, коллективизация...

В результате этих потрясений поредел род Пивсаевых: в 20-м году под Перекопом, у деревни Васильевки, погиб Кузьма Михайлович, еще раньше его брат Степан; раскулачены были в тридцатых годах, сосланы и сгинули брат Алексей, сестры Анна, Ненила и Варвара, умерла от голода старшая дочь Наталья...

Но были для истовых тружеников среди лихолетья и кровавых экспериментов белыми полосками годы НЭПа — когда казалось, что жизнь пошла по торному, уже опробованному пути: трудись — и тебе воздастся!

В поредевшей семье Пивсаевых осталось 25 человек и 16 из них — дети, причем шестеро — без отцов, в том числе трое: Наталья, Надежда и Александр — дети Кузьмы Михайловича (Надежда — будущая мать Ирины).

Все, от малого до старого, трудились от зари до зари, потому и хозяйство было крепкое. Этому способствовало и разделение труда между членами семьи, включая детей. Надежда, например, подростком пасла гусей, затем получила более взрослую работу. Главное — что трудились на себя, с удовольствием, видели результаты своего труда и ими пользовались.

После семи лет вдовства, в 27-м году, семейный совет благословил Марфу Никифоровну на второй брак, и Маклаков Иван Васильевич, тоже вдовец, усыновил ее детей и стал им на долгие годы стеной и опорой, а позже — и малолетней внучке Ариночке до своей смерти в 52-м году.

Иван Васильевич Маклаков был удивительным человеком и земледельцем. Его надел был, по сути, опытным полем — на нем выращивались 23 зерновые и овощные культуры! Со всей округи, как в недавние времена к Семену Терентьевичу Мальцеву, съезжались к нему за опытом и семенами и крестьяне, и агрономы. Не кулаком

был он, а рачительным хозяином своей земли, опорой державы, государства. Но власть предержавшие увидели в нем классового врага...

В начале коллективизации приехавшая в Грачевку комиссия «нашла» у «кулацких» лошадей «сап» и всех, под чистую, забрали и расстреляли из пулемета в овраге. По всей округе стоял стон и плач от бессилия. Но самое страшное было еще впереди.

Иван Васильевич был умным человеком. Предвидя исход зажиточного крестьянства со своих наделов, бросил он нажитое хозяйство, дом, подворье и, подхватив жену и детей, уехал на новые места...

Обосновались Маклаковы в селе Старая Майна, что ныне стоит на берегу Куйбышевского водохранилища, и начали жизнь с нуля. Старая Майна впоследствии стала малой родиной Ирины.

А в Грачевке тем временем в 24 часа вывозили на телегах «классовых врагов». Командовал раскулачиванием комбед. Те, кто пьянствовал, валял дурака, не работал — стал ВСЕМ. Ощущение власти и безнаказанности пьянило: прабабушка Анна Семеновна в ноги бросалась, просила, чтоб разрешили хоть внукам теплую одежку взять, не позволили! Порушили роды, развезли кого куда: под Ташкент, Кустанай, Кемерово — и семейство Пивсаевых, и родственников им по Анне Семеновне Дороговых... Из Пивсаевых выжили, благодаря Ивану Васильевичу Маклакову, Ирина бабушка Марфа Никифоровна, мать и дядя Саша, которого Ирина так и не увидит, как и старшую сестру матери Наталью — она умрет от голода в коллективизацию, а дядя, зам. командира 920-го стрелкового полка, погибнет в 1942 году под Велижем.

Раскулачили «мироедов», и — что? Ни тягла, ни сильных умелых рук. Пашни поросли сорняком, пыреем. Опустели кулацкие подворья... Не только в Грачевке — по всей России, по Украине, по стране. По дури, по злой ли воле спровоцированный голод валом прокатился по недавним российским житницам...

Марфе Никифоровне не довелось учиться: не принято было обучать девок, сыновей — другое дело. Хоть и способна была дочь, но не внял Михаил Антонович просьбам родичей, советам соседей: «Отдай девку в учебу, головастенька больно — осилит!» Вместо книжек купил он ей швейную машинку фирмы «Зингер». Смирилась дочь и скоро стала отменной сельской модисткой. Такова уж была: за что ни возьмется, все получалось.

Коль самой не удалось выучиться, то детям своим, при самой горячей поддержке их отчима, Ивана Васильевича, дала Марфа Никифоровна приличное образование.

Надежда Кузьминична, ровесница революции, ставшая по отчиму Маклаковой окончила несколько учебных заведений: сель-

хозтехникум в Сенгелее, техникум в Казани и политехнический институт в Москве.

В Москве Надежда Кузьминична работала в химлаборатории, имела семью: мужа, научного работника, выпускника знаменитого ВИФЛИ, и сына Маратика, необычайно талантливого, по всеобщему мнению, мальчика. Во время войны Маратик умер от тифа, а муж, перед войной работавший над докторской диссертацией, пошел добровольцем в московское ополчение, попал под Сталинград и там погиб. Надежда Кузьминична всю войну проработала в Москве, в составе противовоздушных отрядов несла дежурства, гасила зажигалки, участвовала в строительстве под Москвой противотанковых заграждений. После войны вернулась к матери и отчиму в Старую Майну.

Здесь она познакомилась с будущим отцом Ирины, партийным чиновником, и в 1946 году вышла за него замуж. Партийцев в те времена часто «перебрасывали». И Павла Ивановича вскоре после женитьбы направили на работу в освобожденные районы — в Кенигсберг. И это было очень кстати: климат Старой Майны (вокруг села сплошные болота) не подходил Надежде Кузьминичне — ее измучила лихорадка.

В Кенигсберге их поселили в огромной вилле почти в центре города. Вилла была с мансардой, стояла в саду. И все это — на двоих хозяев. И город, и особняк, и сад, особенно весной, были своеобразно красивы и запоминающиеся. Своеобразной и фантастической была кенигсбергская жизнь в первые послевоенные годы. В городе практически не было коренных жителей. Населяли его военные и вербованные переселенцы с разных концов страны. В развалинах, катакомбах, в пригородных фольварках пряталось много фанатиков—пруссаков, рыцарей плаща и кинжала и просто лихого народа. По городу сновали трофейные опели, американские джипы и шевроле, наши эмки, ветхозаветные кареты и элегантные пароконные ландо. Работали рестораны, «голубые дунай» и кинотеатры с предсеансовыми концертными программами. Легкой и веселой показалась жизнь Павлу Ивановичу.

II. Старая Майна — малая родина

Ирина Павловна Стоцкая родилась в послевоенном Кенигсберге, переименованном в Калининград. Семейная жизнь ее родителей не сложилась: ее отец не смог противостоять разгульному водовороту «красивой жизни», вести которую по первости ему позволяло положение, а затем не смог остановиться.

Чтобы дать возможность дочери и зятю спокойно разобраться в своих отношениях, из Старой Майны приехала Марфа Никифоровна и забрала полуторагодовалую внучку к себе. (А не так — то просто было в 49-м году приехать — уехать! Надо было добиться разрешения, достать билет, запастись продуктами на дорогу: на станциях — один кипяток. Поэтому воздадим решительности и мужеству Ирининой бабушки должное.)

И Старая Майна стала для Ирины малой родиной с ее первых шагов... А бабушка Марфа Никифоровна и дедушка Иван Васильевич заменили ей до школы мать и отца — на долгих детских пять с половиной лет.

Родная мать приезжала всего несколько раз: что поделаешь, Калининград был закрытой зоной, поэтому внучка стала звать бабушку мамой...

Спасаясь от раскулачивания, Иван Васильевич, подхватив жену и детей, бросил все хозяйство в Грачевке и стал искать новое место в жизни. Сначала обосновались они в деревне Кошки, поближе к родному гнезду: соорудили мазанку из глины, позже купили сруб — дом справили. Переехали в Старую Майну — сруб за собой! К срубам сделали пристрой, просторная изба получилась. Когда Куйбышевское рукотворное море, пожрав многие пашни, леса, сенокосы, подступило к Старой Майне, сруб был снова пронумерован, разобран и перетащен на более возвышенное место. Буквы и цифры, написанные разной краской и разным почерком, на стенах дома — одно из первых детских впечатлений Ирины.

Дедушка Иван Васильевич был прирожденный земледелец, прежде на своем наделе у него был налажен идеальный севооборот. Бабушка Марфа Никифоровна оказалась идеальной ученицей. И в Старой Майне развела богатый, красивый, как на картинке, огород. Всяк овощ у нее плодоносил щедро, но особенно удавался подсолнечник: огромные, яркие, мохнатые, золотистые корзинки рядами, вдоль межей и прясел, глядели солнышку в глаза, впитывали в себя его лучистую энергию. Что за семки зрели в этих корзинках! Как хорошо и вкусно было их щелкать! Крупные, черно-белые, часто гармошкой — разжуешь семечки, будто сливки во рту, а помельче, черные щелкаешь — другой вкус, на масляную кашу похож... За семенами аж из Ульяновска приезжали!

Постепенно худенький заморыш, истощенный дистрофией в трудную для них с матерью калининградскую зиму 48–49 гг., превращался на деревенских хлебах в своенравного любопытного ребенка. Бабушка однажды нашлепала ослушницу мокрым полотенцем, а потом сама целый час плакала, Аришке же — хоть бы что! С тех пор и не прикасалась она к внучке — разве что пожурит...

Между собой дед с бабкой разговаривали на эрзя, с внучкой же — дочь строго-настрого наказала! — только по-русски, а по-русски — много ли они знали? Так и общались они больше взглядами, интонацией, жестами, невидимо и неслышимо — душами: оба любили внучку истово. И росла маленькая Ирина—Ариша на воле, без каких-либо запретов.

Пропалывает бабка грядки, дергает сорняки. Ирина рядом — все подряд чешет! Бабка хоть бы слово: «Трудится внученька, помогает!» Вот оно, деревенское воспитание: на примере делай, как я. Держали Маклаковы пчел. Марфу Никифоровну пчелы принимали за свою и никогда не трогали. Она работала с пчелами без сетки и дымокура. Бывали случаи, когда у соседей пчелы роились, улетали — звали обязательно «баушку» Марфу. Марфа Никифорова не отказывалась и в более поздние годы: взбиралась даже на деревья и снимала рой голыми руками. И вот: возится бабушка с ульем — трутней убирает, и внучка тут как тут — помощница... До сих пор в памяти у Ирины Павловны эти пчелиные укусы — ох и поревела она!

Как заквохчет курица — на гнездо запросится, бабушка ее в воду окунет, и у той пропадает желание гнездиться. Подсмотрела это действие глазастая да сообразительная внученька и давай помогать бабке: возьмет цыпленка и в воду... Похлеще коршуна нанесла ущерб куриному племени! Вот тогда, верно, и не сдержалась бабушка, взяла полотенце. Да потом и одумалась: не со зла дитяtko созоровало — по недоразумению. И заплакала: «Зазря внучку обидела... Вот и платье выходное она порезала, да не с краю, из середки самой круг выстригла, лихоманка, но ведь не из вредности — кукле платье шила...»

Над ней в Старой Майне не сюсюкали, не держали возле подола, не водили за ручку: весь пронумерованный дом со всеми пристройками, чердаками, поветями — внутри и снаружи, двор с курятником, погребом, коровником, пышно цветущий огород, улица, поле, лес — все это было ее, принадлежало ей без ограничений, без «нельзя» и прочих табу. И это приучало ее к самостоятельности. А доброе, уважительное отношение взрослых исподволь формировало чувство собственного достоинства, понимание самоценности внутреннего «эго». Малоразговорчивость деда и бабушки приучала ценить слово, заставляла работать мысль, развивала внутренний мир, хотя и могла способствовать развитию замкнутости, когда — с собой интересней, чем с людьми. А все так называемые проступки — были, наверное, просто ошибочными опытами познания мира любознательным ребенком. Ну вот не понравилась однажды ей курица, которую топтал огненно—золотистый

красавец—петух, и она решила подсунуть ему свою любимицу курочку—рябу. А кочет вместо благодарности девочку клюнул, да так, что отметина осталась на всю жизнь (а тогда: кровь, рев, бабушкины ахи...). Или был друг — бычок Бутя... Любимец из любимцев — вместе вырастали. Уже маленькая была, приехала на каникулы, увидела Бутю: огромный, как зубр, не рога — рожища! — вот такие. Побежала навстречу: «Бу-у-тя!» Он тоже к ней — земля дрожит! Головой мотнул, и она узнала ощущение воздушного полета... («... и опыт, сын ошибок трудных» — до ее рождения сказано). Хрюшка любимая позволяла на себе кататься. И как горько было узнать после отлучки, что их — хрюшку и Бутю — сдали на мясокомбинат.

Отец с матерью, между тем, после тяжбы разошлись. За это время тяготы жизни и беды рушились на них обоих. Многому причиной была война, нелегкая послевоенная жизнь. Однако если мать всеми силами пыталась избавиться от своего недуга — туберкулеза, то отец не противился пагубной, как у многих прошедших всю войну, тяги к «зеленому змию» и не смог остановиться ни перед угрозой потери семью, престижной тогда работы и, наконец, здоровья. И его выслали из закрытой Калининградской зоны снова в Старую Майну. Мать, Надежда Кузьминична, так и осталась там работать, но родителей предупредила, чтобы они не допустили общения дочери в бывшем мужем.

Ирина деда и бабушку очень любила, Марфу Никифоровну, как я уже отмечал, звала мамой. С дедом тоже была дружба: работали вместе по хозяйству, песни пели... Но с некоторых пор ее стали доносить невеселые мысли. У всех есть папа и мама. Ее настоящая мама где—то далеко—о... В городе. А папа — есть? Если есть, то — где?..

Сердобольные ли соседки подсказали, дед ли с бабкой нечаянно проговорились, но однажды она узнала, что папа — есть и что он — здесь, в Старой Майне! И этого оказалось для самостоятельной девочки достаточно: она его нашла! И дружила с ним: каталась в инвалидной коляске, сопровождала по пивнушкам... И это несмотря на бабушкины и материнские запреты. И так — до самого отъезда в Калининград. Перед отъездом, как оказалось, виделись они с отцом в последний раз...

Надежда Кузьминична, отправляя дочь в деревню к бабушке, оговаривала сразу: только до школы, в школу Ира пойдет в городе.

Осенью 54-го, управившись с работами по хозяйству, Марфа Никифоровна повезла внучку в Калининград. Хотя времена были чуть посвободнее, дорожных хлопот, пересадок, «компассирований» было предостаточно. Бабушке хлопот полон рот, внучке —

впечатлений! Младенческие воспоминания о городе и дороге — как смутные видения. А новые — вот они! Дома — как целые деревни на голове. Пароход — огромный дом плавучий со сверкающими окнами и подрагивающими, как спина хрюшки, теплыми полами. Машины, трамваи... Народу — как на гульбище в праздник.

В школу, как оказалось, поспешили. Семь лет Ирине только в конце октября. Не приняли, год нужно ждать. Бабушка опечалилась: еще годик можно было бы пожить в деревне... Внучка — ни капельки!

Однажды в Старой Майне, когда ей еще и пяти не было, понадобилось Марфе Никифоровне отлучиться (деда недавно схоронили). «Сиди дома!» — наказала она внучке, но на всякий случай наружную дверь замкнула. Долго ли, коротко ли, внучке надоело сидеть взаперти, она окно открыла — ищи ее свищи! По деревне походила, по выгону, в лес углубилась: интересного везде не счесть. Темнеть уж начало, когда нагулявшись, вернулась домой, где потихоньку начинался переполох.

Нечто подобное произошло и в Калининграде на второй день после их приезда.

Взяв любимую игрушку, вышла Ира погулять в своем саду, возле виллы, в которой они жили, и незаметно, без всякого сомнения и боязни, будто в Старой Майне она пошла знакомиться с Калининградом. Садилась в автобусы, выходила, пересаживалась на трамвай... Ходила по рельсам, пробиралась через какие-то развалины...

Пока она «знакомилась» с городом, в ее новом доме начинался переполох познатнее деревенского: мама не привыкла еще к выкрутасам своевольной дочки. Однако на этот раз их было трое: бабушка, мать — самые близкие Ирине люди, и новый отец Евгений Ильич Крестелев, который в скором времени станет ей тоже близким человеком.

Так начался у Ирины новый этап в ее жизни.

III. У Ирины новый папа

Мать Ирины, как уже говорилось, боролась с последствием военного лихолетья — туберкулезом. В те времена оперативно эту болезнь не лечили, процесс реабилитации был длительным, требовал санаторного лечения. И вот в санатории Надежда Кузьминична встретила собрата по несчастью, бывшего авиатехника, прошедшего всю войну, Крестелева Евгения Ильича. Это был красивый, веселый, мужественный человек, мастер на все руки, разносторон-

не талантливый. Но внешнее обаяние в этом мужчине сочеталось с еще более сильным — душевным. Только такой человек мог покори́ть и приручить своенравного и независимого ребенка, каким в то время была Ирина, доставленная бабушкой из старой Майны. Вскоре они стали друзьями и оставались ими до самых последних его дней. И в детстве, и в юности, и во взрослой жизни она считала и считает его отцом — он ее вырастил, воспитал, дал образование и, самое главное, укрепил ее дух, уверенность в себе, способствовал развитию в ней потенциальных талантов. За что бы он ни брался, в его руках любой инструмент становился послушным, одухотворенным, способным из ничего сотворить нечто прекрасное. Он и Ирину приучил преодолевать страх перед неизвестным, неопробованным, пока неподъемным, перед «А вдруг не получится?» «Если захочешь, все получится!» — частенько повторял он. И все это ненавязчиво, исподволь, занимательно, начиная с малого: что-то сделать своими руками, приручить инструмент — ещё интересней, если он опасный, острый, увидеть результат, испытывая от работы наслаждение. «Верить! Мечтать! Осуществлять!» — такой девиз записан крупно, порывисто в альбоме семнадцатилетней Ирины. Здесь же — силуэт устремленной навстречу ветру девушки и стилизованный алый парусник.

Конечно же, сказалось благотворное влияние названного отца, родному, кровному отцу — это было бы приятно, а уж названному, думаю, вдвойне! Хотя формально он ее не удочерил: ни сразу, в Калининграде, ни позже, в Новороссийске. И с ее матерью не расписывался, не хотел быть обузой. Оформили брак они только незадолго перед его кончиной по совету врача — чтоб миновать последующую бюрократическую волокиту. Изумительный был он человек, да судьба выпала тяжелая.

Во второй раз появившись в Калининграде, Ирина прожила там полтора года: у отца произошло обострение болезни и ему настоятельно посоветовали сменить климат. И родители стали искать, куда бы переехать.

Пока родители вели переписку, Ирина ходила в первый класс. Учеба ей понравилась. Училась на круглые пятерки. Учительница ее хвалила, а она, в свою очередь, была без ума от своей наставницы Валентины Журавлевой, молодой, красивой, с длинной девичьей косой. И еще. В классе она сразу же влюбилась в мальчика Толю и, как оказалось, пользовалась взаимностью! Сейчас черты лица мальчика стерлись, образ его размыло временем, запомнилось только абстрактное «Толя» и детская любовь...

В Калининграде местных жителей почти не осталось, перед отступлением все гражданское население было эвакуировано.

Даже по простой логике — немцы должны были оставить в городе «партизан» на свой манер (как в соседней Прибалтике — лесные братья). Подземные ходы, фортификационные укрепления, замки, фольварки, полуразрушенные, в развалинах — идеальное место для их скрытной жизни. По ночам они убивали людей, находили даже повешенных. Случалось, пропадали дети. Однажды за Ириной гналась, петляя, легковушка, норовя задавить ее, и только дырка в заборе за углом оказалась спасительной: она нырнула туда, а машина, обдав гарью, чиркнула бампером по забору и промчалась дальше. Страшновато было!

И когда родители, списавшись, решили обменять Калининград на Новороссийск, уезжала Ирина из него со смешанным чувством.

Первыми поехала Надежда Кузьминична с дочерью, Евгения Ильича задержали дела. Когда они вышли в Новороссийске из вагона, мать присела на вещи и зарыдала в голос... Новороссийск весь в развалинах. Жара... Пыль... Цемент... Зелени почти не видно... А когда вошли в квартиру — совсем руки опустились: две вот такусенькие комнатухи, проходные... Несолнечные, сумрачные... Кухонка... Поистине получилось, как тогда говорили, «махнем не глядя»: половину шикарной виллы с садом на эти клетушки! Шило на мыло!

Потом приехал отец, и стали квартиру обихаживать... Но тем не менее, летом — еще ничего, а уж зимой... Как задует знаменитая бора! Ветер с норд-оста...А квартира — угловая, продуваемая...

Евгений Ильич болел очень тяжело. Все друзья его с такой же степенью заболевания выдерживали три—четыре года, а он дожил до 54 лет. Только благодаря жене, Надежде Кузьминичне, из рода Пивсаевых. Поистине женский подвиг! Он жил потому, что этого хотела она! Это признавали все. И врачи — в первую очередь.

В доме была строгая—престрогая гигиеническая дисциплина.

Постоянно в комнатах ощущался специфический запах хлорки. У каждого свой угол, все свое — отдельное.

Ирина от отца не отлипала, поэтому — постоянные обследования, постоянная материнская тревога, не заболел ли ребенок!

В семье не принято было обниматься, целоваться от избытка чувств, при встречах, прощаниях.

Надежда Кузьминична работала бухгалтером, Евгений Ильич — тоже. Потом его проводили на пенсию, а она стала главным бухгалтером индустриального техникума. В министерстве среднего образования она считалась классным специалистом: с одной стороны, премии, с другой — командировки, и не только в Москву, в министерство, а по всему Союзу — с ревизорскими и просвети-

тельскими миссиями. Была она всегда нарядна, элегантна, красива. Все думали: достает где-то, из командировок привозит. А она (бабушка-то, Марфа Никифоровна, не зря имела «Зингер», была деревенской модисткой!) из простой материи, часто из кусков, но стачанных в рисунок так, что шва не заметишь, мастерила свои наряды сама или с портнихой. Бухгалтерская зарплата в те времена была такая, что на дорогие покупки не больно-то разбежишься. А ведь тут еще и семья: мужу — хорошее питание надо, самые лучшие лекарства, путевки, поездки в санатории. И надо было жить, не предаваясь греху уныния. И она жила и заставляла жить другого — любимого человека, делала все, чтобы он жил.

А бабушка продолжала жить одна в Старой Майне. Совершенно одна и никуда не собиралась. Лишь когда ей перевалило далеко за семьдесят, согласилась, но со страшной неохотой: «Посадите вы меня в каменный мешок, и я там умру...»

Так как у Евгения Ильича была открытая форма туберкулеза, они встали в очередь на квартиру. К приезду бабушки ему с женой была выделена однокомнатная квартира. В старой стали жить Ирина с бабушкой. Поскольку у бабушки в гражданскую погиб муж (первый), в Отечественную — сын, она тоже встала на очередь и со временем получила отдельную квартиру. Таким образом, каждый обзавелся своим закутком...

Первой школой для Ирины стал двор. Двор — четырнадцать квартир, половина — семьи военных. Садик. Деревья. Скамейки... Детвора: мальчишки, девчонки. Среди пацанов, в основном, выросла. Игры в войну, в казаков—разбойников. Новороссийск восстанавливался медленно. И через десять лет после войны было много развалин, удобных для игр. Царапины, разбитые коленки — обычное дело! Рогатка, луки... Излишки энергии сбрасывали во дворе. Двор — это театр, это стадион. Двор — это состязания, победы, разочарования, драмы. Двор — это особый мир, община, «махалля»... Со своими обычаями, приоритетами, законами чести... дружбы...

И вдруг — музыкалка!

В Новороссийске они жили уже года три. Ирина училась в третьем классе. Человек она самостоятельный и внимательный — иначе бы могла пройти мимо объявления, и жизнь у нее, возможно, сложилась бы иначе. Но случилось то, что должно было случиться, она сказала матери: «Мам, там объявление видела — в музыкалку принимают...» У матери первые мысли: «Музыкальная школа? Платная? С чего ради? Бедность, нехватка кругом! И — музыкалка! Боже ж ты мой!» и... согласилась. Посоветовалась с мужем, он одобрил.

В музыкалку, как и положено, подались всем двором: «Пошли-те?» «Айда!» Однако приняли только Ирину...

И стала ходить Ирина в музыкальную школу для разнообразия, развлечения, интереса... Можно даже сказать, что так же, как все делала с отцом: пилила, строгала, рисовала... По железу, стеклу, дереву, бумаге... Вышивала, лепила, шила... Моделирование... Электричество: пайка, выжигание... Фотография... Все, что могли делать родители, соседи, друзья... Разве что обувь тачать не научилась, как отец — многие годы носила она обувь, сработанную его золотыми руками. Сапоги, туфли, босоножки — только его работы, его колодки. После его кончины долго привыкала к фабричной обуви.

Главное — с интересом, а там: ради баловства или от нечего делать — неважно. Главное — «мечтать, верить, осуществлять!»

А ведь с виду — тихоня! В отличницах не ходила. Руку первой не тянула. В себе — как в ракушке. Но вся — сосредоточенность. Классная руководительница ее все же раскусила. «Ирина не отличница, но из нее выйдет толк! — говорила она ее родителям. — Пожалуй, из единственной в классе».

Увлечений было у Ирины, как видим, много. Попал в круг интересов и театр. Предложила однажды одноклассница Маша Богатырева: «Ира, давай придумаем в классе театр!» Согласилась: «Давай!» Нашли единомышленников, поставили пару пьес. Маша — режиссер, Ира — помощник. Декорации, костюмы — все сами! Постановки шли с успехом на школьных вечерах.

Помимо этих, у Ирины было еще несколько более серьезных увлечений. Возможно от мамы, в прошлом химика и специалиста по фотопленкам, семейного консультанта по фотоделу, может, от нового педагога, прорезался у нее интерес к химии. Потом интерес незаметно сместился к геохимии, а там и до геологии недалеко. Конечно же, и новороссийские окрестности, имевшие своеобразную геологическую наглядность, сыграли свою роль.

Любопытно, что к изучению геологии настырная шестиклассница подступилась методически правильно. Начала она с «Занимательной геологии», с популярных книг Обручева, Яковлева, Ферсмана, а затем стала изучать и специальные, понятные подготовленному читателю, вполне научные книги по структурной геологии, минералогии, геохимии и кристаллографии. И хочу подчеркнуть: не просто читать, а изучать! Не день, не месяц — несколько лет! Конспектировать литературу, ходить в маршруты с геологическим молотком, вести маршрутные записи, проводить химические анализы отобранных образцов. Для хранения образцов Евгений Ильич сделал ей специальный ящик с множеством

ячеек (сделан он был мастерски, как и все, что делал ее отец, ныне в этом ящичке Иринин муж Саша хранит коллекцию значков и монет).

В школе все знали об этом, как бы сейчас сказали, хобби Ирины и поддерживали. «Ну что, музыкант? — говорила классная Марья Ивановна. — Вон, учитель пения — копейки получает. А геолог — это да!»

«Какая геология! При твоём—то здоровье... — возражала мать. — Музыка, только музыка!»

А еще Ирине биология нравилась. И медицина: хирургия, терапия, акушерство — читала все подряд!

Увлечений — и легкомысленных, и серьезных — было много: когда только на все хватало времени. Были товарищи, подружки, а вот задушевная подруга — Женечка! — была и осталась единственной на всю жизнь.

И — музыка...

Хотя Ирина училась музыке просто так и, как ей казалось, спуская рукава, но она ей нравилась! И пускай в городе не было настоящего театра оперы и балета, ей нравилась опера...

В то время в Новороссийске театр располагался в неказистом деревянном здании. Но, как говорится, красна изба углами, а пирогами: на гастроли приезжали известные исполнители и музыкальные коллективы. В этом театре слушала Ирина Зиновия Бабия из минской оперы. Слушала оркестр, которым дирижировала Татьяна Коломийцева... Минская, донецкая, киевская оперы... Симфонические, камерные оркестры... ничего не пропускала! Для театра сшила ей мама красивое платье... Но ходила в оперу одна: близкие и школьные друзья оперу не принимали, а потому и не понимали. На концерты скрипачей, пианистов иногда сопровождал ее папа.

Дома у нее был патефон и набор пластинок: подкручивая пружину, меняя патефонные иголки, слушала она и специально, и между делом. И почти все знала наизусть. Чайковский, Моцарт, Прокофьев... — эти и многие другие известные фамилии музыкальных корифеев ей знакомы со школьного детства. В упомянутом альбоме есть перечень любимых литературных и музыкальных произведений (она — десятиклассница), среди них — «Шестая симфония» и опера «Евгений Онегин» Чайковского, «Реквием» Моцарта, «Вальс Наташи» из оперы «Война и мир» Прокофьева...

Многих исполнителей открывала для себя, но, восторгаясь, оценивала их аналитически: это — тому удастся, то — другому... Так у нее исподволь вырабатывались свои критерии. «Что такое

Ирина Павловна Стоцкая на репетиции

хорошо и что такое плохо» — она определяла сама, а не с чьей-нибудь, даже авторитетной, подачи.

Певческого голоса у Ирины не было, а петь хотелось! В роду, говорили, у прабабушки, Дороговой Анны Семеновны, был чудный голос. И у дяди Саши, что погиб на фронте, тоже. А у нее, как говорят профессионалы, — «рабочий» голос. Зато слух, говорили, есть.

И вот — 11-й класс общеобразовательной школы. А музыкалка уже окончена! Хотя не особенно упивалась учебой, экзамены, тем не менее, сдала на одни пятерки!

И встал вопрос: кем быть? Чем заниматься?

И собрался семейный совет.. Как когда—то, когда решалась судьба вдовствовавшей бабушки: выдавать ее замуж за вдовца Маклакова Ивана Васильевича или нет. Только тогда на совет собрался род: человек двадцать пять, а на этот раз — трое...

«У тебя плохое здоровье, — сказали родители (она в самом деле часто прибалывала, вечно липли какие-то «болячки»), — попадешь в какой-нибудь медвежий угол... Без врачебной помощи пропадешь. Музыка — это то, что тебе нужно». И постановили: Ирине продолжить музыкальное образование.

IV. Хождение за три моря

Ближайшее музыкальное училище находилось в Краснодаре. Но у Ирины и ее родителей не было уверенности, что туда удастся поступить: ни выдающихся способностей, ни протекции, ни возможности снимать квартиру, ибо училище не располагало общежитием. Был у Надежды Кузьминичны и еще один резон: хотелось, чтобы дочь училась подальше и меньше общалась с отцом, которому становилось все хуже.

Как и в случае обмена квартиры, мать положила на почту — разослала письма во все музыкальные училища Союза, указанные в справочнике для поступающих, с просьбой сообщить, будет ли место в общежитии при поступлении. Ответило лишь одно — Мурманское... Судьба Ирины была решена: едем в Мурманск!

Как и десять лет назад — от Балтийского моря к Черному — поехали дочка с матерью, только на этот раз от Черного — мимо Белого — к Баренцеву морю, к Ледовитому океану...

Дочка — человек самостоятельный, бедовый — не испугалась, сдала экзамены и стала учиться в самом северном — почти у «семидесятой широты» — училище музыки. А мать вернулась к Черному морю. Соседи, было такое, осудили ее: «Мачехи так поступают, не родные матери!» — они-то не знали всех нюансов их жизни, а и знали, так — чужую беду руками разведу!..

Мурманск! Он покорила Ирину своим своеобразием, своей зеркальностью относительно Новороссийска.

Снова сияние в небе мечется.

И снова тебе я его дарю.

Но как отправить сегодняшний вечер

Тебе, на твой тридесятый юг?..

(О.Зубарев)

Ночью белой мне всегда не спится.

В небе светят солнце и луна,
За окном моим синее птица,
За окном белеет тишина...

(Т.Андреевская)

Я в Мурманске, я в Мурманске живу
Глазастым удивленным новоселом,
Как будто прямо в Арктику плыву
На Кольском полуострове веселом...
... И не в картинной, а в оконной раме
Здесь море в каждом доме на стене...
Как дышится над северной водой!

(О.Дмитриев)

Это отрывки их стихотворений, записанных ею в альбом в мурманский период.

Сейчас Ирина Павловна Стоцкая — зрелая, уверенная в себе женщина, внешне мягкая, женственная, с округло-решительными жестами хормейстера, негромкой, плавной, напевной речью с фаготным тембром голоса в конце фразы, но вместе с тем за всей мягкостью, сострадательностью светлых, прозрачных глаз чувствуется сильная воля, обязательность и ответственность человека, создающего свою судьбу и влияющего на судьбы вверившихся ему людей. И даже не зная ее сегодняшнюю, только анализируя альбомы школьных и студенческих лет, можно представить ее именно такой! Познакомившись с ними раньше, я бы мог сказать вместе с ее классной руководительницей, что из такой девочки — будет толк!

Многие девочки на пороге юности заводят подобные альбомы, в которых записывают тексты полюбившихся песен, стихи, афоризмы, мудрые мысли великих людей, иллюстрируют их открытками, вензелями, переводными картинками и т.п. — кто во что горазд. Начинают многие, но заполняют их, причем в одной тональности, в раз и навсегда избранном стиле, в одной манере, с неизменной аккуратностью, систематически — редкие, и среди них школьница, потом студентка Мурманского музучилища Ирина Стоцкая! С двумя из них Ирина Павловна позволила мне ознакомиться и, думаю, позволит поделиться с читателями мыслями, которые они навеяли, и выводами, которые я сделал, анализируя записи.

Итак, две общие тетради в клеточку, первая — за 1964—65 г.г. и начало 1966 г.; вторая — за 1966—69 г.г. На обложке первой тетра-

ди общий девиз: «Дорогу осилит идущий», записи 64—го года предваряет строка Константина Ваншенкина «Я люблю тебя, жизнь». Затем следуют семь его стихотворений с соответствующими иллюстрациями цветными карандашами прямо по тексту, написанному фиолетовыми чернилами. «Закат»: красно-оранжевое, в короне, солнце, погружающееся в лиловое море. «Ночная гроза» — зигзаги молний среди синевы. «Снег» — летящие снежинки. «Грустная песенка» — белая хатка, цветущий садик, в небе полумесяц и звезды, в горенке светятся окна. По стихотворению «Окна» — среди звездочек, словно брошенные карты, летят окна — темные и призывно светящиеся... И только стихи «Первая любовь» и «Новая дорога» изобразительно не прокомментированы. И если говорить о рисунках, то с ними происходит вот что: меняется их стиль; реализм, дословное понимание стихотворения, цитаты, афоризма уступает место символизму — образному пониманию темы полюбившегося стихотворения, высказывания, своя личностная его трактовка. Взять хотя бы упоминавшееся стихотворение «Окна».

Сопровождают окна нас повсюду.

Они, как звезды, незаметны днем.

Но вечером они, подобно чуду,
внезапно озаряются огнем...

... И грустно мне, что зыбким полукругом
лежат во тьме пустынные дворы,
что поздний час, что гаснут друг за другом
торжественные звездные миры.

Какое окно будет нашим? Когда загорится и где? Кто за ним ждет нас и как долго будет ждать? Или, подождав малость, выключит свет? Сплошное гадание на картах, затяжной нескладный пасьянс... Последняя реалистическая иллюстрация под высказыванием Бетховена: «Музыка должна высекать огонь из мужественной души» — рояль с нотами на пюпитре и букетом цветов... А далее — силуэты чаек, парусников, ласточек, журавлей... мятущиеся под ветром ветви, летящие листья... профили и силуэты юношей и девушек... руки, поддерживающие солнце и незабудку... дорожный знак «Осторожно! Крутой поворот!»... стилизованные колокольчики, фиалки, ландыши... И часто, очень часто — солнце, такое, каким его изображали на старинных картах: с кудрявыми протуберанцами.

Следом за Ваншенкиным — Байрон... «Стансы Августе»:

... когда любовь бросает нас
и мы затравлены враждою, —
лишь ты была в тот страшный час
моей немеркнувшей звездой...

Далее — пятнадцать изречений известных поэтов, писателей, философов, ученых. Превалирует в них тема любви. Лейбниц: «Любить — это находить в счастье другого собственное счастье». Лопе де Вега: «Сильней любви в природе нет начала». Куприн, Олеся: «Разлука для любви то же, что и ветер: маленькую любовь она тушит, а большую раздувает еще сильней». Но и не только о любви. Монтень: «Красота ума вызывает удивление, красота души — уважение». В.Гюго: «Никакая внешняя красота не может быть полной, если она не оживлена красотой внутренней». М.Горький: «Нужно любить то, что делаешь, и тогда труд — даже самый грубый — возвышается до творчества». Чехов: «Дела определяются их целями; то дело называется великим, у которого великая цель». И конечно же знаменитое чеховское: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли» — среди первого цикла жизненных приоритетов Ирины-десятиклассницы.

Следом за Байроном — стихи Лермонтова «Силуэт», «Молитва»:

Не обвиняй меня, всемогущий,
и не карай меня, молю...

Школьный цикл заканчивается и начинается студенческий, мурманский.

Мурманск. 64—й г.

«Небо — чистое-чистое, земля большая-большая, жизнь — бесконечная...

(Подчеркнуто волнистой чертой.)

По широкой земле, чьи раны едва поросли травами, идет человек. Ты, я или он — каждый из нас. На небе ни облачка, но гроза может объявиться внезапно.

Быть или не быть — вот в чем вопрос. Быть или не быть всей земле, всему человечеству, каждому из нас. И что такое — быть?..»

И чтобы узнать — «что такое — быть?» — Ирина читает, читает, читает... Не только учебники, литературу, связанную со своими «хобби»: геологией, биологией, медициной, музыкой и другими увлечениями, она читает художественную литературу, поэзию. Не просто читает — читает раздумчиво, примеряя прочитанное к себе, к своему внутреннему миру, а что понравилось — переписывает в свои альбомы в клеточку, которые постоянно с ней! Об этом сви-

детельствуют аккуратные пометочки типа «Новороссийск. 64 г.», «Мурманск. 64 г.», «Старая Майна», «Днепропетровск», «Куйбышев», снова Новороссийск, Мурманск... — только года меняются. Меняются чернила, но почерк все тот же — чуть угловатый, но ровный, разборчивый...

За пять лет Ирина составила для себя настоящую поэтическую антологию, целый сборник мудрых мыслей и афоризмов. Я насчитал свыше пятисот выписок из сочинений и более двухсот фамилий известных и неизвестных мне авторов, которых она цитирует. Пусть даже сочинения не всех она читала (но наверняка вынуждена была читать романы и стихи тех, кого она не сочла нужным цитировать!), все равно ее альбомы меня поразили. Я, например, раза два пытался завести картотеку прочитанных книг, но меня хватало от силы на учебную четверть или семестр, поэтому я могу восхититься устремленностью хозяйки альбома, особенно узнав о ее других увлечениях и непростых условиях, в которых она всем этим занималась.

Некоторые авторы представлены в альбоме несколькими строчками, другие — циклами стихотворений (до десятка) или пространными цитатами (В.Шевелев «Те, кого мы любим, живут» — 9 страниц). Но рекорд принадлежит Р.Рождественскому — помимо нескольких стихотворений, он представлен поэмой «Письмо в тридцатый век»: 41 страница!.. И, что интересно, завсегдаятай подобных альбомов Ларошфуко, которого обычно обильно цитируют, представлен здесь всего тремя изречениями...

Помимо первого девиза «Дорогу осилит идущий», еще несколько: «Верить! Мечтать! Осуществлять!», «Вперед!», «Я верю в любовь!» — крупно, красным, во всю страницу... И вообще о любви — много записано прекрасных стихотворений и чистых мыслей.

Между страниц три засушенных цветка: сиреневый ирис, ромашка и фиалка... За тридцать с лишним лет запах порастерялся, цвет лепестков ностальгически поблек...

Но вернемся в те времена, когда эти цветы благоухали и радовали взор своей — кто нежной, кто грустной, кто веселой свежестью.

До Мурманска Ирина, когда речь шла о ее музыкальных способностях и образованности, относилась к себе несколько уничижительно. Однако когда начались занятия, она поняла, что ее хорошо в Новороссийске подготовили. Она решила: «С меня достаточно! Мне и этого хватит». И на третьем курсе практически перестала посещать занятия: «Неинтересно!» Она набрала себе учеников, стала подрабатывать уроками, а в училище ходила только на основной предмет, который вел уважаемый ею педагог. По

идее, за пропуски занятий ее должны были с треском выгнать из училища, да и любимый учитель не должен был пускать к себе в класс, но он закрывал глаза на ее выкрутасы. «Всю жизнь везло нам на хороших людей!» — говорит Ирина Павловна. И в Мурманске нашлись хорошие люди. Вызвали ее на педсовет, хорошенько пожурили и сказали: «Будешь сдавать переходные экзамены за третий курс!» В сложной психотронной системе «эго» какое-то реле после легкой встряски встало в свое рабочее положение, и Ирина стала заниматься в оставшееся до экзаменов время с привычным для нее старанием и нагрузкой. И прилично сдала не только предмет обожаемого педагога, но и все остальные. И самое главное, вновь почувствовала вкус к учебе! Процесс обучения вновь стал интересным. Кто его знает, может, для этого и нужно было позаниматься с детьми самой, испытать встряску...

И что еще, по-видимому, сыграло свою роль. Почти все педагоги — молодые, задорные, с консерваторским образованием, все были играющими: заваливали студентов своими номерами на вечерах, на концертах (вот уж это Ирина никогда не пропускала!). Короче, могли заводить молодежь.

Немаловажным было и то, что в Мурманск часто приезжали знаменитости (Питер, считай, рядом!). И эта живая, осязаемая музыка давала Ирине едва ли не больше, чем учеба, сидение в классах. «Мои университеты — в залах!» — считает до сих пор.

Что еще интересное было в училище — побудило ее всерьез заняться музыкой, настроило в дальнейшем на поиски «своего» пути?

Училась она на хоровом отделении. А они, надо признать, везде скучноватые: ходишь на занятия и ладно. А там...

А там была студия. Когда хор, оркестр, кордебалет, солисты — все вместе, как на оперной сцене. В костюмах, в гриме... Постоянно в училище приезжали на практику из того же Питера дипломники—режиссеры со своими новациями, смелыми замыслами, нетрадиционными подходами. И занимались со студентами одержимо, захватывающе. Это была потрясающая школа! Одно дело статичные занятия в классе, и другое — в игре, на сцене! Здорово было: переиграли во многих концертах. А ведь нелегко было: занимались репетициями на сцене драмтеатра после спектаклей. Пока ее подготовят — уже двенадцать ночи. Потом репетиция. Домой — часа три уже. И вот в общежитие через весь город пешочком. А полдевятого — на занятия...

В Мурманске — либо темь, либо день круглые сутки. Портовый город. Со своеобразным запахом. Особенно летом, когда солнце не заходит. Новороссийск тоже порт, но там пахнет не так.

Вероятно, дело в солнце: избыток света заставляет воздух пахнуть по-особому. И в круглосуточной темноте зимой, перебиваемой сполохами северного сияния, что-то тоже есть... Мурманск — город поэтов!

«Город поэтов» — не совсем точно, а вот почитателей поэзии — точнее. Не зря в альбоме Ирины за эти три года так много стихов! Хотя читать она любила все время: милое дело, придя из школы, включить газовую горелку (в доме вечно холодрыга!) и залечь на диван с книгой... Ни телевизоров, ни магнитофонов не было — только книга и развлечение, и поучение.

Зато в училище звали «энциклопедией»: что ни спросишь, все знала (конечно, в пределах интересов ровесников).

Можно позавидовать ей: с радостью она ездила на каникулы, с охотой возвращалась к учебе.

Но всему приходит конец: сданы выпускные экзамены, в руках направление — впереди новая самостоятельная жизнь.

V. «Я — берусь!», или Новороссийское каприччио

После окончания Мурманского музыкального училища распределили Ирину Павловну в город Кировск, бывший Хибиногорск. Она, само собой разумеется, поехала. И тут письмо от мамы, пишет: с папой плохо да и с квартирой надо определяться (со старой, которая — «мах не глядя», поскольку папе выделили однокомнатную, а квартира и в те времена была квартирой — делом серьезным). Просит Ирина Павловна: «Отпустите, пожалуйста, очень нужно! Как улажу все дела — вернусь. Обязательно!»

Во втором альбоме под пометкой «Кировск—68» только три стихотворения. А.Зако—Чаюпи (Албания):

Капли падают дождями,
Хлопья сыплются снегами,
Дуют ветры над горами...

...Ничего, что ветер злится,
Бьет в окно дождем и градом, —
Человеку сладко спится,
Если милая с ним рядом.

Артур Моро:

Я верю в любовь,
Как верят первой листве

И бесхитростным птицам;
Любовь с добрым солнцем в родстве,
С солнцем,
Которое дарит улыбку и свет
Человеческим лицам...

.....
Я верю в любовь!

Над стихотворением Моро рисунок простым карандашом. Окно. Двустворчатое. Створки раскрыты. Слева — за окном кудрявое солнце, силуэт кувшина и цветка в нем, справа — тучи на тонких дождевых ножках, а в них — зигзаг молнии. На подоконнике рядом с кувшином раскрытая тетрадь (или книга?) и орудия труда: карандаш, дирижерская палочка, штихель...

«Отпустите, я обязательно вернусь!»

«Не положено. Необходимо три года отработать. Или хотя бы одиннадцать месяцев — до отпуска...»

А мама пишет: «Папе плохо... И с квартирой надо разобраться...»

Оставила трудовую книжку и поехала: «Вернусь — объяснюсь». И поездом — от Баренцева моря к Черному — через всю страну...

«Все гляжу, все гляжу я в окошко вагонное, наглядеться никак не могу».

Под пометкой «Новороссийск» выдержки из книги В. Шевелева «Те кого мы любим, — живут».

«... Я люблю красоту мироздания во всей ее чистой наготе. Она звучит во мне волшебной симфонией, и я счастлив: я богат, не эгоист и не завистник, я — человек! Музыка — это язык природы, это язык неба, весны, осени, грозы; это язык человека и в то же время это не язык человека, не язык весны, осени, неба — это нечто выше, прекраснее, сильнее — всеобъемлюще! Это — особый язык. На нем общаются со мною все, что живет вокруг меня, передает моей душе, моему сердцу свои сокровенные тайны...»

«... Люди, сколько в вас добра и сколько желчи! О если б я мог убить в вас зло — я бы счел счастьем прожитую жизнь. Я много передумал и выстрадал; сегодня один час жизни равен десяти в другие времена, месяц — году, год — столетию; никогда еще не развивались события так стремительно: судьбы людей, всей планеты нередко в мгновение ока решает пустая случайность...»

«... Как часто мы сами себе причиняем боль!...»

«... Родина! Колыбель моя. Не твое ли сердце бьется во мне? Не из твоей ли плоти и крови соткан весь я? Дела и помыслы твои — во мне, твоей любовью полнится моя грудь, весь без остатка я от-

дан твоим печалям и радостям. Еще на заре, когда природа только-только открывала мне таинства живущего мира, с первым словом — мама — я уже усваивал твое имя, Родина...»

Приехала Ирина в Новороссийск — проблема на проблеме! И с отцом, и с квартирой, и с бабушкой...

Первым делом — поехала за бабушкой в Старую Майну, на свою малую родину.. Не та уж Старая Майна, что была во времена ее босоногого привольного детства — подтопило лужки, лесочки, приболотья ширящееся Куйбышевское рукотворное море, ушли под застойную воду улицы, тропки, по которым носилась когда-то деревенская детвора; вот место, где стоял их дом, оказалось незатопленным: зря, может, и переносили (заставили!). Но все равно — грустное ощущение, будто не знакомые окрестности залило, а — детство смыло... А бабушке, видимо, одиночество, как нож острый, истерзало душу, и решились они раз и навсегда покончить со Старой Майной — продали дом с потускневшими цифрами и разноцветными буквами на венцах и весь ненужный теперь в городе деревенский скарб. И, как позже выяснилось, сделали большую дурость: Надежда Кузьминична не раз потом их заедала, да — близко локоток, а не укусишь...

Поселились они с бабушкой в старой квартире, а мать с отцом — в выделенной отцу однокомнатной «хрущобе».

После всего этого перед Ириной встал вопрос, возвращаться в Кировск или, как постановил семейный совет, остаться в Новороссийске. Нелегко далось ей решение, но оно было принято: согласиться с семейным вердиктом... и искать работу.

За год до этого в Новороссийске открылось музыкальное училище. Ирина Павловна устроилась в училище и, кроме того, — в Дом культуры Новороссийского морского пароходства (ДК НМП в дальнейшем). Музучилище располагалось за бухтой, далеко от ДК НМП. Год помоталась она между двумя очагами музыкальной культуры, наконец решила остаться в ДК НМП. И пятнадцать лет поддерживала она в нем творческий огонь с присущей ей самоотдачей.

Музыкальная студия в ДК — это та же музыкальная школа, разница только в плате за обучение. То есть Ирина Павловна стала заниматься педагогической деятельностью. У нее в памяти еще свежи были свои ощущения от учебы: не нравилось, если она велась традиционно, накатанно, шаблонно, одним словом, скучно. Против этого была вся ее увлекающаяся натура. И она стала придумывать что-то новенькое, чтобы вызвать у учеников интерес к музыке и к самому рутинному, трудному, нудному зубрежному процессу обучения, особенно на первых порах. Основой всех придум-

мок стал ее собственный опыт, приобретенный в классах и на сцене, во время репетиций и выступлений. Молодой задор и новаторство мурманских педагогов инициировали в душе недавней выпускницы ответный творческий огонь и стремление поделиться им со своими учениками, коллегами.

Когда студия осталась без руководителя, руководство ДК НМП обратилось к коллективу педагогов с вопросом: «Кто сможет студией руководить?» Все напряженно молчали. И тогда в тишине — нахально или смело? — прозвучал голос Ирины Павловны: «Я берусь!» И она взялась...

Почти одновременно с этим руководителем ДК НМП (преобразованного впоследствии в Морской культурный центр — МКЦ) стал Витольд Витольдович Яцкевич. По натуре своей это был прирожденный образованный хозяин. При нем творческие работники получили полную внутреннюю свободу — свободу самовыражения. А о чем еще мечтать деятелю культуры? Поддержка была во всем: нужны костюмы? Пожалуйста! Декорации? Извольте! Учебные пособия? Инструменты? Пригласить кого-то? Ради Бога! Каким образом, за счет чего он делал — это его проблемы, его тайны, его «ноухау»... Важно, что все задумки, идеи Ирины Павловны, да и не только ее, стали воплощаться в жизнь. А когда человек видит, что его замыслы реализуются, он начинает работать еще активнее.

Творческий человек, словно ребенок, любит, чтобы его любили, замечали, чествовали...

Витольд Витольдович всех замечал, любил, чествовал.

И работники ДК НМП выдавали «на гора»: лауреатские дипломы, звания, славу и, самое лавное, способных, образованных, внутренне раскрепощенных выпускников...

Вопреки всем канонам, шаблонам, что школа искусств — это обязательно государственное, дотационное учебное заведение, они умудрились открыть в недрах Новороссийского пароходства, точнее, в ДК НМП, самокупающуюся негосударственную школу искусств (внесите поправку на время — это было в самом начале семидесятых! — и вы поймете неординарность события).

Когда открыли, что началось!..

Но — все было сделано на ять!

Стоило, конечно, это немалых усилий. Заранее все было продумано «от» и «до»: программы, методички, педагоги... бухгалтерская и учебная документация... классы, инструменты, учебные пособия...

Начались проверки: «Конкурировать с государственными, минобразовскими учебными заведениями? Открылись внутренним — пароходским — решением? Ща мы это дело тормознем!»

Но и в комиссиях были здравомыслящие люди тоже. Думали — халтура. Смотрят: придраться не к чему! С документами — все в ажуре. Педагоги — с образованием. Оснащенность — на высоте...

Закончилось тем, что те же члены комиссии, в большинстве работники музыкальных школ, училища, стали приводить своих детей в школу, особенно на подготовительное отделение. В последние годы на этом отделении обучалось 400 детей! А привлекательным было то, что занятия велись по оригинальным АВТОРСКИМ программам (что ныне как бы само собой разумеется).

Авторские программы шли «поперек» государственных, минобразовских, потому что заниматься по старым программам скучно.

Но далось все Ирине Павловне не сразу: к школе искусств путь был достаточно продолжителен и труден. Зато школа существует и поныне, через два года отметит свое двадцатилетие.

И еще одна новинка разработана и внедрена Ириной Павловной в своей гавани культуры, в своей музыкальной епархии: создана детская филармония.

Детская филармония — это такое концертное заведение, где могли реализовываться программы, представляющие самых талантливых детей города, с одной стороны, и дававшие возможность детям слушать выступления местных и приезжих исполнителей — с другой. И это было, пожалуй, главное. Ирина Павловна прекрасно помнила, как много ей дали концертные залы во времена ее детства и юности. И она, конечно же, с помощью директора ДК НМП Витольда Витольдовича Яцкевича, содействовала встречам: каких только знаменитостей — вплоть до зарубежных — не выступало в рамках филармонических программ! И дети, само собой, тоже участвовали в этих программах.

Молодые педагоги, находясь в такой творческой среде, не только совершенствовались, стали вдруг открывать в себе новые, неведомые самим себе до этого, качества, способности, таланты: кто-то осваивал новые инструменты, специальности, кто-то сочинял композиции, разрабатывал авторские учебные программы, поступал в консерватории. То есть в коллективе появилась возможность для реализации любых творческих потенциалов! Ныне возвращаются в ДК НМП, вернее, в МКЦ, педагогами те дети, которые окончили школу искусств при Ирине Павловне.

Помимо филармонии был создан детский музыкальный театр. При его создании, конечно же, были использованы студенческие наработки, созданные или полученные в далеком Мурманске, в музыкальном училище, о котором Ирина Павловна до сих пор хранит самые теплые воспоминания.

В школе искусств было три отделения: художественное (изо), хореографическое и музыкальное. Когда все — художники, хор, кордебалет — участвуют в постановке сказки, и теория, и утомительные репетиции не кажутся сухими и нудными, все интересно, когда — как у взрослых!

А у подготовишек — еще интереснее! Здесь вообще нет деления по специальностям: и музыка, и танцы, и рисование, и лепка — все вместе, и если есть в ребенке какая-то искра Божия, — обязательно разгорится, даже самая маленькая. А это — великое дело: не дать потухнуть в человеке талантам, завещанным ему генами предков, развить их и укоренить.

И еще одна гордость ДК НМП и Ирины Павловны: взрослый камерный хор... Этот коллектив хоть и считается любительским, но в нем профессионалы — люди, музыкально образованные и одаренные, и — истовые любители пения, классической и духовной музыки. Хор становился неоднократно лауреатом всесоюзных фестивалей, смотров, конкурсов. И в 1984 году ему было присвоено звание Народного, это — самое высокое звание для любительского коллектива. Ныне рамки ДК НМП (МКЦ) ему оказались тесны, камерный хор стал городским.

... ДК НМП располагался в неказистом, без украшений и колонн, здании. И как не вспомнить Николая Заболоцкого:

... что есть красота
и почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

Видимо, все же огонь...

До 1985 года Ирина Павловна поддерживала творческий огонь в «сосуде», именовавшемся ДК НМП, пока не уехала на север, в Мегион.

После отъезда ее обязанности исполняли три человека, и то жаловались: не успевают, вечно в запарке...

На палитре — сияние Севера

I

Когда впервые я на самолете
летел зимой над Западной Сибирью,
меня не покидало ощущение,
что я лечу над начатой картиной...
... Натянут на подрамник горизонта
огромный холст. Неведомый художник
углем едва прошелся по грунтовке,
потом в раздумье, зоркий глаз прищуря,
куда-то в космос отступил назад,
чтоб издали взглянуть, что получилось...
Как будто бы бесчисленные луки
поверженной кучумовской орды,
сгибались реки, речки и речушки,
потом упруго спины выпрямляли —
как если б обрывали тетиву,
истлевшую в болотных живунах...
Кедровые взлохмаченные гривы
причудливо по берегам метались —
в изгибах грив живое напряжение,
как будто это в самом деле гривы
в снегу увязших диких кобылиц!..
И, словно шкуры мамонтов, медведей, —
разбросанные древним человеком,
который чум себе собрался строить, —
пласты тайги...
Художник был талантлив без сомненья,
да только, видно, в силах усомнился
иль оступился в «черную дыру»...
И вот плыла под нашим самолетом
весь день Сибирь наброском черно—белым,
повыцветшим от времени слегка...

Эти строки написал я в далеком 1962 году под впечатлением полетов над заснеженной Югорией на самолетах ЯК-12, АН-2, ЛИ-2, ИЛ-14... Конечно же, Сибирь и зимой не черно-белая — это, скорее, метафора. Позднее о зимнем дне я скажу иначе:

После мрака слепых непогод,
затяжных, ураганных и вьюжных,
совершается солнца восход
в облаках серебристо-жемчужных.
Серебристо-сиреневый день
занимается над Мегионом.
По снегам переливчатым — звень
в переключку с серебряным звоном.
Мир вокруг и прекрасен, и нов:
воробей соловьино затренькал!
Сколько всюду жемчужных тонов!
Перламутровых сколько оттенков!
Бахрома, канитель, кружева...
Блеск и трепет хрустальных подвесок...
... И моя в серебре! — голова.
И лишь голос — простуженно резок.

Ну а уж про весеннюю, летнюю и особенно осеннюю Сибирь и
говорить не приходится — красота!

... там ржаво-бурые болота,
как марсианские пустыни.

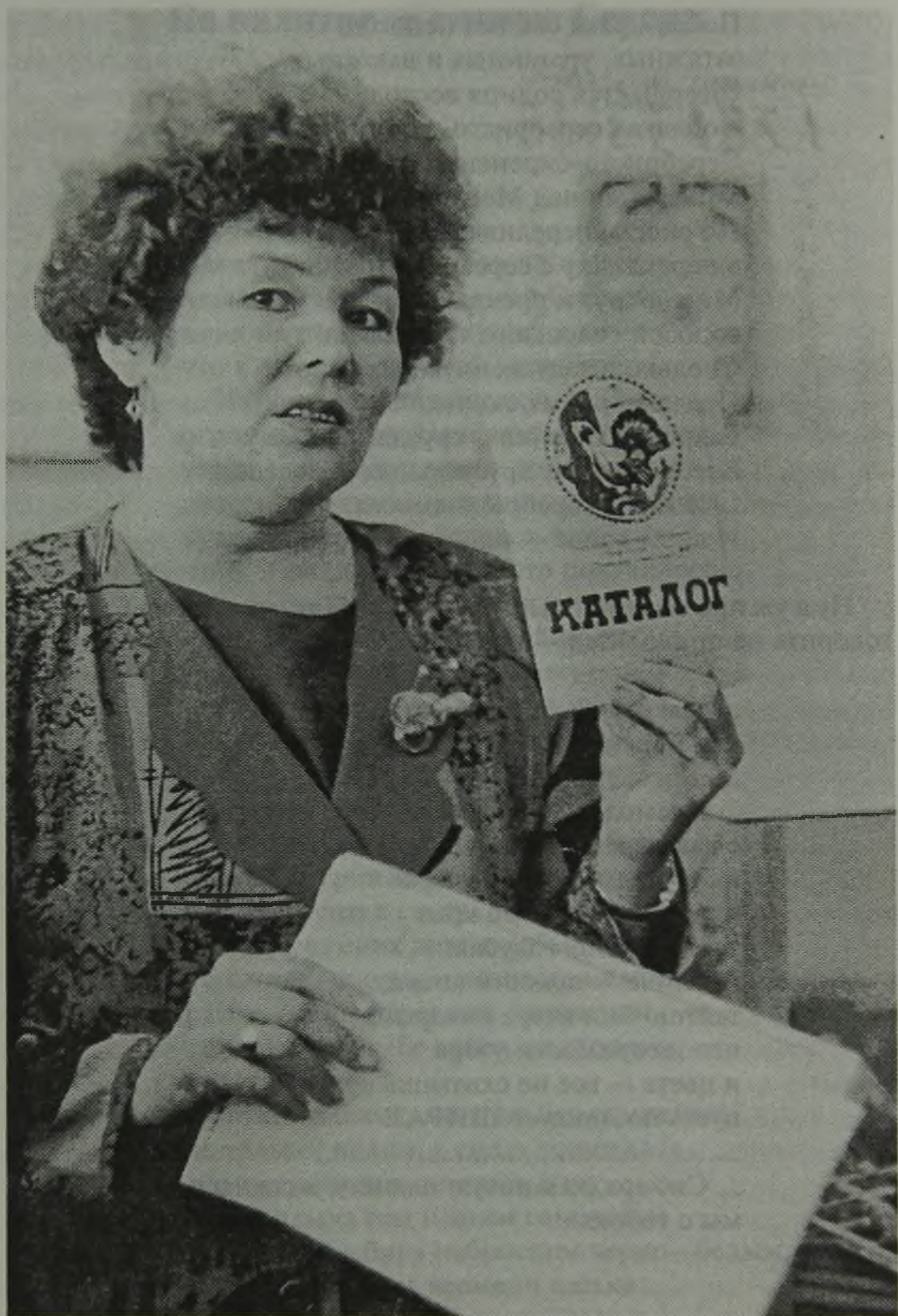
.....

... и самолеты в небесах
с далеким гулом пролетая,
на миг замрут: еще вчера
плыла от края и до края
тайга зелено-голубая.
А нынче — яркости ковра,
тайгою был вчера который,
неповторимости узора
и цвета — все не схватишь враз —
пусть позавидует ШИРАЗ!

.....

... Сибирь, как новую планету, должны освоить
мы с тобою...

Пусть оттенки я научился различать позже, когда серебро го-
лоса переплавилось в серебро седины, но та юношеская, черно-
белая категоричность только усиливала неповторимое ощущение
сибирского космизма: сибирской природы и происходящих пре-
образований.

Альфия Мухаметова

К сожалению горькому, те, от кого зависело планирование и осуществление этих преобразований, не прониклись ответственностью перед потомками, и последствия этого также имеют ха-

рактер поистине планетарного катаклизма. Впрочем, это тема отдельного разговора.

Потрясающ вид сибирской, северной земли сверху, из поднебесья, но и не менее впечатляюще зрелище небес — снизу, из-под руки, — и когда там синь, «сосущая глаза», и когда «созвездий белый клевер», но особенно завораживает оно, когда струится слышимая — или слышимая подсознанием, душой — цвето—музыка, называемая полярным сиянием... В Сургуте, в Салехарде, в Ныде, в Старом Надыме — где бы ни наблюдал это загадочное явление, меня охватывало чувство приобщенности к Космосу, к Вселенной... Был праздник глазу и душе.

Недавно я побывал на выставке работ члена Союза художников России мегиионки Альфии Мухаметовой — и как бы приподнялся над повседневностью будней, взглянул на жизнь издали, сверху, если не из Космоса, или как бы вновь увидел полярное сияние...

II

Альфия Мухаметова — коренная сибирячка, ее предки, сибирские татары, испокон веков жили в Притоболье. На лесистых, приболоченных равнинах с хорошим травостоем занимались они скотоводством, земледелием, лесным и рыболовным промыслами. Жили оседло, многодетно, в сносном достатке. И только социально-политические и военные бури нарушали сложившийся уклад.

Родные по отцу жили в селе Чечкино, а по матери — в двенадцати километрах (по сибирским понятиям рядом!), в деревне Тарханы Ярковского района Тюменской области. Селения располагались в тех краях либо вдоль Тобольского тракта, либо по берегам рек. Они — у Тобола.

Деда по отцу Альфия не видела: погиб на фронте Шамшутдин-бабай. Пятеро старших сыновей Шамшутдина Курмашева вместе с ним были на фронте, а вернулись с войны только двое... Отец и трое сыновей сложили головы в боях за Родину.

Нелегко было и бабушке в тылу. Фахриттин, отец Альфии, в семье был восьмым ребенком. Подростком и юношей досталось хлебнуть ему в военное лихолетье сполна невзгод и тягот. «Все — для фронта!» — был тогда такой суровый лозунг, и он неукоснительно исполнялся. Однажды его матери стало невмоготу, и Фахриттин едва не оказался в детском приюте.

И дед Шамшутдин, и отец Фахриттин были по-своему талантливыми людьми. Дед, например, делал не только немудрящие на

первый взгляд свирели, домры, но и веселые звонкоголосые гармоника, и сам же мог сыграть на них и с протяжной задушевностью, и с лукавой задоринкой...

Отец Альфии, Фахриттин, если и не делал музыкальные инструменты, то уж сыграть тоже мог. Альфии помнится, как он, под настроение, полулежа на диване, любил петь вполголоса, подыгрывая себе на аккордеоне или импровизировал без слов...

И оба, отец и дед, несмотря на начальное образование, писали грамотно и красиво. Деду в свое время приходилось нести в селе писарскую повинность. И ко всему отец все время рисовал. Самого себя, деревню, знакомых... А места там красивые! Теплые, благоприятные по ауре. В Чечино красивая старинная мечеть, жители верующие: атеистическая пропаганда здесь буксанула. В Тарханах мечеть заброшена, да и сама деревня в 70—80-е годы умирала, но сейчас началось возрождение: дети, видимо, возвращаются на землю родителей, предков. И надо сказать, в пример многим, в сибирской глубинке татарское население хранит в чистоте свой язык — основную составляющую национальной культуры. Лет десять назад об этом я слышал от поэта Булата Сулейманова, говорившего с гордостью: «Я — сибирский татарин!»

Дедушка по матери, Якуб-бабай, живший в Тарханах, в 37-м году был взят однажды ночью и отправлен на север, где отсидел в лагерях двенадцать лет ни за что, ни про что. Бабушка одна поднимала четверых детей. Когда деда Якуба забирали, матери Альфии было пять лет, а увидела она его снова уже в семнадцать! Все это время, пока Якуб искупал на севере неведомые свои грехи перед советской властью, жена его Хайрикамал и детишки выработывали трудодни в колхозе — работали по сути бесплатно, а существовали за счет своего огорода и немудреного хозяйства, державшегося в основном на подростках. И, конечно, спасала взаимовыручка; родни было много: дядей, тетей, двоюродных и троюродных сестер, братьев — взрослых, подростков, малышни — все трудились в меру сил, на том и держались. Когда дедушка Якуб вернулся, стало легче: шустрый дед был, живой, как огонь, и рыбак отменный — Альфия помнит, что при деде Якубе в доме не переводилась даже стерлядочка...

Запомнилась Альфии и бабушка по матери Хайрикамал. Была она прекрасно сложена, с большими голубыми глазами, длинными богатыми косами... Истинная красавица! Альфия слыхала, что про нее говорили: «Хайрикамал губит мужчин: только глянут на нее — сердце теряют...»

Родители Альфии после свадьбы жили в Тарханах.

В начале пятидесятых годов в южных районах Тюменской области появились буровые бригады, геофизические партии, нача-

лось изучение недр и поиски нефти. Вместо нефти некоторые опорные скважины открыли месторождения целебных минеральных вод. Одна из таких скважин была пробурена недалеко от Тарханов.

Буровые бригады доукомплектовывались за счет местного населения, которое шло в «геологи» охотно: заработки в нефтеразведках были несравнимы с колхозными рублями. Связал свою судьбу с нефтеразведкой и Фахриттин Курмашев: ушел в буровики... Следом за ним младший брат оторвался от родной земли, проработал всю свою жизнь с геологами—нефтяниками.

Альфия — первенец. Родилась 15 апреля 1956 года в селе Вяткино Юргинского района, недалеко от родительских мест. Через два года у нее появилась сестричка. А братец — через шесть лет после нее, и уже не в Вяткино, а в Шеркалах...

С Шеркалов началась кочевая жизнь нефтедобытчика Фахриттина Курмашева. Здесь первое время жили в землянке. Выбирались наверх — яркое солнце, россыпи янтарных, огненных северных ягод: морошки, клюквы, брусники,,,

Детские впечатления! Что поразит чуткое, чувствительное детское воображение. Что зафиксировано, как на цветном слайде, на долгие годы. Самая-самая разность, не достойная зачастую внимания взрослого человека. Тем более, как не запомнить оленьи упряжки и сидящего на нартах невозмутимого человека с дымящейся трубкой. Этот человек возит им газеты, почту, посылки. Врежется в память и гудящий, как шмель, но похожий на стрекозу вертолет: на нем прилетает иногда отец с буровой. А как забыть увиденное впервые в Шеркалах северное сияние!.. Сказочное чудо, запомнившееся на всю жизнь...

После открытия Шаимской, Мегионской, Усть-Балыкской нефти произошла передислокация буровых бригад, и семья Альфии оказалась в Мулымье, недалеко от Урала. Ее отец стал работать в знаменитой уже тогда бригаде Семена Урусова, потом перевели его к Шидловскому.

В Мулымье прожили они до 68-го года. Отец работал на буровых, подрастающие дети учились. Заслышав стрекот вертолета, бегали встречать отца.

Веселые, задорные были времена! Начало космической эры. Сибирская нефть — открытие века! И не таким уж далеким казалось объявленное пришествие коммунизма. Вот только догоним и перегоним Америку... И этому верили не только маленькие октябрюта и пионеры...

И учиться в Мулымье было интересно. Школа небольшая, классы маленькие. На больших переменах ученикам бесплатный клюк-

венный кисель и сдобные булочки. Учительница Анна Ильинична Попова — педагог ищущий, интересный, любящий детей. К каждому ученику у нее свои подходы. Открывает ученик тетрадь после проверки — а там, как живая, бабочка... Значит, хорошо потрудились: пятерка, не иначе. Или: если тетрадь окажется в красивом кармашке, прикрепленном у классной доски, то можешь быть уверен, что твое изложение или контрольная — самое лучшее в классе. Ну а если проштрафился, то будь ласка, переселяйся за «черную» парту. С удовольствием дети ходили в школу даже в сильные морозы: чернила в непроливашке, которую таскали в специальных мешочках на тесемке, замерзали, пока до школы дойдут. В начальных классах тогда запрещали писать авторучками, только перьевыми. А в другом мешочке с тесемкой — сменная обувь... Зимы стояли морозные, сухие, снежные. Весны — обвальные, разливные, с черемуховыми метелями в поймах Конды и урьях.

В одну из весен, в мае, в День пионерии, прямо с торжественной линейки пошла Альфия с сестренкой—октябринкой в урему — черемухи белокипенной наломать, домой букет принести. Вода журчит, переливается бликами. Вверху, словно эхо, птичье журчание. Над перелесками будто зеленый туман повис. Темно-зелеными вычесанными гривами кедрачи поодаль... Красота! Не заметили, как и время шло — далековато зашли, чуть не заблудились. Но леший-Шурале не закружил: вышли. Только вот крылышки белоснежных фартучков поникли, посерели, как у бабочек, побывавших в руках шалуна, и остальная форма не в лучшем виде. Да и вышедшая в тревоге за околицу матушка в сумерках смотрит неласково: сердится! Альфие, как и положено, досталось и внушений, и легких родительских шлепков — старшая!

А вообще в семье детей зря не наказывали и нудных нотаций не читали. Отец больше занимался работой, воспитание детей ложилось в основном на мать. Раиса Якубовна была врожденной хранительницей домашнего очага. Образование у нее всего шесть классов, но житейскую науку она постигла в совершенстве самостоятельно — все умела! Кроила, шила, вышивала. Обшивала не только свою семью — и многочисленную родню тоже. Платочки, салфетки, кофточки, скатерти — и мережкой, и гладью, и крестиком. Были у нее безусловно задатки незаурядного кройщика (а может, модельера?): она брала материал, ножницы и сразу кроила без всяких лекал и выкроек! И готовила отменно. Особо доверительные отношения были у нее с тестом — когда она работала поваром, в частности, в детсадики в Мегионе, по выпечке, даже если пек кто другой, узнавали — тесто ставила она! Но мало испечь

пирог, надо их подать! Она и это умела делать: стол накрывала красивой скатертью и сервировала его аппетитно и празднично. И так пусть не каждый день, но достаточно часто — к каждому прилету мужа с вахты. Поэтому, может, еще ждали дети отца с нетерпением.

Мать была строга, но справедлива. Не терпела, чтобы дети лодырничали, обманывали, непочтительно относились к старшим. «Не делайте так, чтобы я за вас краснела!» — требовала она, и это западало в детские души. В доме никогда не было свар, перебранок. Отец, если случалось провиниться, глаз не мог от стыда на жену поднять, не то чтобы оправдываться или, как у других, «права качать».

Только устоялась мулымьинская жизнь — снова передислокация, на этот раз — в Мегион...

Стояла осень 1968 года. Со всем скарбом загрузились в Мулымье на самоходку и поплыли... Плыли долго: по Конде, Иртышу, Оби... И вот наконец на суглинистом взгорке показался Мегион: у Альфии начался мегионский период жизни.

III

Мегион 68-го года был поселком деревянным, одно—двухэтажным. Центральная его часть располагалась в основном между Мегой и Саймой, хотя уже вырисовывались черты застройки в нынешних его контурах. Функционировали магазины «Юбилейный», «Солнышко», «Геолог», «Тайга», двухэтажная почта, начальная школа и — краса и гордость тогдашнего Мегиона — трехэтажная кирпичная школа номер 1. Альфия пошла в пятый класс этой школы, а сестра — в третий класс начальной.

На первых порах дали им временное жилье, а потом квартиру по улице Советской, 18, ставшую им родным домом на долгие годы.

Жизнь пошла своим чередом: отец работал в бурении вместе со ставшими потом известными нефтеразведчиками Шидловским, Малыгиным, Абазаровым, Хафизовым и другими. Мать в детсады готовила для детей, внуков и племянников знаменитых и простых мегионцев вкусную пищу.

Альфия училась с дочерью Абазарова Таней, с Милей Малыгиной, Раей Зариповой, Надей Литвиненко... Их именитые родители были частыми гостями в школе: рассказывали о своей работе, делились мечтами. (Жаль, что во многом мечты их не сбылись, а их самих даже мегионцы вспоминают все реже: а ведь как — никак первооткрыватели! Самотлор в ожерелье нефтяных жемчужин

вокруг него — они открыли и разведали. Первооткрывательство сродни первородству, и горько, что потомки и преемники уподобляются дочерям короля Лира...)

А вообще жизнь в это время была стабильная, до перестройки — еще двадцать лет. Даже до принятия Конституции развитого социализма нужно было прожить целое десятилетие. Распад СССР не снился еще самому оголтелому националисту или работнику ЦРУ. О дружбе народов говорилось и пелось, она демонстрировалась. В Мегионе было все, как на Большой земле.

В первой школе «союз нерушимый» пропагандировался оригинальным образом. Каждый класс имитировал ту республику, которая нравилась большинству учащихся. Класс, в котором училась Альфия, выбрал Украину, и они, стало быть, превратились в украинцев и украинок: носили вышитые блузки и сорочки, убрали волосы в ленты, разучивали украинские песни и их «спивали» на вечерах, танцевали гопака, учили украинскую «мову», здоровались, по крайней мере, только по-украински. Помимо фольклорной стороны, интересовались глубже, чем предусмотрено школьной программой, историей республики, народа, литературой... Выпускали стенгазету, оформляли Ленинскую комнату... Альфия при этом была художником...

Собственно, впервые в роли художника она выступила лет... в пять. В Шеркалах. В доме у них была выложена плита с духовкой, называлась камин. Альфии очень нравились угольки, выпадавшие в поддувало сквозь решетку. Однажды, когда никого не было дома, она набрала угольков и разрисовала печку — куда достала. А когда экстаз творчества прошел, испугалась и спряталась. Родители пришли, смотрят: персональная выставка рисунка открыта, а «дебютантки» нет...

Рисовала Альфия постоянно. Причем, в отличие от большинства школьников, она не перерисовывала: подсознательно догадалась, что копируя, художником не станешь. А хорошего учителя рисования, который мог бы помочь, объяснить, не было. Дело доходило до смешного. Когда ее заинтересовали масляные краски, она попросила мать купить их. А с техникой их применения не была знакома и пыталась разводить их... водой, а потом... постным маслом. (А постным маслом разбавленные краски практически не сохнут.) И только где-то в девятом стала бегать к Анне Александровне, работавшей художником-оформителем в НГДУ: она рисунку, сколько могла, обучила и еще кое-чему. Но этого оказалось недостаточно для поступления с первого захода на художественно-графический факультет Нижнетагильского госпединститута.

Однако к неудаче Альфия отнеслась стоически: работала маляром и ходила на подготовительные курсы в институт, много рисовала. Она узнала, что все, кто поступил на «изограф», либо заканчивали художественные школы в своих городах, либо подготовительные курсы. После курсов и она сдала вступительные на отлично и стала учиться профессии... А учиться на этом факультете было трудно, но очень интересно. Интересен и увлекателен был сам процесс обучения, сама «школа». «Школа» для художника, точно так же, как и для музыканта, танцора и любого другого служителя искусства, является фундаментом, на котором и может развиваться его дарование. И постижение «школы» — трудный, но необходимый процесс становления творческой личности. Роль педагога и наставника при этом огромна и неоспорима. В этом плане Альфии повезло. Лев Иванович Перевалов... Игорь Федорович Мильчиков... Боголюбов... Это были действующие художники, помимо преподавания, сами активно работали, часто выставлялись, особенно Перевалов.

Многое дали для общего и профессионального развития межкурсовые практики, проходившие в Москве, в Ленинграде. Знакомство с работами великих мастеров кисти, карандаша, пера в Эрмитаже, Третьяковке, Русском музее и в музеях других городов, в которых молодой художнице приходилось бывать, оставило глубокий след в ее душе: она наглядно убедилась, увидела то, о чем не раз слышала на занятиях: у каждого художника свой мир, своя философия, свое мироощущение, свой способ, манера, техника выражения его неповторимого «я».

Когда Альфия училась на четвертом курсе, в семье случилось несчастье: умерла мама... Умерла рано — в сорок два года. В последние годы у нее часто побаливала голова. Но даже когда головные боли бывали ужасными, бюллетень она не получала — не было температуры — и вынуждена была работать. Как выяснилось потом, у нее был рак мозга. Сестра Альфии в это время училась на четвертом курсе музыкального училища, а брат в восьмом классе...

Нижнетагильский госпединститут готовил преподавателей для школ своего региона. Чтобы распределиться в Мегион, Альфии пришлось похлопотать.хлопоты оказались успешными, и она вернулась в 1979 году домой, стала преподавать во второй школе рисование, черчение и труд... И так — пятнадцать лет...

Отец через некоторое время после смерти Раисы Якубовны женился и уехал из Мегиона. Главой семьи стала Альфия.

С будущим мужем Альфию познакомила бабушка, к которой она приехала в Тарханы на каникулы. У бабушки Хайрикамал доброе сердце было. В трудные времена поддержала она соседскую

девочку, за приемную дочь считала. Вот она и послала Альфию к ней: «Сбегай, внученька, соли попроси — кончилась своя...» А у той сын тоже на каникулах — хороший паренек, больно уж нравился он Хайрикамал-апе. С тайной надеждой: «Может, и внученьке приглянется он?» — и отправила она Альфию за солью к любимой соседке. И — как в воду глядела! Понравились молодые люди друг другу. Но чувства испытали временем, поженились, когда он отслужил в армии.

Большая школьная нагрузка, семейные заботы: дети маленькие, сначала дочь, затем сын... Для своего творчества совсем нет ни времени, ни возможностей. Казалось, за пятнадцать лет засосала школьная текучка Альфию, как, впрочем, многих засасывает, и быть ей до скончания века учителем рисования, оформлять стенды, вести кружок рисования, изредка делать наброски друзьям. В принципе, если делать все добросовестно, то и это хорошо: ну и не состоялся человек как художник, зато как гражданин и профессионал своего дела — добротный и надежный. Нет, с Альфией происходило другое: шло, по сути, накопление жизненного материала, формирование ее творческой концепции. Ее палитрой была собственная душа... За повседневностью и житейскими заботами не выделялись пока душевные «полярные сияния», но они так или иначе озаряли ее внутренний мир.

Северная тема в творчестве Альфии Мухаметовой появилась не случайно: она в ней зрела исподволь, с шеркалинских времен. И, видимо, не случайно получилось так, что преддипломную практику она проходила в Салехарде.

Здесь, в единственном в мире городе, сквозь который проходит Полярный круг, она почувствовала: Север — это ее тема, окончательно. В Салехарде она написала свою дипломную работу маслом: чум в разрезе. Внутреннее пространство жилища, согретое теплом очага, человеческим душевным светом, выдержано в теплых тонах; наружное, олицетворяющее стужу, мрак, природное и человеческое зло — темными, тревожными кроваво-красными мазками и пятнами. Тогда же она написала портрет ненецкого поэта Леонида Лапцуя, единственный, кстати, его прижизненный портрет.

Поездка стала своеобразной вехой в жизни Альфии. Помимо дипломной работы и портрета Лапцуя, она написала много этюдов, зарисовок, собирала фольклор, этнографический материал. Салехардская коллекция, можно сказать, положила начало ее мегионской деятельности. Когда при школе номер 5 стал организовываться этнографический музей, она передала в него все свои материалы. И приняла самое горячее участие в его развитии: ра-

ботала заведующей выставочным залом, вместе с основателем музея Викторией Сподиной ездила в экспедиции по стойбищам. Рисовала портреты, интерьер жилищ, одежду, утварь, культовые и ритуальные предметы, маски, идолов, орнаменты и прочее — самобытное, интересное, символическое. И — занималась, занималась с детьми, горячими энтузиастами, помощниками и талантливыми учениками; они впоследствии составили основной контингент официально признанной художественной школы с этнографическим уклоном, открытой в 90-м году, и директором которой она по праву является по сей день. Дочь Альфии Мухаметовой пошла по стопам матери: окончила организованную ею школу и поступила в Тюменский институт культуры, сейчас присылает матери на отзыв свои работы. Сын тоже пробует свои силы... И это прекрасно, когда дети идут по стопам родителей.

IV

Мегионская художественная школа с этнографическим уклоном располагается на втором этаже бывшего типового детского сада. Игровая комната превращена в выставочный зал. Не очень просторно, но много естественного света. На центральной и боковых стенах размещены работы Альфии Мухаметовой и лучших учеников.

Неискушенный зритель, впервые попавший на подобную выставку, возможно, будет удивлен, даже шокирован увиденным: где же привычные, похожие на искусно выполненные цветные фотографии, пейзажи, жанровые сценки, портреты, наконец? Где она, голубая тайга? Где они, закаты и рассветы, знаменитые белые ночи и «вечера на Оби»? Где люди Севера?.. Вместо них какое-то коловращение цветовых гамм, пятен, линий, контуров, символов, узнаваемых и вроде бы неведомых предметов, фигур. Настолько все необычно, условно, изощренно, усложнено до заумности.

«И в то же время, — придя в себя, начинает признавать он, — в этом что-то есть, однако... Что-то по-детски свежее и ясное в своей условности. В своем видении мира. Взрослый закомплексован стереотипами. Его так учили. Поэтому море у него синее, небо голубое, береза белая. А ребенок, как подметил в свое время Лев Ошанин, может нарисовать оранжевое море и даже определить цвет песенки — оранжевый. Потому что он вкладывает в цвет нечто большее, чем цвет! В волнистую линию большее, нежели условно изображенное волнение моря. Видимо, так следует и к картинам Альфии Мухаметовой подходить: принять обозначенные ею условности, понять логику их взаимоотношений, почув-

ствовать ритмику цветовых решений и линий, найти центр перспективы, а чаще — центр композиции...»

Искушенный же зритель, подобно Алисе, сразу попадет в страну чудес, изображенную Альфией Мухаметовой.

Впрочем, есть у Альфии работы, выполненные в классическом стиле, как бы нарочито демонстрирующие наличие у нее хорошей школы. Это, в частности, серия портретов. В них, помимо портретного сходства, четкость рисунка, проработанность всех деталей и черт что называется «до волоска», сочность красок, теплый доброжелательный колорит, и в каждом, где подчеркнуто-определенно, где ненавязчиво—мягко звучит характер конкретного человека, его духовная аура... Но чувствуется, чувствуется — ее особая, мухаметовская, линия рисунка, ее — по типу космических завихрений, спиралей «туманности Андромеды» — ритмика мазков, цветовых пятен, то контрастных, то прозрачных, едва различимых по оттенку.

Поражает техническое разнообразие работ. В первую очередь это живопись. Далее, по значимости и популярности у зрителей, батик (роспись по шелку). Я, к слову, был восхищен ее диптихом «Сонм цветов» (65×60. Батик. 1996 г.): и композицией, и колоритом, и изяществом рисунка, и философской углубленностью. Большое место в ее творчестве занимает коллаж. Эта техника любима и ее учениками. В этом виде искусства, видимо, много еще неиспользованных возможностей. Кто не видел знаменитых наших панорам и диорам! Но там соединение предметного и живописного планов производится как бы в реальных координатах пространства и времени. Здесь же, в коллажах и Альфии Мухаметовой, и ее учеников — все условно, все символично, а искусно мастерски (вот где чувствуется, что материнские уроки рукоделия не пропали всуе, так же как и ведение уроков труда в школе!) соединенное — дает удивительный эффект и наводит на глубокие размышления. И тут невольно проводится аналогия с японским «садом камней»...

В последние годы ее все больше интересует графика, в частности, книжная иллюстрация. Альфия Мухаметова проиллюстрировала несколько книг, сотрудничает с журналом «Юрга» с момента его основания, с альманахом «Эринтур». Тема ее рисунков и живописных работ — север и только север, его неброская красота, магия его пространства, его величие и незащищенность перед грубым вторжением живущих сегодняшним днем людей.

У Альфии Мухаметовой своя школа, талантливые ученики. Не все, но и немало их избрали творческий путь в жизни. Среди ее выпускников студенты художественных учебных заведений или

близких к ним по профилю. И наверняка будут еще. И возможно, некоторые превзойдут своего учителя. И это не обидно, ибо: «учитель, воспитай ученика — чтоб было у кого потом учиться!» За таких учеников краснеть не придется! Им, знающим север изнутри, воспеть и защищать его, овладев хорошей «школой».

— В Ханты-Мансийске как-то выставка работ москвичей была. Чистой воды сибирятина пресловутая! — с горечью говорит Альфия. — Проехали они «галопом по Европам», а в результате — уйма неточностей, режущих глаз: не тот орнамент, край, фасон, движения, позы... Все — недостоверно, холодно, бездушно... Вот говорят, хант, что видит, о том поет. Пусть так, но он все это пропускает через свое сердце... И все у него — живое, одухотворенное...

Поэтому уезжать с севера — отрываться от своих корней — она пока не собирается. Другое дело — ее работы! Впервые она участвовала в городской выставке молодых художников города Нижний Тагил в 76—м году. С тех пор ее работы выставлялись более чем на пятидесяти различных выставках, в том числе десяти персональных. География выставок обширна. Это и родное Приобье: Мегион, Лангепас, Покачи, Нижневартовск, и Ханты-Мансийск, и Тюмень, а также Курган, Нижний Новгород, Москва. София... Произведения ее находятся в музеях Мегиона, Лангепаса, Ноябрьска, Пыть-Яха, Ханты-Мансийска, Тюмени, приобретены коллекционерами США, Канады, Японии, Финляндии, Китая и России. С апреля 1996 года Альфия Мухаметова член Союза художников России.

Сейчас Альфия Мухаметова — зрелая, полная творческих сил и обаяния женщина. И хотя глаза у нее не голубые, как у бабушки Хайрикамал, а темные, горячие, и косы она не носит, но гены бабкины в полной мере себя проявили: многие именитые художники не отказались бы от такой модели. Но она — сама художница! Придет время, и она оставит еще не один свой автопортрет, достойный ее кисти. В ее дальних планах — освободиться от хозяйственно-административных забот, занять мастерскую и целиком отдаться творчеству.

Будем надеяться, что эти планы сбудутся.

V

Полярное сияние происходит в результате свечения разреженных слоев воздуха под действием протонов и электронов, проникающих в атмосферу из космоса.

«Свечение» таланта, на мой взгляд, происходит тоже не без влияния Космоса, каких-то высших сил небесных. Не зря же про та-

лантливого человека с незапамятных времен говорят, что он отмечен богом: «Есть в нем искра Божия!»

Наша землячка несомненно отмечена ею. Талант — он, как северное сияние, редок, непредсказуем и прекрасен. Талант — он как пророк. И пора привыкнуть, что пророки есть у нас в отечестве. И даже в отдельно взятом Мегионе.

22-30.10. 97 г.

Тайна белого цвета

Наталья Викторовна Аникина — преподаватель рисунка, живописи, композиции и скульптуры художественной школы с этнографическим уклоном.

В Мегионе она известна как школа Альфии Борисовны Мухометовой. Здесь царит своеобразный аромат: тонкий — северных снегов, цветущей морошки, и густой — таежного багульника, смолистого бора, грибной подстилки — звучащий цветной аромат северного сияния, космогонических завихрений пурги, многократных зоревых отражений небес в водах, а вод — в небесах... Звучащий и волнующий — как звук шаманского бубна.

Наталья Викторовна — сибирячка как минимум в четвертом поколении. Родилась она в семье Виктора Александровича и Нины Николаевны Аникиных в поселке городского типа Абатском Тюменской области в середине 80-х годов.

Еще в школе, в выпускном классе, поступила она на подготовительные курсы Свердловского архитектурного института (ныне Архитектурная академия): выполняла контрольные работы, на каникулах выезжала на занятия, которые проходили под призором именитых руководителей. Быть бы ей студенткой этого вуза, да как раз в это время в Тобольском пединституте открылся художественно-графический факультет...

Семья только что перебралась в Тобольск, И Наташе сам Бог велел стать студенткой «изографа» — нового факультета.

И пошли годы напряженной учебы.

Преподаватели безусловно и императивно внесли свою долю в профессиональную подготовку Натальи Викторовны как художника—педагога и в формирование ее эстетических и художественных воззрений. Помимо институтских наставников были в те времена и, так сказать, «внештатные» — те, кто своим искусством подвигал ее на внутреннюю, душевную работу. Среди них, в частности, был художник из Салехарда Леонид Лар, выставка которого произвела на третьекурсницу Наташу Аникину сильное впечатление. Поразили ее не только картины, но и технология их экспонирования: изошренная подсветка, размещение, оригинальная — шаманская — музыка...

Наконец, дипломная работа: портрет маслом их цикла «Смена поколений». И зарочные мысли: «Все, с маслом покончено! За пять лет скипидаром пропахла, краска в поры впиталась... Буду детей обучать рисунку, лепке, живописи, а сама — в руки больше не возьму кисть!»

Декан факультета, руководитель ее диплома, Петр Константинович Симонов мягко возражал: «Наталья Викторовна! Наталья Викторовна... Будете писать маслом, будете! И этюды, и картины. И в выставках будете участвовать... И персональные будут!»

И ведь оказался прав! Не прошло полгода — появилось неодолимое желание, руки заскучали по кисти и палитре, а запах красок — милее парижского «парфюма» обонялся...

В Мегион Наталья Викторовна попала, по сути, по наитию. На каникулах, перед дипломом, приехала к тетке, работавшей в Мегионе заведующей детсадом. Была уже весна 96-го года, но погода была в сравнении с Тобольском мерзкой: пуржило... Да и сам город... Тем не менее тетка уговорила ее приехать на работу в Мегион и организовала ей вызов — хотя у племянницы дело шло к тому, чтобы остаться в институте.

И вот — близится к окончанию третий учебный год.

Мы беседуем в ее классе. В витринах, на стеллажах, по стенам — учебные пособия, работы учащихся. Весенние каникулы, но нас иногда прерывают заглядывающие в двери юные художники: показать свои работы, проконсультироваться. Наталья Викторовна отвлекается от руслу беседы, рассказывает о своих учениках тепло, одобрительно.

... Рандина Лена — очень способная девочка, мыслит своеобразно, неординарно...

...Шнитова Алла — у нее врожденное чувство цвета, отличная зрительная память, интуиция, до многого, благодаря этому, доходит сама: без подсказки педагога, без литературы...

.... Ташбулатова Венера — оригинальные скульптурные работы, композиции, прекрасно чувствует материал, даже такой капризный, как гипс, который не каждому профессионалу дается...

Давая характеристики работам, творческой манере своих учеников, Наталья Викторовна произвольно излагала свои педагогические и эстетические взгляды, делала весьма тонкие замечания о разных техниках и видах изобразительного искусства, в частности, об акварельной живописи («Сырая акварель — нежнейшие оттенки, неуловимые переходы их, прозрачность... наполненность светом, воздухом, пространством...»), и неограниченных возможностях масляной живописи («В масляной технике можно добиться всего! И в то же время всегда — неоконченность...»).

И еще мы говорили... о тайнах света и цвета и белого цвета в особенности: «Белый цвет — это все! Остальное — оттенки! Даже тьма — густой оттенок белого!»

Своими работами — они в выставочном зале школы — Н.В. Аникина пытается раскрыть нам свою тайну.

Елена — дочь Валентина и Валентины

Имя своей единственной дочке Валентин и Валентина Будниковы дали в честь ее бабушки по отцу — Елены Ильиничны. Но больше сблизилась и многое переняла она в детстве от другой бабушки — Надежды Евстафьевны. Было это в городе Пржевальске, на берегу синего Иссык—Куля.

Диплом об окончании художественно—графического факультета Пржевальского госпединститута Елена Валентиновна Будникова получила в разгар «шоковой» терапии и торжества суверенитетов: ни направлений на работу, ни отработки, иди — куда глаза глядят! Свободный художник!

Помогла мама, еще работавшая на заводе: пристроила чертежницей в техотдел.

И, как говорится, нет худа без добра: познакомилась Елена в отделе со своим будущим мужем, инженером-конструктором.

Михаил Дмитриевич Фокин, тоже уроженец Пржевальска, окончил Новосибирских политех и вернулся в родные края — на завод.

Или греческими чертами лицами, унаследованными от деда Петра Степановича Разуваева, или кулинарными способностями, перенятыми от бабы Нади, а может, классным исполнением чертежей, а скорее всего, всем вкупе — очаровала новенькая чертежница конструктора, и через два месяца стала Еленой Валентиновной Фокиной...

Вскоре его друг перебрался в Мегион и подыскал ему работу — дал вызов. В мае 93-го Михаил Андреевич приехал в Мегион, а летом прилетела к нему жена — Елена Валентиновна.

К Альфие Борисовне Мухаметовой, в художественную школу, она попала случайно: увидела объявление...

С тех пор Елена Валентиновна преподает своим ученикам рисунок и живопись. Доброжелательность, справедливость, знание предмета (конкретное и в соотношении с другими), терпение и собственное прилежание, поощрение и воспитание собственным примером, — эти принципы западали у нее в сознание, впитывались душой, входили в привычку в раннем детстве, в школе, в институте, они совершенствуются все годы работы в школе.

— И конечно — любовь к детям! — подчеркивает Елена Валентиновна, — Без этого нельзя быть педагогом. Любовь к своей профессии, гордость за свою школу — а школа у нас замечательная! — без этого тоже нельзя.

Что касается художественных принципов Елены Валентиновны, то они, кратко, таковы.

Во-первых, овладение «школой» — с любознательным тщанием, с восторженным трудолюбием, с аналитическим осмыслением...

Во-вторых, после овладения «школой», поиски себя, своей ниши в разных техниках, с разных философских позиций, но с тем же стремлением к преодолению трудностей, что и при овладении «школой».

В те дни, когда я работал над материалом, в выставочном зале «художки», как зовут учащиеся свою школу, экспонировались среди других и ее работы. Даже беглый осмотр произведений Е.В. Фокиной подтверждает мои соображения: наличие у автора «школы» и поиски себя...

«Цветы», «Подсолнухи», «Цветы в вазе» (батик)... Чувствуется, что в этой технике автор не новичок. И это на самом деле так. Еще на 3-м курсе института при создании панно на китайскую тему, среди других техник, она пользовалась и этой. (Панно, кстати, с выставки было приобретено для пополнения фондов институтского музея.)

В работах, выполненных маслом, акварелью, также проявляется «лица необщее выраженье» художника: наряду с классическими композиционными решениями, техникой письма, «врубелевскими» мазками, в частности, в колорите, в тональности, в настроении чувствуется авторский душевный «светофильтр», через который пропускала она занимавший ее в момент творчества мир.

Есть у Елены Валентиновны работы, выполненные, выражаясь по-ахматовски, из сора (кусков рядна, древесных грибов и пр.), но превращенного фантазией и искусством рук в прелестные композиции. Это, надо заметить, в концептуальном русле школы: в творчестве многих ее учеников и преподавателей жизнеутверждающе звучит: «Нет безобразья в природе», окружающий нас мир — прекрасен.

Елена Валентиновна Фокина пробует себя и в активно заявившей о себе компьютерной графике; но представленные ею две работы, выполненные на компьютере, пока любопытны, но не более того.

Но, пожалуй, главная гордость Елены Фокиной — ее ученики. О них она говорила много с теплотой и гордостью. Надеюсь, что они в свое время так же тепло отзовутся о своем преподавателе рисунка и живописи.

Все музы — сестры...

В класс преподавателя рисунка, живописи и композиции Детской художественной школы Сании Борисовны Заверетень я вошел в конце урока: навстречу мне, в бывших издательских переходах, попадались оживленные разновозрастные ученики. Их разновозрастность бросалась в глаза и становилось ясно, что эта школа — не обязательная, а такая, в которую идут учиться непременно с желанием сами ученики! С желанием — образовать душу, не дать погаснуть пусть чуть затеплившейся, но искорке Божьей!

Пока Сания Борисовна принимала и оценивала старания последних юных художников, я осмотрелся. Класс как класс: простенькие мольберты, столы. На стеллажах, на подоконниках, на стенах работы учеников, учебные пособия... Но, в отличие от других классов, на табурете рядом с ее столом стоял не застегнутый... аккордеон.

— Используете в качестве учебной модели? — спросил я Санию Борисовну, кивнув в сторону инструмента. — Или озвучиваете линию и цвет? А, может, заставляете бедных учеников рисовать мелодию и тональность?..

— Вы правы! — широко, лукаво улыбнулась она. — Что-то вроде этого. Никуда не деться, первая любовь была — музыка...

Первые фрагменты самосознания Сании приходится на три года, и были они — цветные. Помнится ей платице в голубой горошек — стоит приподнять подол, пошевелить его, и они, горошки, словно спелая голубика, начинают перекатываться и — того гляди! — прыгнуть на землю... И отец: он, словно волшебник, заставляет звучать изумительно занимательную саму по себе вещь, называемую аккордеоном... Звуки из него — сочные, горячие, прохладные, шершавые, колючие, мягкие... голубые, оранжевые, красные... душистые, ароматные... Сколько всего помнят они! И мамины руки вспомнятся, и говорок ручейка, и спелая морошка, и солнышко, и небо, и снежинки... И врезается все это в память — на всю жизнь.

Дед Сании, Шамшутдин Курмашев, был мастеровит и музыкален: делал свирели, домры, гармоники, играл на них... Отец, Фахриттин, под настроение любил петь, играл на аккордеоне, часто импровизировал. Дочерей он сызмальства стал приваживать к музыке, но заметил, что младшая с большим рвением, а, главное, с большим успехом осваивает инструмент. Старшая, Альфия, видя такое дело, и вовсе перестала заниматься, зато преуспела в

другом — в рисовании! А младшая, Саня, наращивала «обороты» в музыке и скоро «переросла» наставника—отца. Атэя!

В 1-й школе Мегиона, куда забросила их первопроходческая судьба отца в 68-м году, десятилетняя Саня всю музыку музицировала и как солист, и как аккомпаниатор: были и страх, и волнение, но с детства явившееся чувство долга и ответственности помогали их преодолевать. Однажды на смотре художественной самодеятельности школьный учитель пения и руководитель хора, которому она аккомпанировала, стусевался и шепчет ей, девчужке,: «Саня! Выручай: не могу вспомнить тональность, начинай!» И она выручила!

Может, оттуда — чувство ответственности?..

Но музыке надо было учиться.

В двенадцать лет, в шестом классе, она поступила в мегионскую «музыкалку» по классу аккордеона (преподаватель Анохина Елена Григорьевна). Проучившись год, Саня экстерном сдала за два класса.

Жили Курмашевы в восьмиквартирной «деревяшечке». Отец с дочерью часто устраивали для соседей импровизированные концерты. Поводом для этого становились не только праздники, но и предстоящие экзамены, ответственные выступления: домашние концерты были прекрасной репетицией!

Школу Саня окончила и сразу же — в Сургутское музыкальное училище.

В этом училище, к слову, занимались многие из ныне действующих мегионских музыкальных педагогов и руководителей творческих коллективов, в частности, Галина Алексеевна Быкова шла курсом старше Саньи, и занимались они по классу аккордеона у одного преподавателя.

Саня — по натуре активная, заводная, и студенческая жизнь пришлась ей по душе: с удовольствием ездила на картошку и в «капустниках» с энтузиазмом участвовала. С трепетным желанием играла в оркестре народных инструментов: мурашки бегали по коже, когда девятым валом вздымалась звуковая волна оркестровая, а затем — рассыпалась «по берегу» солнечными бликами, тонкими — брабантских кружев! — оборками пены...

Невыразимо было чувство сопричастности к этому «девятому валу», чувство слитности с коллективом!

Еще в школе Саня делала первые опыты в композиции, и в этом ее поддерживала Елена Григорьевна.

В музучилище, к сожалению, композицию не преподавали. Более того, пресекали попытки «прочесть» по-своему классические учебные вещи: воспитывали «школу»! (В этом и заключается,

видимо, парадокс «школы»: изучи классику и, одновременно, учишься у них, классиков, как нарушать их каноны!)

В такой ситуации у Сании проявились чисто женские — дипломатические — способности: на прослушиваниях она исполняла рекомендованную для концерта вещь канонически, а на публике — «с изюминкой»: с собственной трактовкой какой-то классической темы...

Слушатели — искушенные слушатели! — принимали ее изыски благосклонно, но... к сожалению, этим все и закончилось — вовремя не поддержанное дарование не развилось...

Окончив Сургутское музучилище в 78-м году, Сания вернулась в свою родную школу в качестве преподавателя по классу аккордеона и пробыла в этой ипостаси семнадцать лет...

В музыкальной школе у нее были выпускники, были талантливые ученики, для которых музыка стала смыслом жизни.

А с ней самой происходило что-то непонятное.

Была б она «близнец» по гороскопу или «весы» — можно было бы сослаться на «предопределение» — судьбу...

Может, зависть к старшей сестре?..

Не зависть — а подражание?..

Нет!

А что же тогда?

Любопытство? Любознательность?..

Стремление к новым впечатлениям, к узнаванию мира — вширь? (Но не верхоглядство! Нет, все воспринимается с желанием понять вглубь!)

Словом, десять лет назад ее сестра стала директором Детской художественной школы с этнографическим уклоном города Мегиона, а через некоторое время младшая сестра — преподавателем рисунка, живописи и композиции...

Ее «музыкальные» выпускники частенько со смехом вспоминают: «Когда мы учились композиции, она нас задалбывала рисунками...»

Вспомнят ли так же «художники» ее: при изучении композиции вы, мол, нас музыкой прельщали?

И это — правильно!

Ибо все музы — сестры!

В начале пути

Прекрасен окружающий мир, сотворенный Создателем. Но коль скоро сотворил он человека по образу и подобию своему, то творческое начало и свободу выбора заложил в него изначально. И человек творит: разбирает мир на составляющие и собирает его вновь, воссоздает его с помощью цвета, звуков, движения, слова — если и не мир, то свое видение мира, вкладывая в изобразительные средства частичку своей души. И это не зависит от возраста, жизненного опыта. Даже наоборот: в детстве легче творить свои миры!

Катя Мауэр подросток: ей тринадцать лет. Учится она в 3-й школе города Мегиона в восьмом классе. Успешную учебу в общеобразовательной школе она сочетает с занятиями в детской художественной школе с этнографическим уклоном. Сейчас Катя посещает 4-й выпускной класс; она не раз участвовала в выставках разного уровня, награждалась грамотами, ценными подарками. Но круг ее творческих интересов этим не ограничивается: Катя увлекалась историей древнего мира, участвует в театральных постановках, сочиняет стихи...

На последнем ее увлечении хочу остановиться особо.

Стихи Катя пишет со второго класса. Стихосложение дается ей, видимо, легко. Об этом говорит такой случай. Рассказывая на уроке литературы о поэзии 20-х годов, она прочитала свое стихотворение, сочиненное почти экспромтом, и такая мистификация ей сошла с рук: получила за ответ пятерку! (Думаю, что преподаватель литературы и ее классный руководитель Любовь Николаевна простит талантливой ученице литературную шалость!)

При первом знакомстве с ее стихами мне показалось, что они написаны взрослым человеком или, по крайней мере, подвергались правке опытной рукой. Да и темы стихов были очень уж серьезные.

Встретившись с Катей и неспешно поговорив с ней о жизни, ее человеческих пристрастиях и интересах, я лишний раз понял: у человека, независимо от возраста, есть уже своя биография и житейский опыт и свое видение мира! И что дети не меньше нас озадачены и озабочены всеми сложными проблемами нашего бытия.

Катя наблюдательна, внутренний взгляд ее любопытен и остр, пристрастен и памятьлив. Она способна как бы дистанцироваться от своих поступков, от себя и смотреть на происходящее с ней с добродушной иронией.

В четыре года, рассказывает она, мать оставила ее возле коляски с грудным братом, а сама пошла в магазин. Катя прислонилась к коляске и уснула («Любила подремать!» — снисходительно замечает сейчас она). Какая-то женщина в магазине вопрошает: «Кто там коляску оставил? Чья коляска? Там девочка уснула!» Мать не реагирует: у нее-то в коляске — сын! Смеху потом было...

— Ходила в детсад «Елочка». Хороший был садик: классно оборудован, игрушек много, игр, кормили вкусно (такой манной каши, борща и компота никогда больше не ела!); любимая воспитательница Галина Михайловна, нянечка — ласковая тетя Фарида... Не забуду, где раскладушка моя стояла — вторая от края... Солнышко желтое на раскладушке нравилось. Подружки детсадовские: Ксюша Баева, Снежана Зуева... До сих пор дружим.

Прошлый год был насыщен впечатлениями: была Катя в Москве, Санкт-Петербурге и даже... на Кипре. И, возможно, мы увидим эти прекрасные уголки земли ее внутренним взглядом — в стихах, в рисунках, в сказках (она и сказки сочиняет!).

Родители ее — люди творческие, ищущие, и это, безусловно, благотворно сказывается на формировании внутреннего мира Кати.

Свои способности Катя оценивает критически:

— Актрисой хотела бы стать, но не получится — музыкальных данных нет. А без этого — что за актер! Литературная стезя — дело ненадежное. Думаем с мамой о будущем, думаем. Разве что... Дедушка по отцу немец, в ФРГ к родственникам ездит. Может, после окончания школы в Германию к родственникам поехать — на дизайнера выучиться? Интересная специальность — творческая и разноплановая... В «художке» нас много учат, в разных техниках. Все интересно! Но что-то интереснее — что?

Катя Мауэр в начале пути, и все у нее получится.

Не хочу легкой жизни...

В историю культурной жизни Мегиона 1967 год вошел красной датой: пятидесятилетие советской власти было ознаменовано открытием в поселке Мегион филиала Нижневартовской музыкальной школы. Поначалу с пятнадцатью учениками занимались три педагога. Через четыре года филиал был преобразован в детскую музыкальную школу поселка Мегион. Ее возглавила Галина Серафимовна Кузнецова. С тех пор прошло четверть века и многое изменилось...

Мегионская школа искусств (этот статус присвоен музыкальной школе три года назад) ныне — это тридцать пять педагогов, десять человек техперсонала и триста сорок учащихся на шести отделениях: фортепианном, струнном, духовом, хореографическом, теоретическом, народных инструментов.

Только за последние пятнадцать лет школу успешно окончили триста семьдесят четыре мегионца, шестьдесят один из них продолжает свое образование в средних и высших культурно-музыкальных заведениях.

Учащиеся Мегионской школы искусств и музыкальные коллективы, созданные при ней, известны своим исполнительским мастерством далеко за пределами города и региона и являются лауреатами и дипломантами престижных конкурсов, смотров, фестивалей.

Вот уже шестнадцатый год возглавляет Мегионскую школу искусств № 1 Раиса Васильевна Беликова, ранее работавшая здесь же преподавателем.

В 81-м году связала свою судьбу с Мегионской «музыкалкой» педагог по классу фортепиано Тамара Алексеевна Швец. А с 84-го года и по сей день Тамара Алексеевна — заведующая учебной частью школы, аранжировщик и дирижер учебного процесса во всех шести отделениях школы и одновременно — преподаватель.

Родилась она 19 сентября 1950 года в городе Днепропетровске. Отец, 24-го года рождения, во время войны числился на фронте в пехоте, но — за баранкой. «Эх, путь—дорога фронтовая...» Одиннадцать ранений! До сих пор еще осколки в ногах дают о себе знать, когда ненароком смещаются с притомившегося места. Обидно было Алексею Николаевичу, что его тяжело ранило при освобождении родного города, на переправе. Находясь в госпитале в Златоусте, в этом приуральском «Дамаске», сам мастер на все руки, восхищался Алексей Николаевич уральскими стальными дел мастерами. После излечения он вновь колесил по фронтовым дорогам, и на гражданке — тоже за рулем... О войне вспоминать не

любит: рассказывает только, если внуки «достають»... Воронка... Ночь... Ты кровью истекаешь, а краем сознания слышишь немецкую речь да короткие очереди: фашисты раненых добивают... Охота ли вспоминать о таком?..

Мать, Мая (Мария) Федоровна, в девичестве Выскуб, родилась в 25-м году в селе Лиховке. Когда ей было четыре года, семью раскулачили и так получилось, что родительница, Хива Михайловна, загремела по статье 58-й—»прим» на «Беломорканал», а хозяин, снявшись в одну ночь, с тремя малолетними детьми, оказался в городе Днепропетровске. Нелегко пришлось Федору Выскубу растить троих детей в то трудное и кипящее время без жены. Сам работал на почте, по надобности приходилось и отлучаться. Заработки были невысоки. Дети пухли от голода. Мая была средней между братом и сестрой. А впереди еще ждали годы оккупации, послевоенной разрухи и восстановления разрушенного...

Тамара Алексеевна — одна из немногих, кто знает историю своего рода далее четвертого колена по отцовской и материнской линиям. Есть в истории ее предков и обыденные, и драматические, и романтические страницы — поистине достойные быть страницами эпической саги, романа или героического повествования!

Вот, например, одна из сюжетных линий истории отцовского рода.

Прапрадед Тамары Алексеевны, казак Паскевич, с полками атамана Платова сражался с французами на российской территории, а потом и на иноземной. Чего только не пришлось увидеть, какую только речь не услышать, из каких только рек не испить водицы!.. До самого Парижа довелось доскакать и под Триумфальной аркой прогарцевать... А обратный путь лежал через Польшу. В Варшаве был длительный, видимо, привал, по крайней мере, такой, что хватило времени казаку Паскевичу найти варшавянку Домникию, влюбиться в нее с такой силой, чтобы решиться на ее умыкание! Впрочем, может быть, для этого было достаточно одного взаимного горячего взгляда... Родовое предание уже не хранит этих тонкостей. Одно известно точно: в хутор, пожалованный за службу казаку Паскевичу привез он изнеженную — единственной дочерью росла! — паненку дивной красоты, с херувимским певучим голосом. И это на Полтавщине, заметьте, где женская краса и нежный голос — не диво, поэтому, раз уж там это отметили, то, верно, и в самом деле была Домникия из ряда вон хороша!.. Нелегко, конечно, привыкалось Домне (так ее стали звать) к хуторской жизни, но — чего не сделает любовь!..

Бабушка Галина показывала Тамаре, где стояла хата, хозяйственные и вспомогательные постройки на прапрадедовском ху-

торе. По «культурному», как говорят археологи, слою почвы, явно выделявшемуся в колхозном поле, в правдивость бабушкиных слов можно было верить...

А сколько интересного, любопытного и трагедийного узнала Тамара от бабушки Хивы, уникальной женщины, которой и «Беломорканал» оказался по силам: выжила — с честью, с достоинством!

Тамара Алексеевна в детстве была любопытна: спрашивала и поэтому многое знает о своих родовых корнях.

В Днепропетровске жили они вшестером: отец с матерью, она с братом, дед Федор и баба Хива. Родители работали, а дед с бабушкой внуков пестовали...

В свое время пошла Тамара в школы: общеобразовательную и музыкальную. Музыкальные способности и традиции были и в отцовском роду, и в материнском: другое дело, что не все могли получить профессиональное образование! Поэтому вопрос, обучаться Тамаре музыке или нет, не вставал — раз есть возможность, значит, надо ее использовать. И Тамара занималась по классу фортепиано. Трудности были в том, что музыкальная школа находилась далеко от дома: на дорогу в одну сторону тратилось не менее полтора часов. В то же время само обучение давалось легко, и у Тамары возникало ощущение, что занятие музыкой вообще — дело легкое, необременительное, даже — несерьезное!

Возникли такие мысли у Тамары в переломный, подростковый возраст, где-то классе в пятом, т.е. году в 62-м... Это было своеобразное, героическое время! Еще не померк (по крайней мере в средствах массовой информации, не говоря об официальной пропаганде, в том числе и в школах, в общественных организациях) ореол покорителей целины... Разгорался и сверкал лучами славы нимб вокруг покорителей ядерной энергии, разведчиков космоса и недр... В споре «физиков» и «лириков» стрелка качнулась в сторону прагматиков...

— Мама, не хочу легкой жизни! — заявила Тамара. — Буду учиться какому-нибудь конкретному, требующему усилий и труда делу, чтобы потом работать, принося людям и обществу пользу — где угодно, хоть в Сибири!

Но все обошлось: музыка предъявила на Тамару свои права и овладела ею полностью и даже в Сибири, как оказалось, не оставила без своего осеняющего крыла...

В 67-м году она уехала в Ивано—Франковск и поступила в музыкальное училище. Там жила ее тетя по матери, музыкально одаренная, она оказала на Тамару безусловно благотворное влияние.

В училище Тамара занималась блестяще: ее успехи нередко вызывали зависть и даже неприязнь местных и менее способных студентов (дело доходило до националистически окрашенных сен-

тенций в адрес успевающих отлично «совітов» — как они называли жителей Восточной Украины: «Понаізжали совіти і ім ставлять п»ятірки, а нам двійки»). После окончания училища Тамара Алексеевна Паскевич отработала по направлению в музыкальной школе городка Делятин учебный год и поступила в Ивано—Франковский музыкально—педагогический институт...

В 72-м году Тамара Алексеевна вышла замуж... Муж, Олег Калейникович

Швец, коренной украинец, но из «совітив», обучался в Ивано-Франковске в нефтяном институте, инженер-механик. Отец его был завполитотделом ЦК КПСС. А у Тамары Алексеевны баба Хива — «враг народа» (58-«прим»)! «Жинка с такой родней всю тебе карьеру испортит может!» — шутливо намекали Олегу Калейниковичу доброхоты, имея в виду идеальную до этого его биографию, с которой можно было и обучаться в закрытых учебных заведениях, и поступить на соответствующую службу... У него на служебную карьеру была своя точка зрения: в 80-м году он приехал в Мегион в трест «МНПС» и работает по сей день — начальником управления УМ-10...

А Тамара Алексеевна в Мегионе сначала работала в отделе исполкома, а в 81-м году перевелась в музыкальную школу педагогом по классу фортепиано. Через три года Раиса Васильевна Беликова предложила ей стать завучем. Тамара Алексеевна согласилась, и вот уже четырнадцатый год они работают вместе: что называется, в четыре руки!

Надо ли говорить о трудностях в их работе? Они, разумеется, есть. Первая и самая главная: музыкальная «деревяшечка» и тесна, и обветшала (стала «продувашечкой»), а новая школа все строится и строится...

Что касается Тамары Алексеевны, то ведь она еще подростком боялась легкой жизни и должна быть рада, что ее опасения — не сбылись, несмотря на то, что она стала профессиональным музыкантом!

Любимые композиторы Тамары Алексеевны — Шопен, Рахманинов. нравятся органные произведения Баха. Оперы Чайковского, Верди, Пуччини... Современный джаз. Из эстрадных «звезд» — Сосо Павлиашвили. Цветы — астры. Цвета — насыщенные. Духи — «Опиум». Камень — изумруд.

Старшая дочь Оксана после Сургутского музучилища заканчивает Саратовскую консерваторию. Младшая, Ольга, занимается по классу скрипки. Делает ли музыка жизнь легкой? Спорно. Что интереснее, богаче, ярче — несомненно!

30.12.97 г. , 18.01.98 г.

P.S. Тридцатилетие школы искусств планировали отпраздновать в новом здании, но сдача его затягивалась: чего доброго, следующая юбилейная дата подоспеет, поэтому решили отметить юбилей посреди 31-го учебного года в старой «деревяшке». Так получилось, что я решил показать очерк перед публикацией Тамаре Алексеевне именно в тот день.

Она — вся в хлопотах:

— Волнуюсь! Все из рук валится. Сейчас из дома вышла — сумочку забыла. Возвращаться некогда — опаздываю! А тут — такси: «Садитесь!» — предлагает водитель. Да, говорю, денег нет — забыла! «Ничего!» — смеется таксист. — У вас сегодня такой день — бесплатно подвезу!» Аж до слез растрогал! Может, кто-то из родителей? Узнал раз...

И мне просительно:

— Давайте посмотрю попозже, а, Виктор Николаевич? Ну, ей-Богу, некогда...

Я шутливо возмутился:

— То вас нет, то — «некогда»! Куда хоть на каникулы ездили?

Тамара Алексеевна в миг преобразилась и мечтательно—томно выдохнула:

— В Париже... — и добавила суше, деловитее, — с нашими юными дарованиями...

Вечером во время чествования юбиляров в ДК «Прометей» я прочел такие, посвященные ей, шутливые стихи:

Прапрадед ваш бывал в Париже
с полками Платова... А вы —
с учениками были... Ближе
Париж стал нынче от Москвы!

Привез прапрадед из похода
жену-красавицу с собой...
На россиянок нынче мода —
Как отпустили вас домой?!

А впрочем, я вас понимаю:
ни на Париж, ни на Лондон
я ни за что не променяю
наш несравненный... Мегион!

Последние слова проскандировал зал — видимо, те, кто побывал с Тamarой Алексеевной в Париже...

Наигрыши на заре

Ансамбль ложкарей «Коробейники», основанный Мегионской школой искусств, за восемь лет своего существования покорила сердца не только земляков-мегионцев, но и многих других в тюменской области и за ее пределами. За высокое исполнительское мастерство и оригинальность жанра ансамбль удостоивался престижных дипломов и наград в различных номинациях, был победителем на сложных конкурсах, в том числе телевизионных. Летом 97-го года он вышел на международную арену: стал лауреатом I международного фестиваля «Русское чудо» в Тунисе, проходившего в городе Сусси на берегу Средиземного моря. На этом фестивале «Коробейники» выступили с оригинальной яркой программой.

В репертуаре ансамбля народные песни, наигрыши, плясовые в обработке Галины Алексеевны Быковой, педагога Мегионской школы искусств по классу аккордеона, и ее фантазии на темы русских народных песен. Разнообразен и оригинален инструментарий ансамбля: ложки, трещотки, бубны, желейки, свирели, гармошки, треугольники, коробочки и т.п.

Ансамбль ложкарей «Коробейники» был создан Г.А.Быковой в 1991 году на базе своего класса, и этот принцип соблюдается по сей день. Ныне в ансамбле два состава: младший и старший, в старшем есть и выпускники школы искусств.

...Когда видишь, слышишь или читаешь нечто неординарное, талантливое, имеющее «лица необщее выражение», всегда невольно задаешься вопросом: а кто он, создатель этого самого «нечто», привлекшего твое внимание, занявшего твой ум, обновившего или обострившего твои чувства? Вот и мне было любопытно, кто она, создатель и руководитель «Коробейников» — Галина Алексеевна Быкова? Я встретился с Галиной Алексеевной в двухэтажной музыкальной «деревяшечке», насквозь пропитанной за тридцать с лишним лет музыкой, где она ответила на все мои вопросы, ответила искренне и исчерпывающе, и я спешу поделиться с любознательным читателем рассказом о еще одном интересном человеке, живущем в нашем городе.

I. Родилась я на Урале...

Галина Алексеевна Быкова родилась 18 февраля 1959 года в старинном уральском городе Соликамске, основанном в XV веке, в семье исконных уральцев — Алексея Ивановича Ваулина и Алев-

тины Петровны, в девичестве Кибановой. Предков по отцу не застала, но со слов знает, что дед, Иван Иванович Ваулин, воевал в гражданскую, партизанил в Отечественную, был добрым, замечательным человеком. Бабушка же была строгой, даже властной, детей воспитывала соответственно...

Деда по матери, Петра Кибанова, не только она, даже ее мать не видела: умер он в 31-м тяжком году от тифа, когда бабушка еще носила под сердцем Алевтину — будущую Галину мать. По рассказам бабушки Анны Матвеевны, дед Петро был чрезвычайно добрым человеком, отзывчивым соседом, ласковым семьянином: ни разу голоса не повысил. Жили они в деревне под Соликамском, и он, по сути, был единственным грамотным человеком в округе, учительствовал в начальной (церковно-приходской до революции) школе. Сама бабушка Анна Матвеевна была статной красивой женщиной, никогда не болела, была хранительницей домашнего очага, прожила до девяноста лет и упокоилась десять лет тому назад в Мегионе. У бабушки было шестеро детей, но старшие сыновья погибли на фронте, кто-то умер от тифа, и жила она в последнее время с дочерью Алевтиной Петровной, пестовала внуков, вела хозяйство, в котором было место корове, поросенку, курам... В доме стояла русская печь — печь-обогревательница, печь-целительница! Какие шаньги уральские — с творогом, с толченой картошкой, с заливкой сметаной, какие пироги, блины, оладьи, какие хлебы она выдавала! Сушила грибы и ягоды, томила молоко, парила репу и тыкву, варила щи, жарила шкварки, калила орешки лесные и семечки. Правила здоровье: изгоняла простуду и лихорадку, размягчала суставчики, распружинивала косточки, расслабляла до сомления каждую мышцу, жилочку и прожилочку... А управляла печкой она — хранительница очага, бабушка. Как и со всем остальным: стряпала пельмени с капустой и салом, секла в корытце грибы для икры (немудрящие вроде блюда, а подобного вкуса еще не испытала с тех пор Галина Алексеевна!) Внуки, кроме Гали — старшей, еще Андрей и Аркадий, хоть и помогали в меру сил, но и сами требовали догляда и времени. Анна Матвеевна только год проучилась в церковно-приходской школе, но по возможности самообразовывалась и к тому времени, когда внуки стали подрастать, достаточно грамотно писала и любила читать — к чтению стала внуков приваживать. Нельзя не восхититься ее верностью мужу: оставшись вдовой в 34 года, красивой, сильной — кровь с молоком! — в самом расцвете женственности, она отвергла многочисленные предложения достойных мужчин и прожила остальные 56 лет однолюбкой.

Отец, Алексей Иванович Ваулин, отслужив в армии, работал механизатором в колхозе. Мать, Алевтина Петровна, окончила

Соликамское медучилище и заведовала детским садиком. И лицом, и характером она — вылитый дед. Стремление к знаниям и настойчивость в достижении цели отличали ее от сверстников. Средняя школа находилась в тридцати километрах от деревни, где они жили. И она все же выучилась! Хотя для этого не менее раза в неделю приходилось ходить домой и обратно: выходила в сутемень, приходила в школу за полдень. Все взгорки, взгорбки, угорья в память врезались, пока окончила Алевтина — единственная из деревни! — среднюю школу, и ею поэтому гордились и родня, и односельчане... После медучилища поступила она в Березниковский медицинский институт, мечтала невропатологом стать. Но удалось проучиться только два года: родилась дочь, да и муж не одобрял. Потом сыновья пошли...

Через некоторое время у среднего сынишки появились проблемы со здоровьем: педиатры посоветовали сменить климат. Так вот одно к одному сложилось, что не удалось стать Алевтине Петровне невропатологом.

Из Соликамска в совхоз Майский, что под Белореченском Краснодарского края, уезжали в два «эшелона»: летом 66-го года родители с Галей — первыми, а как чуть обустроились на новом месте, ближе к осени — бабушка с внуками.

II. На Кубани я росла...

Отец устроился механизатором в совхоз «Майский», мать — лаборанткой в поликлинику. Родители получили квартиру в двухэтажном кирпичном доме на центральной усадьбе совхоза. Дали им на отшибе участок земли под огород. Почти как на Урале, если бы... Если бы не купили бабушке Анне Матвеевне маленький деревянный домик — кухня да комнатка — с небольшим фруктовым садом, поэтому подраставшие внуки стали пастись у нее дено и ночью.

В «Майском» Галина пошла в первый класс средней школы. Первая учительница была солидной, строгой, но справедливой, и ученики ее обожали. В школе царил доброжелательная атмосфера, проникнутая духом сопричастности и к тайнам познаваемости мира, и к радостям восприятия его в конкретных — априорных — проявлениях. Вокруг школы и рядом с нею была зеленая зона в несколько гектаров с пашней и насаждениями. Каждому ученику выделялся свой надел — выращивай, что пожелаешь, возделывай по любой агротехнике, хочешь — будь мичуринцем, лысенковцем, а нет — так хоть вейсманистом—морганистом!.. В зеленой зоне у каждого класса были свои заветные уголки. Не-

редко группами, а то и классом, с учителем, в поход ходили в лес, и обязательно — с баяном.

Где—то в классе 5—6-м (Галина Алексеевна не может точно вспомнить, все получилось как бы само собой) стала она... примадонной клубной художественной самодеятельности: сольные концерты под баян и на клубных подмостках, и на полевых станах, и даже в Белореченске на платных концертах! Сцены она не боялась, голос у нее был сильный, широкого диапазона. В ее

репертуаре были почти все зыкинские шлягеры той поры: «Растет в Волгограде березка», «Течет Волга», «Русское поле»... Чтобы певица выглядела взрослее, ей распускали волосы, делали начесы... Пела она не только народные песни, но и современную лирику, и в сопровождении взрослых хоровых ансамблей.

Музыкальные способности у Гали не с бухты-баракты прорезались, а вполне закономерно: у бабушки Анны был хороший сильный голос, мать Алевтина Петровна играла на гитаре и пела под нее приятным камерным голосом.

Когда Гале исполнилось десять лет, ей на день рождения подарили аккордеон. И она, не ставя родителей в известность, без экзаменов поступила в Белореченскую школу... Пятилетнюю программу музыкальной школы по классу аккордеона окончила за три с половиной года, т.е. «музыкалку» завершила одновременно с общеобразовательной восьмилеткой. Ее педагогом все неполные четыре года была Людмила Ивановна, жена директора Белореченского завода. Строгая, требовательная, но Галя своими способностями и прилежанием завоевала ее благорасположение, и оно было взаимным. Такие же — взаиморасполагающие — отношения сложились у нее с инструментом, концертным аккордеоном. Однако занятия в музыкальной школе не довели над пением: Галя продолжала петь, выступать в концертах.

Музыкальная школа располагалась в Белореченске, и Гале приходилось добираться туда из Майского на рейсовом автобусе более часа в один конец.

После окончания общеобразовательной и музыкальной школ Галя поехала с матерью в Краснодар — поступать в музыкальное училище. И хотя об училище шла худая слава (принимают «блат-

ных»), Алевтина Петровна понадеялась на способности дочери. И та не подвела ее, все предметы, в том числе специальность, перед последним экзаменом по литературе были сданы на пять. И вот по литературе — тройка! Демонстративно завальный «трояк», пресловутая «удочка»... Когда Алевтина Петровна забирала документы, секретарь приемной комиссии, посочувствовав, предложила устроить переэкзаменовку.. за 500 рублей. По тем временам это были приличные деньги!

Не только пятнадцатилетняя Галя, но и сорокатрехлетняя Алевтина Петровна с такой несправедливостью столкнулись впервые и были расстроены... Хотя чего было расстраиваться — ведь шел по Союзу «развитой» социализм, трехликий Янус: трибунный, кулуарный и себе на уме!

Климат в Краснодарском крае оказался благодатным, а для среднего брата целительным! Окреп Аркадий в Майском, от недугов избавился. И жить бы да поживать Ваулиным в Майском, да вот денег нехватка! И подались они, как и многие краснодарцы, на север... И снова, как когда—то из Соликамска, в два приема: сначала родители с Галей, а следом — бабушка с внуками...

III. А призвание в Сибири — в Мегионе я нашла...

Сибирь для Гали началась с больницы: когда в августе 74-го года Ваулины добрались до Нижневартовска, у нее обнаружилось сильнейшее пищевое отравление, и выздоровела она лишь в ноябре. Поехала поступать в Сургутское музыкальное училище, не приняли — поздно! Родители к этому времени перебрались в Мегион, и там Галя стала учиться. А на следующий год, выдержав большой конкурс (четыре человека на место) поступила—таки а Сургутское музучилище и через четыре года окончила его.

Учеба в Сургуте шла легко, весело, с задором. Курс Галин был самым успевающим и в то же время — «веселым и находчивым»! Какие они ставили капустники! Оперы натуральные с балетными сценами (либретто с местным колоритом), грандиозные представления, в которых и педагоги участвовали. Сколько смеха, веселья, задора, вдохновения!

Помимо учебы и участия в капустниках, Галя музицировала на концертной балалайке в оркестре народных инструментов, который организовала педагог Шепитько. По классу аккордеона занималась она у Марченка Владимира Николаевича, по второй специальности — дирижированию — обучалась Галина в классе Ады Михайловны Васильевой, по мнению многих, педагогу от бога.

В 79-м году Галина Алексеевна получила направление на работу в Мегионскую музыкальную школу и стала преподавателем по классу аккордеона. При необходимости (нехватка педагогов, отпуска, болезни) замещала и домристов, и балалаечников, и ксилофонистов. Чуть позднее организовала и руководила ансамблем баянистов.

Квартирная проблема (шестеро взрослых в однокомнатной квартире!) вынудила почти на четыре года перевестись в Высоковскую музыкалку: вела там курс баяна и руководила оркестром. Там же, на Высоком, вышла замуж и в 89-м стала матерью дочки Насти... Когда родители получили квартиру в капитальном доме, Галина Алексеевна вернулась с семьей в Мегион — в родную однокомнатную квартиру, родную музыкальную школу.

Галине Алексеевне везло на хороших педагогов, и все лучшее, что было в них, она перенимала и примеряла к себе, к своему «я» — не догматически, а творчески. И вот этот синтез школы и своего понимания сущности предмета и методики, технологии познания дает блестящие результаты: ее ученики не просто успешно учатся, но и творят, пропагандируют свое оригинальное искусство. Пример того — блистательные выступления созданного Галиной Алексеевной Быковой ансамбля ложжарей «Коробейники».

Галина Алексеевна — педагог и руководитель строгий, принципиальный, но в роли доезжачего с арапником не выступает. Для нее дружба — дружбой, а служба — службой. Главное требование к друзьям и ученикам — честность, доброта, искренность, верность обещаниям и идеалам. И — профессионализм! Любовь к делу, которым занимаешься, и профессионализм, с которым ты его делаешь, — вот главное! «К сожалению, — сетует Галина Алексеевна, — за 18 лет, что я работаю, профессионалов встречала очень мало. И не только среди музыкантов, а вообще...»

Свой профессионализм она шлифует и самообразовываясь, и обучаясь: заочно окончила Свердловский филиал Челябинского института культуры при Свердловской консерватории по специальности «дирижер оркестра», при любой возможности участвует в творческих встречах с коллегами, не отказывается от курсов и семинаров.

Помимо преподавания в музыкальной школе и работы с «Коробейниками», с июля 97-го года Галина Алексеевна возглавила известный хоровой коллектив при ДК «Прометей» «Мегионские зори». Это большой, со сложившимися традициями, коллектив энтузиастов: служащие, учителя, медики, водители, связисты — более тридцати человек, объединенных страстной, одержимой любовью к песне (спевки три раза в неделю!).

Галина Алексеевна — человек самостоятельный, жизнь не раз пыталась доканать ее, да не осилила — постояла она за себя! «На Бога надейся, а сам не плошай!» — любимая поговорка. Из композиторов любит она Сергея Рахманинова, особенно «Музыкальные моменты» (си-минорные). «Щелкунчик» Чайковского, «Риголетто» Верди... Из живописи — натюрморты с цветами («селедку и дичь в натюрмортах не люблю!»), пейзажи Поленова, Левитана, Шишкина... Поэты: Пушкин, Есенин, Рубцов... Детективы в духе Агаты Кристи... Цветы — гладиолусы, ромашки... Камень — бриллиант чистой воды. Цвета — контрастные, а духи — легкие, нежные (обоняние очень обостренное, к густым насыщенным запахам аллергия!). Аура теплая, биополе сильное, энергию излучает, гипнотизерам и экстрасенсам неподвластна.

Есть такое понятие: «дозаривать плоды», т.е. доводить их до естественной спелости в особых условиях. Так и Галина Алексеевна ставит себе целью «дозарить» и «Коробейники», и «Мегионские зори»: шлифовать исполнительское мастерство этих коллективов, расширять и усложнять репертуар... Есть и более конкретные планы. Года два назад нашла она талантливую девочку, чем-то похожую на белореченских времен Гаю Ваулину. Зовут эту девочку Ирина Бурлакова. Галина Алексеевна устроила ее в музыкальную школу, ввела солисткой в «Коробейники». Ирина исполняет почти весь репертуар Кадышевой (как когда-то Галя — Зыкиной!). Голос у Бурлаковой — чистый альт, свободный, раздольный. Она стала недавно лауреатом телеконкурса «Цветы Севера» и других номинаций. Теперь нужно развить и сохранить это дарование.

И дочка Настенька пристального внимания требует к своей судьбе. Сейчас она учится в первом классе школы № 2 у Анны Андреевны Бутенко, на подготовительном отделении музыкальной школы по классу фортепиано у Тамары Алексеевны Швец, на первом курсе бальных танцев «Вест» и, кроме этого, поет в ансамбле ложкарей под руководством матери...

...Как видим, яблочко от яблоньки недалеко падает! Только надо вырастить его до спелости, «дозарить» до сладости — на радость людям.

И зима на севере долга, и морозы жгучи, и гнус надоедлив, зато зори во все времена года неторопкие, вдумчивые, через все цвета радуги переливчатые... Сами собой, кажется, начинают звучать неодушевленные предметы, откликаясь на цветомузыку неспеш-

ных северных зорь, а уж живому — грех не откликнуться голосом,
наиграшем, словом, чтобы слиться с гармонией природы.

29.12.97 — 09.01.98 г.

Родилась Галя на Урале.
На Кубани детство провела.
Но свою судьбу и счастье — Галя
в Мегиионе северном нашла.

Радует сердце на просторе,
музыкой исходит до зари...
И поют одним дыханьем «Зори»,
наигрыши сыпят ложки...

22.01.98 г.

Хризантемы долго будут цвести...

Людмила Васильевна Беломестных в Мегионской школе искусств ведет занятия по классу фортепиано, помимо этого она — концертмейстер в классе хореографии. С Мегионской музыкальной «деревяшечкой» связана практически вся трудовая биография Людмилы Васильевны: двадцать один год назад она переступила порог школы, и было ей тогда без месяца столько же...

А родилась Людмила Васильевна, тогда просто Люда Мирошникова, теплой золотой осенью 53-го года в городе Омске, в его левобережной части. Отец, Василий Васильевич Мирошников, 27-го года рождения, уроженец Фрунзе (ныне Бишкек), был призван в армию в конце войны: повоевать ему не пришлось, зато солдатскую лямку тянул аж семь лет. Сам он был сиротой (родители умерли, когда ему было четыре года) и после демобилизации не поехал к сестрам в Киргизию, остался в Сибири. В 52-м он женился на Надежде Александровне Яковлевой, своей ровеснице. Через три года молодая семья с двухгодовалой Людой переехала из Омска в небольшой городок Исилькуль — поближе к жениной родине.

Людина мать, Надежда Александровна, родилась в Называемском районе Омской области в зажиточной крестьянской семье. Родители ее, Александр Васильевич Яковлев и Аксинья Васильевна (в девичестве Зубанина) были трудолюбивы и удачливы в работе; они верили в Бога и в земную справедливость. Жизнь вели размеренную и воздержанную, особенно Аксинья Васильевна: она соблюдала все христианские каноны и посты. И, может, поэтому, несмотря на многие беды и обиды, жива до сих пор, ей 93 года. Сейчас она и физически, и духовно уже немощна, но еще пару десятков лет назад корила своих детей: «Таки молоды, а уж спины у них болят, эка!» Была бабушка Аксинья Васильевна крупнотелой, чернявой, неутомимой по хозяйству, и уже в достаточно пожилом возрасте по три ведра молока — на коромысле и в руке — носила за несколько верст на молоканку...

С мужем, Александром Васильевичем, представляли они своеобразную пару: она — высокая, дородная, кровь с молоком, темноволосяя, он — пониже ростом, худощав, жилист. Но жили они в любви и согласии. К сожалению, когда их раскулачили и сослали, как говорила бабушка Аксинья, в «урман», Александр Васильевич, ослабленный тяготами ссылки, простудился и скончался. Людмилиной маме, Надежде Александровне, было о ту пору два года...

Город Исилькуль, куда привезли двухлетнюю (вот совпадение!) Люду, был заложен в 1895 году при строительстве транссибирской магистрали как железнодорожная станция среди ровной, как стол, ковыльной степи. В этом городке прошли детские и школьные годы Людмилы.

В школу она пошла в памятном, гагаринском 61-м году.

В семье не было профессиональных музыкантов, но музыку любили. Надежда Александровна по настроению недурно пела народные песни и шлягеры тех лет, аккомпанируя себе на гитаре. Заметив у дочери музыкальные наклонности, она решила дать ей музыкальное образование и для начала записала во Дворец пионеров в класс баяна. Но обычно послушная — домашний ребенок! — Люда на этот раз заупрямилась, закомплексовала. В классе одни мальчишки, педагог — тоже мужчина. «Не буду ходить и все!» Мать не стала настаивать, но снова без согласия дочери определила ее в музыкальную школу в класс фортепиано. На этот раз дочь не упрямилась, наоборот, была благодарна матери: учеба в музыкалке пришлась Люде по душе, а педагог Нина Анатольевна Ковязина очаровала ее и стала в дальнейшем идеалом учителя и наставника.

Учиться в двух школах было нелегко, музыкалка была на другом конце города, и дорога отнимала много времени и доставляла лишние хлопоты и тяготы.

Хотя Омск как культурно-музыкальный центр был несравненно престижнее Петропавловска и находился от Исилькуля не далее, выпускники исилькульских школ и, в частности, музыкальной, по установившейся традиции предпочитали Петропавловск. Вот и Людмила Мирошникова в 71-м году уехала туда с подружкой Людмилой Скрипниковой и поступила в музыкальное училище. Прошло четыре года, и она успешно окончила его и получила направление в маленький городок Булаево, в Северо-Казахстанской области; в нем она проработала целый год. А вообще-то трудовая биография у Людмилы Васильевны началась еще в училище, на старших курсах она работала концертмейстером хореографического отделения.

По воспитанию (возможно, и по натуре) была она очень привязана к родительскому очагу, и одна в Булаево скучала. Скучали и родители. Через год, к вящей радости ее, из Нижневартовска, куда перебрались родители, пришел вызов, выхлопотанный ими, с приглашением на работу в Мегионскую музыкальную школу. 31 августа 1976 года Людмила Васильевна Мирошникова была назначена педагогом Мегионской школы. Дали ей класс фортепиано: восемнадцать самых младших учеников.

*Людмила Беломестных и ее ученица
Наташа Лосюк. 1990 г.*

Трудновато было, жила у родителей в Нижневартовске, много времени уходило на дорогу. Директор школы, Кузнецова Галина Серафимовна, нашла на время выход: выделила класс под общежитие для нескольких специалистов, а месяцев через пять выбрала квартиру под общежитие по Советской. И стала Людмила Васильевна жить в ней с двумя молодыми выпускницами Сургутского музучилища. Жили дружно, интересно: возраст, образование, место работы — все объединяло. Разве что темперамент и вкусы не во всем совпадали, но это делало жизнь разнообразней и красочней. По выходным и на праздники — к родителям!

И ученики пошли — ельничком, осинничком, густым березовым подростом... Это со стороны кажется, что они, как молодая поросль, на одно лицо, а педагогу каждый запоминается «лица необщим выраженьем»: способностями, характером, открытостью души...

Хотя с самых первых своих шагов на педагогическом поприще положила себе: не выделять и не иметь любимчиков («неспособных детей нету!» — ее учительское кредо), внутренне, про себя, «греховно» она отмечала, что больше ей нравятся дети открытые, искренние, непосредственные, с незажатым «я». С ними и заниматься легче, и с заданиями они успешнее справляются, замечания схватывают на лету и не комплексуют из-за ошибок, адекватно относятся и к педагогам, и к одноклассникам: уважают их права и понимают свои обязанности. Убрать зажатость, раскрепостить ум и благородные чувства малыша и подростка, пожалуй, важнее, чем обучить его специальности. Поэтому нужно самому совершенствоваться.

Людмила Васильевна не забывала про самообразование, готовила рефераты, не отказывалась от курсов повышения квалификации,

прислушивалась к советам специалистов, приезжавших в школу в порядке обмена опытом. И где бы ни была, посещала концерты и театральные спектакли. И, конечно, сама принимала участие и в отчетных концертах, и в любых других — студенткой и педагогом.

Весной 77-го года Людмила Васильевна Мирошникова познакомилась на майской вечеринке с водителем плетевоза Александром Павловичем Беломестных, а через два года с небольшим сменила фамилию: свадьба состоялась в золотом сентябре, незадолго до дня ее рождения в кафе «Северянка». Совсем скоро двадцатилетний юбилей, а порою кажется ей, что все это было недавно — рукой подать, чуть ли не позапрошлым бабьим, в паутинках воспоминаний, золотистым летом...

Александр Павлович — сибиряк, родом из-под Иркутска. В тех краях, в селе Хорик, до сих пор живут его матушка и брат. В прежние годы всей семьей навещали родню, теперь из-за дальней дороги такой возможности уже нет, чередовать приходится поездки. Александр Павлович — надежный человек, любящий муж, крепкий семьянин, добрый и чуткий отец. И, что не маловажно в наше время, хозяин рачительный, мастер на все руки. Дачей вот обзавелись сейчас. Собаку держат. Аквариум интересный у них. И хорошо бы, да все догляда требует: не бросишь же на произвол судьбы при отъезде, приходится кому-то отделяться от семьи — не обременять же своими заботами друзей и знакомых!

Растут у Беломестных две дочери: у одной отцовские гены преобладают, у другой — материнские.

Однако по материнским стопам ни одна не пошла: получили школьное музыкальное образование, а профессионально заниматься музыкой не пожелали!

Старшая закончила Мегионскую школу № 2 и поступила в Сургутский университет на перспективный факультет информационных технологий. Младшая учится в 9-м классе (кстати, именно она и отыскала сестре в справочнике эту специальность двадцать первого века). Обе дочери рукодельницы и заядлые читари (книголюбы и книгочеи).

У Людмилы Васильевны любимое музыкальное произведение — «Лунная соната» Бетховена (любимый композитор — он же). Из современных «звезд» нравятся Пугачева, Аллегрова, Серов.

Любимые цветы — хризантемы и розы. Камни — сапфир, янтарь. Цвета — морской волны, красной розы. По гороскопу — весы. Отзывчива на юмор, не прочь мягко пошутить сама. Аура теплая, благожелательная.

...Благодарная все же педагогическая стезя и отзывчивая, с обратной связью: нет-нет, да и скажет кто-нибудь из встречных, по-

здоровавшись: «Спасибо вам от всего сердца, Людмила Васильевна, за то, что вы дали мне возможность насладиться звуковой гармонией и пониманием, ввели меня в мир Музыки!» И я уверен, что еще много подобных слов прозвучит в адрес Людмилы Васильевны Беломестных и других ее замечательных коллег.

В душе не отцветают хризантемы:
они благоухают и звучат,
как прежде, — хоть давно уже не те мы:
стоит на каждом времени печать...
Есть добрые дела, но и грехов не счесть...
И все же — хризантемы будут цвести!

27.12.97 — 07.01.98г.

Танцуй — и грех уныния изыдет

Невысокая, светловолосая, с чуть удлинненным овалом лица, Елизавета Ивановна Епишина в том славном женском возрасте, про который говорят, что «баба — ягодка опять!» У нее легкие движения, в разговоре она предупредительно-догадлива, как в танце: реагирует на малейшее изменение, даже нечаянное, темы беседы, и неудивительно, ведь она — преподаватель Мегионской школы искусств по классу хореографии. По темпу речи (аллегро!), по мажорной доминанте в голосе, даже после короткого разговора можно понять, что Елизавета Ивановна — энергична, уверена в себе и жить ей — нравится!

Елизавета Ивановна Родилась 29 июля 1952 года в Ивановской области в старинном Вичуге — городе ткачих, про который пелось «...городок наш ничего...»

По материнской линии она из рода Смирновых, живших испокон в селе Семеновское—Лапотное Ивановской губернии (ныне село Островское Костромской области), предки занимались коневодством. Дед Иван Андреевич Смирнов (родился в 1889 году) прожил долгую жизнь — 82 года, в молодости занимался исконно родовым делом: косил травы, метал стога, гонял в ночное табун, обратывал недоуздов — крестьянствовал, словом, а потом — воевал на Германской, на гражданской, ударно строил социализм... После Отечественной успел с внуками пообщаться: с удовольствием читал им сказки и стишки да побасенки детские, и про себя — серьезные книги — до мреянья в глазах. Завзятым читарем был дед, а глядя на него — и внуки стали со временем книгочеями. А вот бабушка Елизавета Алексеевна Смирнова совсем мало прожила, еще до рождения Лизы ушла в мир иной, в память о ней и назвали позже ее именем внучку.

Дед по отцовской линии — Федор Тимофеевич Обухов — из оренбургских (яицких) казаков, погиб в Отечественную под Москвой. И Лизин отец, Иван Федорович, 26-го года рождения, тоже воевал: совсем еще юношей освобождал Венгрию, брал Берлин.

С матерью Лизы, Музой Ивановной Смирновой, познакомился отец по переписке: во время войны слали девушки бойцам на фронт теплые, воодушевительные письма треугольные и открытки, немудреные посылки с вязаными, вышитыми кисетами и платочками, с табачком и бумагой на самокрутки, со свойскими галетами и шматочками сальца... А кто и фотокарточку вкладывал...

Кончилась война, после демобилизации приехал Иван Обухов в Вичегу для личного знакомства с Музой, да угадал на похороны Елизаветы Алексеевны, так и не успевшей стать ему тещей.

Пока справляли дела горестные, присмотрелись молодые люди — лично! — друг к другу: понравились! Да и горе, видимо, общие заботы еще больше сблизили. Короче, так и остался Иван Федорович в старинном городе Вичуге, на Ивановской земле...

Дед Федор, отец с матерью да брат с сестренкой — впятером жили Обуховы в Вичуге по Ленинградской улице, застроенной трехэтажками красного кирпича. Но только в их доме были отдельные двухкомнатные квартиры, а в остальных — коммуналки с коридорной системой, с общей кухней и прочими местами общего пользования. Им повезло, дом, вероятно, строился в тридцатые годы для ИТР или для иностранных специалистов, когда налаживалась в городе текстильная и машиностроительная промышленность. Но отопление во всех домах печное: вечная проблема дров и воды. Зато сейчас печи, как «в лучших домах Лондона и Парижа», переделываются в камины... Родители Елизаветы Ивановны тоже планируют погреться у камина! Но это — ныне, а в детские Лизины времена отец работал начальником горгаза, мать домохозяйничала, дети учились.

В школу-восьмилетку № 17 Лиза поступила в 59-м году. Первая учительница — Валентина Ивановна Полякова.

Школа — красивая, как и должно быть: чтобы чувство благоговейное к своей альма матер зарождалось загодя, само по себе. Это же и к городу относится: были в нем и помимо школы старинные здания с архитектурными «излишествами» — колоннами, фронтонами, карнизами, парадными лестницами со львами: больница, дворец культуры и другие. Все их связывают с именем фабриканта Коновалова, так же, как и пруды, которые до сих пор зовутся коноваловскими. На эти пруды бегала купаться вся вичуговская детвора.

Одновременно со школой отдали родители Лизу в детскую балетную студию. И в школе, и в студии занималась она с душой, раскрепощенно, к урокам относилась ответственно.

В десять лет ей купили пианино. Обучаться она начала частным образом с приходящей учительницей музыки. Случилось это в далеком уже 62-м году. Пианино в те времена было редкостью. Известно точно, что в Лизином доме, да, пожалуй, и на всей Ленинградской улице, оно стало первым. Так же, как и знаменитый телевизор КВН, с линзой, с цветными пленками — диво—дивное той поры! Неудивительно, что послушать живые, сочные звуки редкостного инструмента, посмотреть телепередачи приходили к

Обуховым и соседи, и родня: может, и неинтересно — больно уж любопытно! («Теть Польш, спите?..» «А? Да не-не, мотрю, милая... Задумалась!»).

В школе — синусы-косинусы, щелочи-кислоты, аноды-катоды, Онегины—Базаровы... В студии — пуанты-пачки, батман-танцю, демиплие, фуэте... Дома — гармонические ряды, гаммы. ключи, доминанты... Да еще выступления на вечерах, на смотрах-конкурсах, на праздничных концертах — народные танцы: и русские, и украинские, и многих других народов мира... И на все времени хватало!

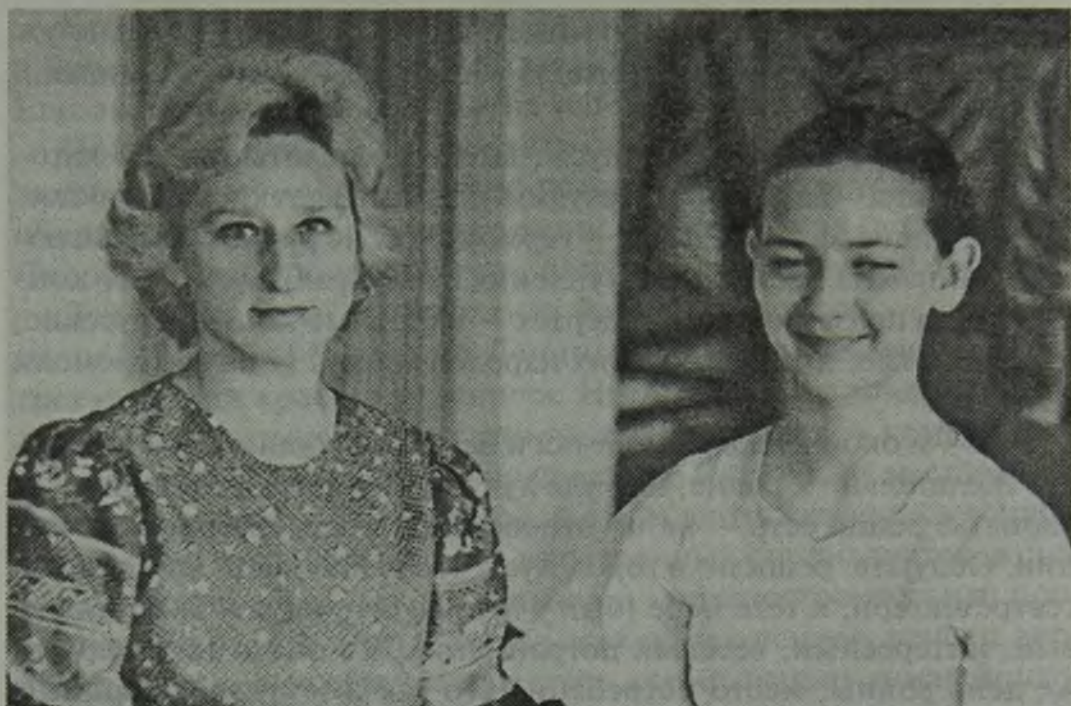
В 68—м окончена восьмилетка и балетная студия. Куда податься? Желательно к родне, но куда лучше? И в Узбекистане, и в Закарпатье родня есть — не по отцовской, так по материнской линии. Обдумав, решили: в город Хуст, что в Закарпатье, к старшей сестре матери, к тете Вере (был у Музы Ивановны и брат, кудрявый, интересный, веселый пограничник, но он погиб в первый же день войны, место погребения его так и не удалось родным найти). За Хуст было два главных обстоятельства: в городе есть училище искусств и двоюродные сестры—ровесницы. Выдержав конкурс, Лиза стала учиться в училище искусств и жить под крылышком тети Веры.

Легкость движения, чувство ритма, пластика — у Лизы врожденные, сказались гены отца: он хорошо танцевал, плясал, бил чечетку. Чувство прекрасного у него было развито: любил живопись, сам неплохо рисовал. Мать, Муза Ивановна, имела природный голос, неплохо пела. Неудивительно, что Лиза, будущая Елизавета Ивановна, с удовольствием, энтузиазмом и успехом осваивала будущую специальность.

Родители между тем в 70-м году уехали из Вичуги в Мегион. А в 71-м году, получив свободный диплом, к ним приехала дочь — Елизавета Ивановна...

Отец стал работать начальником РММ в одной из мегионских транспортных организаций, название которой за прошедшие годы много раз менялось, а мать, здесь же, завскладом. Жили они тогда в балочном городке МУБР («Наш вагончик до сих пор стоит! — восклицает Елизавета Ивановна. В интонации — и ностальгия, и удивление: как можно было жить в вагончике?! И еще гамма чувств.»).

В Мегионе устроилась Елизавета Ивановна в клуб геологов (зеленая «деревяшка» сохранилась, стоит на Ленина, рядом с магазином «Геолог») и с сентября 71-го года открыла детскую балетную студию. Желающих заниматься в студии оказалось диво как много — более шестидесяти детей! Заведовал клубом Сысоев Вик-

Елизавета Ивановна Епишина с ученицей Сашей Шлыковой. 1980 г.

тор Петрович. Аккомпанировал баянист из музыкальной школы Владимир Григорьевич...

Интересное было время! Занятия, вечера, концерты, смотры-конкурсы, танцы... Сама не только обучала, показывала, но и в концертах участвовала, помнится, с директором клуба румбу танцевала!

Мегион еще только начинал благоустраиваться, везде проблема с жильем. В 73-м родители получили квартиру в брусчатой двухэтажке: неоштукатуренную, без коммуникаций... Но были в той жизни и свои плюсы: клюкву, например, брали там, где сейчас поселок СУ-920 и дачи.

Два года проработала в сельском доме культуры, а в 75-м перевелась в музыкальную школу, где работает до сих пор. Директором музыкальной школы была Кузнецова Галина Серафимовна (сейчас она директор школы искусств в поселке Высоком). Балетный класс в музыкалке по тем возможностям имел сносное оборудование: станки, зеркала, аккомпанемент...

Поскольку музыке школьница Лиза училась в частном порядке, хореограф Елизавета Ивановна закончила вечернее отделение музыкальной школы, в которой ей впоследствии пришлось трудиться.

В 80-м году Елизавета Ивановна Обухова сменила фамилию — вышла замуж за ярославца (почти земляка!) Виктора Викторовича Епишина...

А познакомилась она со своим будущим мужем, можно сказать, через мать — первое время Муза Ивановна работала комендантом

общежития, и вот, придя к ней по какому—то делу, Елизавета Ивановна и встретила свою половину... Впрочем, поскольку Виктор Епишин работал водителем в том же автопредприятии, где и отец, Елизавета Ивановна могла бы познакомиться с ним и через него: от судьбы, как говорится, не уйдешь!

С мужем Елизавете Ивановне повезло. Виктор Викторович — хороший семьянин, уважительно относится к теще и тестю, не забывает и свою родню. Он и фотограф, и телеоператор... А уж про «отвезти-привезти» говорить нечего: ноу проблемз! Зачастую и в отпуске он как бы на работе, за рулем, зато семье удобно. Благодаря ему познакомились Епишины со многими замечательными уголками России — не с экрана, не из иллюминатора, не из окна вагонного, а лицом к лицу — в упор, на нюх, на вдох, на ощупь, на вкус — всеми мыслимыми рецепторами и немислимыми. Когда муж в ночь-полночь встречает тебя с репетиций, концертов, из поездок, когда за ним, как за каменной спиной, легче, несомненно, отдавать свою энергию, знания, умение, искусство свое, наконец, ученикам, слушателям, зрителям — своим землякам в первую очередь.

Не одна сотня юных мегионцев прошла через класс Елизаветы Ивановны Обуховой-Епишиной. Некоторые из них покинули родные пенаты, разлетелись по России, по свету, но большинство живет в Мегионе, занимаясь в будни каким-нибудь прозаическим, но полезным делом — их можно заметить и выделить из толпы по осанке, по летящей походке, по тому, как мягко ступают они по мегионской земле даже в тяжелых рабочих бахилах...

У Епишиных дочь с редким, но таким славянским именем: Иванна... От родителей унаследовала она способности и трудолюбие, учится в гимназии и в школе искусств — сразу на двух отделениях: хореографическом и фортепиано. Любит Мегион, Ярославль и Вичугу, родителей и деда с бабушкой, балет и музыку. А во взрослой жизни планирует преподавать... химию. (Ничего себе антраша! Впрочем, у нее есть время передумать, ей всего тринадцать лет пока.)

Двадцать четыре года преподает Елизавета Ивановна Епишина в Мегионской школе искусств. Она полна сил, задора, творческих планов. По гороскопу Лев. Любимые композиторы — Чайковский и Шопен. Импонирует ей модерн-балет. В свободное время, при свете бра, не прочь почитать исторические романы и хорошие детективы. Из наших «звезд» выделяет Валерия Леонтьева. Из цветов — гвоздики. Из камней — рубин. Из учеников — способных и работающих, но любит — всех.

27.12.97 г.

Мажорная доминанта

В мае 1996 года Мегионской музыкальной школе присвоили статус школы искусств. Вот уже восемнадцать лет возглавляет Мегионскую школу искусств №1 Раиса Васильевна Беликова, ранее работавшая здесь же преподавателем по классу фортепиано.

Многие учащиеся Мегионской школы Искусств и музыкальные коллективы, созданные при ней, известны своим исполнительским мастерством не только в Мегионе, но и за пределами города и региона, в том числе и за рубежом, и являются дипломантами престижных конкурсов, смотров и фестивалей.

Высокую репутацию Мегионской школы искусств вновь подтвердили ее посланцы на проходивших недавно в Нягани (окружном) и в Тобольске (региональном) фестивалях-конкурсах детского и юношеского творчества. В Тобольске особенно отличились воспитанники преподавателя Г.А.Быковой. В частности, ее ученица Ирина Бурликова получила путевку в Сопот на Международный фестиваль детского и юношеского творчества.

Коллектив школы сотрудничает с коллегами из Нижневартовска, Лангепаса, Сургута, Тюмени и Санкт-Петербурга.

Сейчас в школе искусств идут экзамены.

Кабинет директора школы распахнут, однако самой Раисы Васильевны Беликовой в нем нет. Зато директорское пианино издает сложные пассажи: за ним сидит худощавый смуглый парень, кудрявые длинные волосы его стянуты резинкой, подрагивают в такт музыке... Почувствовав постороннего, он обернулся и поздоровался.

Я разместился за приставным столом и начал в ожидании хозяйки кабинета изучать принесенные «бумаги», краем уха прислушиваясь к игре ученика? или, как я, посетителя?.. Для ученика он играл виртуозно! Это на мой, непросвещенный слух. Я не узнал, что он играл... Но исполнение пьесы звучало профессионально: сочно, весело, гармонично.

Однако неожиданно появившаяся в проеме двери Раиса Васильевна думала, очевидно, иначе...

— Что вы! Я — почти пенсионерка! — Раиса Васильевна выхватила, трагически сцепив руки перед собой. — Столько вынести... Уже который год — в новое здание! Горбатов — обещал. Чепайкин — обещает. А ведь школе — 30 лет. Надо было к началу учебного года. Отнесли: снова не успевают! В новое здание переселю школу — и на пенсию! Вы уж напишите что-нибудь о нас. Да вот хотя бы...

... Так я и влип: получилась серия очерков... о преподавателях.

Прихожу с одним: дать прочесть героине и...

— Раиса Васильевна! Я ж приходил написать — о вас!

— Вот! Сейчас придет ин-терес-нейший человек! О ней, если сможете, попробуйте написать: интереснейший человек!

Раиса Васильевна чернява, как южная украинка, но худощавость, по южно-украинским понятиям, ее не бросается в глаза. Голос ее резковат, с хрипотцой, свойственной руководителям.

— А что вы думаете? Скоро в прораба превращусь — с таким строительством! В самом деле, ненормативная лексика порой сама просится на язык! Мы в этой — правильно сказали: в «музыкальной деревяшечке» — давно уже другое поколение учим азам музыки... Новые города по соседству построены, а в них прекрасные, современно оснащенные классы... И только мегионцы, открыватели Самотлора, тридцать лет посылают своих детей в «деревяшечку»! Мы, конечно, и в «деревяшечке» стараемся не ударить в грязь лицом, вон, посмотрите, сколько наших выпускников и учеников блистают на музыкальном небосводе... Не только на нашем, местном, но и на российском, на международном даже... Но ведь надо же когда-то и нас уважить! Сейчас жмем! Во все инстанции! Со всею нашей силой! А какие наши силы? — Раиса Васильевна делает резкий пируэт: — Наши силы — в наших учениках! В наших педагогах! В желании родителей дать своим детям образование. Не только музыкальное! Мы — школа искусств... Достоевский сказал: «Красота спасет мир», а красоту только и понять можно, и приобщиться к ней — через искусство...

Но приобщение к искусству — ох какое непростое дело!

Это подтвердила появившаяся в проеме дверей своего кабинета Раиса Васильевна.

— Нет-нет! — в привычной отстраненно—назидательной манере, даже не здороваясь, сказала он. — Здесь ПОДЧЕРКНУТО должна звучать мажорная доминанта в гармоническом миноре... — И она проиграла предыдущую музыкальную фразу, исполненную ее учеником в то время, когда она еще шла по коридору.

И они заговорили на профессиональном языке. Наш общий знакомый брал сложные аккорды, проигрывал многократно отрывки, фразы до тех пор, пока в голосе Раисы Васильевны я не услышал мажорную окраску.

После четырех очерков, шутливых эпиграмм к «Юбилею», в привычном: «Ну что вы ко мне пристали? Нет в моей биографии ничего, что было бы интересно читателям! Кроме работы — ничего!» — мне послышались мажорные... Как бы это сказать? Оттенки, что ли? — в ее отказе. Это вроде как в феврале на горизонте вдруг замечаешь: в полоске леса, дотоле черной или серой, вдруг появился фиолетовый оттенок... Случилось что-то с почками бе-

Раиса Васильевна Беликова

рез: шеломовидные их оголовки дрогнули в предчувствии весны... не открылись, но попробовали, есть ли свобода на крыльцах, не окостенели ли за зиму? Стоит ли набухать, хлорофилить и зеленеть?

Так и тут: «Стоит ли раскрывать свою биографию, возможно, расстроившись воспоминаниями детства, свою, затаенную от чужого взгляда, сокровенную душу? Душу, которую не каждому и исповеднику можно приоткрыть: как ее коснутся своими словесными языцами благословенные или самозваные «инженеры душ»?

Я так рассуждал. Прав я был или нет?

А тут еще «подсиропил»!

— А я, хотите? — изучив ваш кабинет, не спрашивая никого из ваших работников о вас, расскажу все о вас? Ну, я разумею, характер... Не внешность. Внешность я почти описал. Да, к сожалению, и не биографию...

...Дизайнер явно не бывал в этом кабинете. Два окна с восточной стороны. Рабочий стол с юга, то есть свет справа. (А как он по канонам? Свет должен падать слева!) За спиной — два шкафа черного дерева. Высокие. Слева, ошую, электрокамин, телевизор, сейф. Над телевизором натюрморт — ярко-синие васильки. На сейфе, как икона на божнице, дар известной местной художницы. Прямо — приставной стол со стульями от батареи: сидишь под

форточкой и греешь радикулит. Поэтому посетители садятся вдоль противоположной стенки, и подале от фортки, и глаза в глаза с директором. Тем более, что над ними — сирень! Натюрморт. Четыре ветки — лиловая, две — белая...

Графин... Ветки сирени в нем. Жемчужные отблески... И рядом с графином — упавшая кисть. В ней или в стоящих в воде кистях сирени — детское пятизвездочное счастье? Нет, юношеское! В юности кажется, найду его, счастье, съем — и всю жизнь буду счастлива! Нет, это должна сделать твоя мама... Съест она цветок с пятью лепестками — ты и родишься счастливой.

— Ну кто ж сирень не любит? — Раиса Васильевна грустно соглашается. — Да как ее не любить? Отзывчивый, русской души цветок! Чем больше ее ломают, тем гуще цветет! Ветка сирени, ветка сирени...

«Холодная капля с ветки сирени...
Холодная капля с ветки сирени —
это не капля холодной росы!
Свежая капля с сиреновой ветки —
как поцелуй твоей будущей детки.
О! Зарожденное чудо красы!»

Василий Семенович Беликов, 1909 года рождения, образование получил при советской власти. Стал врачом. Когда началась Великая Отечественная война, пошел на фронт. Ему было за что сражаться: в Донецке оставались дочь, жена и мать.

Василий Семенович пережил все фронтовые тяготы, а семья не менее трудные оккупационные будни, со слов матери, бабушки знает Раиса Васильевна, но от этого ей не менее горько: оккупацию она представляет лишь как нечто — духовное! А была ведь и натуральная! «Натюрлих».

— Что вы мне об этом «натюрлих»! Музыкальное образование должно стать образованием! Тогда никакой «натюрлих» нам не станет страшен. Научите человека понимать, и он поймет! Он поймет это...

Но до этого — надо было родиться в госпитале в Донецке, где отец — врач. Сестра Лариса, 41-го года рождения, и мать, и бабушка.

Сестра и ее семья — медики.

Она, Раиса, стала музыкантом.

В школу пошла рано. В девять лет почувствовала влечение к музыке: ездила в музыкальную школу на троллейбусе, потом — пешком.

Это в Донецке, разрушенном войной и восстанавливаемом!

Ездила девчужка одна. (Я «то» время представляю! Идет фифа, да еще со специальной папочкой — в Уфе у нас они так ходили! Я

даже помню бантики — на папке и на головке. И — чтоб снежком не зафитилить?..)

Говорит, не обращала внимания!

Поступила в музыкальное училище. На третьем курсе музучилища подрабатывала в своей музыкальной школе концертмейстером.

В 1964 году окончила училище, стала работать по направлению. Отец, за которым они были, как за каменной стеной они были, трагически погиб...

Надо было жить...

Познавала музыку. Нравилась Чайковский, Рахманинов, Шопен... Исполнять приходилось аккомпанемент! Но отрабатывалась техника, оттачивалось мастерство, утончался слух. Приходил опыт! Не опыт мастерового, хотя и он ценен, опыт мастера! Приходил опыт педагога.

После окончания музучилища работала какое—то время в той же школе, где подрабатывала студенткой. (даже во сне знала, что придется этим заниматься всю жизнь — приобщать людей к музыке!)

Так же, как мы сейчас живем в нашей «музыкальной деревяшечке»! Тесно. Шумно. Как в коммуналке!

Деревяшечка ль ты моя, деревяшечка!
Поскрипушка ль ты моя, продувашечка!
Тридцать лет как нет, как мгновение.
И другое уже поколение...

Или:

... Лишь музыка прекрасная слышна
в твоих стенах — торжественно и ново —
душа подвластна музыке: она
ей скажет то, о чем не скажет слово!

Такие стихи я написал под впечатлением от встреч с Раисой Васильевной и ее коллегами, хотя «вначале было слово!»

... Может, и права Раиса Васильевна, зачем это нам: Семен родил Василю, Василий родил Раису, Раиса родила Викторию... Виктория...

И все равно я не согласен с Раисой Васильевной — равно не соглашусь с вами — коли вы заодно. Нет, надо знать и далее Семена!

Мы — народ. Мы — музыка! Но знать, от каких «до, ре, ми...» и в каких комбинациях, аккордах, с какими пассажами нас произвели...

В конце концов, с какой доминантой! Знать было бы любопытно.

Раиса Васильевна, даже узнавши, не загрустит — у нее мажорная доминанта! От Василю? Семена? Али от... Баяна?..

03.05.98 г.

На всю ступню

Галина Серафимовна Кузнецова — директор детской школы искусств в поселке Высоком, который находится по сибирским понятиям рядом с Мегионом. Мы беседуем с ней в ее светлом узковатом кабинете, разделенном мебельной стенкой на две условные части: рабочую и зону отдыха.

О встрече мы сговаривались давно, и в Мегионе она могла бы состояться гораздо раньше, но, видимо, было так правильнее — встретиться на ее рабочем месте. Во-первых, по дороге я смог оценить изменения в самом поселке Высоком, где не бывал уже много лет. И, во-вторых, ощутить саму атмосферу возглавляемого Галиной Серафимовной учебного заведения не только с ее слов, но увидеть, услышать, прикоснуться к ее делу: самому почувствовать шестым — неведомым — чувством звучание стен музыкалки, впитавшей голоса отучившихся здесь учеников, первых преподавателей...

Сам поселок, честно говоря, произвел на меня впечатление какой-то спокойной неустроенности. Виной тому, может быть, снежная зима: серые кучи снега портили вид, так же, впрочем, как и обвисшие, как паутина, провода и кабели между бегущими врассыпную столбами и опорами. Разномастные тусклые строения и заборы с перекосиной не украшали поселок тоже.

«Впрочем, — укорил я себя в предвзятости, — Мегион после отпуска тоже кажется неустроенным. Для высококовской ребятни это — дом родной, по-домашнему уютный!»

И в самом деле, стоило мне пойти в школу искусств, как настроение сразу поднялось. Причиной тому были жизнерадостные детские голоса, приглушенная разноголосица инструментов, доносившаяся из классов, непосредственная игра цветowych пятен на стенах коридоров: работы учеников школы...

И поселок Высокий стал видеться мне уже в ином — одушевленном — свете.

Желание познакомиться с Галиной Серафимовной Кузнецовой возникло на вечере, посвященном 30-летию Мегионской детской школы искусств, когда я узнал, что она — одна из ее основательниц, бывший ее директор в первые годы становления этого первого музыкального учреждения в Мегионе — в поселке, затем городе первооткрывателей черного золота Приобья...

Приятно было узнать, что Галина Серафимовна — коренная мегионка. Родилась она на самом берегу великой сибирской реки — Оби! Стенания реки в период ледохода, раскат волны во

время грозового половодья, ласковый лепет утренней ряби, лунная дорожка в штилевое затишье бабьего лета — все это было рядышком, под окошком! И это — незабываемо. И я уверен, сказано и на характере Галины Серафимовны, ее братьев и сестер.

А самое главное — ее родители, их пример житейского, гражданского и человеческого подвига.

Такая подробность. Галина родилась последышем: в 45-м победном году, 4 ноября (как говорится, в преддверии великого праздника!). В мамин день рождения! Поистине очень символично.

Мама ее, Анна Петровна Меринова, родилась за десять лет и три дня до «великого праздника в будущей Новосибирской области. Семнадцати лет по пылкой любви вышла замуж за сына священника Серафима Адамовича Седых. Поселились молодые в деревне Бочкаревке. Раскулачивали не только во время коллективизации, при Сталине, но и гораздо раньше: при добром дедушке Ленине; называлось это экспроприацией. В 20-м году «поповская» семья Седых была выселена из своего дома, а все имущество экспроприровано в пользу бедных. Анна Петровна не один раз встречала в своих нарядах жен комбедовцев, форсировавших в них и в будни, видела и чаепитие (а чаще самогонопитие!) из своих чайных наборов. Обижаться горько она, мне кажется, обязана была, а вот злобе — судя по ее дальнейшей жизни, в ее сердце не нашлось места...

Оправившуюся после экспроприации 20-х годов молодую семью, вновь зажившую благодаря своему трудолюбию, во время коллективизации раскулачили: главу, поповича Серафима Адамовича, сослали на Прокопьевские рудники, а остальных — жену и двоих детей, посадив в телегу, выдав лопату и топор, по кружке овса и крупы сухим пайком, отправили на спецпоселение (постановление Кыштовского РИК № 3 от 12.05.1931 г.).

Везли, как работоторговцы негров, в закрытых трюмах, умерших даже не давали предать земле по-христиански...

Но мир не без добрых людей и, видимо, не без Бога.

Серафиму Адамовичу удалось бежать с рудника, разыскать семью, при этом легализоваться, сдавшись в комендатуру. Как бы то ни было, со статусом спецпереселенцев удалось им завербоваться на Нижневартовский рыбозавод уже в 1931 году.

Жили очень трудно. Местные жители к ссыльным относились настороженно, мягко говоря, запуганные пропагандой и репрессиями, с недоверием.

Но трудолюбие, добросовестность и порядочность семейства Седых делали свое дело. Перед войной в Мегионе открыли рыбоприемный пункт, и Серафим Адамович стал его заведующим (во

время войны ему выдали даже бронь, хотя здесь могли сыграть свою роль и другие факторы: он был спецпереселенцем и у него было больное сердце). Случилось это в 1940 году. В Мегионе у Анны Петровны и Серафима Адамовича родилось трое детей — мегионцев; здесь же они со временем и сами навечно упокоились.

А тогда, в сороковом, зажили они в Мегионе, как на земле обетованной: имелись и корова, и лошадь, и домашняя птица, и земля суровая отзывалась на радушное к себе отношение: росли огурцы на навозных грядках, капуста и картошка родились, и лук... А уж дары природы — сам Бог велел брать от щедрот своих!

— Орехи, грибы, ягоды... Не поверите: очищенных кедровых орешков по 12 бочек стояло! — говорит Галина Серафимовна. — Но ведь зато, как у мамы свободное время, мы за ней, как утятки за утицей, в лес, в тайгу, на болота — за этими самыми дарами... Всегда были при деле. Себе запасали и государству сдавали: за копейки, но и то приход. Дрова, сено — все у нас было запасено впрок. Это ведь начало пятидесятых: мне было лет шесть-семь. Из колхоза приходили — картошку из подполья выгребали. Сено забирали, если колхозному скоту не хватало — обиркуют стог, и ты уже не хозяин! Бирку повесят, и все: колхозное сено. Родители, братья по пояс в снегу, ометья собирают, солому, осоку — скотину чтоб сохранить, выходить. Скотину ведь не давали выгонять на пастбище — колхозное! Братья, сестры приезжают на каникулы к родителям — из сельсовета от секретаря несут бумажку: как детям спецпереселенцев отработать столько—то на покосе. Но жили мы хорошо, по—настоящему семейно, уважительно, счастливо! Родителей звали на «вы». Друг друга только Надя, Женя, Витя, Галя... Никогда — Зойка и т.п. И всему пример — родители! Ка-ак они друг друга любили! Мы... Вот я... Да и все остальные ни разу не слышали, чтоб они друг к другу как-то неласково, грубо обратились. Пример любви между мужчиной и женщиной показали нам родители: кто, как не дети могут это почувствовать, скажите? И мы это чувствовали! Мы любили их безмерно, хотя они ведь и строги бывали. Порой, лентяю, даже жестокими показались бы...

... Я люблю эту тему: как, где, с кем мой герой или героиня очерка становился тем, жизнь которого стала интересна обществу? Мне прежде всего интересен, выражаясь по-геологически, «генезис» и «парагенезис» героя — ибо, зная их, я могу вычислить и внутреннюю структуру его, и его дальнейшее поведение.

Если читатель согласен с моей точкой зрения, то дальнейшие жизненные перипетии Галины Серафимовны он мог и без меня вычислить или предположить: они predeterminedены семьей и...

обществом! Общество нельзя сбрасывать со счета, и оно на характер и поступки Галины Серафимовны в дальнейшем, безусловно, оказало свое влияние! (И не только на нее, на целое поколение, даже два.)

— Вы не представляете, как тогда дружно работали! Да-да! Подневольные! Беспашпортные! И — прочее! Но насколько у этих людей был мощен жизненный потенциал — это надо было вообразить! У матери, на рыбозаводе... в тузлуке, в крепком соляном растворе часов двенадцать... руки кровоточат — царапину вот солью присыпьте... О-о-о... сразу: «Не сыпь мне соль на рану!» А у матери-то шестеро по лавкам!

Галя, как и положено последышу, училась хорошо, была смекалистая, отзывчивая на ласку и понужание — в этом ничего оскорбительного: только уважение к старшим.

В семье все пели... От души. Без музыкальной грамоты. Как в деревне дети начинают ходить, говорить? Никто и не замечает. Так и тут: когда и как Галина научилась играть и на баяне, и на аккордеоне, никто не ведает. Она и сама вспоминает: «В школе, на уроках, учительница пения говорит: аккомпанируй...»

В четвертом классе Галя Седых была «звездой» Мегиона и его окрестностей.

Представьте те времена!

— На каком-то снимке я в разномастных валенках! А ведь мы, относительно других, жили хорошо. И — радость! Блестящие, глянцевые, внутри — розовая мягчайшая фланель — резиновые сапожки! Королева мегионская, кто еще мог появиться в них?! Сейчас никому костюм от Версаче не сможет доставить такого ощущения.

А к таким сапогам да еще и славу звезды?

Четвероклассница поет про «два заветных деревца» возле «своего крыльца» и про «бьющиеся рядом», сами понимаете, «сердца»...

«Звезда» училась в сельской школе хорошо, помогала учителю пения аккомпанировать на занятиях и, в конце концов, поехала поступать в Тюмень в музыкальное училище...

Вот что значит большая семья! Старшая сестра в это время училась в университете, и Галя поехала к ней. И, без музыкальной школы (т.е. без азов официальных) поступила...

Ах, музыка, музыка!..

Но сильнее ее — любовь!

Влюбилась Галина, вышла замуж и, в конечном счете, окончила музучилище заочно — уже живя в Мегионе...

Было это в 66-м году.

И, как говорится, где родился, там и пригодился! В 1967 году в Мегионе образуется филиал Нижневартовской музыкальной школы, а в 71-м — она уже директор.

— Чего бы не работать в Мегионе! Но... сами понимаете, без причины даже чирей не вскочит! Были причины, были! Да, вот уже и в Высоком пятнадцатилетие справила. А знаете ли вы, что и в Новооганске, и в Ларьянке я обосновывала школы музыкальные?! Виктор Николаич, Виктор Николаич... Высокий вам зимой не понравился! Вас бы пятнадцать лет назад сюда осенью...

Галина Серафимовна Кузнецова

Галина Серафимовна смеется рассыпчато, серебристо...

Она чуть полновата, но телесная округлость гармонирует с мягкими очертаниями луноликой головы, короткой стрижкой, которой мегионский или нижневартовский стилист подчеркнул ее своеобразность. У Галины Серафимовны ясные карие глаза в густых ресницах; кажется, что в них — яркая и требовательная ее душа вопрошает каждого о том, не худо ли ему живется и не надо ли ему чем-либо помочь.

Сама она в этом не нуждается: так воспитана!

— Как-то у сестры увидела качественную, но старую кофту, — вспоминает Галина Серафимовна. — Надь, — говорю, — что ты всякое барахло хранишь?» А она: «Как память, Галя...» И рассказывает...

Приехали они с братом в Мегион на каникулы. Мать, как всегда, что в печи — на стол мечи по такому поводу. Отмякли детки, размечтались. Дочь: «В рыбкопе такие кофты есть! Вот бы...» Сын: «А мне шляпа понравилась! Очень личит...» Мать им: «Ну так что ж, купим!» Дети ахают: «А деньги где взять? Они ж дорогушие!» Мать успокаивает: «Отдыхайте, ребятишки! Утро вечера мудренее...»

А наутро, чуть свет, будит: «Кому шляпу? Кому кофту? Вставайте! Завтракайте и — кирпичи будем делать!»

Уезжали: одна — в кофте, другой — в шляпе.

Ох уж эти кирпичи! Сто штук — пятьдесят копеек. Столько мы из наделали, что, кажется, Великую китайскую стену из них мож-

но было бы сложить! Сейчас, наверное, уж и красной глины там больше нету... Дождик, мать зовет: «Детки! Штабеля укрывать!» Разведрилось: «Раскрывать...»

Трудились — как папы карлы... Зато и жили хорошо. Не хвастаюсь, получше многих мегионцев! Все у нас было — у первых! Радиоприемник, моторная лодка, водные лыжи, телевизор и т.п. Не по благу — по труду!

... Вот он «генезис» и «парагенезис».

Неудивительно, что такой человек мог открывать очаги культуры в самых «некультурных» условиях.

В 1983 году председатель Высоковского поссовета Семаков познакомил Галину Серафимовну Кузнецову с местными руководителями: «Вот она — директор нашей музыкалки. Помогайте, товарищи!»

Она стала депутатом поссовета, более того, во время отпуска главы поселка — замещала его! И вот он, результат: не было ни здания, ни преподавателей, ни инструментов, ни учеников, теперь — полнокровно действующая школа искусств № 2 города Мегиона!

... Когда-то мать сказала дочери (почти дословно):

— Не озираясь, на носках, —
иди вперед, отринув страх,
навстречу завтрашнему дню,
и ногу ставь — на всю ступню!

Согласитесь, не всем удастся шагать по жизни, ставя ногу (сиречь, «эго», свое «я») на «всю ступню»! Галине Серафимовне — довелось! Хотя в ее школе и учат ходить «на носках» (на цыпочках, на пуантах — на хореографическом отделении), но при том еще будущих улановых, васильевых, павловых учат самому главному: самоуважению и вере в свои возможности.

Россия жива глубинкой.

Не собирайте себе сокровищ на земле

Там, где вод и леса панорама
уходила прямо в высоту,
у полуразрушенного храма
постигал я сердцем Красоту.

Плесы, словно ризы, золотели,
воздух пахнул райскою травой.
Кажется, что ангелы летели
У меня над самой головой.

Благословит Господь на праведное дело —
и вновь из праха возродиться Храм.

Достичь единства и души, и тела
своею волею Бог да поможет нам!

Две ипостаси человека

I

Отец Виталий, дьякон храма Покрова Пресвятой Богородицы города Мегиона, прежде чем ответить на мои вопросы касательно его прежней мирской жизни, попросил рассказать о себе: кто я, какого роду-племени и для чего мне понадобились сведения о нем.

Я, как на духу, хоть и конспективно, но без прикрас поведал о всех основных перипетиях своей жизни и сообщил о причине, приведшей меня к нему.

— Причина эта такова, — сказал я. — Для книги «Мегионцы — это мы» я решил написать очерк о вашем чаде — отце Ростиславе. А поскольку в этих очерках пытаюсь заглянуть в родословную своих героев как можно дальше, как бы восстанавливая связь времен, то всегда, поелику есть возможность, расспрашиваю представителей старшего поколения.

Мой ответ отца Виталия удовлетворил. И даже больше.

— Вот вы уже и сами многое рассказали обо мне, поведав о своей жизни, — сказал он. — Мы с вами — одногодки. И родились на Алтае... И отцы наши погибли на фронте в 43-м... А родовые корни — да, нужно помнить. Помнить и чтить имена предков.

— Ведь имя человека, — продолжил он, — это не просто звук или очертание букв, это — нечто большее. Имя человека при наречении сливается с ним, скрепляется нерушимыми связями. Оно — вечно с ним, с его сущностью, иначе, с его душой. И в этой жизни преходящей, и в жизни вечной. И когда молишься за человека, о здравии или об упокоении в поминальные дни, молитвы помогают ему, конкретному человеку, или душе его. Ибо Бог знает всех поименно, и помнит поименно о каждом и делах его.

— К сожалению, приходим мы к пониманию этого достаточно поздно. Вот и я, — отец Виталий вздохнул сокрушенно, — сподвигнулся расспросить мать свою, Анну Федоровну, о всех родных, кого она помнила, незадолго до ее кончины. И слава Богу! Многих она назвала: и предков, и ныне живущих. Многие из них были людьми духовными, жертвовавшими всем для блага других. Таким был, к примеру, сродный дядя Лев, погибший на фронте: без жалости мог отдать последний грош, уделить время свое и потратить силы свои во благо нуждающемуся. И ему в вечной жизни пусть воздастся...

II

Дед Георгий запомнился матери Виталия, Анне Федоровне, седым, как лунь, стариком. Происходил он из крепостных крестьян, жил в Тульской губернии. Крепостное право хотя и было отменено, но проявляло себя в барско-крестьянской психологии и, соответственно, в отношениях господ с подневольными не один десяток лет. Особенно в глубинке России. Вот и дед Георгий женился по воле барина на красивой дворовой девушке. Бабушка по матери также подневольно была выдана замуж, была она песенно хороша, но работала в барской усадьбе прачкой. Одна из ее дочерей, соблазненная баринком, не вынесла позора и утопилась.

Мать его, Анна Федоровна, родилась в 1904 году в селе Крапивино в Тульской губернии, не очень далеко от Ясной Поляны. Она определенно помнит, как они, дети, когда ее звали еще Нюркой, ходили к «графьям» на елки и другие знатные праздники, и их одаривали пряниками и подарками. Возможно, ей довелось видеть и Льва Николаевича Толстого.

В начале тридцатых голодных годов много семейств из Тульского Крапивино перебралось на Алтай в село Журавлиху. Жизнь там тоже оказалась не сахарной, и, как только они получили весточку, что на отчей земле чуть полегчало, вернулись в родные края. Одни из вернувшихся пустили снова свои корни в родную землю, а другие опять потянулись в Журавлиху — на вновь обретенную родину.

Анна Федоровна вернулась в Журавлиху с сыном от первого брака.

В селе жил вдовцом Иван Игнатьевич Петров, с ним две дочери и незамужняя сестра.

В деревне все на виду, и общественное мнение много значит. И оно полагало, исходя из житейской целесообразности, что два вдовца должны притулиться друг к другу, чтобы дети не были сиротами, имели тятку и мамку, хоть и не родных, но — родителей.

Анна Федоровна не больно хотела сходить с Иваном Игнатьевичем: хмуроват он был обличьем да и нрав, сказывали, имел не из легких. Да куда деваться — сосватали! Вот и родился в 37-м году у них в Журавлихе сынок Виталий перевязью семейной, родной брат отцовским дочкам и матерениному сыночку. Через два года родилась сестреночка, да недолго пожила — ангелочком светлым улетела ее душа на небо. А у маленького Виталия на всю жизнь — проблеском — запечатлелось: хмурый отец несет маленький гробик с сестренкой...

Вскоре началась Отечественная война, отца мобилизовали, он ушел на фронт и погиб в 43-м году под Сталинградом.

В Журавлихе всю войну прожила Анна Федоровна с детьми (Иваном, Екатериной, Натальей, Виталием) и золовкой Евгенией. Село было расположено на равнине, вдали виднелись Алтайские горы, в ясный день хорошо была видна гора Белуха, сверкающая, в голубоватых светотенях. По краю села текла речка, впадавшая в старицу Чарыша. Земли — вдоволь. Сажали картошку, овощи, держали корову, кур...

Но шла война, и был лозунг «Все для фронта!» Поэтому в колхозе на трудодни ничего не получали. Да и с личного подворья после уплаты налогов мало что оставалось, хотя и держалось оно в основном трудом детей. А как дети стали подрастать, тесновато стало в прежней хате, и семья разделилась: Анна Федоровна с сыновьями перебралась в купленную избушку, дочери со своей тетей остались в родительском доме.

В самом конце войны Ивана призвали в армию, однако на фронт он уже не попал. Но послужить ему довелось сверх сыти: шесть с половиной лет! Младший брат в это время поступил в школу, учился, справлял работу по дому и огороду.

В 51-году Иван демобилизовался. Чтобы в колхозе не закабалиться самому, он перебрался для начала в другой совхоз и вывез туда мать, молодую жену и брата-подростка.

С братом будущей жены в детстве пас овец, у них с Дмитрием оказалась общая страсть: охота и рыбалка. К этому добавилось родство.

Послевоенные годы были характерны подвижками населения: кто возвращался из эвакуации, кто ехал в поисках лучшей доли по вербовке... Правда, это все был люд городской. Но и колхозники, правдами-неправдами раздобывши справки, везли в город на продажу катыш масла, кружок молока, клубок шерсти или вязелки, чтобы купить на вырученные деньги ситчику, полушалочек, сапожки резиновые блескучие, конфет-пряничков, карандашей, тетрадок да учебников для детей-школьников. Деревенская молодежь вербовалась куда угодно, лишь бы вырваться из колхозного ярма, хоть и разрывалось потом сердце от тоски по родным местам. Но рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше.

Первым снялся Дмитрий: устроился на лесосплавной базе Дрофа. Соблазняет Ивана: «Ехать до станции Хор, 70 км от Хабаровска. Охота! Рыбалка!..» Так расписал, что Иван решил: едем! — он уже был как бы главой семьи. Распродали все: корову, прочую живность, из скарба — все габаритное и тяжелое, и — на базу Дрофа! Это было глухومانное место, хоть и красоты неопишуемой.

На базе Виталий доучился в шестом классе, окончил седьмой. Старший брат заставлял его идти в восьмой класс, но он не захотел быть нахлебником и поступил в Магаданский горный техни-

кум на геологоразведочный факультет. Брат был недоволен его выбором — бродячая работа, цыганский образ жизни и т.п. Тут еще одноклассник встретился, предложил: «Айда вместе в Хабаровск, в ремеслуху, на слесаря—ремонтника научимся!» Доводы брата вкуче с предложением одноклассника подействовали: не стал Виталий Петров геологоразведчиком.

Отучился он в РУ и в 55-м году попал в лесоустроительную экспедицию в Николаев-на-Амуре. На следующий год призвали его в армию, в Благовещенск. Затем направили в Новомосковск Днепропетровской области на доукомплектование дивизии, понесшей потери в Венгрии во время известных событий.

Иван тем временем из Дрофы переехал в Казахстан, а оттуда — в Архипово-Осиповку Краснодарского края, на юга. Получил там четыре сотки земли, построил двухкомнатную времянку на участке и стал жить на берегу «самого синего в мире» моря...

В эти благодатные края и приехал в 59-м году Виталий после «дембеля».

Но не прикипела душа Виталия Ивановича к самому синему морю, в 62-м году уехал он на берега Волги, где когда-то сложил голову его отец, и стал работать по специальности на знаменитом Сталинградском тракторном заводе; жил в заводской общаге.

К книгам, к чтению с детства было пристрастие. К пустому времяпрепровождению он также не был приучен. Поэтому само собой получилось, что он поступил в вечернюю школу и в положенное время получил аттестат зрелости. В учебу втянулся, так же, впрочем, как и в работу, и поступил в Волгоградский политехнический институт на вечернее отделение. Окончил институт в 70-м году и остался работать на родном заводе.

Не только работал и учился Виталий Иванович — жил полноценно. В 65-м году женился на Лилии Михайловне Киселевой. В 68-м году родился сын, названный при крещении Ростиславом. И все пошло у Петровых как у многих «простых советских людей»: получил со временем благоустроенную квартиру, дачный участок, на заводе совершенствовал производственный процесс и свою квалификацию, повышал качество продукции, снижал ее себестоимость, увеличивал производительность труда; дома — обустроивал жилье и земельный участок, воспитывал сына, ездил с семьей в отпуск (к старшему брату Ивану сам Бог велел заезжать, в курортных краях живет!). Не забывал и о духовной пище: о книгах, кино, выставках, концертах, посещал музеи, бывал и в театрах...

И все бы ничего, да с некоторых пор сильнее стал ощущаться какой-то дискомфорт душевный, близкий к чувству безысходности, когда заблудишься или зайдешь в тупик.

Возникали и прежде, верно, мысли о суетности и бренности жизни, но они как-то заслонялись размеренным ходом ее, спокойной обстановкой. Много больных вопросов породила начавшаяся афганская эпопея, а затем суетная бестолковая перестройка, когда многие действия власть предержащих нельзя было объяснить с позиций здравого смысла.

Навалилась на меня кручина...
Вроде я подъем все время брал —

впереди маячила вершина,
оказалось — пройден перевал,
и уже качусь я вниз под гору...
и вершины нету впереди...
Что ты скажешь, проводник, —
который
мне про восхождение твердил?..

А был ли он, проводник-то, не только у Петровых, а у всего народа? Не было его, был призрак! Истинного-то проводника изгнали в несколько приемов из России: изгнали Веру! И оказались мы без нее в душевном смятении, словно однокрылые существа.

III

— Я ведь всю жизнь, как вы, технарем. Религии близко не касался. Вам даже легче было бы прийти к Богу — вы все-таки в детстве Святое Писание в руках держали, в церковь мать вас изредка водила. А я в четырнадцать лет был крещен: на Алтае нас мать с братом водила в церковь аж за двадцать пять верст! Из книг, раскрывающих христианское вероучение, за долгие-долгие годы ничегошеньки ведь не попадало на глаза. А ведь мой разум, как и ваш, впрочем, и в школе, и в институте забивали марксистско-ленинской философией... Да и в повседневной жизни все было на этом построено — на безбожии...

У Виталия Ивановича неброская седина, борода аккуратная, лицо чуть вытянутое, взгляд темно-синих глаз доброжелателен, но не умилен: изредка, когда чувствуется, разговор не по душе, вспыхивают в нем острые сапфировые искорки. Впрочем, это было в конце разговора, когда я задал, может быть, не совсем тактичный вопрос об отношении его к экстрасенсам и т.п. А так разговор у нас шел неспешным заинтересованным диалогом с лирическими отступлениями. Несколько раз ему приходилось выходить из комнаты по неотложным делам службы. Темная ряса ему к лицу: молодила и делала стройную фигуру еще более подтянутой и деловой.

— За что если и благодарить перестройку, так это за появление свободы выбора! Права, вообще-то говоря, предоставленного Господом человеку со дня творения, но экспроприированного у него правившим режимом. Появилась возможность искать ответы на мучившие меня вопросы и в Святом Писании, и в откровениях пророков, и в сочинениях святителей и богословов. И открылось

предо мной необозримое море пресветлой мудрости. И как жалко стало времени, потраченного в свое время на прохождение всяких «измов» с их схоластикой и догматизмом, граничащих со сплошной фальсификацией истории или невежеством. Без Божественного Промысла история не могла начаться и длиться, но и закончиться без него тоже не может.

Пример сына Ростислава, решившего стать священником, благотворно подействовал на мое желание начать новую жизнь и несомненно помог: появилась и нужная литература, и домашний духовный наставник... А сейчас и вовсе вместе слово Божие несем прихожанам, приобщаем желающих к Вере, укрепляем ее у верующих. При нашем храме Покрова Пресвятой Богородицы идут занятия в воскресной школе для детей и взрослых, открыта библиотека с прекрасным фондом православной литературы. В городской газете «Мегионские новости» регулярно публикуются «Начала православия». Приходите в храм, в школу, в библиотеку, не бросайте свою душу на произвол судьбы. Ведь по истине, человек жив не хлебом единым. И счастлив человек и в этой жизни, и в жизни вечной только в том случае, если достигнет гармонии души и тела.

28.01; 05.02.99 г.

Не собирайте себе сокровищ на земле...

С заинтересованным любопытством наблюдал я за превращением бывшего хозмага в церковь: неужто получится? Получилось! Около пяти лет украшает своим светлым обликом Мегион церковь, названная при освящении храмом Покрова Пресвятой Богородицы, радует глаз. Но и не только: соединяет верующих с Богом, утешает страждущих, прощает кающихся, укрепляет духом падающих...

Так получилось, что я, даже если есть возможность, хожу в церковь раза два в году — помянуть родителей, обычно это будние дни. Поэтому церковных действий, за редким исключением, наблюдать мне не приходилось: потрескивание свечей, шепот молящихся да негромкие реплики церковных служек — вот и все звуки. И только мысленно осознаешь, что атмосфера вокруг тебя насыщена мольбами о помощи, поздними раскаяниями, беззвучными страданиями вперемешку со светлыми, чистыми благодарениями, воспарениями радости.

Первые годы в храме не было постоянного настоятеля, поэтому службы велись нерегулярно приезжими священниками. И только в 97-м году храм начал действовать на постоянной основе — приехал отец Ростислав.

Увидеть его довелось мне в прошлом году, при крещении внучки (к сожалению, при крещении своих детей мне не довелось присутствовать, жена крестила их на Большой земле, по всему северу не было тогда действующих церквей).

Народу собралось на обряд крещения довольно много: родители, крестные, деды, бабки... В назначенное время появился бабюшка, среднего роста, плотный, рыжебородый, лысоватый, круглолицый; у него были большие, густо-синие, цвета индиго, ласковые глаза. Голос его, баритонального тембра, был то переливчат, то по-юношески ломок. Это был отец Ростислав.

Он просто, как учитель начальных классов первоклашкам, рассказал присутствующим о порядке совершения таинства крещения, отделил крестных отцов и матерей с детьми от остальных и объяснил им, какой важный шаг они делают, ибо присутствуют при духовном рождении своих крестников, становясь таким образом их духовными родителями. А имя, данное человеку при крещении, остается с ним на веки вечные, как и божья благодать...

Сам Ростислав при рождении был назван Русланом, при крещении, произведенном много позднее, он был назван другим именем — в честь благоверного князя Ростислава.

В Волгограде жили они сначала в бараке, потом в благоустроенной квартире. Отец его, Виталий Иванович Петров, человек ищущий, беспокойного нрава, прагматических взглядов на жизнь, до всего доходивший своим умом и трудом, в отношениях с сыном был, возможно, суховат и требователен. Мать, Лилия Михайловна, происходила из семьи потомственных земских врачей. Была она, как большинство матерей, сыну ласковой, доброй хранительницей и в чем-то потатчицей. Соответствующее влияние оказывали они на подрастающего сына: отец — прагматическое, организующее, мать — эстетическое, гуманитарное. С отцом Ростислав ходил в лес, в парк, в Пантеон, в краеведческий музей, на технические выставки; с матерью — в музей искусств, в театр, на концерты. И с кем угодно готов был всегда идти Ростислав в зоопарк! Нравились ему и домашние животные, поэтому с удовольствием ездил в деревню, к дяде Ивану в Архипо-Осиповку. Книжная полка его была сплошь про зверей! В том возрасте, когда мальчишки говорят: хочу быть пожарным (милиционером, космонавтом, президентом и т.п.), он хотел быть «главным среди зверей» (укротителем, ветеринаром или... львом!).

В 75-м году Ростислав поступил в волгоградскую школу номер 27, затем учился в первой школе, в 83-м, окончив восемь классов, поступил в железнодорожный техникум с двоюродным братом.

Еще в раннем детстве у Ростислава родители проверили музыкальный слух по камертону — оказался превосходным. По воле

матушки, отдали его в музыкальную школу обучаться по классу скрипки. Учился он музыке хорошо, но без особого желания, можно сказать, благодаря опеке материнской.

В школьные годы Ростислав был плотно загружен. Кроме изучения обычной школьной программы, помимо музыки, коей, можно сказать, занимался для родителей, он по своему желанию много времени уделял спорту.

Таким образом, может, сам того не ведая, преодолевая свои нежелания и слабости, он приутоплял себя в многократных упражнениях на скрипке, на спортивных снарядах к будущим трудностям на своем жизненном поприще.

И все же родитель его отмечает, что по своей натуре с отроческих лет был он как бы не от мира сего, более предрасположен к размышлениям и созерцанию, чем, как все дети, к играм, шалостям, подаркам и прочим радостям мира материального. Он тянулся к природной красоте, добрым, красивым и мудрым словам и мыслям, бескорыстным поступкам. Никогда не завидовал успехам друзей — искренне восхищался ими.

— Да что далеко ходить, — вздыхает умиротворенно Виталий Иванович. — Я свою жизнь коренным образом изменил как будто. А все равно свою «материальность», приземленность ощущаю. Он — возвышенной, духовней!

Это говорит не молодой родитель о своем чудо-ребенке, а убежденный сединами отец, ветеран труда и технарь в прошлом, а ныне — дьякон, о своем тридцатилетнем сыне-священнике.

В техникуме Ростислав учился без особого увлечения, но по заданной себе установке все делать добросовестно, успешно. Из педагогов пришелся по душе преподаватель по курсу электромашин, не сам курс, а именно он — как человек. Николай Федорович был чрезвычайно справедлив, честен, искренен, часто разговаривал со студентами о жизни не просто в ее конкретных проявлениях, а с философскими обобщениями и умозаключениями. Рассказывал он интересно, пересыпая речь сочными народными поговорками, точными, хотя и архаичными порой словами, образными выражениями.

Во время производственной практики довелось поработать Ростиславу в экипаже электровоза помощником машиниста. Понравилось! Сверкающие рельсы сливаются вдаль в одну уходящую в небо линию. Рвущийся на ленты и полосы звучный упругий воздух. Гудящие гитарным звуком, ныряющие вверх-вниз телеграфные провода обочь дороги. Мелькающие деревья придорожных лесополос. Плавные, в развороте, хороводы березовых колков, деревень, полустанков и разъездов. Светящиеся рубины, изумру-

ды, сапфиры светофоров... Напряженная мощь рукотворной машины... Раскатистые — из динамиков невидимых — громовые голоса диспетчеров на станциях. Все это наполняло грудь гордостью за профессию, волновало юношеское воображение.

... Если бы сразу после техникума Ростислав получил возможность работать на электровозах, может быть, по-иному сложилась бы его дальнейшая судьба.

Но не довелось — пришла пора служить в армии.

После армии остро стал вопрос с выбором жизненного пути. Учиться дальше по полученной в техникуме специальности? Или ограничиться техникумом и идти работать, кем предложат, т.е. как бы катиться по выбранным раз и навсегда рельсам? Или... сойти с привычного пути, принять радикальное решение отрешиться от мира, избрать путь служения Богу?

Еще в детские годы, общаясь с природой, восторгаясь ее красотой, неповторимостью и гармонией в своем разнообразии, он испытывал невысказанную благодарность тому, кто все это сотворил. Позже, обучаясь в школе, в техникуме, уже немного знакомый с Ветхим и Новым заветами, внутренне он не мог принять ни эволюционную теорию Дарвина, ни материалистическое учение о происхождении человека и Вселенной. Хотя и не мог бы, может быть, выступить против формальных логических построений философов-материалистов. Все это — неясно, расплывчато, интуитивно. Посоветоваться с кем-либо, кто бы мог разрешить его сомнения, не решался — таил в себе, не выплескивал наружу.

В Волгограде в те времена был один действующий храм — Казанский собор, построенный после Победы, в то время, когда воинствующий атеизм еще не начал своего последнего разрушительного похода на религию (позаимствовав, кстати, некоторые заповеди Христа из Нагорной проповеди в «Моральном кодексе строителей коммунизма», не указав источника!).

Волгоград — город, протяженный вдоль Волги чуть не на сотню верст. Попасть из одного конца в другой — настоящий вояж. И все же, несмотря на загруженность свою и удаленность храма, Ростислав бывал в нем. С волнительным любопытством, может быть, вначале, с душевным трепетом и необъяснимым восторгом слушал проповеди и литургии и произносил слова священных молитв. Стал приобретать кое-какую продававшуюся там религиозную литературу.

Помог Ростиславу определиться, как это ни покажется странным, атеистический журнал «Наука и религия»: именно в нем он прочел материал про Оптину Пустынь и узнал, как туда попасть. Было это в 90-м году.

Мысль побывать в Оптиной Пустыни, хотя бы на короткое время ощутить саму атмосферу святых мест и, может быть, решить свои проблемы, поселилась в сердце и сознании Ростислава. И в 91-м году он решился съездить туда для начала на несколько дней.

Приехал и... остался на целый год, так понравилось ему в благословенной обители, такое на душу снизошло благодатное умиротворение.

Оптина Пустынь — мужской монастырь. Основан в XIV веке Оптою (Макарием). В скиту, что возле монастыря, бывали Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и другие достойные люди в моменты душевной смуты.

Монастырь расположен в лесу на холмистой равнине. Красиво, тихо, уединенно.

Остался Ростислав при монастыре трудником (слово — то какое! не работник, а — трудник).

Трудник — это человек, работающий на монастырь безвозмездно, получая только ночлег и пищу? Человек — приглядывающийся к монастырской жизни, могущий покинуть обитель в любой момент или, наоборот, стать послушником и принять на себя, таким образом, обязательство стать монахом, пройдя перед пострижением в монахи своеобразный «курс молодого бойца» перед принятием присяги. Трудник — вроде вольноопределяющегося в царской армии (если уж пользоваться армейской терминологией), который обучение проходит вместе со всеми, но имеет право «самоувольнения». Подготовка послушников и трудников проходит под руководством духовного наставника. Был духовный руководитель и у Ростислава — игумен монастыря Мелхиседек.

Большую часть времени проводил Ростислав в подсобном хозяйстве монастыря, жил там и работал.

Жизнь текла спокойно, размеренно, без внешних раздражителей: ни телевизоров тебе, ни радио, ни баламутных рупоров гласности, вроде «МК», «МН», «Советской России» и пр. Даже 19 августа 1991 года — день Преображения Господня и путча, прошел обычной чередой: молитвы, службы, труд. И только вечером, когда солнце клонилось у заката, появились над обителью три аиста, медленно и величественно они сделали три круга и улетели в сторону солнечного нимба. Это явление мирных птиц посчитали хорошим, утешительным знаком.

И все же сомнения не раз терзали сердце трудника Ростислава. Железнодорожная станция Козельск рядышком. Вечером, в гудких сумерках явственно слышится перестук колес, гудки электропоездов, голоса диспетчеров... А тут еще двоюродный брат письмо прислал. Пишет, что устроился помощником машиниста и что ему, Ростиславу, светит такая же возможность...

Заколебался, было, трудник, стал так и эдак обдумывать свои устремления и возможности и в конце концов определился окончательно: на паровозе (или электровозе) можно в коммунизм въехать и остановку сделать, а Бог — к нему не рельсы ведут, а другие пути, неосязаемые, неведомые... И он решил, что мирской суетой заниматься не будет, иначе трудно вести духовную жизнь. С этим стало ясно. Но и трудником далее оставаться еще на год не хотелось, хотя некоторые жили в этом ранге по два-три года. В один из дней, на ближайшей исповеди, духовник его Мелхиседек сказал: готовься, чадо, к поступлению в семинарию.

И это, конечно, был не приказ. И в то же время — как бы и не свободный выбор. Отец Ростислав считает, что это была воля Божья, выраженная через духовника.

Духовный наставник посоветовал, что читать Ростиславу, на что обратить особое внимание, что наизусть выучить, чтобы выдержать вступительные экзамены в семинарию.

И в 92-м году, имея рекомендацию игумена, Ростислав с первой попытки поступил в духовную семинарию в Троице-Сергиевой Лавре. (К слову сказать, нелегкое это было дело. Не редкость, когда желающие получить духовное образование, состояли при семинарии трудниками по два-три года, ежегодно пытаюсь пройти конкурс: некоторые поступали с четвертой попытки! В своем удачном поступлении Ростислав также видит промысел Божий.)

В семинарии Ростислав учился четыре года. Годы учебы были интересны, духовно и эмоционально насыщены. Учился он хорошо. К этому располагало и обязывало и само прославленное учебное заведение, и прекрасные преподаватели, многие из которых были яркими личностями, известными богословами. Любимым преподавателем стал профессор богословия Осипов; его лекции, говорит отец Ростислав, приносятся ему сейчас и в повседневной службе, и в учебе. Добрым словом вспоминается классный наставник, преподаватели Нового завета протоиерей Артемий (Владимиров), библейской истории — архимандрит Троице—Сергиевой лавры Георгий (ныне покойный).

Хотя музыкой в школьные годы Ростислав занимался скорее, чтобы не огорчать родителей, чем по своей охотке, музыкальное образование сыграло значительную роль в его судьбе.

Помните у Александра Блока:

Девушка пела в церковном хоре
о всех усталых в чужом краю,
о всех кораблях, ушедших в море,
о всех, забывших радость свою.

Так пел ее голос, летящий в купол,
и луч сиял на белом плече...
... и всем казалось, что радость будет,
что в тихой гавани все корабли,
что на чужбине усталые люди
светлую жизнь себе обрели...

Елизавета Владимировна Евтихеева училась в регентской школе при духовной академии. Она родом из Иркутска из рабочей семьи (отец — плотник, мать — домохозяйка), родители ее были глубоко верующие люди, четверо ее братьев стали священниками.

Семинаристы и учащиеся регентской школы вместе пели при богослужениях в приходах. Ростиславу и Елизавете доводилось петь во вновь открытом храме в деревне Мишутино (в 37-м году храм был закрыт, затем разрушен).

В Мишутино они и познакомились. А перед окончанием семинарии, получив благословение родителей, обвенчались.

Быстро и возвышенно пролетели годы учебы. В мае 96-го года Ростислав был рукоположен в сан дьякона. После окончания семинарии получил место преподавателя в Тобольской семинарии. А уже в 97-м году, на Рождество, рукоположен в сан священника, и по окончании учебного года получил приход в Мегионском храме Покрова Пресвятой Богородицы. Так Отец Ростислав стал мегионцем, северянином. Началось его многотрудное подвижническое служение приходского священника.

А обязанности его, если присмотреться, в самом деле многотрудные и, может быть, не столько с физической точки зрения, сколько с психологической: нужно иметь много терпения, доброты, любви к людям, чтобы пропустить сквозь свое сердце, через свою душу людские горести, напасти, душевные страдания во время покаяния... Но зато, мне кажется, и неподдельную высокую радость испытать во время причастий, крестин, венчаний и крестных ходов, в окружении единовверного многолюдства...

Мне довелось слышать отца Ростислава во время церковных богослужений и в Центральной библиотеке с рассказом о Кирилле и Мефодии, и при освящении нового здания детской школы искусств. Свои проповеди и выступления он ведет мягко, ненавязчиво, без эмоционального напряжения, свойственного многим проповедникам иных конфессий и кандидатам в депутаты (да и депутатам!) — уверенным только в своей правоте людям. При этом в его густо-синих, по-детски правдивых глазах мягко светится доброта и любовь ко всем, стоящим перед ним.

Немного статистики. Помимо регулярных, плановых, если можно так сказать, мероприятий, за прошлый год было окрещено 380 мегийонцев разного возраста (в основном, младенцев, и это — хорошая тенденция). Обвенчано десять молодых и в возрасте мегийонских пар. Несколько сотен мегийонцев удостоились тайн причастия и исповеди. При храме организована библиотека, книжный фонд ее — 1237 наименований, 85 читателей, из коих более половины — дети (что также отрадно). Работает воскресная школа для детей (три класса, каждый класс посещают 30—50 человек, в зависимости от занятости). Регулярно, с дарами от прихожан, посещает Отец Ростислав исправительную колонию, больницы, немощных, совершая у них соответствующие богослужения.

Напряженную свою службу, которую Отец Ростислав ведет так вдохновенно и доброжелательно, что ее и за работу не посчитаешь со стороны, он сочетает с учебой в Московской духовной академии (в настоящее время учится на третьем курсе).

Иногда во время служб возле отца Ростислава появляется неожиданный помощник, умиляющий прихожан, — двухлетний сын Ванюша.

Ванюше с выбором пути, возможно, будет легче.

Впрочем, кто его знает? Может, как многие сыновья священнослужителей прошлого века, изберет он светский путь, станет инженером, педагогом, писателем? Может быть. Это будет его выбор. Главное — он приобщен к Богу с младенчества.

Благословит Господь на праведное дело —
и вновь из праха возродится Храм.
Достичь гармонии души и тела
своею волею Бог да поможет нам!

P.S. Отец Ростислав поделился благою вестью: мэр Мегийона А.П.Чепайкин и правящий архиепископ Тобольский Димитрий обратились в соответствующие инстанции с ходатайством о строительстве нового храма на месте предполагавшегося строительства офиса нефтяников.

05.02; 06-08.03.99 г.

Мегионские этюды

Какая духота!..
Парит — как в мезозое!..
Над мхом болотным,
словно испаренья,
мреют
толкущейся мошки прозрачные рои...
В клубок свились веселые гадюки...
Покрылись спины комариным ворсом...
Прищурилось, уставши, солнце в полночь,
не обратив внимания на пики
елей,
успевшие изранить в кровь его...
На буровой завершена работа!
Теперь под полог и на боковую —
чтоб погрузиться в долгожданный сон!
Но дернул бес: я радио послушал...
В душе зашевелились,
как эти гады,
скользкие вопросы.
И мысли затолклись,
как те же мошки...
Замреяли неясные желанья...
Но, к счастью, —
будто свет из подсознания хлынул
и — оттеснил
(как террористов — в горы)
в подобие компьютерной корзины —
все мысли мрачные и заключенья;
и, оглядев с приязнью все, что было
вокруг,
включая гадов, тварей и растенья,
людей и технику, пылающее небо,
я понял — это
задумано надолго и не зря.

Полчаса у «Алеши»

Стою у «Алеши». Жду, должен же кто-нибудь тормознуть?..

Вспоминаю прежние времена.

Впервые я оказался здесь в год 60-летия советской власти поздним осенним вечером.

Первый же автобус любезно распахнул дверцы: «До Мегиона! Желающие есть?» — и потом развез по домам за «спасибо».

И через пару лет после этого водитель водовозки доставил меня, поплутав немного, до самого крыльца моего пристанища. Когда я предложил водителю трояк на сигареты, он меня обложил приятной бранью...

Год начала перестройки... Года три я не вылезал из Ваховска. Тормознул частный «Москвич», Водитель приветлив, разговорчив. В Мегионе спрашивает: «Куда вас?» — «У «Юбилейного», — говорю, — высади». Даю пятерку: ругаться будет или как? Чувствую, не поняли друг друга. Оскорбил? Пятерку назад — перехватывает. «Ты что, мужик, — сквозь зубы, — таксы не знаешь? Чирик гони!» Влип, думаю, шо це такэ — чирик? Но понял, нужно добавить. Хоп-хоп по карманам — мелочи нет. «Может, это возьмешь?» — шутя сунул ему коробочку с самопиской, выпущенной к какому-то юбилею, стоимостью восемнадцать рублей. А он — взял!..

Вышел я из машины, сгорая от стыда. И понял: за три года произошли в «алешиных» землях большие перемены.

Собственно, и у нас на работе чувствовалось, что случилось что-то «в нашем королевстве», началась текучка! Снимались кадровые рабочие и уезжали в Нижневартовск, Ноябрьск да в тот же Мегион: заработки выше и не такая глухомань! «Обеспечь заработок! — советовали мне «сверху». «А как?» «Это ваши проблемы!» (Модное выраженьице.) В других местах я знал, как это делается: за счет разного рода приписок. Пересилить себя я не смог, поэтому ушел с должности, занялся чисто технологическими вопросами. И чего добился? Никто и не заметил демарша. Но я таков. В этом весь я. Натура. Характер. Упрямство...

Я не голосую на дороге,
до полочки денег не прошу...

Прошлым летом окучивал картошку, вышел на бетонку.

Заходящее солнце светит прожектором: лучи параллельно земле, как при штурме Зееловских высот, слепят.

Мимо проносятся черные и белые «Волги»...

Горкомовские...

«Генеральские»...
Парткомовские...
Главинжевские...
«Жигули», «Москвичи», «Фавориты»...
Цитцевские...
Ритцевские...
Соседские...
Неизвестные...
Может, голоснуть? Дождь совсем осенний...
...Скрип тормозов: ГАЗ-53. Голос сбоку, из кабины: «Садись, что ли!»

Поехали.
— Что ж вы так, не голосуете?
Смеюсь:
— По-американски: кому скучно — остановится!
Взгрокнул:
— Го-го! По-американски! То-то — мокрый! Кабы не я... Еще загорал бы!..

— Так я тебя и ждал, может!
— Х-хы-хы! Хохмач! Мужик рассказывал. У клумбы, зимой, один водитель посадил, значица, всех. Потом по микрофону: «Водилы есть с атэпэ? На секунду выйдите!» Двое вышли. Он двери — хлоп! И газанул! Народ зашумел. Он им: «Тихо, граждане! Я у «Алеши» недавно пару часов сопли морозил ночью, голосовал, а ихние автобусы только фарами помигали. Пусть на своей шкуре почувствуют!

Август девяносто первого. Только что с Большой земли — от-пуск! После перелета проснулся поздно. На кухне по радио — классика. Включаю телевизор — «Лебединое озеро». Путч!

На лестнице соседка: «Давно надо бы! Порядка нет!..»
За хлебом — очередь. Хлеба нет еще.
— Несерьезные путчисты! — говорю. — Уж хлеб-то могли бы предусмотреть! Да и колбаски... Не-ет, балаган!

Очередь угрюмо молчит.
Домой.

По радио передавали заявление «Сыкыр-куяна», потом — новоявленных «спасителей отечества»...

Подозрительный «форосский пленник»!

Я вчера породил перестройку,
но она изменять стала мне,
Эй, ямщик, подавай-ка мне тройку
удалых пуго-язых коней!
Ой вы кони, застойные кони!

Опять Чайковский...
Кого хороним или что?
Нет, сердце — не камень!..
В лес! На природу!
Пешком до «клумбы».
Первая же машина:

— Тпр-ру... Садись, мужик! Куда тебе? Слышал? Как их? И не выговоришь спросонья. Гэканечисты?.. Попроще бы чего, может, и ничего, а? Так оно, конечно... Из-за власти дерутся, а нам что? Мы — работяги: работать—то надо при всякой власти...

Прошел год...

Мимо: частные... личные... демократические... совместные... малые... большие... японские... американские... немецкие... и те же «генеральские»... исполнительские... представительские... — все мимо!

Начинает бусить, моросить...

Но... через полчаса, словно я его ждал, точно около меня останавливается автокран (на дверце: «перевозка пассажиров запрещена») и Эдик Захаров (первый раз вижу его) молча открывает дверцу, а потом трогает... Куда, кого, зачем?.. Эх, Русь!..

Август 92-го г.

Кольца жизни

Затянувшееся бабье лето... Комфортная временная ниша между утром и днем: тепло, тихо, покойно, как у матери на коленях.

Работы на скважине закончили под утро. Пока бумаги оформляли, на связь выходили, то да се — завтрак поспел, а там уж и на вертолетку пора, первый рейс обещали.

Полудремотное состояние между сном и явью.

Голубая, сосущая даль. Купоросно-синяя высь... Темно-зеленое, с золотом и рдянцем, ближнее окоемье...

Совсем рядом — засохшая, искромсанная гусянками, распаханная железом суглинистая земля. На ней тут и там, как поверженные роботы пришельцев, чернеют трактора, агрегаты, буровое оборудование, контейнеры, сани, емкости, трубы — костром, искореженные перила, ограждения, бухты каната. Все это приготовлено «на взлет», но часть, наверняка, останется «на зиму».

Пониже, крепостным валом, засекой — искромсанные стволы деревьев, пни, корни, кустарник, торф, глина.

На буровую можно попасть без риска сломать ноги только по двум взвозам. Эти завалы — да на окраину бы Дикого поля: ни печенеги, ни половцы, ни батыевские тумены не сунулись бы! Что и говорить, как в кошмарном сне.

В сторонке — кемарнул, видать, не заметил, как подошли, — бурмастер с женой. Он остается на заключительные работы, она улетает. В бригаде она — мать—командирша. Семейный разговор. Голос у мастера глухой, осенним дождиком — не разобрать, ее — чистый, дробный — летний капельник: кап-кап-кап — проникает сквозь дремоту. «... я тебе точно говорю: медведь или рысь! Глаза блестели. Вон оттуда, из завала... Цементаж закончили — я пробы в балок понесла... А то я не знаю! Собаки под балок спрятались... Обратно иду — уже огоньков не видно. Медведь или рысь... Местные говорят, самый медвежий угол здесь! Еще бы! Лога, осинники, ручьи: зайцы, лоси, дичь... Да и шиповника, смородины, другой ягоды — море...»

О семейных делах заговорили, я ушел подальше, в сторону завала.

Оглянулся, жилые балки, буровые сооружения слились с пятнисто-крапчатым фоном, и только вышка, словно потягиваясь после многотрудных перегрузок, молчаливо впечатала свой силуэт в купоросно—синюю, блекнущую к северу высь.

Отгремела буровая... Тишина! Надолго ли? Ведь вскрыли несколько нефтяных пластов, значит, жди вскоре нефтедобытчиков, нынче они шустро, по пятам идут за нефтеразведчиками: самопторы и федоровки истощаются.

Сон одолевает, на ходу сплю. Может, завалиться на солнышке, на взгорочке? Или в мастерском балке, в кровати, дремнуть минут шестьсот? Да... «Укатали Сивку крутые горки!» Прежде и по трое суток крутился, да так не морило. Годы, годы... Сегодня у меня юбилей — полста! По мнению пифагорийцев, в последний цикл вступаю. Как они мало жили! Или рано взрослели? Младенец. Отрок. Юноша. Молодой человек. Пожилой мужчина. А после пятидесяти — старик! Ну не жестоко ли? «Старик»...

Громадный высокий пень. Значит, зимой площадку готовили. Могучий был кедр, не сразу дался, с трех сторон опиливали. У бензопилы полотно едва до сердцевины доставало: торчит из пня охапка золотистой лучины.

Как в баре на стул, забрался на пень, прислонился спиной к упругой занозистой сердцевине — лучинки прогнулись, мелодично затенькали.

Подрезал одну отщепинку. Как перышко лебединое, легошенька и шелковиста на ощупь, толщиной — в один годовой слой.

Постругал — режется приятно, чисто, ромбик получился. Взял ручку, пейзажик набросал. Край вертолетки, «взлет»... Ближний лес, просека... В гривах, между лесного разномастья, в виде раскрытой ладони с притоками—пальцами, пойма ручья... Дальний кудреватый темно-синий лес... Прояснившаяся кромка горизонта и два тонюсеньких, в волосок, в нашу сторону и вверх, набухающих дымных веретешка: факелы горят. А ведь месторождение открыли, можно сказать, на днях! Вот он — технический прогресс, рядышком. Задымит и здесь.

Вернулся к рисунку, стрелками для памяти пометил: изумрудно-зеленая (как озимь)... кобальт фиолетовый с умброй... окись хрома... охра золотистая...

Дома раскрашу и подарю дочери в качестве книжной закладки.

Сколько ж лет лучинушке? Ведь она из сердцевинки почти.

Спрыгнул. Стал считать кольца жизни кедра...

Срез от солнца и дождей платинового цвета, годовые кольца выделяются четко, в виде сглаженной пятиконечной звезды. Пять мощных корней, крепких, смолистых, плавно возвышаясь, по гиперболе подходят к стволу своеобразными ребрами жесткости. Без сопромата и термеха природа находит наилучшие инженерные решения!

Считал—считал кольца, сбивался, снова считал, наконец, дошел до заветной сердцевинки: сто сорок шесть колец! Сто сорок шесть лет. А если сердцевинка считается, то сто сорок семь!

Какой же это год? 1842-й? 1841-й? Бог ты мой!

...Почти полтора века назад кедровка или белка бросили здесь кедровую недошелушенную шишку. А еще через год—два из набухшего, присыпанного хвоей и палым листом орешка появился любопытный корешок, ставший за полтора столетия могучим кедром, который, судя по срезу, еще стоял бы и стоял, если бы не зло режущая бензопила с кощунственным названием «Дружба»...

А моей закладке сколько? Сто тридцать два. Времен обороны Крыма моя закладка!

На «влете» ящики керна. Вот кружочек аргиллата. Тонюсенькие, некоторые с волосок, пропласточки. Серые, серовато-голубые, мышинового цвета, светлые, кремовые... Это своеобразные «годовые» кольца жизни Земли. Только каждое «колечко» хранит в себе миллионы и миллионы земных круговращений...

Что в сравнении с этим наша жизнь?

Полвека — пятьдесят годовых колец... Пошел отсчет пятьдесят первого...

Свалюсь или свалят, кто посчитает их, мои «кольца» жизни? Да и как их считать? Что они из себя представляют — подписи на

«бумагах» о строительстве скважин? Или строчки стихов и рассказов, разлетевшиеся на волнах эфира, осевшие на листы бумаги и, может быть, в памяти немногих людей? Или — дети? Или — посаженные деревья: березы, клены, рябины и — пусть один — медленно растущий кедр? Бог весть...

А вот и вертолет: маленький глазастый МИ—2.

Летим низко. Под нами, как на ладони, сентябрьская тайга.

Гривы, болота, тайга... На старых вырубках — густые, волосяными шапками осинники и березняки. Бобровыми шкурами, с проседью — в опушках сквозистых берез — хвойные массивы. И там, и там словно охряной кистью побрызгали по зеленой грунтовке: на юг все же спускаемся. А вот и рдяные брызги появляются...

Пятнисто-крапчата тайга —
в манере импрессионистов...
Как паутина, в небе мгlistом, —
не на лосиных ли рогах? —

мерцает легкий алюминий...
«Железка» узкою лыжной
блестит на солнце, к гривам льнет
и пропадает в дымке синей....

В душе томленье и печаль.
Сомненья сердце рвут на части.
...Не обернется ль это счастьем,
едва—едва ушедши в даль, —
иль будет просто приземленьем
в мир тишины — без сожаленья?

Июнь 1988 г.

Белочка с пригревочка

Стоял конец августа. Белые ночи потемнели — так в детстве светлоголовая белобрыска становится незаметно русой: русеет, русеет, а к бабьему лету, глядишь, она совсем темноволосая. Так и ночи в конце августа темным-темны. И хоть коротки еще, не более трети суток, ночи, словно холодные темные воды во время прилива, все больше подтапливают светлый берег дня. Вот и сегодня новые пять минут дня ушли в сумерки.

Было пять часов новых суток. Утро забрезжило еще раньше. Восход предвещал ясный денек, заря разливалась красно—золотистыми потоками.

Я закончил свои дела на буровой и размышлял: идти спать или посмотреть грибы? Решил: по грибы. Вокруг буровой, с трех сторон стояли светлые чистые молодые сосняки. Я взял накомарник под грибы и пошел от солнца: почти горизонтальные лучи его не били в глаза, а влажные от росы шляпки маслят, моховичков, красноголовиков, сибирских груздей золотисто посверкивали и были хорошо видны на фоне ягельника и хвой.

Воздух был прохладен и смолист. Я не испытывал ни желания покурить, ни чувства голода. И ни одной какой-нибудь определенной мысли не циркулировало у меня в голове. Может быть, только бессловесные образы. Я был язычником. Первобытным человеком. Частью природы, понимающий ее душу всеми органами чувств. Меня переполняло чувство благодарности к окружающему миру. Солнцу — за его свет и тепло. Соснам — за озон и тень. Мхам — за мягкость при ходьбе и за то, что они сохраняют влагу и укрывают грибы, бруснику. Грибам — за то, что они выросли и показались мне на глаза, доставили радость, счастье находки... Кому-то высшему, смутно осознаваемому — за то, что я есть, что я живу, хожу в этом чудесном лесу...

Часам к девяти накомарник отяжелел. Я ставил его в центре полянки и ходил вокруг по спирали, собирая грибы в капюшон. Солнце уже поднялось, хорошо пригревало. Роса испарилась и ягельник был достаточно сухой. Иногда я отдыхал: ложился на спину и, раскинув руки, смотрел в синее, без единого облачка, небо. Ходил я медленно, казалось, вырезал грибы подчистую, но, возвращаясь, находил еще и еще. И что удивительно, даже у самого накомарника: там-то я многожды ходил!

Хорошо заметив место, я налегке пробежался по предболотным удолям и взлобкам — неудачно: попадали обабки, да и те переростки, опоздал. Но все же полон капюшон набрал, иду с бережью, ищу прогалинку свою. Остановлюсь, поверчу головой: здесь аль не здесь? И иду дальше. И так — бесперечь! Неужто брожу по кружалу? Жалко будет потерять добычу — ведра два в накомарнике, не меньше. И по объему, и по весу чувствуется. Стою, пытаюсь сориентироваться. Вдруг белочка привлекла внимание: с ветки на ветку и на землю. Слежу за ней, из-за сосенки выглядываю — и что вижу? Белочка направилась... к моим грибам! «Ах ты, белочка-с-пригревочка! Пока я шлындаю по лесу, грибы ищу, ты у меня потаймя их берешь? Ну, тащи, тащи... Место там опростается, из капюшона выложу».

Белочка между тем повозилась у накомарника (прогрызла москитную сетку и сбоку берет?) и попрыгала обратно, придерживая грибок (по виду волнушка, а я их будто бы не брал) передними лапками. Замерла у сосны, поозиралась по сторонам, блестя глазами—бусинками и скрылась в хвое. С полминуты ее не было. Появилась она с другой стороны неожиданно. Была она некрупная и нежно-рыжая, с серовато-дымчатым оттенком, но аккуратненькая, изящная. Когда присаживалась на ягель и, наклонившись раздвигала передними лапками мох и затем проверяла качество гриба, пушистый хвост ее, похожий на остистый янтарно-красный колосок, изгибался вдоль спины и плавно затем отходил от нее. Белочка по зигзагу приближалась к моим грибам. Но на этот раз она оказалась с невидимой для меня стороны. Только по вздрагивающей кисточке хвоста можно было догадаться, что она не сидит неподвижно, а копошится. И снова она появилась с грибом, похожим на волнушку или сыроежку. Вспрыгнула она на дерево изнутри кроны, от ствола. А на прогалину спустилась с соседней сосны, как перемещалась она внутри кроны, мне не было видно. Еще несколько раз появлялась она в пределах видимости. Временами она замирала столбиком, почти по-сусличьи и неожиданно громко цокала. Воздух был недвижим, но я затаивал дыхание. Меня она заметила или кого другого?

От долгого стояния у меня затекли ноги и я, забывшись, переступил ногами. Этого было достаточно, чтобы белка в один прыжок, распустив хвост, скрылась.

Грибы мои были целы — я даже обиделся на белку: погребовала?

Подстраховка

— Шэш-быш! В «сортире» сидишь, тезка! — Петрович ласково положил толстую руку на острое плечико партнера и оглушительно захохотал-загукал. — Хорошо тебя я, а? Как ты до такой жизни дошел? Посиди, подумай, а я прогуляюсь до ветру: взопрел тебя гонять... — главный геолог отодвинул доску с нардами, промокнул мятым платком квадратное оранжевое, цвета огнеупора, лицо. Добродушные по-детски глаза. Густой белесый чуб. Ну, прямо рубаха-парень...

— Це-то мне седни невезуха... — завздыхал главный инженер. — Не лозацца кости, хоць плаць... — Он потер жилистой рукой худощавое, обтянутое восковой кожей лицо и огорченно вздохнул.

— Думай, Иваныч, думай... Только головой. И поменьше скреби ее — плешь, гляжу, капитально просвечивать начала у тебя, знаешь?

— Тесска! Поимей соссь, не бреди дуссу...

— Ладно. Проветрюсь, гляну, что на буровой.

Главный геолог накинул меховое полупальто и вышел из балка, оставив дверь полуоткрытой:

— Накурили, хоть топор вешай! Пусть проветрится...

Морозным воздухом дышалось глубоко. Прислушался с удовольствием: «Не дышалка — воздуходувка! Курить бы бросить еще...» — подумал мечтательно. Гулко откашлялся и сплюнул. Пока справлял малую нужду за углом балка, смотрел на ярко—звездное небо — бездумно, но с интересом. Затаптал парящую лунку унтом, прислушался, и по звукам определил: спуск колонны, похоже, закончен.

Поднялся на буровую по гулким от мороза мосткам, спросил бурильщика:

— Ну как, порядок в танковых войсках? — Он работал давно, многих бурильщиков знал в лицо и по именам.

— Полный! — в тон ему, улыбаясь в заиндевевшую бороду, ответил бурильщик. — Петрович, будь спок! Когда за нами дело стояло? Что ваш кадр указал, все трубы спустили. Счас промоемся. К утру, по светлому, цементаж можно начинать...

— Ишь ты какой шустрый! Сразу и цементаж ему подавай!

— А че тянуть? Тик—так — и в дамки!

— Мужики—то где: мастер, геолог, технолог?

— Дак погреться пошли...

— Ясенько... Слышь, Михалыч, вот что... И Женька, и Толик парни — во! Но, понимаешь, колонна здесь — «висячая», забоем не проверишь, до него полтора метра метров... Экономию, понимаешь, эту в печенку! Корче, для подстраховки давай спусти еще трубу: Береженого Бог бережет. Так, Михалыч, скажи?

— Че не понять? Понятно и ежу! Сделаем.

Петрович походил по территории буровой, изредка гулко покрякивая: «Чучмек долбаный, делать мне нечего — на каждую колонну шлындать. Для личного контроля! Я в молодости наконтролировался. Чего захотел. Да я с базы еще лучше проконтролирую...» Потоптался у балка, поглядел на звездное небо и, когда услышал, как вахта стала затаскивать в буровую обсадную трубу, вошел в балок и со спокойной душой еще раз загнал в «сортир» своего невезучего тезку. Тот в расстроенных «чуйствах» тоже решил прогуляться...

Зацементировали колонну по светлому, все прошло удачно, «стоп» поймали, обратный клапан сработал...

— Це-то ус все как учили... Подозрительно больно... — скептически заметил главный инженер.

— Тезка! типун те на язык! — гроыхнул Петрович и шутя-шутя, но ощутимо шлепнул его по спине.

На следующий день Петрович поинтересовался: как там каротаж? Какое заключение дают геофизики: все тип-топ?

На рации все замялись: вообще-то, мол, «тип-топ», цемент подняли почти до устья, сцепление с колонной хорошее... В мере длины — расхождение — по-ихнему колонна чуть не до забоя спущена... Заставили каротажников кабелю контрольный замер сделать.

— Что? — Петрович так гроыхнул, что начальник смены трубку от уха отодвинул. — Какой они искусственный забой передают? Это что — восемь трубок перепустили? Да я ж... — И он в сердцах бросил трубку телефона. «Сожрет теперь «генерал», — подумал обреченно. — Но откуда восемь лишних трубок появилось? Ну, я одну «подстраховал», тезка, — начал он считать, — геолог... Пусть технолог. Мастер. По одной — пять штук. А еще три откуда? Неужели еще и вахты подстраховались?..»

Гармония живая

И вроде бы не полнолуние, но почему так беспокойно сплю? Опять проснулся вдруг, словно после какого-то кошмара. Будильник заведен, а раз заведен, обычно сплю спокойно. В чем дело?

«У... у... у... Ав!.. Ав!.. А... у...»

Ясно! Вспомнил! Я только что ушел из комнаты, которую мы зовем «залой», сюда, на эту сторону, где из окна виден голый берег в железных бляхах гаражей...

И в этой комнате достали!

«Развели собак, а не кормят! — бормочу раздраженно. — В гаражах, что ли, держат?»

Включаю свет и с ближней полки беру на ощупь книжку, она раскрывается на случайной странице, в глаза бросаются следующие строки:

Есть гармония живая
в нытье полуночного лая
сторожевых в селе собак:
никем не холены, не мыты,
избиты, изредка лишь сыты,
все в клочьях от обычных драк,

они за что-то, кто их знает,
наш сон усердно сторожат:
пес хочет есть, избит, измят,
а все не спит и громко лает!

Вот оно что — «наш сон усердно сторожат»! А я их готов съесть или в клочья разодрать! Кто же автор? Смотрю: Константин Случевский.

Я смеюсь и засыпаю под «нытье полуночного лая» собак...

Вот что значит взять случайно Случевского и прочесть случайную страницу. Если он есть, Константин Случевский, на вашей книжной полке!

Широта души

8 сентября 1995 года. Пятница. 15.55 — местное время. Солнце жарит по-летнему. Возле гостеприимно раскрытой двери автобуса «Нижевартовск — Мегион» щуплый, жилистый дедок с жестким, из конопли, полупустым мешком. Просится ненавязчиво:

— А? Может, возьмете — без денег? Ну — ни копыя!

Водитель — тоже мягко — советует:

— В горисполком идите! Для малообеспеченных у них автобус ходит.

В автобусе народ по местам сидит. Одни начали прислушиваться к диалогу, другие заняты своим разговором, третьи дремлют...

Вдруг сзади, с жарких, возле двигателя, мест распаренный голос:

— Эй! У кого там денег на проезд нету? Садись, заплачу... Вот тебе десятка, отец. Садись.

Водитель (с сарказмом):

— Может, вы за весь салон заплатите?

Чуть выше среднего роста, молодой, темно-русый, крупнокудреватый, под Есенина, заметно «подшофе» парень самокритично отвечает:

— Нет, себе на билет наскребу, и то хорошо. Но ничего: если не хватит, вот шоколадка в придачу, — кладет на приборную панель плитку шоколада и начинает «скрести» в карманах. — Пять... Шесть... с половиной... семь с половиной... восемь... девять... девять с половиной... Ага, вот — десять!

Автобус — почти весь — затаив дыхание, начал гадать: наберет или нет? И вздох облегчения явный послышался, когда он набрал заветные десять тысяч.

Водитель вернул ему шоколадку:

— Забери! Детишкам доведи!

Парень не стал отказываться, положил ее во внутренний карман пиджака.

Дедок, смахивающий на бомжа, между тем сделал попытку устроиться рядом с водителем в кондукторском кресле, но тот шуганул его:

— Может, тебе еще и баранку уступить?

— Ничего, отец, пошли, найдем тебе место, — сказал парень и потянул дедка за собой.

— Хоть бы спасибо сказал... — пробурчал кто-то из пассажиров.

— Во-во! — поддержал его парень. — Дед, спасибо-то сказать не трудно, скажи, а?

Тот пробурчал что-то невнятное.

Всю дорогу до Мегиона они миролюбиво бубнили. Возле бани дедок подхватил свой новый жесткий мешок и сошел, поблагодарив водителя.

В Мегионе ослепительно, возвращая июньские долги, светило солнышко.

Воздушная подушка

Таежная речка сильно меандрировала среди кедровых грив и темных высокорослых ельников. Чтобы уменьшить вырубку леса, буровую расположили в основании, а жилой поселок и вертолетную площадку — на перешейке и оконечности полуострова. И для подлета к вертодрому лес не пришлось вываливать: справа и слева, по-над речкой простору было достаточно для любых вертолетов.

Скважину забурили в конце сентября, еще по теплу; смену вахт и завоз оперативных грузов осуществляли средние вертолеты МИ-8. Но на буровой оставалось несколько подвесок вышкомонтажников, которые увезти могли только тяжелые вертолеты МИ-6 или МИ-10. Располагались эти грузы в самой узкой части (метров тридцать-сорок) перешейка.

И вот, гудя, чужая, как трактор на малых оборотах, издали оповестил о себе тяжелый, зеленовато—черный, как копченый окунь, МИ-6. Стропаль монтажников, дежуривший уже несколько дней, по-обезьяньи взлетел на верх контейнера-слесарки, затянул все вязки энцефалитки и стал ждать, распластавшись на крышке. Нижний край воздушной подушки, на которую опирал-

ся этот гигантский грохочущий железный сарай, как в сердцах звали заказчики вертолет МИ-6, коснулся земли и, расплющившись, погнал в сторону, с завихрениями, все, что можно было сорвать и унести или опрокинуть. Вот он, наконец, завис над слесаркой, стропаль ловко накинул петли тросов на крюк и сполз на землю, потом, закрыв лицо, подгоняемый воздушным потоком, убежал к балкам.

Или машина была слабенькая, с последним ресурсом, или командир выбирал курс повыгодней, чтоб взлетать навстречу слабенькому, но — ветру — началось таскание подвески по взлетной площадке. Гулу, грохоту, ветру-самуму!.. Вот оторвал уже на метр-полтора — лететь бы, нет, боком-боком пятится назад. Бум! — подвеской о землю. Еще и еще... Вот уж крайний балок задрожал, дверь чуть не улетела, хлопнула пушечно. Где-то лист железа сорвало, улетел в реку. Два обласка, лежавшие под бугром, крутятся, как бумажные кораблики, в прогнувшемся водовороте маленьких Бермуд... Вот опрокинулась и покатила тесовая будка туалета на два очка... Ну наконец-то, выжимая с брызгами из-под себя речку, словно судно на воздушной подушке, воздушный трактор ушел по своей светлой колее.

Напряжение спало, и хоть гудела буровая, установилась, казалось, абсолютная тишина. И вдруг в этой тишине раздался женский голос: «Помогите!» Звучал он глухо и доносился из... туалетной будки, задержавшейся у мощного кедрового пня. Когда ее поставили так, что можно было открыть дверь, из нее выползла перепуганная техничка тетя Клава.

— Нечистый дух! — ругалась она. — Надо же! Чуть по второму разу — в штаны — не сходила... Смотрю: будто рак, пятится, выйти не могу, дверь ветром так прижало, что не открыть. Господи! А коли в воду бы? Смертынька бы тоды...

Подконтрольный рейс

Из Пургая позвонили: к вам Мамалыгов. На МИ-8. Бортовой номер такой—то. Встречайте.

— Может, я не поеду, а, Борис Петрович? — спрашиваю я своего шефа. — У меня совещание с главными инженерами назначено...

— А у меня? Не отлынивай: субординация требует! — на полном серьезе обрывает меня «генерал».

Вообще-то он — главный инженер, но сейчас исполняет обязанности генерального директора, а я — его обязанности.

Выехали на двух «уазиках», да еще «рафик» прихватили: какая сегодня у Мамалыгова свита? Любит он размах во всем — может и не разместиться!

Старая вертолетка в пойме реки, рядом с промбазой и складами. Когда-то здесь первый «десант» высадился, и начали сразу же строиться без досрочных изысканий. А местность оказалась подтапливаемой. Да и без этого каждой весной — проблемы. Вместо того чтобы перебазироваться, еще больше увязаем: трубную базу недавно основали. Ладно бы грузы, как прежде, исключительно по воде шли — большая часть идет по «железке», а железнодорожный тупик совсем в другой и — далекой стороне. Новый вертодром строится тоже у черта на куличках...

Диспетчерская и зал ожидания — в полуразвалившейся, просевшей в землю халупе. «Но зато на новом вертодроме — из импортных модулей!» — авиацию курирует главный инженер, поэтому «оправдательные» аргументы проигрываются автоматически... Взглянул на «генерала», не вслух ли рассуждаю? Но он, возможно, сам «репетирует»: сосредоточенно прищулив небольшие карие глаза, смотрит в серебристо-серую белесую даль — туда, где сливается небо и речная гладь...

Предупредив диспетчера, чтобы ближнюю площадку держали свободной, мы расположились поблизости, в тени.

«Генерал» по радиотелефону предупредил начальников быть наготове: мало ли к кому изъявит желание заглянуть Мамалыгов.

Курим... Обсуждаем дела, ближайшие планы, неувязки... Вспомнили последний шумный визит начальника главка...

Было это в начале марта. Приказал он собрать на совещание первых руководителей всех подчиненных главку организаций, дислоцирующихся здесь, и главных специалистов объединения. Народу, свиты набралось — клюквинке некуда упасть.

Совещание началось в два часа и продолжалось до одиннадцати вечера! Измочалил всех. Поднимет одного, другого... Накидает вопросов, один неожиданнее и несуразнее другого, не выслушает, наорет: «Человеческий фактор надо учитывать! Работать с людьми!» Тут же звонит в Москву по прямому проводу, в главка... Духота. Все в поту. Оторвется от трубки, еще одного поднимет и опять за трубку — какого-нибудь еще более северного «генерала» воспитывает: «Ты зачем этого подлеца из—под суда вытащил? Опять допустил его к кормушке? Его не выгонишь — тебя уволю!» И с полчаса в таком же духе! А мужики — стоят, ноздри раздувают, губы в кровь кусают, а стоят!.. Как кролики под взглядом удава! Я-то у него двадцать пять лет назад молодым специалистом начинал, знаю его: совсем не изменился! Только сейчас грозит: «Уволю!», а

тогда орал: «Выгоню без выходного пособия!» Правда и сейчас прорывается: «Уволю без права работать даже сторожем в нашей системе!»

Вот его и встречаем сейчас...

Хотя мне и терять нечего, а невольно проигрываю варианты ситуации... и сержусь на себя за это.

Подошла молочно-розовая (кустодиевская) блондинка-диспетчер. Улыбается: «Отбой! Вертолет там, чи шо, передали, неисправен».

Облегченно вздохнули. Поехали в объединение. А там начальник конторы связи «обрадовал»: «Берут другой борт. Вылетают...»

Дело осложняется: приедет злой, задержек не любит.

Снова ждем.

Рядом с нами останавливается новенький, будто только что с конвейера, «уазик». Борис Петрович заоборачивался и вдруг стал вылезать из машины.

— Пошли! — позвал меня. — Рублев приехал. Второй секретарь горкома. по промышленности. Надо представиться.

Подшли. Назвались. Секретарь пригласил в машину. Я нырнул первым, сел за водителем, «генералу» пришлось расположиться за секретарем. Тот обернулся и задал несколько вопросов по сводке. Меня удивила его информированность в наших делах. Видимо, заключил я, в райкоме, у нашего куратора, есть и наши план-графики, и «ковер» бурения.

Потом, когда он удовлетворил любопытство и показал «компетентность», сдержанно-почтительным голосом, подбирая губы, словно боясь случайно выронить лишнее слово, «генерал» стал расспрашивать секретаря о делах районного масштаба.

Перво-наперво поинтересовался, не Мамалыгов ли попросил товарища секретаря подъехать? Нет, ответил тот. Просто рейс подконтрольный: авиаторы его проинформировали. И по другим каналам информация пришла. Дело в том, что Мамалыгов не один. С ним республиканский министр. Член правительства России все же. Хоть правительство и пешковое (все через их голову решается в ЦК и Совмине СССР, а их просто информируют), но — правительство! А так, особенно по нефти — все решается в ЦК! Вчера, например, звонят... секретарь сделал нарочно скромную паузу, просят поработать с нефтедобытчиками, чтобы дополнительно к повышенным обязательствам дали еще тысяч сто тонн. Очень нужно! Нефть пойдет прямым ходом в Н-скую республику. Там к власти пришло ориентированное на Союз правительство. Запад их блокирует. Нефть сейчас для них — вопрос жизни и смерти! Вот что кроется за дополнительными обязательствами — большая поли-

тика! Жаль, что не все это понимают... К нам это не относится: план по приросту запасов выполняется успешно. А это главное. Хотя с метражом у вас...

При первой достаточно продолжительной паузе Борис Петрович поинтересовался о судьбе предыдущего первого секретаря.

Рублев значительно пожевал губы, почесал волосатую родинку на пухлой щеке, поиграл густыми короткими бровями, и только после этого, тяжело вздохнув, сказал:

— Понимаете, сложное дело... Да, сделал он много. Себя не щадил и с других спрашивал. При нем была максимальная добыча нефти в сутки. У него громадный опыт, да и сам нефтяник! Я, помню, инструктором работал... На своей шкуре испытал его нрав и методу: круто! — Сказал и прервался, увидев улыбающуюся блондинку.

— Все! Улетел ваш Мамалыгов домой, — сообщила она. — Ой, что там, говорят, было! Первый вертолет оказался неисправным. Дали второй — какая-то заковыка с экипажем... Министр ничего, а вин на пилотов: «Уволю! Вигоню!..» Вызвал свой персональный ЯК-40 и «—фьють! — у свою...»

Заметив, что «генерал» делает недовольные знаки, умолкла на полуслове.

— Не везет мне на «подконтрольные» рейсы, — шутливо бросаю я. — Второй раз в жизни встречаю, и неудачно. Как—то дежурил по Главку. Начальник, еще тот, первый, уходя, предупредил: «С севера спецрейсом летит академик А. Вот номер борта. Позванивай в аэропорт и обязательно встретить. Отвезешь в малую гостиницу. Шофер знает.» «Бусделано!» — говорю. Дежурю: то, се. В аэропорт позваниваю. Отвечают: борт такой-то там... там... потом — там-то на дозаправке. И вдруг — потерялся... Дежурство кончилось. Звоню тому, другому... Наконец, самому начальнику главка... Телефоны не отвечают — воскресенье ж! Еду в аэропорт. Иду на АДП. Говорят, вылет задерживается из—за академика: с местными властями общается. Когда вылетит — неизвестно. А уже восьмой час вечера. Шофер матюгается открытым текстом: «Тринадцатый час за баранкой! В кои-то веки собрался с женой в драмтеатр и — нате! Сейчас, поди, костерит меня супруга на чем свет стоит!..» Отпустил его — в случае чего такси возьму. Жду. В АДП диспетчера сменились. Надоел я им, что ли: отбой, говорят, борт дает «ночевку».

Со спокойной совестью уехал домой. Утром только пришел на работу — селектор зазвонил: «Зайди!» — слышу голос начальника главка. Захожу, объясняю, как дело было. Да еще и замечаю: «В Москве вон и генералы в метро ездят, и в троллейбусе видел...»

Тот в ответ матюкнулся: «Запиши телефон и сам в обком звони — объясняйся! Я уже объяснился... Да про генералов — не вздумай. НЕ каждое лыко в строку идет...» Пришлось звонить.

— Так что, — говорю я шефу, — может, еще подождем: вдруг «подконтрольный» рейс объявится?

Я серьезен и озабочен. Мои товарищи встречающие, как в стоп-кадре, на секунду замирают в раздумье, прогоняют ситуацию в «компьютере» и синхронно усмеваются:

— Хочешь — жди! А мы поехали...

Да, люди уже не боятся обкома! И Мамалыгова?

1984 г.

Традицию — не нарушай

Последние лет двенадцать для меня существовал, по сути, один праздник, который я неукоснительно отмечал, это — День Победы. В Новый год, в свой день рождения, даже 8 марта, не говоря о других, я не без сожаления, конечно, улетал вертолетом, выезжал в метельную ночь на вездеходе, в ненастную мглу на катере — если этого требовала моя работа. И все в моей экспедиции привыкли к этому. Но знали также, что 9 мая вечером я должен быть дома: в минуту молчания, с полной рюмкой водки, я должен смотреть на мятущиеся по экрану ТВ языки пламени у могилы Неизвестного солдата и вспоминать отца, погибшего в сорок третьем под Великими Луками у деревни Ивановки... Так было и позже, в Мегроне — в объединении. Но легко соблюдать традиции, когда сам себе голова!

А в 84-м — високосном — году все пошло у меня на вын-тараты! Началось с того, что моего шефа, в качестве козла отпущения, «заклали»: перевели начальником захудалой экспедиции. В знак солидарности, не без колебаний, ушел и я; отказавшись от заманчивого предложения из Красноярского объединения, пошел к шефу главным технологом. То есть, как говорили, добровольно «сошел с седла» или «выпал из обоймы». Непосредственным начальником оказался у меня малоопытный, недалекий, но себе на уме, удивительно везучий ширококостный парень с глубоко посаженными глазами, благодаря этой везучести, уже года два успешно балансировал он на шаткой должности главного инженера. За несколько месяцев до моего перехода под «его руку», естественно, я близко не предполагал, что это может случиться, — когда он должен был с треском лишиться должности, я спустил дело на тормозах, предоставляя ему еще один шанс. Получилось,

что я его выручил, а он меня выучил! И пришлось мне месяца три практически не вылезать с буровых: с колонны на колонну, с цементажа на цементаж, с осложнения на аварию! Мало того, еще и на забурки «нулевок».

Я в это время разработал несколько рецептур тампонажных растворов и вариантов технологий (одна из них позднее была признана изобретением) и с энтузиазмом натаскивал технологов, буровых мастеров, геологов, тампонажников. Тампонажники, в отместку, прозвали меня шаманом! Несколько раз, в качестве наблюдателей, при цементировании колонн были и главный инженер, и главный геолог. Последние заливки технологи делали самостоятельно в моем присутствии. И тем не менее для гарантии вертолет перебрасывал меня с точки на точку. И не рад хрен терке, да по ней боками пляшет! Так и я. Люди на первомайскую демонстрацию — я на вертолетку. Но прилетел домой все же седьмого мая. С настроением встретить девятое мая традиционно: уловить в огненном мерцании хранящийся в памяти с детских лет расплывчатый образ отца — не такой, как на сохранившихся фотокарточках, а тот, каким он виделся мне в последний раз, когда приезжал он к нам на побывку во время переброски сибиряков с Дальнего Востока на фронт. Что праздную День Победы — накануне поставил в известность, для порядка, главного инженера. Тот выслушал и ни бе, ни ме не сказал. А утром звонит с рации начальник смены и сообщает, что... вертолет ждет, главный инженер передал, мол, чтобы вы летели обязательно... Я отказался: «У меня сегодня праздник». Главный инженер в курсе. Конец связи!» И ни какого угрызения совести! Смотрю телевизор. Готовлю мясо для гриля...

И тут звонит шеф...

С просительной, извинительной, убедительной интонацией: «Ну, надо, Николаич! Надо! Съезди ты с этими... последний раз, поучи их еще. Недобор плана с начала года мы перекрыли. Никак нельзя нам сейчас допустить сбоя! Никак!»

И я нарушил традицию.

А в ноль три двадцать десятого мая поплатился за это: в заключительный, самый ответственный момент продавки цемента, перед так называемым моментом «стоп», спасая положение, я получил травму правой ноги — ушиб ступни и открытый перелом... Но в момент травмы я этого не знал: ступне было горячо и сыро, а на болотнике — хоть бы царапинка! (Вот это резина! Знака качества заслуживает!)

Я дал необходимые ЦУ по заключительным работам и пошел через дизельную в культбудку — посмотреть, что случилось с ногой. Боль была вполне терпимая, только кровь в резиновом бо-

лотнике сорок шестого размера неприятно хлюпала и как-то убойно, перебивая запах солярки, тошнотворно пахла. А может, мне казалось.

В балке я приготовил все, что мне могло понадобиться для перевязки, включая кусок фанеры для лангетки, и только после этого стал осторожно стягивать сапог.. Освободившись от сапога, положил ногу на крашенный светло-голубой нитроэмалью табурет, стал снимать носок... Ступня удлинилась на пару сантиметров, пришлось выравнивать. Хорошо, что в аптечке была пара флакончиков фуросплас-та — использовал их полностью. На фанерку положил вату, прибинтовал ее к подошве и похвалил себя: первую помощь оказал успешно! Прибинтовал тапок и вылил из сапога кровь — стакана два, не менее. От хождения повязка набухла кровью да и больно было! В горизонтальном положении было терпимее.

Вывезли меня только в конце следующего дня — дело было сделано!

Чтобы не портить показатели на премию, акт о несчастном случае не стали оформлять: у меня был отпуск за два года, и я уехал в Тюмень. Перед отъездом мне обещали, что как только мне разрешат «на юга», так сразу путевку на грязи предоставят и т.д. и т.п.

Месяц я ходил в ведомственную, отделанную мрамором и прочим кавказским камнем, поликлинику, а рана так и не затягивалась, сочилась ярко-алой кровью... А когда в главке нашлась подходящая путевка, профбосьяк из объединения не дал доверенности на ее получение: ты не у нас сейчас работаешь. Доводы, что экспедиция — подразделение объединения, что отпуск у меня за два года, в том числе за предыдущий год работы именно в объединении, не подействовали. Послал я его подальше и уехал дикарем в Евпаторию, на дикие майнакские грязи, которые, я знал, немцы во время войны развозили по всем европейским госпиталям — для лечения открытых ран.

И чудо: после трех дней купания в рапе и хождения по мягкой подстилке озера Майнаки рана затянулась нежно—розовой младенческой кожей, и вскоре я смог носить обувь как положено. Правда, на правую ногу потребовалась обувка на размер больше.

Хотел я отпраздновать это дело, а заодно и отца помянуть, но не смог — была в самом яростном начале антиалкогольная кампания.

Была нарушена еще одна традиция... Значит, что—то будет... И не дай Бог, со страной. Ведь как сказал Демокрит: «Общая нужда тяжелее частной нужды отдельного человека. Ибо в случае общей нужды не остается никакой надежды на помощь».

Сентябрь 1985 г.

Оставь в покое а-ка-эм...

В конце дня у нас в отделе, как обычно, собрались все «производственники» нашей шараги. Разговор — полуделовой, полутреп. Из старинного, на ножках, радиокومбайна — тихая музыка. Во время очередной паузы тихим задушевым голосом диктор оповестил о митинге демократов в поддержку Ельцина.

Кто-то бросил реплику про «неловкого танцора». Посмеялись. Еще пару шуток подкинули. А молодой специалист Саша, прерывавший учебу, не по своей воле, для службы в ВДВ, горячо воскликнул:

— Честно: надоели эти демороссы! Дали бы сейчас мне в руки акаэм и скомандовали — полоснул бы на весь рожок! Бардак кругом развели... Сталина на них нет! Ёська живо бы порядок навел.

— Ну уж не скажи: Сталина подавай! Его — не надо: строгий больно, — возразил кто-то слабо. — А вот «застой», до Лигачева который, с колбасой и водкой дешевой, — это бы можно!..

Ностальгически посмеялись, повздыхали: все помнили те времена.

Саша — горячий, завелся:

— Нет, честно, мужики! При Сталине не только порядок был, а и вообще! Батяня у меня говорит: житуха была — во!

Тут уж завелся я...

Прежде я не имел привычки вспоминать «те» времена: себе спокойнее! Но на сей раз не выдержал... речь-то до акаэма дошла!

— Саша, послушай, что скажу. Я про «ту» житуху не со слов «батяни» знаю или из книжек и газет — на собственной шкуре испытал. При Сталине в колхозах «счастливы» жили две трети советского народа. И эти две трети, как сейчас я себе представляю, жили хуже, чем при крепостном праве. То, что питались они порою хуже, чем в лагерях, ходили в латаной-перелатаной одежде, в рванье, в лаптях, одна сторона. Они ж были беспаспортными! Крепостными, натуральными невольниками!

И вот это-то — самое страшное!

Хотя и в городах, это уж со слов, не больно свободными люди были, но в деревне — особенно бесправны!

У меня «батяня» погиб в феврале сорок третьего, под Великими Луками, под деревней Ивановкой. Из сибирских был. Мы в это время на Алтае, скажу честно, особо не голодали; хоть я малой был, но помню: картошка, хлеб, соленья, молоко — были. А вот после победы мать уехала с нами к себе на родину — в солнечную Башкирию, в деревню Малышовку. Хоть и малограмотная она, но

догадалась: в колхоз не вступила и документы ни свои, ни старших — брата и сестры — не отдала, — это-то нас потом и спасло.

Формально—то не одела хомут, а фактически — впряглась в «счастливую» колхозную жизнь: от зари до зари, за трудодни, на колхоз ишачила, а все остальное — чем и жили-то — на нас легло, на пацанят... А ты знаешь, что это такое? Вскопать пятнадцать — двадцать соток под картошку — меньше нельзя: сдохнешь с голоду. Засадить их. Прополоть. Потом окучить. Ну, выкапывать — это уж одно удовольствие, не в счет, если еще и картошка-кормилица уродилась. А параллельно с этим: заготовить сено, дрова, мочало, лыко, ну и ягодок набрать, конечно. И еще уйму мелких работ сделать. Причем тебе — десять — двенадцать лет, а живот у тебя или к хребту прилип, или, наоборот, от пустой зелени рахитично вспух (а жрать при этом сильнее хочется!). В помощниках у тебя — сестренка, на три года младше. А взрослые — там, в колхозе, трудодни зарабатывают! «Свободный труд свободно собравшихся людей»! Кто это сказал? Ну ладно: неважно. И вот, «свободно» оттрудившись, мать и брат получают за свои шестьсот трудодней... меньше пуда. Сейчас все встало перед глазами! Брат притащил отцовскую котомку, мать развязала шнурок и заплакала, перемешивая рукой плохо провеянную пшеницу с викой и мякиной... Это сорок седьмой год! Кстати, год денежной реформы и отмены карточек. В городе карточки отменили, и это — хорошо! А вот в Малышовке — по двадцать грамм на трудодень! Как на них жить? Нам за отца платили пенсию, как за старшего лейтенанта, в банке, насколько помню, четыреста пятьдесят рублей. Да и военкомат какие-то разовые, к праздникам, видимо, подачки делал: то кукурузной американской муки кулек, то — союзнического же — жмыха или овса. Хотя и мало, но все же поддержка! А вот как выжить молодой солдатке, — от нас третий дворик, — если работала одна, имела двоих малолетних девчушек, солдатская пенсия, которую приносил почтарь, была равноценна понюшке табака... На нашу-то — офицерскую — хоть буханку хлеба в городе можно было купить!

Сейчас вот задумаешься о тех временах, и дурно становится: неужели так было? Может, сон? Нормальному человеку такого ни в каком кошмаре не приснится! — требовать с этой солдатки, с Нюрки Анчутиной, налог деньгами, молоком, яйцами, мясом, шерстью...

— И шкуру... Шкуру еще надо было сдавать, — подсказал кто-то.

Сашка стоял у стола и, казалось, рассматривал утреннюю сводку...

— Когда Некрасова «проходили», я уже в городе был, — продолжил я. — Так вот, для городских моих одноклассников «недоимка» было непонятное слово. Помните, нам учителя еще подчеркивали: как при царе было плохо! Грабили богатые народ, а потом измывались, давали подачки: недоимки дарили!

— И спаивали еще: «...бочку вина выставляю и — недоимки дарю!»

Все оживились, зашевелились, на часы повзглядывали и стали расходиться...

Я сидел на краешке стола растревоженный, раздвоившийся: видел коллег рассыпавшихся по благоустроенным квартирам, напичканным множеством нужных и ненужных — бартерных! — вещей, из-за которых столько потрачено нервов, перекачано по трубам земной — углеводородной — крови, и видел ту, послевоенную, Малышовку...

...Еще ни свет ни заря, а в единственное окошечко нашей хибары стучит кнутовищем, не слезая с коня, краснорожий бригадир: дает задание... Кто кружку браги, а не то самогонки стакашек поднесет, на опохмелку, тот и по хозяйской нужде отпросится, в крайнем случае — работенку получит непыльную да выгодную... Малышовка название оправдывала: дворов тридцать в ней было: две улицы, в виде креста: длинная — вдоль речки, короткая — поперек, по сторонам дороги; мы жили как бы в основании креста, и бригадир подъезжал к нам «на взводе», с оставшейся самой благодарной работой...

...Летом сорок шестого то ли бодливая корова, то ли злой человек пырнули в пах нашу Пеструшку, она стала чахнуть, и ее прирезали. Колхоз в виде милости, чуть не задарма, в обмен на несколько пудов пшеницы, взял часть мяса; остальное, в том числе шкура, рога и копыта, — пошли в казну, в счет недоимок. Хорошо, что от Пеструшки осталась золотисто-рыжая телочка Зорька, но ждать от нее молочка пришлось чуть не год... Длинным же каким он показался! Тем более что лето оказалось засушливым. Следующее — тоже. Не помогли ни крестные ходы, ни молитвы, ни стенания. И осенью пришлось запастись семя лебеды, желуди. Все это вместе с сушеными картофельными очистками молось на ручных самодельных мельницах, а из полученной муки пеклись «хлеба»: натуральные коровьи «лепешки»! Когда с них тошнило, такая жгучая черная слюна сплевывалась... Бр-р!.. В тот год, как говорится, я чуть «копыта не откинул»...

И что ведь интересно: осенью подчистую, до зернышка, зерно из амбаров сдавалось в «закрома родины», а весной, в непролазную грязь с котомками за плечами, шли вереницы людей на стан-

цию Карламан, за двадцать пять верст — за семенами! По весенней распутице!.. И это все при Сталине! Которого и сейчас некоторые вспоминают добрым словом. И тоскуют о нем! А вот другим-то, как мне, — как его вспоминать?

Позже, в Уфе, в шестом классе, читал я книжку «Мост», автора не помню уже. О том, как наши войска мост в Германии строили и подкармливали немецких жителей, особенно пацанов, хлебом, тушенкой, кашей... Я не жадный, но и мне стало так обидно: что же вы, солдатики родимые, про меня-то не вспомните, когда я мечтал в июне сорок восьмого всего-навсего о ложке пшенной каши? Мерещилась она мне, эта рассыпчатая, без масла, в деревянной ложке, бугорком, золотисто-солнечная пшенная каша! Пшенная каша...

Когда стала наливаться рожь, стручковаться горох, потянуло нас в поля... Несмотря на смертные запреты!

Жаркий полдень... Скулящий кутенок...

Рожь белесая выше меня.

Где-то рядом звенит жеребенок,
колокольчиком школьным звеня.

Это едет угрюмый объездчик
с сыромятным кнутом у луки.

И сердечко тревожно трепещет —
под рубахой шуршат колоски...

Поймают — малолеток кнутом до крови исполосуют, а подростков — в правление, а оттуда, если «уполномоченный» суров, — в каталажку...

Сажали не только за колоски или другие «хищения» социалистической собственности. Жениха двоюродной сестры упекли за то, что после ФЗУ, куда его тоже силком поместили, он сбежал в деревню к невесте. Нашли и упекли в тюрягу — аж в Уфу! Мария потом приезжала, и мы ходили к Антону на свиданку. Вот когда у меня второй раз сердце резануло! «Но ведь Антон хороший! За что его, как тигра в зверинце (а я успел уже подивоваться на передвижной зверинец), в клетку железную? Он же только с Машей пожениться хотел! А его за это — за решетку!» А старшая сестра... В три смены работала на хлопчатобумажном комбинате. И вот в ночную один раз опоздала на двадцать минут — судили! Год принудиловки! Работала, конечно, там же, как работала, но двадцать процентов высчитывали — государству! За каждую минутку... Вредительница! Покусилась на государственные — сталинские! — устои!..

А деревня что, она — на земле! Как только деревне чуть послабку дали, за год-два она стала оживать! Запахло в ней свежим навозом, огуречные грядки пошли, горшки обливные на плетнях да тынах вечернего надоя стали дожидаться, самотканые льняные да шерстяные полотнища пораскатались на солнцепеках, у пацанов проблем с овечьими да телячьими бабками не стало... Так бы оно и совсем, может, хорошо получилось — кабы не это расшибилобное поднятие целины! По крыльцо распахали пресловутую эту целину! Ни царские сатрапы, ни сталинские нагульновы не посягнули на эти общественные — общинные! — испокон веков выпасы, а хрущевские твердолобые задолizes — решились! И пошла скотинушка под нож... и начали рушиться уцелевшие даже при Сталине деревенские устои: сам подыхай, а корову или телушку — выходи, а землю — засевай... И на веру, начавшуюся было возрождаться со времен войны, каток близящегося коммунизма пустились... Вот и пожинаяем плоды сейчас в виде «акаэмов»...

— А при Сталине, Саша, в самом деле некоторые жили неплохо. Я один год, помню, сидел за одной партой с новеньким учеником. Юркой звали. Хороший был сосед, ничего не скажу. Общительный. Пригласил он как—то меня к себе, книжку интересную пообещал, какой в школьной библиотеке не было. Когда мы пришли к ним, я был поражен, жили они как в кино! Прихожая, столовая, гостиная! У отца — кабинет-библиотека, у них с сестрой по отдельной комнате. А мебель... Мы же, вчетвером, ютились в закутке, где умещались две железные кровати, тумбочка и сундук, в котором, в планшетке отца, хранилась похоронка на него и пенсионная книжка. Спасибо, хоть пенсию нам за отца государство платило... Остальные мои одноклассники жили приблизительно на нашем уровне: кто лучше, кто хуже. Дело было в том, что Юркин отец был живой и служил в КГБ... Так что — оставь в покое, Саша, «акаэм»!

За прошедшие после этого разговора годы Саша стал спокойнее, рассудительнее. Сейчас он руководит довольно крупным подразделением в структуре ОАО «Славнефть-Мегионнефтегаз». Он хороший специалист и организатор, прилично зарабатывает. Отношение к «демократам» существенно не изменил за «беспредел и беспорядок». Однако возвращаться к тем временам, о которых так тепло он отзывался в начале рассказа, он не желает, ему уже есть что терять — заработанное частным, напряженным трудом нефтяника-технаря.

Гусар

Прежде, походя, я наверняка встречался с ним, но не обращал внимания: таких у нас полэкспедиции. Рост — чуть выше среднего, комплекция — плотная, жиденькие усики, волосы чубчиком, голос сипловатый от разного табака, нерегулярного курения, от плохой водки и мороза. Летом — в энцефалитке и болотниках, зимой — в унтах и ватнике или радикулитке.

Чем-то, наверно, выделялся он при посадке в вертолет. Случилось это после длинных майских праздников. Народу много, вертолеты грузятся под завязку. Накопитель на наш рейс был полон, когда у стойки, где проверяют документы, послышался шум.

— А я вам говорю: отойдите! Сказала: не пропущу! Будете нахальничать — милицию вызову, в вытрезвитель отправлю! — резким голосом выговаривала дежурная аэрофлота загорелому мужику в мятом синем костюме, в болотниках, с огромным рюкзаком на правом плече.

Он обольстительно, как ему, видимо, казалось, улыбался ей, поблескивая золотой коронкой, и сипло увещевал:

— Ма-а-дам, силь ву пле... Старые дрожжи... Три дня же гусарили!..

Появилась наша дебелистая диспетчерша, пошептала на ухо аэрофлотской — та отрицательно замотала коричнево-сиреневой головой: нет! Тогда наша, полуобняв, повела штрафника в зал ожидания, приговаривая ласково, по-матерински:

— Завтра, Костик, улетишь. Отдохни, похмелись в меру...

— Ты что, мать! — притормозил Костик. — Сегодня надо: завтра — съедят! Вот так: пожуют и выплюнут. Кому я тогда, жеваный, нужен?..

Дежурная «пасла» нас до самого вылета. Однако, не прошло и пяти минут — вертолет без всякого разворота плюхнулся на грузовую площадку, бортмеханик отодвинул дверь — в вертолет ввалился, рюкзаком вперед, подталкиваемый бригадиром такелажников, совсем осоловевший штрафник, успевший добавить видимо на «старые дрожжи»... «На подбазу, наверно. Такелажник...» — подумал я.

Каково же было мое удивление, когда он ввалился в «Тайгу», где я, разговаривал с мастером.

— Михалыч! — сипло восторженно крикнул он. — А вот и я!

У Михалыча потемнели голубые глаза, заходили желваки. Постукивая мосластым кулаком по дюралевой бортовке стола, он, не ответив на приветствие, стал мерно и жестоко выговаривать:

— Вот что, друг ситный. Алкашей своих хватает. Керн уже отобрали. Каротажники уехали. На хрена ты сейчас здесь нужен? Отсыпаться прилетел с бодуна? А «гусей» погонишь — я нянькаться? Хорошо! Вали отсюда... Вали!

— Да ты что, Михалыч?.. Да ты... Будь спок, на бок... на свою полку и все! Не дышу... Лады?

— Перегаром твоим дышать?.. Да! Место занято: видишь, человек прилетел...Ладно... Иди к «итээровцам»: там должно быть место свободное...

Когда он ушел, чудом удерживаясь на дощатых переходах, я поинтересовался:

— Кто это, Михайлыч?..

Мастер махнул рукой:

— Да геолог! Хороший парень. Давно работает. Крепится, крепится, а как загусарит —удержу месяцами нет. Дотянет до последнего, когда статья уже светит, возьмется за ум: все в руках горит, всюду успеваает — и на работе, на рыбалке, на охоте... Но все просрал: семью, квартиру, карьеру... Выпендривается «гу-са-ар»!

Двое суток «гусар» не показывался на глаза. Романовна, повар, отменная матершинница, как-то спросила одного из «итээровцев» —электрика: «Ну, чо там, хрен этот ваш растоптанный... Не погнал еще гусей? Чаи гоняет?.. Скоро жор нападет — придет!

Еще через день, припозднившись, в котлопункте застал я «гусара» за обильной трапезой. Романовна, как потом я узнал, сама любительница в длительных отгулах «погусарить», с добродушными матерками подкидывала ему котлопунктовские дефициты: томаты, фрикадельки, фаршированный и пикантный перец... «Гусар» начал питаться регулярно и брал на ночь еще.

Стояли длинные майские дни с землейгрейным солнышком, исходящим снегом в потаенных впадинках, березовым соком и густеющим изумрудным туманом на опушках и в березовых колках. Истому в теле испытывало все живое, а разумное, вдобавок, еще и томление духа.

«Гусар» ходил в разноцветном американском спортивном костюме, загорал потом с тампонажниками на крыше балка, спал, ночами играл в карты, читал и «заправлялся»... Смугловатая кожа хорошо принимала загар, коричневела под майским ультрафиолетом, расправлялась, молодеда. Он похлопывал себя по упругому животу и прихохатывая говорил:

— Майорская мосошь, отнако... Пора и жирок стрясти... Турную кровь сокнать...

На отошедших после зимы болотах подсыхала старая клюква, не богато ее было, но кто желал, набирал банку-другую, а кто и туесок из бересты. Мастер не раз пенял геологу:

— Пособирали бы ягоду, чем «шланговать!» Тот отмахивался:

— Разве это — клюква? Одно название...

— Да все едино: хоть банку — женщинам в отделе и то приятно будет. Не раз ведь спасали тебя.

— Будь спок: они осенью, после охоты получили на пятилетку вперед!

Стремительна северная весна! Я по несколько раз в день, хоть на пяток минут, заглядывал в тайгу, забредал в болота. Они полнились полой водой, по краям было глубоко, а на самом болоте — по щиколотку: середина всплыла. На профилях, в густой — щетиной — березовой поросли вечером собирал почки, а утром, на восходе солнца, вместо них — уже зелененькими птенчиками — березовые листочки! Приподнялось солнышко — профиль превратился в светло-изумрудную речку...

Вскоре мне понадобились кое-какие геологические данные. «Хорошо, что «гусар» здесь!» — подумал я. Спрашиваю — он дает данные по соседней скважине. «Ты мне по этой дай!» — прошу. Он возмущенно: «Чудак человек! Где ж я их возьму? Вместе ж прилетели: каротажников-то не застали!..» — «Да! — говорю с сарказмом. — Действительно, лучший геолог — долото!» На геологов этот афоризм, что на быка красная тряпка.

Слово за слово — поругались!

После этого, как назло, куда не приеду — он уже там или, хоть под занавес, да появится! Часто в одном балке кантуемся. Делать нечего: нет-нет, да словом житейским — не по работе — переброшимся, порассуждаем о том о сем, взгляды свои выкажем: натура и начинает сквозь «случайные черты» высвечивать, человека начинаешь чувствовать.

Костя-«гусар» любил и мог на любую тему потрепаться. Но особый «пунктик» — охота и защита диплома, вернее, пьянки и хохмы во время его подготовки (учился он заочно).

Прослушав как-то красочный рассказ об одной из многодневных, с детективным сценарием, пьянки, я заметил, что не люблю запои.

— То ли дело в кругу семьи, друзей... — мечтательно сказал я. — Или с коллективом на лоне природы, за шашлыком! И выпьешь, и похочешь, и все недоразумения по работе развеешь... На прежней работе мы часто устраивали такие «сабантуйчики» — помогало!

Он сразу скис.

— Не-е... Был разок на «Дне мастера». Тоже выехали на лоно. Так оно, на природе и у водки вкус другой! Поддали. Все и начали: «Я! я! я! я...» Раскрепостились! Моего шефа послушать — благоде-

тель. Памятник надо ставить! «Этому я сделал квартиру...» — «Этому — машину». — «Другому — путевку...» — «Пятому — садик!» Слушал я слушал, потом зло взяло, схватил его за грудки: «Что же ты, падло, — говорю, — мне квартиру не сделаешь? Сколько прощу? Сколько можно по общагам ошиваться?..» Ну, разняли... Драки ж не было — он в шутку обратил: «Даешь! — говорит. — Сто кэге в стойке держал!» Больше я не ездил. Выпендриваются люди там, стресс снимают. Как японцы, когда по муляжам колотят. Я люблю... по-гусарски пить и веселиться! С музыкой, с бабами, с песнями...

— С цыганами?..

— А что? Предки были — не дураки! Умели жить... Ничего! Возьму вот у поварихи мясца, курочку, банок кое-каких, пока хохлы не разобрали, на рубль дешевле — и карячатся, тащат «до хаты!» Вот народ... Да! Винца куплю хорошего... Позвоню... Той... Если нету — этой. И...

Месяца полтора я его не видел и как бы соскучился.

В конце августа я попал на отдаленную буровую. Лет пять назад мы уже закончили разведку этой площади, сейчас уточняли кое-что для защиты запасов. Эксплуатационники и в этот медвежий угол забрались. Вокруг «кусты» со станками-качалками, факела, кое-как отсыпанные дороги... Недобрые «аисты» поселились на песчаных «гнездах» среди тайги: вокруг огромными полосами горельники... Вдоль нефтепроводных ниток — пятна замазученности. В горельниках местами фиолетовые разливы — кипрей. В приболоченных сырых местах зеленеют оазисами хвойные уцелевшие гривки.

В горельниках — дятлам раздолье:

шуршит под корой короед.

...Ах, родина милая, с болью

гляжу я на дымный рассвет:

пожары... пожары... пожары

тебя обложили вокруг..

Костя-«гусар» сидел за рацией. Продолжая сотрясать мембрану телефонной трубки, протянул руку для пожатия. Я пошел на буровую

— Мастер где? — спросил бурильщика

— Та у контору вызвали. «Гусара» за себи оставил.

«То—то он такой деловой!» — понял я.

Ночью меня подняли: посоветоваться, что делать — осложнение возникло.

— Что ж к мастеру не идете?

— Та вин послал...

— Ко мне?

— Ни, подалее...

Под утро захожу в мастерский балок — «гусар» из-под приоткрытого полога смотрит ночную программу: изображение — одни силуэты, но звук хороший.

Я уселся в когда-то зеленое замазученное кресло-колымагу.

— Что же ты от руководства отлыниваешь, а? — подначил я.

— Да пошли они... Задолбали! Я, когда в колонковом бурении помбурил, не то что мастера, бурильщика по пустякам не беспокоил! А эти, летные хохлы, чуть что — к мастеру: «Абы що не вышло»... А получают побольше нас с вами!»

Устраиваясь в кресле поудобнее, с намерением покомарить, я укололся и ойкнул. Привстал, чтобы посмотреть «що цэ такэ»? Не пружина ли?

«Гусар» выглянул и захохотал:

— О цэ ондатра попала!... — Просмеявшись пояснил: — На самолов попались... Подойди — отцеплю.

— Ты посмотри! — удивился я, рассматривая подвеску с крючком. — Ювелирная работа! Неужели сам делал?

— Ну! — подтвердил он самодовольно. — Вон заготовки и инструмент. Ничего сложного: глазомер и терпенье.

Он встал и показал как гнуть проволоку, затачивать острие, свивать звенья подвески. Я попробовал — получилось! Заинтересованный, как пацан, я с удовольствием смастерил одну снасть: кропотливое дело, однако. Полюбовался я на свою поделку: сам сделал!

«Гусар» вскипятил чай, пригласил перекусить.

— Угощайтесь! — кивнул на кассету с сырыми яйцами, тарелку с печеньем. — Чай с багульничком!

Вошел тракторист, рыжеватый, стриженный под «нуль» добродушный парень.

— Ну, ще? — обратился он к «гусару». — Трелевать будем? Давай, пока гнуса нет? Сам вщера говорил: солнышка зайдет — трелевать пойдем.

— Погоди! — отмахнулся «гусар». После связи... посмотрим.

— Чего это вы? — поинтересовался я.

«Гусар» поморщился.

— А! Лес у меня на корню выписан. Друг тут с бензопилой приехал, тридцать шесть лесин свалил.. К дороге теперь надо трелевать: трубовозы с обсадной колонной пойдут, обратным рейсам вывезу.

— А куда тебе — лес?

— Ну даете! Куда!.. Да на «фазенду», баню, погреб — куда хочешь. А что и так продам! Знаете сколько сейчас куб стоит? Пятнадцать тысяч! Или загнул? — блеснула золотая коронка, бровки вверх: — Загнул... Но тысяч пять — точно!

— Пошли, пошли! — тянул тракторист, говорил он мягко, с акцентом, но настойчиво: — Айда — на связь Николаич выйдет.

— Конечно, — поддержал я тракториста, — иди, пока гнуса нет. На связь мне все равно надо. Заодно и сводку передам.

— Не... Не хочу! Сказал: после обеда! — уперся «гусар». — Нету настроения! — отмахнулся от тракториста, потянувшего его за рукав. — Думать буду как дальше жить...

Я засмеялся.

— Кому из вас лес нужен? Странно... — потом поинтересовался: А где у тебя дача? Вот не подумал бы!

— Да!.. — «гусар» поморщился, — Одно название. Где у всех... Сажаю иногда картошку, грядки с зеленью. В этом году хотел нормально засадить. Один хмырь за шкурки ондатровые с осени пообещал две машины навоза — надул, гад! Носа не кажет! С охоты приезжаешь — об «друзей» запинаешься! Потом — днем с огнем не сыщешь... Такие вот, как Ромка, — он хлопнул тракториста по плечу, — вот они — люди! А гнилая интеллигенция да нарождающаяся буржуазия — стонут да между делом народ обманывают... Такие вот, как я, а причину ищут, чтобы не работать, а жить как сыр в масле! Мне бы сейчас плетку в руки или маузер — и пошел бы я новую революцию делать! Интеллигент плюев! Вот так!

— Интил-лиге-нт... — мелким, гортанным смехом зашелся тракторист. — Да ты... Лодырь ты, вот кто такой! И геологи пошел ушиться — лентянищать. Помбур был бы — мастер тебя под зад мешалка: гуляй! Айда, говорю последний раз. Потом я буду интиллигент, меня звать будешь! — рассерженный тракторист ушел.

После связи разговор продолжался. Вернее, монолог «гусара».

— Когда на защите диплома был, встречался со всяким человеком. И по пьяни, и так. Рассказал как—то про наши завалы... У нас же как? На каждой буровой лес бульдозером по сторонам растолкали и пусть гниет! Вот один друг, как услышал загорелся: малое предприятие по переработке древесины, прямо на буровой — до «столярки». Представляешь? Оборудование — в контейнерах под МИ-8. Завез, распаковал: пили — строгай. Стандартные детали. Потом, по зимнику вывози — и где хочешь: под Москвой, Уфой, Ташкентом, — собирай фурнитуру. Законно и, главное, полезно! Вот на пробу я и выписал на корню: дешевка, и экспедиции все—таки польза, хоть копейка, а в приход. И мне бы прибыль! Доведи я дело до конца. Нет: сорвался! Я — раб обстоятельств! Поэтому и

планировать зарекаюсь! Люблю импровизации... Где-то ведь мог бы найти применение этой своей особенности. Так?.. Ведь оно — интересно жить, когда не знаешь, что с тобой случится в ближайшее время, какая тебя озарит идея в следующий миг, но наверняка, ждешь что-то новое, интересное, необычное... Ждешь, а оно — скукота, обывательщина, серость, бухгалтерия: это — можно, это — нельзя... сальдо-бульдо....

— А не сгущаешь ты краски, дорогуша? Может все проще. Прав Ромка? Трелевать надо! Ведь жизнь — это осознанная необходимость. И в ней повседневная работа. Самоограничения...

— Да понимаю я все это, Николаич, понимаю умом. А ведь в человеке есть что-то, что выше ума, сильнее. Натура? Душа? Я ведь вот крестик ношу не потому, что мода: я крещенный! И библия у меня есть, читаю иногда. Верующий? Не знаю. Душа... Да. По идее — у каждого своя. С другой стороны — чужая, пришлая, вроде ген, — но там наука и прочее. А вот душа... У меня, по всему, дедовская душа. Или натура. Дед рассказывал, что он как я маялся. Когда началась коллективизация, он понял, что наган — легче косы или топора, что раскулачивать легче, чем пахать, хотя и рискованнее! И подался в комбед, потом — в совет, а там уж и в чекисты... Раньше я жил не задумывался, а сейчас время какое-то пошло дедовское, видно, что ли? Сейчас вот — начнись что-нибудь подобное, — ведь точно окажусь среди тех, с кем был дед... Какое-то предчувствие, ей-Богу! Точно! К Руцкому подамся.

Я был обескуражен его откровенностью...

— Ты если и дед, то со знаком «минус». Мне кажется, тебе придется заниматься «де»-коллективизацией, «де»-национализацией. Зачем тебе геология? Сейчас в обществе идут «геологические» процессы: сдвиги, надвиги, сбросы, взбросы... Структурообразовательные процессы идут! Как когда-то для нефти в земле, в обществе тоже создаются «ловушки» для капитала! Ищи свою, как говорят, нишу! Иди в брокеры, дилеры... Куда там еще — где можно «импровизировать» и рисковать? Ты ж молод! Ну!

«Гусар» встряхнулся, встал и со стоном потянулся. Пощипал усики и широко улыбнулся.

— Точно, Николаич! — геологические процессы в обществе идут! Кого-то в мелкую гармошку сжимают, а кто-то в осадок выпадает... гейзером в небо пшикает! А то и лавой кипящей изливается... А мы — нефтяным фонтанчиком! — он звучно всадил кулак в раскрытую ладонь, замер на миг и тут же скис. — Так нас и подпустили к «фонтанчику»: там «генералы» с приспешниками круговую оборону уже давно заняли, на выстрел не подпустят. Мы будем тут вкалывать, а они — купоны с акций стричь! Даже наш

«глухарь» в нескольких малых, совместных и прочих — в учредителях. Обратили внимание: зайдешь к ним в кабинет, сразу затыкаются! Секреты обсуждают! Сколько получают — не знаешь, в общей ведомости их уже нет... Вот и бунтует у меня дедовская душа, глядя на них — как в тридцатые у деда, наверное...

— Тогда нечего сидеть, иди трелевать! — говорю ему. — Будешь собственником, бунтарить не будешь! Постройшься, заведешь подворье с воронами рысаками. А? Хорошая идея?..

На этом и разошлись: «гусар» в лес, я на вертолетку.

Встретились через пару месяцев.

Был тихий октябрьский день, чудом выделившийся из череды мрачных, зябких, все укорачивающихся антрактов между сырыми, беспокойными ночами.

В поисках хлеба я забрел в район больничного комплекса. И почти лоб в лоб столкнулся с «гусаром»... Выглядел он бодро.

— Ты чего здесь делаешь?

— А я в больнице: месяц кашу ел! Сейчас из столицы, на консультации был.

— То-то не видно тебя... Что-то серьезное?

— «Кулацкая» болезнь! — засмеялся он. — Я ведь тогда лес вывез. Ну, при разгрузке, видно, надорвался... Кровь горлом пошла... Правда, перед этим мы хорошо «вмазали»! Лекари думали: язва открылась. Пришлось японский «телевизор» глотать: нормально. Говорят, от надсады бывает такое. К бабке даже одной водили — заговаривала. Вот так...

Усмехнулся в аккуратные усики, закурил сигарету. Затянулся со вкусом. И на выдохе, подмигнув, сипловато, почти шепотом, сказал:

— Как у нас говорят: «Мы ж с вами земляки! Мин сикрит блям»!

— Что? Придумал что-то? «Нишу» хорошую нашел?..

— Знаем-знаем да не скажем! Нет, серьезно, Николаич, есть вариант!

Давай «гусар»! Хватит веселиться, взнуздай свою натуру, сядь, наконец—то, в седло! Тебя ждут подвиги! Доброго пути!

1992 г.

Казак Пацюк

На «Дне мастера» обсуждались результаты комплексной проверки состояния техники безопасности, охраны труда в экспедиции.

Представитель горнотехнической инспекции, он же председатель комиссии, долго и нудно перечислял нарушения, классифицировал их. Многие отступления повторялись из года в год — были постоянно действующими. «Признать их «да юре» и с концом!» — буркнул кто-то про себя.

Вел совещание главный инженер. Несколько раз он предложил «нарушителям» выступить добровольно. Для разгона с дежурным косноязычным «спичем» выступил председатель профкома, кривоносый детина с черной челкой и сутулой широкой спиной, по прозвищу «рафферти». Выждав, досадливо откидывая густые, мышиного цвета волосы, близоруко щуря и без того глубоко спрятанные глаза, «главный» стал поднимать, как школьников, буровых мастеров, руководителей служб. Наводящими вопросами он пытался направить мысль ответчика на покаяние. Но большинство не шли на заклатие и валили все на контору: «я спросил...», «сообщал...», «писал...», «ноль внимания...»

Когда очередь дошла до Любомира Пацюка, он степенно поднялся, потрогал жиденькие усы, словно желая убедиться — на месте ли они? — и, напрягаясь до красноты, тужа яремные жилы, начал издавать сиплые, скрипящие звуки...

— Что с вами? — тоже вдруг охрипшим голосом спросил главный инженер, подозрительно уставясь на кряжистого бурового мастера.

— ...О...ы...о...э...а... — тужился тот что-то сказать.

«Главный» не любил Пацюка и досадливо поморщился: ускользала возможность, как говорили, «помотать кишки» из Пацюка. Начав разнос и не получая сопротивления, он быстро свернулся и поднял другого мастера.

Тот признал свои упущения, покаялся, сказал, что осознали... начали исправляться... актив бригады... профгруппа... все меры...

«Главный» и «рафферти» одобрительно кивали.

Совещание покатило по наторенной тропе, взяв «разгон»...

Наконец, совещание закончилось. Сопревшие, сонные от недостатка кислорода люди в коридоре начали приходить в себя, загалдели. И вдруг, перекрывая гвалт, раздался зычный, тарасобульбовский клич:

— Мастера-а! Сбрасываемся по червонцу на «пузырь»!..

— Да не базлай ты — услышат!

— А чога? Голос прорезался — обмыть треба! — не смутился Пацюк.

— Та «рафферти» ж услышит...

— Тю! Нехай! Вин же случай-но унюхае: «Ой, хлопцы... соцобязательства уточнить... Ни-ни-ни! Ну ладно, саму малос-сть» А сей раз — мероприятия по «тэбэ» согласовать!»

«Вечер мастера», всегда импровизированный, тем не менее, проходил традиционно. После первой — общее оживление, разговор о том, о сем. После второй-третьей — о веселом и приятном... Затем — о политике и реформах. В конце застолья и до третьих петухов, наперебой, не остановишь — по работе... И если «Дни мастера» приносили какую-то пользу, то благодаря вечерам.

«Раффети», как и предсказывал Пацюк, явился вовремя, едва начали разлив «водяры» по разнокалиберной посуде. Наливали ему по полной, и ушел он «на бровях» в самый разгар политической дискуссии.

— Что делать? — Пацюк многозначительно почмокал губами.

— Нужный человек! Значит, «уважаемый»! — сказал с горькой иронией мастер

На официальных сборищах, в будничной официальной жизни Любомиру Пацюку доставалось чаще и хлеще всех. Но на таких встречах, вроде этого вечера, его уважали, здесь он верховодил беспрекословно. Ему прощали и подначки, и явное хвастовство — а «повыступить» его сотоварищи и сами любили! А уважали его за то, что он один мог «упереться рогом в землю» и не забуривать неготовую буровую «нулевку», несмотря на давление и угрозы начальства. У них на этот счет кишка тонка, цыкнут, скажут: «Оборудование крутится? Материалы есть? Забуривай! А нет — других найдем!» И они, как миленькие, матерясь «в тряпочку», проклиная судьбу, закручивают «нулевку». Потом начинаются поломки, простой, осложнения... Бригада ворчит, начальство обвиняет в нарушении технологии. Как на наковальне! А Пацюк — «Любочка», как зовут его друзья, — нет: со скандалом, но доводит дело до конца. Они покладистые, с ними работать управленцам легко: передадут сводку, заказы, робко напомнят о неувязках. А вот стоит в динамике раздаться раскатистому баритону «Добра ранку, уважаемые!..» — на лицах диспетчеров появляются кислые мины: «Пацюк залетел! Начнется, все не так!» И точно: заказы, заявки — на полстраницы... Параметры раствора сразу ухудшились: химреагенты, лаборантку, технолога... И оборудование забарахлило: механика, сварщика, киповца... «Главный» глянет на сводки, начальнику смены недовольно говорит: «Он же все со слов своих работяг передает! Скажи, пусть оденется и сам по буровой пройдет! Из балка ж не вылезит! Прилечу, усатой мордой натычу!.. Так и передай!»

У всего руководства экспедиции сложилось мнение, что Пацюк редко бывает на буровой, как ни прилетят — он в чистеньком! За письменным столом с бумагами или хуже того — читает, пасьянс раскладывает, а то и с подчиненными в нарды режется!

Другие из болотников не вылазят, замазученной спецуры сутками не снимают, так, не раздеваясь, кемарнули на рундуке в «культбудке» и опять «пинают» своих нерадивых работяг. Сдерживать даже людей приходится: заставляйте своих «спецов» работать, бумагами занимайтесь.

В бумагах, конечно, Пацюк дока, все признают: и отдел труда, и ПТО, и техника безопасности, и бухгалтерия. Ни одна копейка, заработанная бригадой, не заваливается в бюрократических отстойниках. Буровики из других бригад завидуют пацюковским: «Вы, мол, — шутят, — даже за сиденье над «очком» получаете «ускорение»!

Зря, конечно, на Пацюка «бочку катят», что не ходит, мол, он на буровую. Ходить он ходит а над душой не висит, за такелажника или тракториста не «робит». Три-четыре раза в сутки обойдет свое хозяйство, выдаст бурильщикам задание, проверит выполнение. И не дай Бог, кому опростоволоситься!

— Ты, шо, дядько, в такую тебя растакую, по жинке заскучал? — принародно, шутливо—угрожающе загромыхает племяш-мастер. — Такэ желание маешь? Откомандирую! Кум давно проситься на твое...

В летних бригадах сплошь семейственность. Бригада Пацюка не исключение. Оттянет по-родственному, и «дядько», «племяш» или «кум», отбрехиваясь, норовят поскорее слинять из мастерского балка...

Как бы Пацюка начальство не костерило, не ловило на промашках, прощаемых другим походя, наиболее глубокие и сложные скважины оставляло за его бригадой, так как понимало, что он мастер от Бога!

Быть мастером предназначено ему еще в ПТУ. На практике, с чьей-то подачи, они по очереди, балуясь, въезжали по нижнему козырьку на мостки буровой на мотоцикле. Въехал — будешь бурильщиком! Когда очередь дошла до него, «Любочки», он так газанул, что въехал не только на мостки, но и по крутому верхнему козырьку взмыл к самому ротору, перепугав работавших там буровиков. После шока, вызванного его броском, буровой мастер-наставник и предрек: «А этот казак мастером будет!» Так и случилось: после ПТУ до армии поработал «Любочка» бурильщиком, а отслужив, закончил нефтяной техникум и вот уже пятнадцать лет мастерит, почти все время вахтовиком... Налетался! Раз двести, не меньше Украина — Сибирь, Сибирь — Украина... Надо же, почти льготный отпуск провел в воздухе!..

«Газ до упора! Привстать в стременах... и летишь над Стрыем...»

— Казак Пацюк! Связь проспишь! — без четверти шесть будит его жизнерадостный, красноносый земляк.

Любомир нехотя открыл один глаз, второй, потянулся и тут же, скорее для себя, подал команду:

— Мастера-а, подъем! — вскинулся «швидко», дурашливо спросил: «А хто вчора пил горилку?.. Нихто? Тоди опохмелиться не дам!» — и засмеялся: — Вам нельзя, а мне можно, гирло трэба про-дэзэнфицировати!

Шумно сходили на связь, узнали, что делается на родных «номерах» и поехали на вертодром, чтобы разлететься до следующего через месяц «Дня» и «Вечера».

Буровая Пацюка — самая дальняя на север и самая глубокая в экспедиции «свердловина» — расположена на берегу озера. По озеру и площадь называется. Бурение идет с ускорением, близится к окончанию: долото скребет крепкие породы фундамента. Настроение в бригаде бодрое.

Кругом еще снега, осевшие, напитанные влагой, вытаяли болотные кочки, валежины. Темным кальмарьим оком притаились живуны.

Вокруг озера — чапыжник (чахлый соснячок), а за приболотьем — голубоватые, причудливым узором, гривки.

Издали буровая — словно клякса на голубовато-лощеном листке вот-вот растечется. Это возле котельной скопилось целое озерко отходов талой воды, раствора, мазута, грязи.

Едва выпрыгнув из вертолета, Пацюк позвал пожилого бурильщика:

— Геть за мной! — и повел вдоль водяной линии к озеру: — Вы что, дядько! Желаете, чтоб мастер голой попой сверкал? Це озеро заповидно! Розумеешь? Инструмент из «свердловины» на «вира» и зробить перемычку: цемент старый, доски, глинку... Действуйте, дядько!

По радиации передал: «Простой. Ожидание бульдозера».

Начальник смены схватился за голову: «Когда он уедет! Ой! Да он же этот месяц без сменщика!» Пересилил себя, стал объяснять строптивому мастеру ситуацию:

— Никак не можно, Любомир Тимофеич! Зимник закрыт уже. Да, неделю назад. Подумаешь, пленка! Не первый же раз на озере бурим, пленку прибьет к берегу, торф впитает и все будет тип-топ! Не бойсь! Зарастет!..

— Сменщика убедил бы, а на Пацюка такие доводы не действуют:

— Уважаемый! Вы гляньте в журнал, когда я начал речь об обваловке?.. При пуске буровой осенью! Регулярно, каждый заезд толдычу: бульдозер! Так что «как»? Ваши проблемы! Авиацией! Но не за счет моей сметы!

Утром главный инженер с ним говорил.

— Прилечу, посмотрю, как простаиваете! — пригрозил: — За дезинформацию накажу!

Пацюка — на испуг! За ночь отбурились, сделали подъем, а к прилету МИ-2 заглушили дизеля и занялись хозработами. В самый последний момент заглушили электростанцию, меняли фильтры. И «главного» встретила абсолютная тишина...

Спрятав глаза, играя бровями и желваками, «главный» обошел буровую, злополучное «озерко» и, круто повернувшись, пошел в культбудку. Там, не раздеваясь, потребовал журнал по технике безопасности и крупно, вкось, записал несколько нарушений, а под ними: «Углубление скважины прекратить до устранения нарушений».

Пацюк, прочитав предписание, попыхивая сигаретой, попросил:

— Вы дату и часы укажите, простой же в часах...

Тот поманипулировал штырьком часов, поставил требуемое и совсем доброжелательно улыбнулся:

— Ловко мы вас? Мимо комплексной проверки вы шмыгнули, но сейчас не отвертитесь! Приказик на вас «нарисуем»!

Пацюк засопел, но возразил сдержанно:

— Нет, уважаемый! Не выйдет, вы сегодня «остановили», а я сводочку передал вчера, как прилетел...

«Главный» улыбнулся шире, блеснуло золото на клыке, и тоже тихо, с ударениями, как при диктанте, сказал:

— А вы уверены... что там... на рации... в журнале... это... записано?... То-то!

Только улетел «главный», бригада занялась своей работой, за которую получала «гроши. Над озером прокатился рокот, отразился от дальних гривок и слился с основным звуковым прибоем, ходившим здесь уже полгода.

Пацюк, прихватив с собой электрика, распустив болотники, пошел по ближним гривкам, поискать котлованчик, у него возникла мысль вычерпать злосчастное озеро.

В последние дни потеплело, снег стал рассыпчатым, совсем не держал. Тяжелый, коротконогий Пацюк то и дело «седлал» сугробы.

Вышли на зимник. По краям — корневища деревьев. На перевальчиках белел мелкий песочек. На гривах, в сосновом редколесье, было тихо и благостно. Снизу — прохлада и свежесть крупнозернистого, словно фирнового снега, сверху, с высокого купоросно-синего неба солнечная благодать! Обнажили головы, расстегнули одежду на груди... Смолистый воздух, ласковое солнышко... Тиши-

на! Буровая — не громче тетеревиного тока. А и хорошо же на белом свете!

Глянули вниз, что-то брунееет... Да это ж брусничка прошлолетняя! Сверху, как стеклышком, ледяной пластинкой прикрыта, а в луночке — листочки ярко-зеленые и гроздь ягод на стебельке. Ну-ка... Сладкая какая!

Забыли за чем пришли: прыскают ягодки в жменьку — не останутся. А тут и поляночки стали попадаться вытаявшие. Через полчаса, как медведи после спячки, отведя душу, опомнились. А опамятавшись, и котлованчик увидели: как ловко получилось! Не иначе Господь сподобил!

У «озерца» рукотворного поставили центробежку, закачивали «мазуту» в плоскую емкость из-под нефти и трактором увозили в «котлован» по несколько рейсов в день. Приспособились — нормально пошло, «озерцо» исчезло...

Солнечные лучи становились горячее, и снег тает на глазах, как мыльная пена. Береги на озера становились шире. Озеро, казалось, заполнено всклень, того и гляди — выплеснется через край!

Однажды, рано утром, верховой рабочий заметил с вышки лебедей...

Все, включая одышливую повариху, взбирались на вышку и подолгу дивовались на редких птиц.

Лебедей было трое.

— А чо так? — гадали люди. — Подружку у одного убили, что ли?

— Гли-ка, гли-ка! Погнал! Погнал соперника... Надо же!

— У них, гряд, если пару разбили, вдовец вниз камнем бросается...

— Вдовец-то? Вряд! Вон, гли, к чужой клеится! Как у людей!

Большую часть времени лебеди проводили на озере, кормиться летали на залитые водой болота. Иногда улетали за сияющие гривы. Дядьки тревожились:

— Не другое ли озеро ищут? Мешаем ведь мы... Но лебеди возвращались, делая, с высоты сужающиеся круги...

«Третий лишней», помыкавшись возле счастливой парочки, незаметно исчез, покончил, как гласит молва, с собой или нашел такую же вдовцу? Бог весть!

«Противостояние» с конторой шло безуспешно.

Скважину добурили до проекта. Пришлось Пацюку «раскалываться»: каротажников надо заказывать, куда денешься?

— Ну вот! Мы так и знали, что темнишь! — довольно хохотнул начальник ЦИТС. — Мы твой «простой» и не показывали! А как насчет экологии?

Пришлось и тут открыться: на гривку, мол, возим, в котлован...

Похвалили:

— Вот видишь, выкрутился же! Хороший ты мужик, но вредный! Ведь допек. На завтра планировали тебе тяжелой авиацией бульдозер бросать. Ладно! Бросим тогда каротажную технику... Принимай завтра!

На следующий день до обеда кинули каротажную станцию, потом подъемник. Каротажный отряд пообещали в конце дня завезти.

Трактор, как повез с утра емкость с мазутой, так и не возвращался.

— От бисовы дети! Бруснику собирают, га? — мастер смотрит на электрика — «мальчика за все».

Тот делает вид, что «не розумиит», дорога уже совсем раскисла. По предболотью даже ему, длинноногому хлопцу, приходится кое-где шагать на ощупь. В этих местах у трактора гусьанки под водой скрываются.

Подтащить надо каротажную технику, расставить к прилету отряда.

— Племяш, га? — мастер бровки вскинул, усы моржовые потрогал, корпусом подался к хлопцу.

Тогда только электрик поднялся с рундука, понуро пошел из балка.

— Швидче, хлопчику! Швидче! — напутствовал его мастер.

Оказалось, трактор «захлебнулся»...

Двое суток потратили на его вызволение... Наконец приступили к каротажу... Другому бы мастеру задержка эта как с гуся вода, но не Пацюку...

На очередном «Дне мастера» главный инженер «отоспался» на Пацюке за срыв каротажа...

— Утопили трактор черт знает где от буровой! Охотились или за ягодами катались?.. Гостинцы готовили?.. Накажем, простой за ваш — лично! — счет, товарищ Пацюк.

Начальник ЦИТС поморщился, неудобно мужику стало:

— Вы же в курсе: канализационные стоки они возили в котлован... «Мазуту» возили, там, на гриве у них шламосборник... чтоб в озеро не попали стоки...

— Вот-вот! Пацюку плевать на интересы производства! Он медаль от общества «зеленых» зарабатывает! Забыл, где деньги получает? А «мазуту», как вы говорите, разводить не надо! Собирать надо! Бо-ор-цы! Один хрен, лебедей всех не убережешь...

— Эксплуатационники после нас все загадят все равно, — поддержал «главного» кто-то из приспешников. — Факела запалят... Аистов на «кустах» разведут...

«Главный» не стал в этот раз долбать остальных, быстренько закрутился. План хорошо шел, а когда план есть — сердце радуется!

Вышли в коридор, как обычно, загалдели... Через некоторое время мастера запереглядывались: чего—то не хватает как будто? Клича зычного: «Мастера-а!..» — поняли, не слышали. Кто-то крикнул, да не то!

— Где Пацюк?

— Любочка где? Ай и впрямь голос потерял?..

Увидели его хмурого, утешать стали:

— Казак Пацюк! Не журишь! На наш век лебедей хватит!...

— Та мы и сами — еще те лебеди!..

— Та суха будет твоя свердловина — за озеро не журишь!

Проняла казака Пацюка ласка товарищей, и он протяжно, словно команду «По коням!», пропел:

— Мастера-а! По червонцу! Станцуем вечером «маленьких лебедей»! Га?

Малиновка

Павлу Крюкову жарко — отказала механическая подача. Он крутит штурвал и приговаривает:

— Не надавишь — не набуришь... Не набуришь — не заробишь...

Его помощники — Витька и Степан — едва успевают отбрасывать от устья скважины дымящуюся на морозе илистую глину, прет она, пучится, как переспевшая опара из квашни...

— Шеф, ты без подачи нас запарил! — восхищается Степан, крепкий парень с резкими морщинами на щеках и рассеченной бровью — «Старый».

Вдоль «косы» бежит на лыжах старшая рабочая Зина. На смуглом лице улыбка, черные глаза озорно блестят.

— Бурилы! — кричит она, — с четвертого канала сигнал убежал, не видали?..

— Как не видали? Только что пробег! — в тон ей отвечает Павел.

— Куда?

— Да ко мне в штаны, глянь — шекотит!..

Старый ощерился, Витька — в краску от смущения, а Зина хоть бы хны — заливается звонко—звонко...

— Старый! — зовет Павел помощника, — постой у штурвала, я счас.

Через несколько минут он стоит у пульта, а Зина, отряхиваясь от снега, весело грозит ему:

— Пожалуюсь, Пашка, Анисимовичу, пожалуюсь...

— Как Витек, — спрашивает он, — деваха ниче? Ниче, даже очень!

— Нахал ты, шеф, между нами говоря, — недовольно бурчит Степан.

— Чо бы ты понимал, Старый! Хошь знать, я насчет вечера забил. Вот так: дежурит она сегодня в станции, понял?

— У нее ж парень есть, мой знакомый, между нами говоря...

— Карауль тогда, — смеется Пашка, — или рога наставлю твоему...

— У нее своя голова на плечах, не маленькая — соображать должна. В середине века на ключ закрывали специальное приспособление. Не спасало... если нравственность позволяла...

— Кончайте философствовать! — обрывает Витька Павел, — вон уж взрывники едут: пошли на «вира»!

Пока помбуры очищают и укладывают инструмент на сани, Павел помогает взрывникам опустить на шестах в скважину заряд, потом глушит двигатель станка.

В балке у взрывников тепло, в ожидании команды оператора все разомлели. Наконец команда...

Голосистый Степан высунулся из балка и пропел:

— Споко-о-ойно-о.

Все замерли: во время взрыва даже ходить нельзя, иначе сейсмоприемники среагируют — помеха будет! Это в отряде каждый знает.

Балок резко вздрогнул.

«Хороший взрыв, — отметил про себя Крюков. — Значит, переезд». В этом он разбирался. И точно, он уже запускал трактор, когда прокричала Зина:

— Смотка!..

Профиль снова ожил... Как сердитые казачки, затараторили пускачи. Дизеля, покряхтывая, начали им отвечать изредка, потом так рыкнули, что пускачи тут же, как бы на полуслове, покорно замолчали...

Буровики опустили мачту станка, подцепили к трактору. Сейсмотбригада собирала приборы и сейсмокосу. Отряд снова гигантской гусеницей-землемером шагнул вперед на длину «косы». А впереди горбились и щетинились безмерные километры таежных профилей...

Работу прекратили в сумерках, хотя вполне могли отработать еще одну стоянку, но переправа через крупный ручей не готова.

— Чтоб этим дорожникам! — негодовал Павел, — только работа в охотку — подлянку устроят, что за люди...

Павел сидел, не раздевшись, на нарах. Печка уже рдела, снег во фляге просел, вода есть — можно умыться...

— Интересно, какой сейчас в балке термоградиент? — рассуждал Витька. — Наверху Ташкент, на уровне стола — средняя полочка, на полу — Арктика... Снег не тает...

— В палатке бы ему, а, шеф? — прервал Витькины сентенции Степан, — там градиент везде одинаковый — арктический...

Павел не отозвался, все также молча смотрел в пол.

— Оне свои «любовные» планы обдумывают, не отвлекайте...

— Распустил я вас, туники! — ожил Павел. — Почему ужин не готов? И печь чуть шает...

— Прогорела она, как любовь... солярка испарилась, дрова и шают, — предположил Степан и утешил. — Ниче, к твоему приходу — разгорятся.

Не дождавшись ужина, намарафетившись, Павел ушел на станцию...

Возвращался он утром по окрепшему за ночь лыжному следу.

Хорошо зимним утром в тайге! Павел от удовольствия повел длинным блудливым носом, выдохнул, задержал сколько мог дыхание, затем медленно, раздувая хищно побелевшие ноздри, втянул в себя морозный воздух.

— Крюк! — окликнул его оператор, — нанюхал, что все сегодня на переправу? Резину не тяните!

— А наряд будет?

— Будет, будет... — пообещал оператор.

— Ежели так — мы с нашим удовольствием... — Павел ускорил шаг.

Пока ребята собирались, завтракали, Павел занялся аккордеоном, пальцы привычно вскинулись и пробежали по клавишам — получилось озорное что-то, с припевкой: «...Я картошку копал, где моя копалка?»

— Кон-церт по заявкам!..

— Заткнись, Левитан! — Павел сбился и стал подбирать какую-то новую мелодию, она явно пробивалась в хаосе звуков.

Трактор прошел недавно. Идти по сыпучему снегу хуже, чем по песку, он протекает под ногами, словно ртуть.

Перед спуском к переправе, где уже возились дорожники, Павел оглянулся назад: белая лента профиля за балками упиралась в величественную и бесстрастную стену тайги. Впереди профиль

обрывается у незамерзшей гнилой речки. Обычно все речки как речки: покрыты льдом, порой коварным висячим, но все же привычным, а эта смотрит черно—фиолетовыми глазами спрута из-за бесформенных, нависших сугробов... У Павла вдруг упало настроение: «Что за жизнь пошла: сплошной зигзаг!» Ему вдруг захотелось, чтобы профиль не изгибался, а стремительной стрелой пронзил до самого горизонта тайгу, переплетенную в небе кронами, внизу — корнями. «Путано все перепутано»...

Рубить Павел умел с детства. Вроде шутя, без видимых усилий размахивал он топором, а лезвие глубоко врезалось в талую сердцевину дерева, крупные щепки отлетали далеко.

К вечеру переправа была почти готова. Оставалось положить несколько поперечных бревен и отбойные хлысты.

Неподалеку стояла огромная сосна. Ее соседок оттрелевали к мосту, а к ней не решились подступить. Одинокая, она выглядела какой-то растерянной, словно бы застыдившейся своего мощного обнаженного стана. «Ишь ты, ровно деваха! Здорова... — Павел хмыкнул и подмигнул ей, как живой: — Ниче, сейчас мы тебя тоже в постельку...»

Он обтоптал снег вокруг и начал рубить... В пот вогнала она его. Оставалось сделать два—три удара, и он крикнул предостерегающе:

— Бои-и-сь!..

Сосна покачнулась, как вздрогнула, и начала валиться. Точно на переправу. «Это мы можем! — горделиво подумал Павел. — Тонкий расчет! К дереву тоже подход иметь надо...»

А дерево вдруг развернулось тяжелой стороной кроны вниз, траектория падения изменилась. С огромной силой сосна ударила по наклонной ели и та, падая навстречу, накрыла Павла...

В больнице Павел скучал. Первые дни у него зудела спина. Он готов был плюнуть на все запреты и вскочить — хоть на секунду! — или перевернуться на другой бок...

У него был открытый перелом правой ноги, рана не закрывалась, мучили сильные, изнурительные боли.

Раньше он никогда не болел, разве что с похмелья. Ощущение боли было для него неприятно новым. К этому примешивался страх: а как отрежут ногу? Кому тогда будешь нужен такой красавец? Бесило бессилие: ни встать, ни перевернуться. Он сгорал от стыда, когда ходил по нужде на эмалированные приспособления...

Пару лет назад, отремонтировав станок, он поехал в льготный отпуск. Выбравшись из зоны относительного «сухого» закона, он «загудел» сначала в Тюмени, потом в Свердловске. Там, в ресто-

ране «Урал», подседа к нему смазливая девица. Хозяйка зала предупредила, что пока эта женщина не освободит ресторан, клиент не будет обслуживаться. Павел возмутился: «Это моя сестра!» Из упрямства, он повел девицу в другой ресторан. Там подсели ее знакомые. Было весело. Один из компании стал «клеиться» к его подруге, в отношении которой у Павла были вполне определенные намерения. Он решительно отверг таких «друзей». Дело кончилось тем, что пришлось задержаться в столице Урала, не по своей воле, на недельку.

Сначала он зубами скрежетал от несправедливости и бессилия. Проклинал вся и всех. Потом успокоился и даже усмехнулся: сам виноват. Тогда он знал, что с позором, но через пять суток он поедет прямиком в Рязань к сестре, а тут — неизвестно, как, что и когда.

«Как чурбан с глазами, второй месяц валяюсь. Сон не идет — хоть глаза зашивай! И мысли дурацкие лезут...» — сокрушался он ночами.

Павел впервые оказался вот так, наедине, со своими мыслями и памятью. И удивился! Он как бы впервые, только здесь, обнаружил, что у него есть память и мозг, в котором каждую секунду возникают тысячи мыслей, — и их никуда не отгонишь, не затолкнешь обратно... Раньше он их не замечал и не ощущал, как, к примеру, не ощущал он своего сердца или дыхания...

А память у него есть, да, оказывается еще какая! Даже страшно иной раз становится: все до мельчайшей травиночки вспоминается, до самого последнего слова, радостного или гневливого...

«Где все только помещается?» — опасливо восхищался он.

Если бы все, что вспоминал Павел, виделось ему таким, каким оно казалось в момент свершения, он, собственно, ничего не имел бы против этих воспоминаний. Но, когда память начинала прокручивать многосерийный фильм про его житье, это ему не нравилось, фильм-то, оказывается, так себе, ни одной серии приличной, чтоб было повторить, а главный герой даже с его, Павла Крюкова, точки зрения, алкаш... бабник... рвач... Иван, не помнящий родства...

...После семилетки пошел он учеником слесаря на хлебозавод — до недавнего времени предприятие это было притягательное. По настоянию сестры поступил в вечернюю школу, но не проучился и четверти, и не потому, что тяжело было, а просто рассудил, что жить можно и с его грамотешкой, варила бы голова, да руки чтоб тем концом были вставлены. Аттестат зрелости к едрене фене, он и без него зрелый, соседка Роза обучила, за что и спасибо ей. Аттестат зрелости! Смехота... В классе, в вечерке, ученица одна

была, за пятьдесят бабке, а тоже аттестат подавай о зрелости! Вот и мы так!

Через три года завод надоел. Завербовался в Сибирь в леспромхоз. На тракториста выучился, неплохо зарабатывал. Но появились сейсмики, к ним переметнулся, показалось интереснее. Кончил курсы сменных мастеров. Стал мастером-водителем с доплатой за совмещение, неплохо выходило. И режим работы приглянулся: зиму вкалываешь, летом брюхо на югах греешь. «Чем не жисть? — ерничал он, — отпуск как у учителя, заработок как у протезиста...»

В этом году Витек, новый помощник, агитировал вместе на заочный поступить — отказался, если честно, замандражил, но хорохорился: «Мы работяги! Корочки нам ни к чему!»

«Ногу отымут — повкалываешь! — зло бросил теперешний Павел прежнему. — Сапожником разве? Вот—вот... Сам—то как дядя Гриша Попов сопьешься... Тому—то простительно, после войны... к безноготому-то и бабы не больно побегут... Раньше-то льнули... конечно, котора к деньгам, а котору и сам нахрапом брал, куда потом деваться, льнула...»

Ровно год назад он выезжал с профиля подремонтировать станок. Обрато дали ему отбуксировать балочек для дорожников. Выцыганив у кладовщицы бутылку спирта для профилактических целей при обмороживании, он в хорошем настроении выехал на профиль. Вместе с ним напросилась в отряд техник-геолог Света. Она работала первый год после техникума, была наивной до ужаса. Светленькая, высокая, стройная... Ее старшие подруги умилялись: «Мы считали, что на Сахалине все девки — оторви да брось, откуда ты такая выдалась?..» Света возмущенно фыркала: «Это у вас — на материке такие...»

— Здесь я ни разу на профиле не была, — доверительно сообщила она Павлу, когда они подходили к трактору. Он помог ей забраться в кабину, сел сам.

— Ну, держись, сорока-белобока! — подмигнул ей, отпуская сцепление, — сейчас на «петушке» как врежем, только держись!

До тех пор, пока трактор не забуксовал на крутом склоне оврага, никаких блудливых мыслей не приходило ему в голову. А тут — словно обожгло в груди, застучало в висках: «Попробую — ай и получится, восемнадцать-то, поди есть?..»

Он рвал трактор, яростно дергал балок, лихо крутился на месте, сползал юзом, чуть не опрокидываясь на бок у самой кромки оврага.

Чертыхаясь, напустился на Свету:

— Не зря баб на борт моряки не берут! Из-за тебя все, сколько раз тут запросто выбирался?.. — Потом мягче спросил: — Что де-

лать будем, сорока-белобока?.. Ладно, пойдем в балок, печку затопим, обогреемся, перекусим, а на сытое брюхо и думать будем, как жить дальше...

Холод, спирт и нахальство помогли Павлу...

Под утро Света потребовала отвезти ее на базу. Он отцепил балок, доставил ее в поселок и безо всяких угрызений совести помчался в отряд. «Нич-че! Не она первая, не она последняя... Плачет, а там и успокоится... Ежели что, тогда — конешна...»

«Где она сейчас?..» — вспомнил он Свету.

Когда он в тот раз вернулся на базу в апреле, ее уже не было, перевелась в другую партию...

И опять мелькают-то крупным планом, то наплывом, издали кадры кинохроники жизни Павла Крюкова. И поделаться с этим ничего он не может: ни остановить беззвучный проектор, ни оборвать бесконечную ленту...

Несмотря на душевное беспокойство, Павлу с каждым днем становилось легче: наступил перелом, закаленный организм брал свое.

Однажды днем, в тихий час, приснилось ему что-то из детства. Была у них привычка бегать по первому снегу босиком. Снится ему, будто играют они с Мишкой Гречневым в снежки, и попал ему снежок за шиворот... В ожидании скользкого холодного ручейка по ложбинке он сжался было, но вместо этого он ощутил приятный ветерок, словно бы молодыми, клейкими листочками запахло... «А-а... Троица завтра... Они с Ванькой Лизаровым на березах ветки ломают, гнезда вьют на гибких сучках... Сквозь ветви — солнечные блики, голубое небо... И прохладный ветерок — самовей...»

Когда он открыл глаза, худенькая девчушка лет пяти быстро отдернула от него руки и спрятала их в карманы малинового великоватого халатика. И только глаза, черные, немигучие, испуганно-радостные, не может оторвать от его глаз... пунцовый ротик открыт. И такая она прозрачная, будто не глаза у него, а рентген, аж косточки, кажется, просвечивают. «Уж не сон ли продолжается?.. Не Дашутка, сестренка ли это?..» Он провел ладонью по лицу, открыл глаза, а той и след простыл, по коридору рассыпался тихохонький захлебывающийся смех.

— Чудная!.. — усмехнулся Павел. — Пичужка малая... малиновка!

...Сколько ж ему тогда было? Да уж лет семь. Если не больше... На пустыре, в зарослях крапивы и конопли, обнаружил он однажды поразительной красоты пташку. Особенно заворожил его тревожно-нежный малиновый цвет ее грудки... Он долго, затаив ды-

хание, наблюдал за ней. Назвал ее малиновкой и никому не сказал о своем открытии. Он несколько раз приходил сюда и ждал, что она появится. Но она не появлялась. И осталось у него смутное, но глубоко запавшее в душу чувство ожидания встречи с чем-то необычайно красивым...

С тех пор так и повелось: тихо скрипнет дверь, появится плечико в малиновом халатике, прядки черных волос, один глаз — вишенка. Если встретиться с его взглядом, захлопнет она дверь и весело рассмеется. И так радостно-радостно, беззаботно, что и Павлу становится легко, непривычно встрепенется сердце, приятные щекотные мурашки побегут по коже...

Иногда он специально прикрывает ресницы и ждет, когда в дверях покажется чернявая головка. Убедившись, что он спит, «малиновка» подкрадывается к нему на цыпочках, затаив дыхание. Слышно, как она переводит дыхание, успокоившись. Ему не видно ее, он плотно сжал ресницы, но угадывает: вот она протягивает руки... сейчас пальчики—льдышки будут осторожно гладить вздувшиеся жилы на его руках, брови, и даже касаться ресниц... Если чуть приоткрыть в этот момент глаза, то их застит розовым светом, светом прозрачных пальчиков, по микрожилочкам которых пульсирует ее малиново-красная кровь... Временами она чуть слышно по комариному попискивает и что-то шепчет...

Он пробовал заговорить с ней, расспросить ее, молчит или убегает, смеясь хрипловато и радостно...

Павел мог бы разузнать о ней у медсестры или нянечки, но не захотел: боялся, что может оборваться таинственная паутиночка, связывающая «малиновку» и его, Павла Крюкова, если к ней прикоснутся посторонние.

Он догадывался, что, наверное, эта девчушка не знает отцовской ласки... или он похож на ее отца?..

...Ему было три года, когда погиб отец. Он помнит, как его друг не отходил от вернувшегося с фронта отца, при любой возможности старался коснуться его: перебирал волосатые пальцы, терся головой о его заросший подбородок, льнул к большому мускулистому телу...

Со временем Пашка свыкся с мыслью, что ему не придется рассчитывать на поддержку отцовских рук, и, наоборот, впрягаться в двойные гужи, чтобы продержаться в тяжелое послевоенное время.

Сейчас, глядя на девчушку, он как бы раздваивался на белобрысого Пашку-Крюка, втихаря скулящего от зависти к другу Мишке, и на матерого русоволосого мужчину Павла Крюкова, не знающего, куда приложить тяжелые сильные руки — руки, которые не стали еще ни для кого ласковыми отцовскими руками...

Он часто думал об этой пичужке, о ее родителях. Мать у нее есть, он слышал, как его «малиновка» несколько раз вскрикивала: «Мамуля! Я здесь!..» А отец?.. Ни разу не приходил. Может, служит в армии? Погиб или умер, чего в жизни не бывает?.. И разойтись могли... Сейчас это просто... А может..

Павлу стало жарко... Может, вроде меня?.. «Наше дело не рождать...» Железная логика! И появляются потом вот такие странные девчушки, для которых отцы погибают в мирное время! А?.. Как же так, Пашка? Для нее ведь не важно: фашисты тебя убили, душманы или венгры... или ты сам не объявился. Главное для нее — что нет отца! Хотя... нет, если бы погиб за правое дело, то она могла бы гордиться отцом... Он—то своим отцом — гордился! «...Погиб смертью храбрых в боях... за Родину!» Какой же я дурак...

От тоскливой, нахлынувшей на него злости на всех нехороших людей на свете Павел даже заскрипел зубами, в глазах зажгло...

Где-то сейчас Светка?.. Лопушонок беззащитный... Зинка как там? Эта не пропадет, кого-нибудь подцепила уже. С разноречивыми чувствами вспоминал он всех женщин, с которыми сталкивала его судьба на ночь, на неделю, на сезон... И ни одна ведь не пишет. Не разыскивает! Неужели все: с глаз долой — из сердца вон?.. Неужели уж я такой, что никому и не запал в душу? Ох, бабы-бабы! Гордые, видать, все: не прощают, чтоб простили, в ногах надо валяться да землю грызть...

И тут же щемящая жалость к своим подругам сменилась непонятным самому презрением: «Сучки... Правильно мамка говорила: «Сучка не захочет, кобель на заскочит»... По мордасам меня надо было хлестать, глаза царапать кобелю бесстыжему... может, и у меня жизнь другим раскладом легла бы...»

Наступил день, когда «малиновка» к нему не пришла... Не появилась и не второй, и на третий день — значит, выписалась...

Больничная жизнь стала невмоготу.

Через день его тоже выписали: уговаривать женщин Павел умел.

Рано утром, не дожидаясь автобуса, он направился в аэропорт. Идти было тяжело, кидало в пот. Переоценил он свои силы явно, но голосовать не стал: «Ништяк, разгуляюсь! Хоть с перекурами, доберусь!»

Утренний ветерок был резок и студен. Повернувшись спиной к нему, он увидел вдалеке здание больницы и сердце у него трепыхнулось: в окно одной из палат чуть пошевеливался... малиновый халатик. «Неужели «малиновка» вернулась?.. Померещилось, — понял он с разочарованием, — солнышко это. Вон встает оно, смутное, малиновое, к ветреной погоде... Ветер — пусть! Лишь бы не боковой, при боковом могут взлетную полосу закрыть...»

В аэропорту голосисто и звонко на разные голоса вскрикивали самолетные моторы, некоторые заполошно, как проспавшие деревенские петухи...

«Значит, улечу!.. Лететь, а куда лететь-то?.. Может?...»

Держась за неровные перила, неловко, боком, Павел стал подниматься по скрипучей лестнице каркасно-щелевого дома. На площадке второго этажа он остановился и перевел дух. Пахло подтаявшим выветренным мясом, квашенной капустой, и сквозь эти запахи пробивался тонкий волнующий запах талой воды, за окном или на чердаке позванивала капель...

На площадку выходили три двери без номеров. Так и не успокоив дыхание, он торкнулся в среднюю дверь наугад. Она оказалась незапертой...

Постучав о косяк тростью, он громко спросил (вышло хрипло и чуть слышно):

— Можно?.. — и, не дождавшись ответа, вошел в крохотную чистенькую прихожую.

Дверь из комнаты растворилась, и в проеме, в потоках света, обозначился только темный силуэт женщины.

— Здравствуйте, вам кого? — спросила она дружелюбно.

Павел хотел произнести заученные слова, но замешкался. Пока он собирал разбежавшиеся нужные слова, рядом с первым силуэтом возник второй — хрупкая его копия...

— Вам кого? — повторила женщина. — Что ж вы молчите? Кто вы?

Слова по-прежнему не приходили, они сгрудились в горле, щекотались, стучались клювиками, расправляли крылышки и вот-вот должны были выпорхнуть, словно стая малиновок...

Но прежде, чем он решился говорить, раздался знакомый до боли хриловатый шепот?

— Мама, ему меня надо, я знаю... Я тебе говорила, что сперва я его нашла, а потом он найдет... Вот он и нашел меня... Правда?

Побочные промыслы

Буровицкая работа тяжелая. За вахту так ухайдакаешься, что даже есть не хочется, одно желание: добраться до своей постели и спать. Но это поначалу. А втянешься, и на сон времени хватит, и не еду, и еще останется на досуг!

Чем его занять, свободное от работы время? Почитать книжку? Сыграть в картишки, в нарды, в шашки, в шахматы? Порыбачить,

на охоту сходить, на лыжах пробежаться, ягоды, грибы пособи- рать? Или просто побродить по тайге бесцельно и бездумно? По- рукодельничать, сетку, туесок из бересты смастерить, фигурку вырезать из капа, сплести из тальника корзинку? Заняться эпис- толярным творчеством? А, может, стихи писать?

И, конечно, всем этим буровики занимаются! Все зависит от времени года, места расположения буровой, от погоды, от соста- ва буровых бригад, от поветрий на увлечения... И от того, какой нынче год, есть на буровой телевизор или еще нет.

Вместе с тем встречаются и как бы «штучные» увлечения, ко- торые сродни побочному промыслу.

Это не только заядлые рыбаки и охотники, шишкарки и ягод- ники, грибники и рукодельники, они — явление заурядное и мно- гочисленное. В северных бригадах, если поблизости рыбная река или озеро, на каждой буровой две коптильни для горячего и хо- лодного копчения. Рядом кедрачи, и в урожайный год — само- дельные шишкодробилки и грохоты. Грибные места — радиаторы электростанций-«полячек» увешаны связками и гирляндами крас- ноголовиков, обабков, моховиков, а то и боровиков. А клюквен- ное болото недалече — только самый ленивый не наберет ведерко другое глянцево-карминной ягоды!

Но есть еще и другие промысловики!

В 1976 году, первыми в Приобье, получили мы для испытания новый химреагент для обработки бурового раствора, на основе кремнийорганической жидкости, — ГКЖ. В нашем отраслевом институте, расписывая преимущества нового реагента, знакомые мне сотрудники шепнули об одном его существенном недостатке: в реагенте, наряду со щелочью и другими вредными компонента- ми, содержится этиловый спирт, причем, в некоторых партиях — весьма в значительных количествах!

В инструкции по безопасному применению реагента, говоря о его составе, про этиловый спирт я не упомянул, спрятав его хит- роумно в другие компоненты химического производства.

Творческая массовая работа в нашей экспедиции была на вы- соте, за массовость, экономический эффект и прочие показатели рационализаторской работы, мы в этом виде соцсоревнования регулярно занимали призовые места. «Творчески» подошли буро- вики и к ГКЖ, стали обрабатывать (они называли этот процесс смачно «квасить») реагентом помимо раствора сначала брезенто- вые верхонки, потом плащи, накидки, тенты и даже маленькие охотничьи палатки... Вещи, обработанные ГКЖ, приобрели во- доотталкивающие свойства (как китайские плащи моих студен- ческих времен). «Потери небольшие, а польза явная, не промок-

нут люди — не заболеют!» — одобрял я смекалистых буровиков. И был уверен, что про этиловый спирт они не знают! И только через несколько лет понял, что наивно заблуждался.

— В-виктор Н-николаич! Да еж-ж-жу ж ясно было про спирт в ГКЖ! — удивлялся потом моей «неосведомленности» Витя В., в то время молодой специалист, работавший некоторое время помбуром. — Добавишь его в глиномес, пар пустишь и б-балдеешь, никакого вина не надо! Как же н-не дотумкаться до ви-винокурни? П-плохо о на-ас думаете!

И Толик А., работавший технологом в другой экспедиции, подтвердил:

— Гнали спирт из ГКЖ! Но мы по—культурному, лабораторно с помощью прибора Дина-Старка. На выходе продукт вполне пригодный для употребления: горит, сушит и обжигает! Но... вкус, знаете ли, того — «спесфисский». Мы как-то с Сашей Ч. перегнали малую толику спирта, а Ефимычу посылку передали с самогоном и салом. Произвели бартерную сделку... Так знаете, самогон приятственнее все же!

Один год гадюк по приболотьям было много. Упоминавшийся Ефимыч страдал экземой рук. Все перепробовал, ничего не помогало. Кто-то посоветовал испробовать для мази змеиный жир... Томил гадюку Ефимыч в водяной бане, аж до выкипания воды, поджарилась гадюка, а жиру ни капли не дала! Расстроился Ефимыч: «Блудливая, видно, гадюка оказалась! Исползалась, гадина!» И бросил остатки в костер.

Однажды на Лесной площади, в летной с Западной Украины буровой бригаде, услышал я странный разговор на «мове» и, как говорится, по контексту понял, что речь шла о заготовке дров и перегонке чего-то. Вели его три степенных пожилых помбура вполголоса, заговорщически зыря по сторонам. Помятуя о конфузе с ГКЖ, я взял этих «химиков» на заметку и не зря, сразу после ужина они подались в дальний угол вертолетки, и вскоре над вывалом закурился синенький дымок... Свои подозрения я высказал буровому мастеру, невысокому, крепенькому, как дубовый бочоночек, казаку. Поглаживая жиденькие, но по—запорожски вислые усы, Тимофеич засмеялся:

— Та ни... мои хлопцы на буровой не потребляют, Боже упаси! Цэ из бересты гонят деготь! Во, бачьте! — он вынул из ларя в прихожей культбудки бутылку с черной, остро пахнущей, текучей как нефть жидкостью. — Во! Прекраснейшая, скажу вам, добавка к ДЭТе, намажешься — на весь день хватает. Не только комар, мош-кара боится смеси Дэты с дегтем! Я вам зараз подарю трошки... — И наполнил дегтем пузырек из-под ДЭТы.

В другой бригаде, на другой площади, но тоже пожилые мужики, аналогично, из лапника и пихтовой хвои гнали пихтовое масло. Понаблюдал я и за ними, трудоемкое дело! За мешок лапника они «отвалили» мне пузыречек из-под йода пихтового лечебного масла. Работали они неторопко, как впрочем, и на буровой, но обстоятельно: следили за топкой, а уходя, огонь гасили тщательно.

... О побочных «промыслах» буровиков напоминают мне сейчас «изваянное» из кедра скуластое лицо славянина и «трошки» дегтя, сохранившегося в склянке из-под ДЭТы. Всего капельку дегтя добавишь в ДЭТу и будь уверен: гнус облетит тебя стороной! Конечно, будешь и сам припахивать остро, горьковато, как дымок березового костра.

... О моем побочном «промысле» напоминает стопа не разобранных еще самодельных записных книжек...

Красивы женщины везде

*Эти гордые лбы винчианских мадонн
Я встречал не однажды у русских*

крестьянок...

Дм. Кедрин

«Октябрь уж наступил... уж роща отряхает...»

А ведь и в самом деле: октябрь уж наступил! 7 октября... Да! Бывшая знаменательная дата... «БэЗэДэ»! (Что делать: привыкли к аббревиатурам!). Бывшая брежневская — единодушно и всенародно — принятая. После обсуждения и внесения поправок. Конституция, в которой народ признался в вечной любви к КПСС. «Она навеки нам дана!» Как жена. Как муж. Как генерал Татьяне. На другие — не взгляни. Хорошего слова — не скажи. Если не про КПСС.

«Октябрь уж наступил...» Какая красота вокруг! А красота — она мир перестроит... Только не надо касаться ее руками и языком — только глазами, слухом, сердцем, душой!

Октябрь уж наступил: погода испортилась на глазах.

Может, зря я ушел: дома так тепло, светло, уютно...

Здесь: мрачно, прохладно, моросно...

Раскрыл громадный черный зонт. Застегнул куртку на замок. Сел на скамью у обрыва...

Прямо — мрачная Мега. Тусклая, цвета умбры, вода. Тальники, сора, подсвеченные издали промышленными огнями Вартовска. Слева — почти то же самое, со звуковым сопровождением автострады. Зато справа...

Справа подмываются не только посаженные когда-то геологами березы, не только модель буровой вышки и ограда, — справа подмывается весь смысл моей жизни. Да и только ли моей?

Двадцать лет назад мы из Сургута — с «графика» — рано утром пришли на катере, поднялись по длиннющей деревянной лестнице... До конторы Мегионской экспедиции от обрыва — целое футбольное поле! Степан Каталкин шел вразвалочку, Модест Синюткин — глядя в землю, грузно, отдышливо — Афанасий Бондарь, характерной походкой капитан катера Дмитрич... Иных уж нет, другие далече... Сменилось поколение!

Идеология меняется! Как там было? Богостроительство... Долой стыд! И красоты — долой? Дан приказ! Сын за отца не отвечает!

Октябрь уж наступил...

Мой взгляд все это время — прямо, влево, вправо, не оборачиваясь назад на город, — скользил по горизонту. Поэтому и весь мир я воспринимал в удалении, масштабно, в общем виде... И красота его или серость воспринимались вообще: как будто я был у основания первородного хаоса, из которого мне необходимо сотворить что-то конкретное: яблоню, змия, женщину... Сотворить ли мужчину другого или ограничиться тем, что уж есть, — мной? Начать новую жизнь или ограничиться той, в которой — я и осень?!

Взгляд мой устал витать по облакам и горизонтам и опустился долу — к урезу Меги...

Опускаясь долу, прежде, чем взгляд запечатлел урез маслянистой Меги и поедаемого ею берега, я увидел пред собою речное судно типа «Костромич»...

«Сик транзит глория мунди!»

Свинцово-радужно и равнодушно плюхалась у глинистого берега вода. Не оборачиваясь, я чувствовал, как угнетающе нависла надо мной громадная темь стоящего за спиной города — вдали, и рядом — нависшей надо мной березы, ограды и неигрушечных размеров модели вышки, готовых в любую минуту обрушиться — как перестройка! — на меня...

Ощущение — будто читаю впервые Александра Грина: символические даты, цифры, атмосфера, предчувствие неотвратимого...

— Подать трап! — сказал я появившемуся на палубе «Костромича» человеку в партикулярном платье. И спокойно поднялся

на палубу, когда он опустил узкий вихляющий трап, как будто это было давно обговорено. — Мне надо взглянуть на Мегион с нескольких ракурсов: с Меги и Оби. Хочу знать — что видели те, кто в Мегион приезжали по воде...

Берег высился черной стеною. Над ним, разновысокими столбами, горной грядой, вставали девятиэтажки. Между ними волосяными лесками силовые и телефонные кабели. Кошачьими взблесками ранние люстры.

Капитан назвался Ильей...

Без колебания он запустил дизель (мое: «Один-то справишься ли?» — пропустил мимо ушей), вышел на стрезень и стал выполнять мои просьбы: стоповать машину, держать катер на месте, менять диспозицию... И даже позировать!

Я понял, что он махнул рукой на все, принял происходящее как провидение. Молча крутился в рубке, сбегал в машинное отделение, следил за мной, слушал мои сентенции и отвечал на конкретные вопросы.

...Он — Илья Анатольевич Бельмесов. Родился под знаком Девы в 1973 году в поселке Покур...

Вот оно в чем дело: Покур! Впервые в Покуре я был в феврале 1962 года! В Покуре тогда базировалась сейсмопартия Владимира Кочнева. В отряде Александра Беляева я бывал со своим «изобретением»: погружателем зарядов в скважины. Потом с механиком Мациевским на ГАЗ-47 мы ехали по оленьим дорогам в Старо—Вартовск... Синим мартовским днем я впервые был в Мегионе, ночевал у однокашника Зеравшана Абдуллина, снимавшего койку в горнице одного из деревянных домиков на берегу Меги под кедрами.

В записной книжке тех лет — только даты и фамилии, номера буровых и названия населенных пунктов... Радиограммно-краткие строки. В памяти расплывчато-акварельная сумять, приглушенно затихающая, осенней аранжировки сумятица голосов и шорохов...

Патриархально-сибирское село — Покур-62. Санная дорога посреди улицы. Обочь — клочья сена. Эскалаторными ступеньками — межполозная выбоень. Витые батоны лошадиных пекарен. Небрежные коровьи лепехи. И весенний галдеж воробыных торговых инспекций... Среди всего этого переливчатый голос, изумрудный взгляд и серебряный смех!

Покур, Покур...

Как глухо и сухо звучишь ты сейчас! Где они, те звуковые волны, которые сотрясали твой морозный воздух в 62-м году?

Покур, Покур! Не виноват ли я, что этих звуковых волн, серебристо стучавшихся мне и всем-всем в уши и души, стало меньше? Я виноват или вся наша свыше определенная судьба, наша и нашей родины?

Недавно плывал я на «Заре» в Покур за грибами на «куст»... На обратном пути, в ожидании теплохода, прошелся по Покуру. За осевшими палисадниками, рядом с некоторыми, гаражи появились, смех девичий слышится тоже. Но это — другой смех! Время огрубило и опрагматило девичий смех. В нем больше сарказма и иронии, нежели прежней радости бытия и насмешки над обыденностью. Нет, скорее дело в желании услышать то, что осталось только в памяти! Или — в мечтах.

Илья на вид мрачный. Немногословен.

Лицо у него продолговатое, поморского типа. Он смугловат, но это скорее от солнца и ветра. Небольшой рот. Улыбка сдержанная, полная достоинства — капитанская улыбка.

Хотя сам Илья — покурец по рождению, корни родовые пермяцкие. То есть предуральские, прикамские. (Может, ермаковские. В Сибирь, в Югорию, казаки без женок, чать, шли! То-то у потомков сибирских казаков и овалы лица, и разрезы глаз на особинку!)

Свет увидел Илья и себя, осознал в мире как обижаемое и обижающее существо, зависимое и могущественное — Илюшкой и Ильей! — в тихом Покуре.

Ходил в детсад, ел манную кашу и строганину, патанку и невзбитую икру, хрустел огурчиками и «корешками»... Рыбачил, шишковал, собирал грибы, ягоды... Плавал на обласе, на моторке... В дозволенной совестию мере браконьерничал, ощущал отдачу приклада, радовался мягко-тяжелому, шмякающему столкновению падающей дичи с землей. Познал тяжесть уловистой сетки и легкую радость удочки при поклевке...

Не чурался занимательной книги, гипнотизирующих чар музыки и конвульсий ритуального ритма. Испробовал горький туман наркотика, обжигающий ток спирта. Не так много времени понадобилось, чтобы все соблазны века, известные со страниц СМИ, телеэкранов, из динамиков кассетников и плееров докатились до Покура, оказавшегося в окружении «кустов» и ДНС и обслуживающего их «вахтового» персонала еще со времен СССР.

После школы — куда еще как не в Нижневартовск! Техучилище № 41.

Поступил. В марте 1991 года у Ильи Анатольевича Бельмесова уже были «корочки» оператора по добыче нефти и газа.

И стал он работать оператором на Ватинском месторождении...

(Ватинская площадь... Структура, до того как станет месторождением, пребывает «площадью»! Так вот, эта Ватинская площадь запомнилась мне в 62-м году своими тальниками, поймами, сорами, круговертью тракторных следов возле прямолинейных профилей, где работали Саша Беляев и его напарник и тезка — Калинин.)

Только разработался Илья оператором, повестка из военкомата, призыв! Армия!

Все же есть нечто в этом слове — призыв. Обязательная пригодность к службе в армии и сама служба — это как бы подтверждение обязательности и способности служения идеалам, обществу, стране, Отчизне и — родным и близким — что ты мужчина, защитник, воин!

Что ни говорите: красавец-раскрасавец, удалец-молодец, а если не пригоден к армейской службе, то — в мирное время! — когда никогда, даже самая непривередливая женка — а найдет повод попрекнуть такого мужа: притулившимся у бабьего подола назовет.

Илье это не грозит: отслужил свое!

Учебка — в Ярославле. Служба — на Дальнем Востоке. В самых что ни на есть знаменитых городах-приамурцах: Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре.

Не удержался я, спросил: не было ль дедовщины? Ведь поглядишь, послушаешь СМИ: не армия у нас, а сплошная «зэка» со своими паханами, шестерками, петухами и прочими неуставными званьями. Поэтому я всех своих молодых знакомцев спрашиваю — насчет дедовщины.

— Нет, — сказал Илья. — Чего не было, того не было! Служили дружно. Честно. Общались по-товарищески. С земляками — побратски! Не-ет! Дружба была — армейская! Надо послужить, чтобы узнать: что это такое! Ни унижений, ни заискивания. Да и вообще: про дедовщину — болтают больше. Кому выгодно. Как говорят: на воре и шапка горит.

Между тем вышли на то место, где Мега и Обская Мега свивают свои пряди в один стрежень. Дул паветер, бурун после кормы захлебывался, дробился, превращался в паволну. На палубе стоять было невозможно, я спрятался за рубку, в заустенье.

— Это разве падера! — Илья открыл термос с кофе. — Вот когда сосульки нарастают, такие вот: вкривь и вкось, а на лице — ледяная корка, вот тогда — падера!

После армии вернулся Илья в Покур. Вновь стал работать оператором. А что? Там ведь, под землей, тоже море: нефтяное!

Работал бы Илья по сию пору оператором, да уговорил его знакомый капитан Николай Тимофеев: стать мариманом!

Мне кажется, уговорить стать «мариманом» невозможно, если нет к этому генетического предрасположения... И в самом деле: настоящий покурец испокон — или рыбак, или судоходец! По крови он — романтик и оптимист! По суше и воде — землепроходец. Не бедокур, а жизнеустроитель.

Основательность человека, его жизнеустроительность, его порядочность я определял с детства по его отношению к женщине: любого возраста, национальности, общественного ранга... Хам — к нищенке, к аристократке, несмотря на его сбрасыванье «куклы» и распрекрасные после этого крылышки, останется хамом, несмотря на его пассажи перед ней.

— Илья, ты женат?

— Нет, не женат.

У основания «игрека», который образовали Мега и Обская Мега, мы развернулись. И, против течения! За нами взвился бурн.

В тучах, на западе, словно из невзрачной дыни желтую дольку острым ножом вынули, прорез показался, и оттуда золотым соком — струями! — брызнуло солнце!

Эх, плыть и плыть навстречу свету!

Нет! Нельзя!

Есть чувство долга.

Оно — в малом.

16 румбов.

Сер и грозен — Север.

Черный размах берега. Темный, с золотинками, каменный пояс города.

Темно-синее, серое в своей синеве, мрачное небо.

— Илья! Давай, навстречу солнцу! Ну и пусть: на запад! Сейчас все стороны нам открыты.

Илья молчит. Он — капитан. У него свои планы. (Я сник! Сделал фотоснимки, которые жаждал сделать много лет. И сейчас отдыхал рядом с капитаном — будто с соблазненной в юности женщиной...)

— Илья! — продолжаю я разговор. — Годы—то — семью пора! Все выбираешь? Сына бы... Или дочку?..

Молчит Илья. В обскую обстановку устремлен его взор: мари-ман!

Закончив разворот на стрежне, оставив безнадзорным штурвал, Илья ныряет в машинное отделение, делает многократные перегазовки и, возвратившись, отвечает:

— Нет! Не женат. Все как-то...

Ах, Илья — Илья... Или Покур уж не тот?.. Какие были тогда девушки!

Где-то в топких болотах

база партии вашей...

Самые красивые женщины — в Сибири!

Илья, здесь ищи жену свою!

Поверь: за свою жизнь я много поездил! И — прости! — первым делом смотрел не на памятники старины и прочее, а какие в этих краях они, совратительницы и вдохновительницы! В Москве — да, кра-асивейшие женщины! Спасибо царям: со всей земли свозили на смотрины «царской невесты» красавиц, нынешние конкурсы «мисс» — жалкие подобица царских смотрин!

А Сибирь — это естественная, противоборческая, боголюбческая, любвепроверочная страна... Соответственно — страна прекрасных женщин!

Молчит Илья...

Орудует рычагом реверса, штурвалом: поставил нос катера в ту же выбоину в суглинистом берегу, где он был час назад. И, заглушив двигатель, через некоторое время возразил мне:

— Я с вами не согласен! Женщины — красивы везде! Просто — кому как! Вам, к примеру, одне нравятся. Мне — другие! Вам красивы — те, а мне, простите, — другие!

И — спустил трап...

Забыв свой огромный зонт, я спустился по трапу на подножие высокого суглинистого берега...

...Тому, кто как бы вырезал из нашей серой дыни узенький ломтик, проба, видимо, пришлась по вкусу, он принялся за ломтик пошире и подлинней, так, что внутрь нашей осенне-мрачной дыни хлынул поток солнечного света и, остатняя мякоть ее наполни-

лась медовой желтизной и сладью так, что и сладкий и отчаянный страх появился: как бы и тебя не вытащили из этого тягучего мрака куда-то далеко в светлые библейские выси. Туда — где женщины красивы, как в Покуре и в Мегионе.

— Хотя женщины, — противореча мне, сказал Илья, — **КРАСИВЫ ВЕЗДЕ!**

...Я согласен с тобою, Илья!

Женщины становятся еще красивее, когда их любят мужчины!

Любимая женщина — красива всегда!

Содержание

Здравствуй, сосед	4
Ненашев — нашенский сосед	5
По рождению — рыночник, по жизни — работяга	11
Нижнеянская казначейша, или «в сердце только май»	16
Валентин Кадеев из рода долгожителей	23
Я сам такой... ..	30
Однажды и навсегда	38
Багряный георгин	39
Глуби и выси	45
Наша жизнь — дорога	56
Оттуда все — из детства... ..	64
Мир тесен	75
И все же главное в жизни — семья	86
Проблемы все же есть... ..	95
Надо делать так — чтоб всем хорошо!	100
Я не забыла вас, ребята... ..	105
Секреты пайки	111
На земле мы тоскуем о небе	115
Претерпевший же до конца спасется	126
Отцы Мегион-града	133
У колыбели Мегион-града	134
День начинается с рассвета	152
Мы все здесь — нефтяники	168
Мегионское вдохновение	178
Интродукция к «Вдохновению»	179
На палитре — сияние Севера	206
Тайна белого цвета	221
Елена — дочь Валентина и Валентины	223

Все музы — сестры.....	225
В начале пути	228
Не хочу легкой жизни.....	230
Наигрыши на заре	236
Хризантемы долго будут цвести... ..	244
Танцуй — и грех уныния изыйдет	249
Мажорная доминанта	254
На всю ступню	259
Не собирайте себе сокровищ на земле	265
Две ипостаси человека	266
Не собирайте себе сокровищ на земле... ..	273
Мегионские этюды	281
Полчаса у «Алеши»	282
Кольца жизни	284
Белочка с пригревочка	287
Подстраховка	289
Гармония живая	291
Широта души	292
Воздушная подушка	293
Подконтрольный рейс	294
Традицию — не нарушай	298
Оставь в покое а-ка-эм... ..	301
Гусар	306
Казак Пацюк	313
Малиновка	321
Побочные промыслы	330
Красивы женщины везде	333

Козлов В.Н.

К 59 Мегионцы — это мы: Очерки, эссе, стихи. Книга в т о -
рая. — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во. Новое вре-
мя, 2000. — 344 с., ил.

ISBN 5-7450-0466-5

1000 экз.

Вторая книга Виктора Козлова «Мегионцы — это мы» органически продолжает тему предыдущей. Автор подчеркнуто развивает идею о важности и закономерности неразрывной связи времен и поколений в жизни человека.

Герои очерков, эссе и стихов — известные всей стране первооткрыватели нефтяных и газовых месторождений и незаметные на первый взгляд труженики севера — выписаны с огромной симпатией.

ББК 63.3(2)

Козлов Виктор Николаевич

Мегионцы — это мы
Очерки, эссе, стихи
Книга вторая

075255001
Мегион ЦБ-КО

Редактор Г.В.Иванов

Оформление и компьютерная верстка А.Ф. Агзамов

Фотоиллюстрации А.Пашук

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 066 595, выдана
19 мая 1999 г.

Подписано в печать 15.03.2000. Формат 84×108/32. Печать офсет-
ная. Бумага офсетная №1. Усл. печ. л. 18,06. Уч. изд. л. 20,4.
Тираж 1000 экз. Заказ 1572.

ООО «Средне-Уральское книжное издательство. Новое время»,
Екатеринбург, Декабристов, 67

Отпечатано в ГОУП "Асбестовская типография"
624260, Свердловская область, г. Асбест, ул. Садовая, 5

15 р 00к

Средне-Уральское
книжное издательство.
Новое время
Екатеринбург
2000